

ДЮК ДЕ РИШЕЛЬЁ

Екатерина
Глаголева

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Арман Эммануэль дю Плесси, 5-й герцог де Ришельё (1766–1822), получил в России имя Эммануил Осипович и был запечатлен в бронзе как Дюк. Прапраправнучатый племянник знаменитого кардинала и внук маршала вынужден был покинуть родину во время революционных потрясений, добровольцем участвовал в кровопролитном штурме турецкой крепости Измаил, 24 года верно служил «приемному отечеству» — России, на посту генерал-губернатора боролся с косностью, невежеством и мздоимством, чтобы на месте захудалого поселка вырос цветущий город Одесса. Возвратившись в разоренную Францию, он в качестве главы правительства вел изматывающие кабинетные сражения за независимость и благосостояние страны, но не превратился в царедворца и остался «чужим среди своих». Его безграничная способность любить была вынуждена ютиться на краешке мечты о личном счастье. Российский император Александр I назвал Дюка единственным другом, говорившим ему истину, а английский герцог Веллингтон считал, что «слово Ришельё стоит трактата». Он с честью носил родовое имя и занял достойное место в истории Франции, России и Украины.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Екатерина Глаголева](#)
 -
 -
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Родословная](#)
 - [Учение и свет](#)
 - [Смутное время](#)
 - [Глава вторая](#)

- [illegible]

-
-
-
-
-

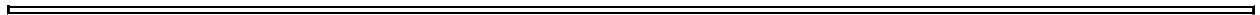
- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [INFO](#)
- [СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
- [ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ:](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)

- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)

- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1773

(1573)

Екатерина Глаголева

ДЮК ДЕ РИШЕЛЬЁ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Глаголева Е. В., 2016

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2016

Едва ли история знает человека, о котором все источники отзывались бы с таким единодушным одобрением... Сплошная похвала, воздаваемая и русскими, и иностранцами деятельности Ришельё, удивляет каждого... В его деятельности нет возможности указать ни одной темной точки.

Из книги «Столетие Одессы». 1894 год

ПРОЛОГ

Дождь, ливший всю ночь, к утру наконец унялся; в свежавшемся ясном небе ярко сияло солнце, дурмяно пахла нагретая им влажная трава, а акации и каштаны, отрясая капли с сочно-зеленой листвы, словно раздумывали, не расцвести ли им сегодня. Ведь нынче праздник. Вот затрезвонили колокола после литургии, отслуженной в Спасо-Преображенском соборе, и нарядно одетые одесситы устремились толпой вслед за новороссийским генерал-губернатором Михаилом Семеновичем Воронцовым и «отцами города» по центральным улицам на Николаевский бульвар. В конце его, на площади у крутого спуска к морю, откуда открывался вид на одесский порт, стоял пока еще завешенный покрывалом памятник, огороженный решеткой, на углах которой развевались флаги России, Англии, Франции и Австрии. Со стороны спуска перед ним выстроился батальон Уфимского пехотного полка, по другую сторону стояли воспитанники и учителя Ришельевского лицея. А дальше во все стороны расплескалось пестрое, колышущееся море людей.

Было 22 апреля 1828 года. Памятник накануне доставили из Санкт-Петербурга. Этого дня ждали давно, почти шесть лет. Произнеся небольшую речь, генерал-губернатор дернул за шнур, покров упал, открыв статую в римской тоге, и тотчас грянули пушечные залпы со стоявших в гавани кораблей. Латунная плита на одной из сторон гранитного постамента гласила: «Герцогу Иммануилу де Ришелье^[1], управлявшему с 1803 по 1814 год Новороссийским краем и положившему основание благосостояния Одессы, благодарные к незабвенным его трудам жители всех сословий».

В толпе, разглядывающей памятник, было много людей, лично знавших герцога. С каким чувством они смотрели на бронзовую фигуру? Таким ли помнили его бывшие ученики Коммерческой гимназии, которых Дюк в качестве поощрения за прилежание и примерное поведение брал по воскресеньям с собой на прогулку по городу, или жители окрестных хуторов, с которыми он беседовал о насаждении деревьев и присылал им саженцы? Прошло уже 14 лет, как он уехал навсегда... Или всего четырнадцать? 65-летний граф Александр Федорович Ланжерон, исполнявший обязанности градоначальника после отъезда во Францию своего давнего друга, помнил его совсем молодым, рубящимся с турками на крепостном валу Измаила... Французский купец Шарль Сикар,

обосновавшийся в Одессе, не мог забыть молодого подтянутого генерала в очень шедшем ему мундире, которого впервые увидел в Карантине и который советовал по всем вопросам обращаться непосредственно к нему... Осип Рено, сын коммерции советника Жана Рено, построившего первую в Одессе бальную залу, видел, будто наяву, стройную фигуру, раскланивающуюся с дамами, кудри с проседью, обрамляющие молодое лицо с черными бровями и темно-кариими, чуть навывкате, глазами, которые могли лучиться улыбкой, а могли метать молнии. Бывший адъютант и секретарь Дюка Иван Александрович Стемповский, сопровождавший его во Францию, помнил эти же глаза, полные боли и отчаяния...

Печальная весть о смерти герцога достигла Одессы в июне 1822 года. Город сразу погрузился в траур: театры закрылись, все развлекательные мероприятия были отменены. По призыву графа Ланжерона начался сбор средств на сооружение памятника Дюку, который было решено поставить над морем, на месте бывших казарм. Подписные листы распространялись не только среди дворянства и купечества, но и среди простых обывателей, рабочих мукомольных заводов, портовых грузчиков, причем как в самой Одессе, так и по всей Новороссии. Председателем комитета по сбору средств стал новый одесский градоначальник граф Гурьев, комиссию по сооружению памятника возглавил Стемповский. В журнале заседаний Одесского строительного комитета 20 декабря 1822 года появилась запись: «За переплет четырех книг для записки в них приношений на сооружение памятника покойному Дюку Де Ришелье по приказанию Его Сиятельства графа Александра Дмитриевича Гурьева уплачено переплетчику Ароновичу семнадцать рублей^[2]». К осени 1823 года уже было собрано 40 тысяч рублей. Получив именное разрешение императора Александра I на установку памятника, горожане обратились к престарелому скульптору Ивану Петровичу Мартосу (1754–1835), прославленному автору памятника Минину и Пожарскому в Москве на Красной площади. 15 тысяч рублей мастер должен был получить сразу, еще 20 тысяч — когда будут готовы модель и формы, остальные пять тысяч — по завершении всей работы.

В феврале 1824 года Мартос прислал в Одессу эскиз памятника в стиле классицизма со своим пояснением: «Фигура герцога Ришелье изображена в моменте шествующем...» Правой, изящно изогнутой рукой статуя будто указывала на море; в левой, опущенной, держала свиток; на левом бедре, в складках тоги, висел короткий римский меч: герцог был не только устроителем земель и мудрым правителем, но и отважным воином. Архитекторами стали Авраам Мельников, изготовивший гранитный постамент, и Франческо Боффо (последний позже построил Потемкинскую

лестницу, которая изначально называлась лестницей Николаевского бульвара, а потом Ришельевской). Бронзовый памятник был отлит петербургским мастером Ефимовым. Розовый гранитный пьедестал (материал для него был подарен херсонским помещиком Скаронинским и привезен из-под Вознесенска) украсили четыре латунными досками: с надписью и с изображениями покровителя торговли Меркурия, богини плодородия Цереры, символа правосудия Феиды (в отличие от традиционных изображений, без повязки на глазах).

Герцог до последнего вздоха стремился вернуться в «свою Одессу», но внезапная смерть спутала его планы. И вот теперь он всё-таки возвратился — бронзовым. Во Франции к тому времени «последний Ришельё» был благополучно забыт, о нем помнили одни лишь ближайшие родственники и оставшиеся в живых друзья. После его смерти сменились и король, и партии в парламенте, в стране безработица, недород... Семь лет его отчаянной борьбы за возрождение былого величия и национальное примирение в «природном отечестве» промелькнули почти бесследно, но два десятка лет, отданных беззаветному служению «приемному отечеству», из которых более половины — Одессе и Южной России, заслужили ему непреходящую любовь и вечную светлую память.

Глава первая

ГРАФ ДЕ ШИНОН

Один обладает всеми моими пороками и ни одной из добродетелей, а у другого есть все мои достоинства и ни одного из моих недостатков.

Маршал де Ришельё о своих сыне и внуке

Родословная

Жан Виньеро был простым дворянином, однако удачно женился, заключив брачный союз с Югеттой де Ларош, госпожой де Пон, в приходе Курле. Отныне Виньеро именовались господами де Пон-ан-Курле, а это звучало куда более выигранно, особенно в XV веке. Однако потребовались усилия целых трех поколений, чтобы подняться на следующую ступеньку в социальной иерархии. Правнук Жана Рене де Виньеро решил послужить Генриху Наваррскому — и не прогадал. Король Наварры стал королем Франции под именем Генрих IV, наградив своего верного слугу чином ключника. Золотых гор это не принесло, зато Рене оказался при дворе и в 1603 году женился на вдове Франсуазе дю Плесси, которая приходилась дочерью покойному Франсуа дю Плесси де Ришельё, кавалеру королевских орденов, отпрыску аристократического рода из Пуату, и родной сестрой Арману Жану дю Плесси де Ришельё — ему тогда исполнилось 18 лет, и он только что был рукоположен в сан и вскоре стал епископом Люсонским. В 1610 году Генрих IV погиб, сраженный кинжалом убийцы, и королем стал его девятилетний сын Людовик XIII. Впрочем, истинная власть находилась тогда у вдовствующей королевы Марии Медичи и ее фаворитов супругов Кончини. Умный молодой епископ Люсонский сумел снискать благосклонность королевы... и это чуть не погубило его после дворцового переворота в апреле 1617 года, когда Кончини был убит, Мария Медичи отправилась в изгнание в Блуа, а юный король стал править на самом деле. Опала Ришельё коснулась и его ближайших родственников, в том числе дю Пон-Курле (так со временем стала писаться фамилия). Старший брат Армана Жана, Анри де Ришельё, овдовел и потерял новорожденного сына, а позже был убит на дуэли, и род Ришельё пресекся (средний брат Альфонс был монахом). Однако проницательный и волевой епископ Люсонский постепенно завоевал доверие короля (в результате Мария Медичи перешла в стан его врагов), сделался кардиналом де Ришельё, главным министром, герцогом и пэром. По его просьбе Людовик XIII наделил его племянника Франсуа де Виньеро титулом маркиза дю Пон-Курле и должностью главного смотрителя королевских галер, а племянницу Мари Мадлен, в замужестве госпожу де Комбале, сделал герцогиней д'Эгийон. В 1642 году кардинал-герцог скончался, объявив своим наследником старшего сына маркиза дю Пон-Курле Армана Жана де Виньеро (1629–1715), к которому должны были перейти герцогства Ришельё и Фронсак при условии, что он

примет имя и герб Ришельё. (Его младший брат, Жан Батист де Виньеро, в том году только появился на свет; он умер в 1661 году.)

Молодому Виньеро дю Плесси было всего 17 лет, когда умер его отец и на него свалились наследство в 20 миллионов ливров плюс должности губернатора Гавра и смотрителя королевских галер. За вычетом долгов (почти пять миллионов) и выплат некоторым родственникам у него оставались еще довольно внушительная сумма и целый город Ришельё, основанный и построенный кардиналом, который так и не успел в нем пожить. В 1647 году его отправили в Неаполь на помощь повстанцам, провозгласившим республику, и он разбил при Капри эскадру дон Хуана Австрийского. В 20 лет он женился на 27-летней вдове Анне Пуссар де Фор, с которой прожил 35 лет, однако в этом долгом браке детей не родилось. Легкомысленный маркиз дю Пон-Курле тратил огромные деньги на игру и любовниц. В 1657 году он принял титул герцога де Ришельё и принес присягу в качестве герцога и пэра, однако четыре года спустя, чтобы расплатиться с долгами, был вынужден продать свою должность смотрителя галер за 200 тысяч ливров и отказаться от титула губернатора Гавра. Даже игра в мяч (прообраз современного тенниса) была азартной: в 1665 году герцог проиграл королю Людовику XIV 25 картин из своей коллекции, в том числе 13 произведений Никола Пуссена.

После смерти жены в 1684 году он вступил в новый брак — с Анной Маргаритой д'Асинье, которая родила ему трех дочерей и сына Луи Франсуа Армана (1696–1788), унаследовавшего герцогский титул, герцогства Ришельё и Фронсак, земли в Сентонже, Бруаж, произведения искусства из собрания кардинала и многочисленные резиденции в Париже и провинции. Это было всё, что осталось от наследства, промотанного его отцом, который, вторично овдовев в 1698 году, женился в третий раз в 1702-м на вдове маркиза де Ноайля. Под старость, стараясь войти в милость к добродетельной госпоже де Ментенон, морганатической супруге «короля-солнце», он заделался святошей.

Крестными его единственного сына стали сам Людовик XIV и принцесса Мария Аделаида Савойская; госпожа де Ментенон с нежностью заботилась о маленьком «херувиме», который в два года лишился матери. Обладавший выигрышной внешностью, подвижным умом и безрассудной храбростью, молодой герцог де Ришельё, получивший прозвище «французский Алкивиад^[3]», в большей степени прославился любовными приключениями и дуэлями, из-за которых побывал в Бастилии. Более того, женщины сражались из-за него на дуэли! В 1718 году 27-летняя маркиза де Нель узнала, что ее ветреный любовник делит свой пыл между ней и ее

двоюродной сестрой виконтессой де Полиньяк. В сентябре дамы стрелялись на пистолетах в Булонском лесу; маркиза была легко ранена в плечо. Ришельё же бросил обеих и переключился на Шарлотту Аглаю Орлеанскую, дочь самого регента! При этом он довольно неловко оказался замешан в заговор Челламаре (испанцы хотели устранить от регентства Филиппа Орлеанского) и в марте 1719 года вернулся в Бастилию. Нависшие над ним обвинения выглядели более чем серьезно, так что регент сказал: «Если бы у господина де Ришельё было четыре головы на плечах, у меня нашлось бы за что отрубить ему все четыре...» И со вздохом добавил: «Если бы у него была хоть одна...» — после чего велел освободить преступника по просьбе своей дочери, безумно в него влюбленной. Взамен принцесса отказалась от своих планов выйти замуж за герцога де Ришельё (женившись в 15 лет, к двадцати он уже овдовел) и согласилась стать женой принца Моденского.

Герцог, писавший с грехом пополам, был единогласно избран во Французскую академию, основанную великим кардиналом, трое членов которой услужливо сочинили за него вступительную речь. Позже он стал почетным членом Академии наук. Однако в 1725 году, в 29 лет, его назначили послом в Вену, а через четыре года — в Дрезден, и он проявил себя умелым дипломатом. Он снова женился — на Елизавете Софии Лотарингской, которая родила ему сына Луи Антуана Софи (1736–1791) и дочь Жанну Софи Септимани (1740–1773) и умерла родами. В 1738-м Ришельё назначили наместником короля в Верхнем и Нижнем Лангедоке на юге Франции, и он довольно ловко предотвращал конфликты между католиками и протестантами. Когда же началась Война за австрийское наследство (1740–1748), он отличился во время кровопролитного сражения при Фонтенуа (1745), завершившегося победой французского оружия, и остановил продвижение австрийцев на Геную (1748), заслужив титул маршала Франции и получив право носить герб Генуэзской республики. В 1755-м его сделали губернатором Гиени (юго-западной провинции в бассейне Гаронны с центром в Бордо), где он последовательно отстаивал прерогативы короля перед бордоским парламентом. При этом герцог сделался пылким пропагандистом бордоских вин и ввел моду на них при дворе, где раньше употребляли только бургундское и шампанское. В Семилетнюю войну (1756–1763) он также отличился, победив англичан в морском сражении у Менорки (1756) и повоював в Ганновере с герцогом Брауншвейгским (отнюдь не в белых перчатках: его прозвали «папашей-мародером»). Попутно он успел изобрести майонез (герцог был гурман) и дал свое имя белой кровяной колбасе с миндалем.

Блестящий царедворец (герцог был первым «комнатным дворянином», или камергером), маршал де Ришельё оказывал большое влияние на Людовика XV, пока не настроил против себя его фаворитку маркизу де Помпадур, отказавшись женить своего сына герцога де Фронсака на ее дочери мадемуазель д'Этиоль. (Ришельё заявил, что поскольку его покойная жена была принцессой Лотарингской, он должен испросить согласие на брак у главы этого рода, императора Священной Римской империи Франца I. Маркиза не смела на этом настаивать.) Его репутация распутника и бонвивана препятствовала его политической карьере. «Господин де Ришельё слишком легкомыслен, чтобы заниматься серьезными делами. Он больше способен к любовным интрижкам, чем к мудрым советам», — говорили о нем. Меняя любовниц как перчатки, он, однако, умел сохранять друзей, среди которых был и Вольтер.

Маршал прослыл щедрым меценатом — и всю жизнь, подобно своему отцу, был обременен долгами. Сохранив до преклонных лет живость ума и бодрость тела, он, однако, был смешон в своих попытках уберечь былую красоту. «Это древняя кукла, отвратительная на вид, иссохшая, как мумия, наштукатуренная, покрашенная, надушенная», — характеризовал 73-летнего маршала английский писатель Гораций Уолпол в письме госпоже Дюдефан в 1769 году. Лицо Ришельё напоминало печеное яблоко; будучи невысок, под старость он стал еще ниже ростом и ходил теперь на высоких каблуках. Однако этот смешной старик был окутан ореолом былых побед и приключений. Даже образ великого кардинала ушел в тень; теперь, когда говорили «сам Ришельё», подразумевали именно маршала.

Когда он женил сына, брачный контракт подписал сам король. Венчание состоялось 29 февраля 1764 года, а на следующий день маршал устроил роскошный пир в своем особняке на улице Нёв-Сент-Огюстен. В семь часов вечера там сыграли комедию Вольтера «Нанина» и новую пьесу «Любитель»; в половине десятого гости вернулись в салон и наблюдали с балкона фейерверк в саду, где был представлен штурм замка с потешными огнями. С десяти вечера до часу ночи продолжался ужин в роскошной галерее за большим столом на 64 куверта под сопровождение военных музыкантов и струнного оркестра короля. Когда подали кофе, сад озарился иллюминацией. В час ночи исполнили оперу о бракосочетании Венеры и Марса, завершившуюся балетом в храме Гименея. В три часа гости начали разъезжаться. Надо сказать, маршал воспользовался своим служебным положением: ему было доверено руководство театром итальянской комедии и комической оперы, и интендант королевских развлечений сэкономил своему патрону семь-восемь тысяч ливров, так что на праздник ушло

«всего» 17 тысяч.

Кем же были новобрачные? 28-летний жених, несмотря на все должности и титулы, был совершенно заурядный человек, «папенькин сыночек», и пока никак себя не проявил. В детстве отец отдал его в Клермонский коллеж, которым заправляли иезуиты, потом в Пажеский корпус при Большой конюшне. Понятно, что герцог де Фронсак должен был стать военным. В восемь лет его уже назначили полковником кавалерийского полка, который Людовик XV создал специально ради маршала за счет провинции Лангедок, где тот был наместником. В июле 1756 года двадцатилетний Луи Антуан примчался в Компьен к королю, чтобы сообщить радостную весть о взятии Менорки своим отцом, — и получил крест ордена Людовика Святого, которым обычно награждали только героев, отличившихся в бою, а также право унаследовать должность первого камергера. Потом он служил под началом своего отца в Ганновере и «за особые заслуги» во время двух мелких стычек был сделан бригадным генералом — в 25 лет, в то время как закаленные в боях офицеры тщетно ожидали повышения. Можно себе представить, как ненавидели в армии таких придворных шаркунов!

Сфера интересов новоиспеченного бригадного генерала, едва понюхавшего пороху, лежала очень далеко от военной науки. Весной 1760 года он вместе с мужем госпожи де Помпадур, Норманом д'Этиолем, присутствовал на сеансе экзорцизма: священник отец Лабар привел несколько бедных женщин с парижской мостовой и заставлял их каяться в грехах. Вскоре они начали биться в конвульсиях, требуя подвергнуть их жесточайшим карам. Под конец одну из них распяли! Не все из присутствующих аристократов сумели выдержать это зрелище до конца, однако Фронсак следил за ним с величайшим интересом и, как утверждают, даже прикончил шпагой одну из несчастных. Неудивительно, что он попал в поле зрения парижской полиции: инспектор Маре регулярно упоминал его имя в рапортах. Из них известно, что в 1761 году герцог де Фронсак обзавелся «галантным домом» на улице Шарантон; 27 февраля гости «предавались там всяким мерзостям, как обычно, и ужин завершился лишь в четыре часа утра». Один из осведомителей Маре, сводник Бриссо, поставлял «товар» веселой компании герцога де Фронсака, в которую входили принц крови герцог Шартрский, герцог де Лозен, герцог де Куаньи, маркиз де Лаваль... Если отец выбирал себе любовниц в самом высшем обществе, то сын довольствовался актрисами и содержанками.

Понятно, что он не мог стать хорошим мужем для 22-летней Аделаиды Габриэль д'Отфор, однако с точки зрения представлений о браке того

времени Фронсак, сын «самого Ришельё», был блестящей партией. Да и 64-летний отец невесты, которому нужно было пристроить еще четырех дочерей, был только рад такому союзу. Вскоре брак принес плоды: уже 27 февраля 1765 года на свет появился Камилл, маркиз дю Пон-Курле. Правда, младенец был слабенький, поэтому все ожидали печального исхода и возлагали надежды на новую беременность герцогини. В самом деле, 25 сентября 1766-го в особняке на улице Нёв-Сент-Огюстен^[4] родился Арман Эммануэль Софи Септимани де Виньеро дю Плесси, получивший титул графа де Шинона (когда-то этим городом управлял его великий предок кардинал де Ришельё). Его старший брат угаснет через восемь месяцев, но их мать скончается от «грудной болезни» еще раньше — 14 февраля 1767 года. Похоже, все потомки Виньеро были обречены на раннее сиротство.

Учение и свет

Герцог де Фронсак почти совсем не интересовался сыном — у него были другие заботы. К счастью для малыша, у него оказалось много прелестных заботливых родственников, в том числе тетки: по матери — маркиза де Нель и графиня де Растиньяк, и по отцу — его крестная Жанна Софи Элизабет Луиза Арманда Септимани де Ришельё, в замужестве графиня Эгмонт-Пиньятелли.

Маршал де Ришельё очень любил свою пригожую и хорошо образованную дочь; поскольку она росла без матери, воспитание девочки он доверил своей кузине герцогине д'Эгийон, а сам подыскал ей хорошую партию и в 15 лет выдал замуж за Казимира Пиньятелли, графа Эгмонта (1727–1801) — отпрыска двух знатных европейских родов: Эгмونتов из Нидерландов и Пиньятелли из Неаполя и Арагона, испанского гранда и кавалера ордена Золотого руна. Элегантная графиня вращалась в высших сферах, была хорошей музыкантшей и внушала к себе безумную любовь молодых романтиков.

Как раз в тот год, когда родился Арман, придворный художник принца Конти Мишель Бартелеми Оливье закончил картину «Чай по-английски в салоне четырех зеркал во дворце Тампль в Париже в 1764 году»^[5], известную тем, что на ней запечатлен концерт маленького Вольфганга Амадея Моцарта, находившегося тогда во французской столице. Восьмилетний мальчик, сидящий за клавесином, начал играть — и все знатные господа и дамы застыли в разных позах, устремив взгляды на него. На переднем плане стоит высокая стройная девушка в шляпе и с тарелкой в правой руке — это графиня Эгмонт-Пиньятелли. В пояснении к картине, в частности, говорится: «У нее самое очаровательное лицо, какое только может быть. Ее ум манерен, как и ее облик. Жеманность ли это? Нет, просто особенность, она такой родилась. Женщины завидуют прелестям ее особы, не воздавая должного ее нежности и доброте, и поскольку ее критикуют по поводу тысячи мелочей, каких только слухов о ней не разносят, что не мешает принимать ее и искать ее общества».

В круг общения молодой графини входили также литераторы, например Гораций Уолпол и Жан Жак Руссо. В 1762 году роман «Эмиль, или О воспитании» швейцарского философа был запрещен парижским парламентом и осужден на сожжение из-за содержащейся в нем проповеди равенства всех людей. Однако Руссо стал властителем дум;

«Эмиля» обсуждали за обеденным столом и обильно цитировали, не прочесть эту книгу считалось неприличным. В этом романе Руссо рекомендует воспитывать детей с учетом возрастных особенностей: до двух лет уделяя больше внимания физическому воспитанию, от двух до двенадцати — воспитанию чувств и умственному развитию, а с двенадцати до пятнадцати — нравственному, подчеркивая при этом, что первые годы жизни дети должны проводить как можно ближе к природе под надзором строгого, но не сурового наставника. Малышей следовало учить не только теоретической ботанике, но и тому, как ухаживать за растениями, чтобы они не чурались ручного труда. У знатной родни маленького Армана Эммануэля было множество загородных резиденций; скорее всего, заветы Руссо воплощались на практике, поскольку мальчик проникся любовью к природе и разведению растений, которую пронесет через всю жизнь.

Хотя графине Эгмонт многие завидовали, она не была счастлива. В конце 1770 года в Париж приехал шведский принц Густав (1746–1792) под именем графа Хага и произвел там фурор (следующей зимой он узнает о кончине своего отца и проведет два месяца во французской столице уже в качестве короля Густава III). Графиня влюбилась в него без памяти — впрочем, чисто платонически. Три года спустя 33-летняя графиня Софи скончалась от туберкулеза, и семилетний граф де Шинон словно заново лишился матери. Теперь его вверили заботам гувернера — аббата Лабдана, выбранного ему в наставники герцогиней д'Эгийон, а с восьми лет определили в коллеж Дю Плесси при Сорбонне, на улице Сен-Жак, которому в свое время покровительствовал его знаменитый предок-кардинал. «Это воспитательное заведение тогда, как и всегда, отличалось чистотой и строгостью принципов и превосходным руководством образованием, — напишет позже граф Ланжерон в воспоминаниях о герцоге де Ришельё. — Господин де Ришельё был одним из достойнейших учеников; он проникся там любовью к полезным наукам, прочным знаниям и приобрел редкие и ценные качества, которые впоследствии унес с собой в свет». Там же мальчик обзаведется друзьями, в числе которых будет Оливье де Верак, двумя годами его моложе; их дружба продлится всю жизнь.

Весной 1774 года скончался Людовик XV, которого уже давно никто не называл Возлюбленным; на престол взошел его двадцатилетний внук, принявший имя Людовик XVI. Маршал де Ришельё сохранил свое положение и влияние при дворе, хотя новая королева Мария Антуанетта его недолго любила.

Тем временем его сын, обремененный долгами, 20 апреля 1776 года снова женился — на Марии Антуанетте де Галифе, дочери генерального

наместника в Бургундии и губернатора Макона, недавно представленного при дворе; ее семья разбогатела на торговле с антильскими колониями. Конечно, герцог де Фронсак, будучи совершеннолетним, уже не был обязан испрашивать разрешение отца на брак, однако мог хотя бы предупредить! Маршал де Ришельё считал этот союз мезальянсом, к тому же сын прежде отверг три гораздо более подходящие партии. Они рассорились, и дед забрал внука к себе. Теперь Арман жил в особняке д'Антен, где ему отвели апартаменты с окнами во двор, и почти не бывал в особняке Жюмилак у ворот Сент-Оноре, который снимал его отец.

Дом на улице Нёв-Сент-Огюстен был выстроен в 1705–1707 годах и уже тогда считался одним из красивейших в Париже; герцог де Ришельё приобрел его 26 февраля 1756 года за 300 тысяч ливров у герцога д'Антен и немедленно затеял там перестройку. Фасад главного здания имел 15 окон, боковое крыло — пять; сад треугольной формы доходил до бульвара (нынешний Итальянский бульвар), там стоял летний домик, построенный в 1759 году. Парижане в насмешку окрестили его Ганноверским павильоном в память о военной кампании 1757 года, больше напоминавшей грабеж среди бела дня.

Апартаменты маршала находились на первом этаже флигеля и состояли из спальни, ванной комнаты и английской уборной, гардероба и двух кабинетов: желтого и «фарфорового», где располагалась часть коллекций, собранных Ришельё. В библиотеке хранилось более семи тысяч томов, в основном книги по истории и о путешествиях; в конюшнях стояли 15 лошадей, четыре дилижанса, карета, дормез и двуколка; в погребе ждали своего часа больше трех тысяч бутылок. Обычное общество, собиравшееся в особняке, составляли старики и старухи, некогда являвшие собой цвет парижского бомонда. Общение с этими дряхлыми щеголями в париках, отчаянно набеленными и нарумяненными, верно, не могло доставить мальчику эстетического удовольствия, зато сколько уроков, преподнесенных жизненным опытом, он мог получить! Это была иная школа, не менее полезная, чем коллеж.

Во всяком случае, такое воспитание не могло развратить юную натуру, в отличие от влияния отца, который отнюдь не остепенился после рождения двух дочерей — Армандины (1777–1832) и Симплиции (1778–1840), — а пуще предавался порочным наклонностям. Так, 6 мая 1777 года он собрал у себя дома избранное общество, среди которого были герцог Орлеанский и принц де Линь, чтобы «угостить» сеансом доктора Гибера де Преваля, утверждавшего, что может, благодаря изобретенному им «чудесному маслу», без опаски совокупляться с проститутками, страдающими тяжелой

формой венерических заболеваний. Действие масла было наглядно продемонстрировано к удовольствию присутствующих. Руководство же медицинского факультета отнеслось к этому делу иначе — изгнало доктора из своих рядов. Моралисты могут назвать герцога де Фронсака безнравственным извращенцем: в описи имущества мадам Гурдан, знаменитой содержательницы одного из парижских борделей, значится «фронсаковское кресло» с недвусмысленными атрибутами: путами, хлыстами, искусственным фаллосом. Однако в эпоху маркиза де Сада (1740–1814) пресыщенное высшее общество, от скуки предававшееся разврату, пыталось добавить в него «перчинку». Фронсак просто вел себя, как все, гоняясь за новизной в различных ее проявлениях. Например, на следующий год в Париж приехал Фридрих Антон Месмер, поселился на Вандомской площади и начал устраивать сеансы исцеления по своему методу «животного магнетизма». Разве можно было такое пропустить! Вся площадь была забита каретами с гербами. В игорных домах, где отец Армана Эммануэля спускал королевские пенсии, тоже было многолюдно...

«Слушаться рассудка и во всём прибегать к его суду — скучно, а французы скуки терпеть не могут, — писал из Парижа Денис Иванович Фонвизин Петру Ивановичу Панину 14 (25) июня 1778 года. — Чего не делают они, чтоб избежать скуки, то есть чтоб ничего не делать! И действительно, всякий день здесь праздник. Видя с утра до ночи бесчисленное множество людей в непрерывной праздности, удивиться надобно, когда что здесь делается... Все столько любят забавы, сколько труды ненавидят...» И добавлял ниже: «Сей город есть истинная зараза, которая хотя молодого человека не умерщвляет физически, но делает его навек шалуном и ни к чему не способным, вопреки тому, как его сделала природа...»

Трудно сказать, как складывались отношения герцога де Фронсака с его второй женой. Об этой женщине нам, к сожалению, почти ничего не известно, однако есть все основания предполагать, что она была добра и любила не только дочерей, но и пасынка. Во всяком случае, в дальнейшем Арман обращался к ней в письмах «дорогая матушка» и всегда искренне заботился и о ней, и о сестрах.

В феврале 1780 года маршал де Ришельё неожиданно явился к сыну... чтобы сказать ему, что завтра женится. «Я честнее вас. Вы не известили меня о вашем браке, я же сообщаю вам о своем. И даже предупреждаю вас, что, несмотря на мои восемьдесят четыре года, рассчитываю иметь сына, который станет лучше вас, — заявил старик побледневшему Луи Антуану. — Насчет наследства не беспокойтесь. Если у меня родится сын, я сделаю

его кардиналом. Вы ведь знаете, в нашей семье это хорошо удавалось».

Избранницей маршала стала Жанна Катрин Жозефа де Лаво (1734–1815), вдова высшего чиновника Эдмона де Рота; разница в возрасте жениха и невесты составляла 38 лет. Мать четверых детей, 46-летняя госпожа де Лаво всё еще была довольно привлекательна и моложава, однако ее первый муж совершенно разорился на рискованных коммерческих предприятиях, и теперь всё семейство проживало в Тюильри в помещении для оставшихся без средств аристократов. Знакомство с маршалом Ришельё произошло совершенно случайно, когда ее карета опрокинулась на Новом мосту. Союз с ним оказался для нее единственным средством вернуть финансовое благополучие.

Этот брак сильно повеселил двор и послужил поводом для многих скабрёзных шуток, на которые Ришельё отвечал с присущим ему остроумием. Сын же его отнесся к делу вполне серьезно и, как позже рассказывал его сводный брат шевалье де Рот-Нюжан, якобы соблазнил одну из горничных маршальши, чтобы та подсыпала своей госпоже зелье, вызвавшее выкидыш. Так это было или нет, но детей у маршала больше не было; в 1781 году он сделал своим единственным наследником внука и зачислил его в октябре в драгунский полк королевы (где когда-то служил полковником граф де Галифе, тесть герцога де Фронсака) в чине третьего подпоручика. (В этом полку в каждой роте было по три подпоручика, но только первый нес действительную службу. Остальные же получали патент и продвижение по службе за выслугу лет, однако жалованье им не платили. Назначения в полк производил не полковник, а двор; кандидаты должны были являться аристократами в четвертом колене.) Отношения в семье испортились окончательно, тем более что маршал подтрунивал над сыном, своим образом жизни превратившим себя в живой труп и передвигавшимся только с тростью, страдая от подагры: «Фи, сударь, если свело одну ногу — стойте на другой!»

В 1782 году маршал решил женить и внука, присмотрев ему невесту среди дочерей маркиза де Рошешуара. (Бабка кардинала Ришельё была из этого рода.) Это была отличная партия, в духе завещания великого предка: «Я запрещаю своим наследникам заключать союзы с домами, не являющимися по-настоящему знатными, препоручая им уделять более внимания рождению и добродетели, нежели счастью и богатству». Но двенадцатилетняя Аделаида Розалия была еще и богата. Согласно брачному договору, подписанному королем Людовиком XVI в Версале 14 апреля 1782 года и зарегистрированному двумя парижскими нотариусами, граф де Шинон получал ренту с 200 тысяч ливров — шесть тысяч ливров в год;

отец должен был также передать ему баронство Ла Ферте-Бернар (30 тысяч ливров дохода) и герцогство Фронсак (86 тысяч), но первое — при условии выплачивать маршалу 4400 ливров в год, а второе — лишь когда Фронсак в свою очередь станет герцогом де Ришельё. Приданое же невесты составляло 300 тысяч ливров «чистыми», а после смерти ее родителей и бабки по отцу, госпожи де Барбери де Куртей, она должна была получить имущество на миллион ливров. Кстати, бабушка выделила ей от себя еще 40 тысяч ливров на приданое.

Венчание состоялось в субботу 4 мая в домовый церкви при особняке маршала де Ришельё. По завершении церемонии новобрачные... расстались: новоиспеченная графиня де Шинон вернулась в родительский дом на улице Гренель. Родственники договорились, что будет благоразумнее перенести совершение брака на три года, а пока юный граф закончит свое образование традиционным туром по Европе. В течение этого времени его состоянием будет управлять мэтр Никола Антуан Дюжарден, адвокат из парламента: именно в его распоряжение поступали шесть тысяч ливров ежегодного содержания, которые графу должен был выплачивать отец на повседневные расходы.

В путь выехали осенью: аббат Лабдан сопровождал своего воспитанника и сразу предупредил, что «главной целью путешествия является образование, это вовсе не увеселительная прогулка»: жить они будут скромно, употребляя все силы для постижения искусства коммерции, фортификации, а также военной науки. В ноябре 1782 года они были в Нанте, оттуда отправились в Тур, затем в Ришельё — почтить память предка. Став герцогом и пэром в 1631 году, кардинал решил построить город вокруг фамильного замка, в котором когда-то появился на свет. План был составлен в классической манере: прямые широкие улицы делили город на квадраты и прямоугольники, дома были одинаковой высоты и в одном стиле: из камня или кирпича, с островерхими серыми крышами. Город был обнесен валом длиной в два с половиной километра. В свое время Ришельё считался «самым красивым местечком Франции»; замок же, перестроенный Лемерсье, напоминал охотничий домик Людовика XIII в Версале, превосходя его размерами: жилой корпус буквой «П», каждое крыло оканчивалось прямоугольным павильоном. Сам замок был четырехэтажный, конюшни — в три этажа, хозяйственные постройки — в два, ограда доходила лишь до уровня второго этажа: четкая иерархия, как и положено в государстве. Фасады украшали античные статуи, некоторые из них датировались II веком н. э., внутри находились бесценные коллекции произведений искусства.

Посетитель проезжал под монументальными воротами и, проследовав мимо церкви и оранжереи, попадал в первый двор, разделенный на четыре квадратные лужайки; там же находились конюшни для использовавшихся в хозяйстве лошадей и жилища земледельцев, псарни и зверинцы. За балюстрадой, украшенной скульптурами животных, располагался второй двор, ограниченный с севера конюшнями, а с юга — жилыми помещениями управляющего. По опущенному подъемному мосту гость попадал в парадный двор через арку со статуей Людовика XIII в окружении скульптур Геркулеса и Марса и куполом, увенчанным трубящей в две трубы Славой. Эта арка намеренно была сделана узкой, чтобы через нее нельзя было проехать в карете.

Возможно, что эта стройность и упорядоченность запала в душу потомку кардинала, отложившись у него в памяти как идеал и образец для подражания. Смирение кардинала, прозванного великим, перед высочайшим авторитетом королевской власти также не могло остаться незамеченным.

Следующий пункт путешествия — Бордо, третий город в королевстве после Парижа и Лиона. В те времена он переживал бурный рост, вырвавшись из средневековых оков и растекшись вдоль Гаронны, украшаясь прекрасными зданиями и площадями. Процветанием город был обязан виноторговле и портовой деятельности; местная элита состояла из разбогатевших купцов, обзаводившихся роскошным и элегантным жильем. Впрочем, превращение гусеницы в бабочку требовало времени; английский экономист Артур Юнг, побывавший в Бордо через пять лет после графа де Шинона, поразился уродству длинной торговой набережной, представляющей собой «грязный, скользкий, илистый берег», немощеные части которого были завалены камнями и отбросами.

Жители Бордо еще помнили торжественное прибытие в город маршала де Ришельё 4 июня 1758 года — по реке. Эта пышная церемония обошлась в 130 тысяч ливров, которые, конечно же, взыскали с горожан. Впоследствии губернатор много способствовал украшению города; в частности, именно благодаря ему был построен театр, служивший образцом для подражания вплоть до XX века. Но во время последнего приезда маршала в 1780 году его отношения с парламентом и местными жителями испортились до предела, так что теперь его внуку надлежало вести себя как можно осторожнее. Граф де Шинон поселился не в особняке губернатора, а на постоялом дворе. Утром занимался со своим наставником, с одиннадцати часов шел гулять до обеда, после обеда снова учился, а по вечерам делал в дневнике записи обо всём примечательном,

увиденном за день. Однажды Арман Эммануэль целый день провел взаперти, разговаривая с иностранными купцами, которые растолковали ему законы коммерции. В другой раз он присутствовал на собрании офицеров у коменданта замка Тромпет, где беседовал с ними о военных делах. Некоторые разговоры велись на немецком — юный граф хорошо владел этим языком. Кроме того, он знал английский.

Путешествие продолжалось: Лангон, Дакс, Байонна, Тулуза, Безье, Монпелье, Тулон, Лион и, наконец, в августе 1783-го, Женева. Арман Эммануэль воспользовался пребыванием в этом городе, чтобы брать уроки итальянского, и после, в Генуе, чувствовал себя свободно во время приема в сенате. Тут его дед был в гораздо большем почете, чем в Бордо: в большом салоне палаццо Дория ему воздвигли статую, а форт, построенный на холме во времена героической обороны от австрийцев, еще носил имя Ришельё. Во Флоренции граф де Шинон увиделся с последним представителем свергнутой английской королевской династии Стюартов — «добрым принцем Карлом», доживавшим свой век в изгнании. В Риме засвидетельствовал почтение шведскому королю Густаву III; возможно, они вместе вспоминали графиню Эгмонт... Кроме того, каждый француз непременно должен был нанести визит кардиналу де Бернису, послу французского короля, который сам жил здесь, точно государь. Арман Эммануэль присутствовал на нескольких ужинах в резиденции кардинала, один из которых был устроен в его честь. Бернис в 1758 году тоже рассорился с маршалом де Ришельё (тот способствовал его опале), однако к внуку у него претензий не было. После Рима — Мюнхен, где граф был представлен курфюрсту Баварскому Карлу Теодору; затем довольно длительная остановка в Вене, приемы в высшем обществе, знакомства с принцем де Линем, маршалом фон Ласси и министром князем фон Кауницем. Император Иосиф II, уже встречавший графа в Италии, был настолько очарован им, что, пригласив его на обед, удостоил той же чести аббата Лабдана, воспитавшего столь достойного юношу. В целом венское общество было приятно удивлено, увидев, что молодой француз ведет себя скромно, сдержанно и не заносчиво. Впрочем, по мнению австрийцев, многое объяснялось тем, что его бабушка была из рода Гизов и принадлежала к Лотарингскому дому. Арману тоже нравилось в Вене, так что любовь оказалась взаимной. Там же состоялись два знакомства, из которых вырастет крепкая дружба длиною в жизнь: с Александром Луи Андро, графом де Ланжероном (1763–1831), и Шарлем де Линем (1759–1792), сыном принца Шарля Жозефа де Линя, фельдмаршала и дипломата, бывшего накоротке со всеми монархами Европы.

Ланжерон был всего на три года старше Шинона, однако успел послужить во французской колонии Сан-Доминго (Гаити), стать капитаном в драгунском полку Конде и поучаствовать в Войне за независимость США. Внешне он являл собой полную противоположность Арману: болтун и остролов, способный польстить кому надо и отбрить нахала или невежу. В напудренном парике, одетый с иголки, «щеголь из Булонского леса», как он сам себя называл, скользил по жизни, как по паркету светского салона, писал дурные стихи по любому поводу и волочился за женщинами — и при этом был храбрым воином и хорошим тактиком.

Однако пора было возвращаться во Францию.

По пути на несколько дней задержались в Берлине. Благодаря рекомендательным письмам от деда графу де Шинону разрешили присутствовать на армейских учениях, а на следующий день маркиз де Буйе представил его королю Фридриху Великому. Тому было 72 года; в разговоре с французским посланником он притворился, будто не понял, о ком речь: «Кто этот граф де Шинон, которого мне так горячо рекомендует маршал де Ришельё?» Надо сказать, великий воин был невысокого мнения о заслугах маршала, которого он считал «маркизом из комедии». Однако внук Ришельё, благоговевший перед прусским королем и имевший его портрет, сохранил самое благоприятное воспоминание об этой встрече. Вероятно, на Фридриха он произвел лучшее впечатление, чем его дед, поскольку, по свидетельствам современников, держался очень строго и солидно, при этом обладал невероятной памятью, острым умом и благодаря знаниям мог рассуждать на самые разные темы, изъясняясь просто, четко, строго по существу дела. Кстати, сам Шинон любил и уважал немцев и чувствовал себя в их обществе свободно.

Юный граф отсутствовал дома больше двух лет. Теперь это был уже не подросток, а вполне сформировавшийся молодой человек восемнадцати лет, внешне — просто копия деда. Как писал впоследствии Ланжерон, «в юности герцог де Ришельё был высокого роста, стройный, очень худой и слегка сутулый. В возрасте пятнадцати лет его лицо было очаровательно и осталось приятным до конца его жизни. Главным его украшением были большие черные глаза, полные огня, придававшие его физиономии одновременно одухотворенное и пикантное выражение. Он был смугл и имел черные курчавые волосы». Шарль де Линь прямо утверждает, что «он был восхитительно красив и совершенно кроток». Обладатель совершенно «южной» внешности — смуглый цвет лица, черные, слегка близорукие глаза, курчавые волосы, большой, но изящный нос с чувственными ноздрями, красивый изгиб губ, — Арман тем не менее был наделен

совершенно «северным» темпераментом: был педантичен, щепетилен, серьезен, застенчив и даже робок с женщинами. В кармане у него лежал медальон с портретом жены — миленькой девочки, которым он украдкой любовался, когда думал, что на него никто не смотрит. При мысли, что он скоро увидится с ней, у юноши начинало бешено колотиться сердце.

Вот, наконец, знакомая улица, ворота особняка, крыльцо подковой, слуги с поклоном распахивают перед ним двери, он входит, у парадной лестницы его встречают дед и отец, опирающийся на трость... Но кто это между ними? Какой-то уродец, коротконогая и носатая женщина с головой, вросшей в плечи, с горбами спереди и сзади... Ее подтолкнули в спину, она неловко присела в реверансе... Ну что же вы встали как вкопанный? Подойдите и обнимите вашу жену!.. Жену?! Граф отпрянул и грохнулся навзничь без чувств. Его отнесли в его покои. Вечером он так и не спустился в гостиную, сказавшись больным. Написал письмо: ему никогда не найти в себе силы, чтобы жить с этим несчастным существом как муж и жена. Все уговоры действия не возымели: да, возможно, Аделаида Розалия умна и прекрасно образованна, пусть даже она обладает ангельским голосом и превосходным характером, он не сможет находиться с ней под одной крышей! Конечно, она не виновата в том, что в 14 лет у нее срослись позвонки и фигура страшно деформировалась, но и его тоже надо понять... Вопрос о разводе не поднимался. Из-за денег? Вряд ли. Арман был не так воспитан аббатом Лабданом; клятва, принесенная у алтаря, не была для него пустым звуком. Он обещал Господу заботиться об этой женщине в болезни и здравии и слово свое сдержит. Во всяком случае, мадемуазель де Рошешуар всю жизнь благоговейно любила мужа — «этого уникального человека» — и почитала за счастье называться его женой. Она жила по большей части в Куртее под Алансоном, в Нормандии, примерно в 48 лье (193 километрах) от Парижа. Виделись они редко, но Арман регулярно писал жене, сообщая ей самые важные новости и называя «дорогим другом»; их отношения были проникнуты взаимным уважением.

Смутное время

Однако пора уже было заняться делом. Граф де Шинон вращался при дворе, где его считали, по словам маркиза де Бомбея, «не таким пустым местом, как его отец, и гораздо более честным человеком, чем дед»; однако карьера царедворца его не прельщала. Благодаря выслуге лет Арман уже получил чин капитана, хотя еще и в глаза не видел «своего» полка. Его дед считал войну «самым прекрасным ремеслом в мире», но во Франции сейчас царил мир, если, конечно, не считать политических баталий.

Пытаясь осуществить экономические реформы, в частности ввести вместо подушной подати уравнильный подоходный налог, Людовик XVI созвал в конце февраля 1787 года ассамблею нотаблей (собрание назначавшихся королем представителей трех сословий для обсуждения финансовых вопросов). Однако те отвергли одну за другой все реформы, и король малодушно «сдал» автора проекта, генерального контролера финансов Шарля Калонна, который был вынужден подать в отставку. В мае министром финансов стал Этьен Ломени де Бриенн, архиепископ Тулузы и креатура королевы; нотабли предоставили ему заем в 67 миллионов ливров, необходимый, чтобы избежать банкротства (дефицит государственного бюджета грозил достигнуть 114 миллионов), однако потребовали созыва Генеральных штатов, из-за чего были распущены. Летом парижский парламент (высший судебный орган, который также регистрировал королевские эдикты) отказался утвердить гербовый сбор и тоже потребовал созыва Генеральных штатов. Парламент Бордо не утвердил эдикт о провинциальных ассамблеях и выборах муниципалитетов. Парижских парламентариев ночью выслали в Труа, а бордоских — в Либурн. Но тогда в Париже начались народные бунты в их поддержку. Ломени де Бриенн провел переговоры, окончившиеся компромиссом: Генеральные штаты будут созваны, но на это нужны время и деньги. (В отличие от нотаблей депутаты Генеральных штатов были выборными представителями сословий; на их рассмотрение выносились самые важные государственные вопросы.)

Между тем придворная жизнь шла своим чередом: 28 ноября 1787 года король подтвердил право графа де Шинона унаследовать должность первого камергера, которая в прошлом году перешла от его деда к его отцу; Арман уже начал помогать родителю исполнять придворные обязанности. Первый камергер (постельничий) отвечал за особу короля, когда тот

находился в своих апартаментах. В отсутствие членов семьи, принцев крови и обер-камергера он должен был подавать королю сорочку, распоряжался, кого впустить в королевскую спальню и кабинет, занимался обновлением нательного белья, простыней, кружев, полотенец каждые семь лет. Он должен был обеспечить короля всем необходимым для личной гигиены; назначал прислугу в спальню, прихожую и кабинет и принимал у нее присягу. Именно к нему обращались жаждущие быть представленными ко двору. Стать слугой, лакеем, пусть даже самого государя? Ну уж нет, лучше бежать отсюда! К тому же двор — это осиное гнездо... нет, даже гадючье: все плетут интриги, подсуживают друг друга, сплетничают, говорят в глаза одно, а за спиной другое...

Тем временем Россия и Австрия заключили военный союз против Турции, которую поддерживали Великобритания, Франция и Пруссия. Не зная об этом, Османская империя 13 августа 1787 года выдвинула ультиматум России, требуя восстановить вассалитет Крымского ханства и Грузии. (Крым, Тамань и Кубань были присоединены к России в 1783 году и стали называться Тавридой; тогда же Восточная Грузия перешла под протекторат России. В 1787 году Екатерина II совершила триумфальную поездку по Крыму в сопровождении Иосифа II, путешествовавшего инкогнито; в ее свите был также Шарль Жозеф де Линь.) Военные действия стали развиваться довольно стремительно: австрийцы терпели неудачи, зато русские войска под командованием А. В. Суворова одержали крупную победу над турками при Кинбурне.

Летом группка молодых французских дворян, среди которых был и граф де Шинон, попыталась добиться позволения примкнуть к австрийской или российской армии. Но король не дал Шинону разрешения покинуть Францию. Однако что ему делать в Париже? Вести тяжбы с отцом, который так и не передал ему наследство матери, так что оказался должен сыну 59 тысяч ливров? Якшаться со сплетниками в Версале? Как пишет Ланжерон, Арман от рождения был наделен «более крепким, чем бойким умом», он не был создан для легкомысленного общества своего времени, его добродетельность внушала уважение «даже молодым людям его возраста, которые почитали его, отдаляясь от него», он же не находил себе места среди них. Привычка судить строго и себя, и других также не привлекала к нему окружающих. При этом он зачастую был слишком откровенен с людьми, не заслуживавшими его доверия, «его благородная и чистая душа не могла заподозрить в других хитрости и коварства, к коим он сам был неспособен». Это качество не раз повредит ему в карьере...

Все лето и осень 1788 года русские осаждали крепость Очаков;

командующий Г. А. Потемкин не решался отдать приказ о штурме, хотя Суворов проявлял чудеса храбрости; фельдмаршал П. А. Румянцев называл это «осадой Трои». В это время не самая удачная тактика, выбранная австрийским фельдмаршалом Ласси, привела к вторжению турок в австрийские пределы. Иосиф II был вынужден заключить с ними трехмесячное перемирие. Граф де Шинон был уже в Вене и изнывал от нетерпения. Придворные увеселения не могли отвлечь его от главного, зато его неприятно поразило расхождение в словах и поступках императора: тот рассказывал ему о своей поездке по Тавриде, критикуя политику Екатерины II. Разве так должен вести себя государь?

В Вене Арман узнал о смерти деда 8 августа 1788 года. Теперь граф де Шинон получил титул герцога де Фронсака (его отец стал герцогом де Ришельё) и наследство маршала — 15 миллионов франков.

Зима выдалась на редкость холодной, однако это, наконец, побудило Потемкина атаковать Очаков. 6 декабря, при 23-градусном морозе, русские бросились на штурм — кровавый и беспощадный. Всего через час с четвертью Очаков превратился в громадное кладбище: погибли около 9500 турок и примерно 2800 русских; разграбление города продолжалось три дня. На этом военная кампания 1788 года завершилась.

Новоиспеченный герцог де Фронсак вернулся во Францию и 1 марта 1789 года поступил служить секунд-майором в гусарский полк Эстергази под командованием принца фон Сальм-Кирбурга, расквартированный в Сент-Омере и Седане. Тогда же во Франции начались выборы депутатов Генеральных штатов; в Сент-Омере они проходили в апреле. Атмосфера в стране и в особенности в столице искрила. В конце месяца беспорядки, вспыхнувшие в Париже, в Сент-Антуанском предместье, пришлось подавлять с привлечением войск; погибли 12 солдат и три сотни манифестантов. В Марселе мятежная толпа захватила три форта и убила коменданта одного из них. 30 апреля в Версале было создано Общество друзей Конституции; в октябре оно переедет в Париж и станет называться Клубом якобинцев.

Генеральные штаты открылись в мае в Версале. Дворянство отказалось заседать совместно с третьим сословием; духовенству было предложено назначить примирительную комиссию... (Предыдущие Генеральные штаты, созданные в 1614 году, собрались в точно такой же атмосфере, и посредничеством тогда занимался епископ Люсонский Ришельё.)

В июне представители третьего сословия провозгласили себя Национальным собранием, к ним примкнули несколько депутатов от

духовенства. 20-го числа Национальное собрание поклялось не расходиться, пока Франции не будет дарована Конституция. К Парижу стягивали войска под командованием маршала де Бройля. Горожане опасались военного переворота и блокады столицы, которая могла остаться без хлеба. Начались хлебные бунты. Приближение немецких наемников только подогрело страсти. Перестановки в правительстве стали искрой, поднесенной к пороховому погребу. 11 июля весь Париж бурлил, а маркиз де Лафайет, герой Войны за независимость США, представил Учредительному собранию проект Декларации прав человека.

В последующие два дня беспорядки нарастали: толпа громила склады, тюрьмы, вооружалась, даже захватила пушки в Доме инвалидов. Для поддержания порядка было срочно создано городское ополчение — 48 тысяч человек, получивших оружие. Несмотря на протесты короля, офицеры избирались подчиненными. 14 июля ополчение участвовало во взятии Бастилии, а на следующий день его переименовали в Национальную гвардию и отдали под начало генерала Лафайета. В Бастилии находилось всего семеро узников; коменданта крепости Бернара де Лоне, троих офицеров и троих инвалидов, служивших стражниками, арестовали и отвели в ратушу, где их растерзала толпа. Парижского купеческого старшину Жака де Флесселя обвинили в измене и застрелили из пистолета (надо же было кого-то обвинить в росте цен на хлеб). Толпа теперь прогуливалась по улицам с головами Лоне и Флесселя, насаженными на пики...

В тот исторический день герцог де Фронсак находился в Компьене со своим полком, вызванным королем для усиления войск, расквартированных вокруг столицы. На его глазах был арестован интендант Бертье де Совиньи; неделю спустя он будет убит в Париже, и Арман горько пожалеет, что не вступился за него. (Правда, его жена в своих «Записках» утверждает, что в Компьене он усмирил бунт и спас жизни нескольких человек.)

Уже 16 июля брат Людовика XVI граф д'Артуа и принц Конде решили уехать из страны, опасаясь за свою жизнь. Людовик же на следующий день явился в Париж вместе с сотней членов Национального собрания и нарочито прицепил на свою шляпу сине-красную кокарду Национальной гвардии, добавив к ней белый королевский цвет; так родился национальный триколор. Вечером король вернулся в Версаль. По всей стране прокатилась волна бунтов, власть захватывали выборные лица, создавалось ополчение. Грабили ратуши и дома богатых горожан. Начинались и крестьянские волнения. В попытке восстановить порядок и спокойствие армии было предписано принести присягу нации, королю и закону.

В ночь на 4 августа состоялось заседание Учредительного собрания, на котором было окончательно покончено с феодальной системой. Вслед за Луи Мари де Ноайлем, потребовавшим у дворянства, представителем которого он являлся, отказаться от своих привилегий, на трибуну вышел Арман Дезире де Виньеро дю Плесси де Ришельё, герцог д'Эгийон (1761–1800), пэр Франции, обладатель самого крупного состояния в стране после короля, и предложил выкупить феодальные права по низкой цене и отменить привилегии. Он одним из первых депутатов-дворян присоединился к третьему сословию. Дворянская частица «де» перед именами была упразднена. 26 августа в Национальном собрании зачитали текст Декларации прав человека и гражданина, на основе которой предстояло разработать Конституцию; первые 19 ее статей были приняты в конце сентября.

Утром 5 октября Арман, случайно находившийся в Париже (он приезжал туда редко и ненадолго), увидел большую, воинственно настроенную толпу, состоявшую преимущественно из женщин, среди которых замешались несколько мужчин с дрекольем. Доносились крики: «На Версаль!» Молодого офицера ожгла мысль: король в опасности! Нужно его предупредить! Не раздумывая, он отправился в путь; в висках стучало: успеть! успеть! Севрская дорога была перекрыта «патриотами»; он свернул на другую, через Медон. До Версаля — больше шести лье (25 километров); Арман бежал, шел, снова бежал... Он опередил толпу «фурий» и, изложив ситуацию королю, стал уговаривать его возглавить небольшой отряд личной стражи и немедленно отправляться в Рамбуйе. К нему присоединились еще несколько придворных. Однако пока Людовик раздумывал, как ему быть, женщины явились в Версаль и выставили королю требования: понизить цены на хлеб, заменить личную охрану национальными гвардейцами, вернуться в Париж. Король попросил ночь на размышление. Измученный, он лег спать за полночь, так ничего и не решив, а на рассвете был разбужен шумом и криками: Версаль брали штурмом. Лафайет прибыл слишком поздно, однако сумел спасти королевскую семью. Людовик согласился переехать в Париж и поселиться во дворце Тюильри; через четыре дня он примет там титул «короля французов». Фронсак был этим страшно разочарован и расстроен.

Ланжерон уехал в Австрию и предложил императору свои услуги; граф д'Артуа тщетно добивался от Иосифа II, родного брата королевы Марии Антуанетты, военного вторжения во Францию. Имперская армия недавно заняла Белград, принц Саксен-Кобургский был в Бухаресте; рымникская победа Суворова в сентябре практически положила конец

военной кампании этого года, но Иосиф опасался, что своим вмешательством сделает только хуже. К тому же он был нездоров (20 февраля следующего года он скончается).

В конце октября во Франции было введено военное положение, а 28 ноября доктор Жозеф Гильотен продемонстрировал депутатам Учредительного собрания (Национальной конституционной ассамблеи) новую машину для казней, созданную им вместе с хирургом Антуаном Луи. Через два месяца по предложению того же Гильотена было решено подвергать смертной казни только через отсечение головы, чтобы ускорить процесс и избавить казнимых от лишних мучений.

В феврале 1790 года армия была реорганизована: отныне не только дворяне могли получать офицерские чины. В мае Национальное собрание наделило себя правом объявлять войну и заключать мир по предложению короля, подчеркнув в отдельном заявлении, что французская нация никогда не станет прибегать к военной силе для территориальных завоеваний или посягательств на свободу другого народа. В июне епископ Отёнский Шарль Морис де Талейран-Перигор, депутат Генеральных штатов от духовенства, предложил Учредительному собранию устроить праздник, прославляющий единство французов, представителями которых служили бы национальные гвардейцы. Первый праздник Федерации состоялся на Марсовом поле в Париже 14 июля, в годовщину взятия Бастилии, при скоплении трехсот тысяч человек. Король поручил Талейрану отслужить мессу; выходя на помост, где был установлен алтарь, тот сказал Лафайету: «Только не смещите меня»...

В конце весны Ланжерон уехал из Австрии в Россию через Польшу, стал полковником Сибирского гренадерского полка и успел проявить себя в войне со Швецией 1788–1790 годов. Он был в решающем сражении при Выборге, во время которого Густав III едва не попал в плен; молодой герцог де Фронсак, мечтавший о воинских подвигах, наверняка завидовал соотечественнику...

Россия — вот где можно найти применение своим силам, по крайней мере, действовать, а не быть пассивным зрителем отвратительных событий! Арман кое-что знал об этой стране по рассказам маркиза Шарля де Верака, отца его друга детства, который в 1779–1781 годах был послом в Санкт-Петербурге и очень красочно описывал нравы русского двора и разные происходившие при нем события. Этот умный, образованный человек, талантливый дипломат, обладал большой независимостью суждений, но где бы ни находился, всегда стремился служить интересам своей страны. Теперь он был послом в Швейцарии, и Оливье де Верак,

бывший капитан королевских карабинеров, уехал к нему... Пока существует свобода перемещения, надо ею воспользоваться. 1 сентября 1790 года герцог де Фронсак и граф де Караман покинули Седан и отправились во Франкфурт, где должна была состояться коронация нового императора Священной Римской империи Леопольда II, унаследовавшего корону после смерти бездетного брата. А там — как будет угодно судьбе...

Льеж, Ахен, Бонн, Кобленц, Франкфурт... Впечатления от этого путешествия Арман подробно заносил в дневник. Его интересовало всё: урегулирование бельгийского вопроса, противоречивая позиция Пруссии и Австрии по отношению к восстанию в Брабанте и Льеже^[6], промышленное развитие немецких городов, сельское хозяйство, торговля, дороги, население; не остались незамеченными и красоты природы, перед которой он всегда благоговел.

В дневниковой тетради он набросал словесный портрет покойного императора: «Еще ни один государь не желал с большим пылом добра своей стране и, возможно, ни один не сделал ей столько зла за столь малое время. Впитав в себя принципы философов и экономистов, он сочетал их с пристрастием к деспотизму и в результате, увеличивая свою власть, уравнивал в некотором роде все сословия, часто повторяя, что знает только два вида подданных: мужчин и женщин. Иосиф, конечно же, обладал большим умом, но тем ложным умом, от которого больше вреда, чем пользы; для государя это сущий бич. Великим его недостатком было желание всё свести к принципу единообразия. Он правил империей, состоявшей из разнородных частей, не имевших между собою никакого сходства, а хотел управлять ими с помощью одних и тех же законов, заставить их говорить на одном языке. Он воплощал этот безумный проект с последовательностью и твердостью, которая возмутила всех его великих и малых подданных и подготовила все те несчастья, коими была насыщена под конец его жизнь, ускорив его смерть». Это не просто критика — это извлечение уроков.

К коронации готовились несколько месяцев. Празднества начались 30 сентября и продолжались две недели.

«Трудно было бы найти собрание более неловких, посредственных и незначительных людей, чем господа правящие государи, к коим можно было бы запросто присовокупить и большинство наследных принцев. Однако природа, обошедшаяся с мужчинами, как мачеха, отдала все свои милости женщинам, большинство коих хорошенькие и сочетают с изяществом любезности превосходное воспитание, которое почти все дали себе сами», — писал Арман, который, как мы видим, вовсе не был

равнодушен к женским чарам. На один из балов явились пять сотен дам, в нарядах которых «элегантность и вкус еще не уступили места роскоши».

«Курфюрст Майнцкий, чей ограниченный ум и гордыня обратно пропорциональны его знатности», «выделяется толпой челяди разного калибра, которую он таскает за собой, и чрезмерным великолепием, выставляемым напоказ: 1480 человек, в том числе мадемуазель фон Гудергофен, недавно ставшая графиней, исполняющая при нем обязанности премьер-министра», архиепископ Кёльнский, «чья учтивость, особенно в отношении французов, почти не видна», готовый пожертвовать чем угодно ради «удовольствия блеснуть своим умом», архиепископ Трирский (Арман еще никогда не видел «более учтивого, любезного государя, а главное, наделенного бóльшим тактом»). Эти трое «избрали» императора, хотя его имя было известно еще несколько месяцев назад.

Леопольд не спешил на собственную коронацию: он поохотился в окрестностях города, потом выслал вперед свою многочисленную семью и, наконец, совершил торжественный въезд 3 октября: о появлении его кортежа возвестили 300 пушечных выстрелов. Свита императора состояла из сотни карет, запряженных шестериком, на запятках которых стояли лакеи в самых богатых ливреях. Улицы были черны от народа, явившегося поглазеть на пышный кортеж. Процессия направилась в церковь Святого Варфоломея, где архиепископ Майнцкий под звуки фанфар и колокольный звон провозгласил Леопольда императором и королем. 9 октября в той же церкви состоялась церемония коронации с соблюдением древних германских обычаев: из церкви император проследовал по черно-желтому ковру в ратушу, причем великий маршал должен был вскочить верхом на коне на огромную кучу овса, насыпать его в золотую меру и подать императору. Королевский стольник отрезал кусок бычьей туши, жарившейся целиком в деревянном павильоне, и тоже подал императору. Туша и овес тотчас стали добычей черни, которая разорвала ковер в клочки и дралась за них, чтобы потом завещать внукам как реликвию.

Герцог де Фронсак сторонился французских эмигрантов, которые вели себя неподобающим образом: «Они (немцы. — *Е. Г.*) не без причины удивлялись тому, что люди, у которых всё так плохо, открыто критикуют нравы и обычаи своих соседей и нарочито напускают на себя французский тон и манеры, которые шокировали даже тогда, когда наше процветание и наша слава еще внушали уважение, ныне же сделались совершенно несносными».

В своих претензиях соотечественники заходили слишком далеко. «Я горячо желал бы суметь убедить это множество французов, которые, к

моему великому удивлению, разделяемому всеми людьми, слышавшими, как они просят, умоляют государей объединиться и захватить их родину, что это стало бы несчастным и горестным событием для них самих. В самом деле, им ведомо брожение умов, царящее ныне во Франции, чтобы понимать, что при первом же слухе о вводе немецких войск королева, возможно, король, а главное — весь цвет аристократии, дворянской и церковной, будут безжалостно перебиты», — писал Арман в дневнике. Но даже если опасность подвергнуть огню и мечу несколько провинций своей страны для них не в счет, надо понять, что такими способами народ можно победить или уничтожить, но не изменить. Напротив, когда народ осознает, что в его нынешних бедах повинно новое правительство, он опомнится. Те, кого называют «патриотами», на самом деле секта фанатиков. «Если предоставить ее самой себе, она в конце концов обратится в ничто»; если же подвергать ее преследованиям, она обзаведется своими мучениками и «просуществует гораздо дольше, чем ей было отведено природой». Замечательно проницательные слова для 24-летнего человека!

Армана заинтересовала церемония посвящения в рыцари Тевтонского ордена: «...чем дальше нас удаляют от принципов чести, идей рыцарства, возвеличивающих и возвышающих душу, тем больше нам нравится смотреть на их образы». Герцог де Фронсак, для которого «рыцарский шлем всегда будет стоять больше муниципального шарфа», с удовольствием смотрел, как посвящаемый — уроженец Эльзаса, который во Франции уже не считался дворянином, однако в Германии сохранял все права, данные ему по праву рождения, — простерся ниц перед алтарем в шлеме с опущенным забралом, потом преклонил колено перед Великим магистром ордена и обнимался с братьями-рыцарями. Для будущего пятого герцога Ришельё право рождения значило много...

Из Франкфурта Арман отправился в Вену («Я так часто бывал в Вене и у меня там столько знакомых, что спустя сутки мне уже казалось, будто я жил тут всегда»), намереваясь пробыть там пару дней, а потом отправиться на венгерскую коронацию в Пресбург и, опять же через Вену, вернуться во Францию. Но тут откуда ни возьмись явился Ланжерон, получивший отпуск из армии (в сентябре он был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени за сражение под Бьёрком). Он ехал в Париж к больной жене, но, узнав по дороге, что она уже скончалась, заболел сам, и Фронсак заботливо ухаживал за другом. 10 ноября они оба ужинали у принца де Линя, когда вдруг прибыл курьер из расположения русской армии с письмами принцу; это был итальянец Катески — авантюрист из числа тех, что тучами слетались в Россию в погоне за фортуной. Он стал очень красочно

рассказывать о недавних военных действиях: после двух морских побед адмирала Ушакова турки ослабели; Килия пала; 20 октября гребная флотилия под командованием де Рибаса и черноморские казаки войскового атамана Головатого прорвались к Дунаю и захватили укрепления в его устье; Измаил будет осажден; там большой гарнизон и паша — весьма храбрый человек; штурм обещает быть жарким.

Всё сказанное про Измаил было домыслами гонца, однако молодые офицеры, рвавшие на войну, немедленно загорелись мыслью отправиться туда. Герцогу де Фронсаку надоело «носить мундир, не подставляя его под пули». Сейчас или никогда! Шарль де Линь, сын принца, тоже решил ехать. Ему было уже 30 лет, и он успел повоевать с пруссаками, участвовал в двух сражениях против турок, причем второй раз под Очаковым, будучи связным между русской и австрийской армиями. Они переглянулись. «Вперед!» — воскликнул Арман. «Кто передумает, тот трус!» — подхватил Шарль. Его отец всплакнул, но не стал отговаривать. Шарль срочно выехал в Пресбург, чтобы получить у императора разрешение на отъезд, Ланжерон сразу отправился в Бессарабию, а Арман стал собирать вещи.

Никто не знал, что в душе Армана бушевали противоречивые чувства. Конечно, он должен ехать, узнать, наконец, настоящее дело, возможно, покрыть себя славой... Но в Вене остается Тереза... Графиня Кинская. Эта женщина казалась ему самой красивой на свете, она была так не похожа на жеманных парижских красавиц, обладая естественным изяществом и непосредственностью да к тому же проницательным умом. Арман был знаком с ее братом Францем Дитрихштейном. Терезу против воли выдали замуж за графа Кинского. Выйдя из церкви, он обратился к ней со словами: «Сударыня, мы оба исполнили волю наших родителей; я покидаю вас с сожалением, но не могу от вас скрывать, что уже давно привязан к женщине, без которой не могу жить; я отправляюсь к ней». Вот так она оказалась «ни девицей, ни женой, ни вдовой», по выражению знаменитой художницы Элизабет Виже-Лебрен, написавшей ее портрет.

Загнав поглубже в душу любовь, которая и радовала его, и пугала, Арман вместе с другом в ночь на 12 ноября отправился в путь — в распутицу, без лошадей, почти без багажа и без денег, захватив с собой лишь рекомендательное письмо Потемкину от принца де Линя, но полный воодушевления и надежд. «Я всегда подозревал, что внутри он всё-таки француз!» — воскликнул фельдмаршал Ласси, узнав эту новость.

Глава вторая **ГЕРЦОГ ДЕ РИШЕЛЬЁ**

Ближайшая к действию цель лучше дальней.

А. В. Суворов

Боевое крещение

Чтобы добраться из Вены до устья Дуная сухопутной дорогой, надо было проделать путь в две тысячи верст — почти вдвое больше, чем по прямой, — в открытом почтовом экипаже, под снегом. Но даже когда их колымага ночью опрокинулась в сугроб, Фронсаку с Линем «и в голову не пришло вернуться в Вену». Ольмюц в Моравии, Тешен в Силезии и Лемберг в Галиции, Галич на Днестре, Ботошани в Молдавии. За Днестром «уже не найти и следа наших обычаев», — записал Арман в дневнике. Он по-прежнему заносил туда подробные сведения об административной системе, обычаях, населении, языке, на котором оно говорит. Женщины одеты по-гречески, мужчины — по-турецки, только вместо тюрбана носят меховую шапку. На редких здесь постоянных дворах путешественникам подают плов с курицей и набивают трубку; у помещичьих усадеб плоская крыша, перистиль и крытая галерея вокруг дома.

За Ботошанями раскинулась совсем уж безлюдная степь, засыпанная снегом; изредка встретишь казачий шалаш. Пустыня, простирающаяся до самого Черного моря и Дуная, — Бессарабия. Раньше тут жили ногайцы, а теперь населения почти совсем не осталось. 21 ноября 1790 года двое друзей прибыли в Яссы, где Арман наскоро написал письмо князю Г. А. Потемкину, датировав его десятым числом: «Я всегда испытывал живейшее желание служить под началом Вашей светлости и быть свидетелем Вашей славы. До сих пор мне препятствовали в этом особые обстоятельства и моя служба при особе короля Франции. Оказавшись ныне более свободен и узнав, что кампания еще не завершена, я льщусь, что Ваша светлость позволит мне стать свидетелем своих успехов и участвовать в ближайшей кампании».

На следующий день друзья приехали в Бендеры, под проливным дождем, вымочившим их до костей. Арман остановился у графа Роже де Дама, также служившего в русской армии и не раз отличавшегося в бою (граф даст ему ценные советы, как надлежит себя вести). Едва молодые люди вышли из повозки, как графский слуга огорошил их новостью: кампания окончена, его хозяин возвращается во Францию. Тут появился сам Дама и подтвердил, что осада, скорее всего, будет снята. Хотя... возможно, крепость всё-таки попробуют взять. Цепляясь за последнюю надежду, друзья отправились к светлейшему князю Потемкину-Таврическому — повелителю края, сопоставимого по площади с Францией,

который был там «почти что государь».

После девяти дней и десяти ночей пути по безжизненным голым степям путешественники оказались не готовы к тому, что увидели: Потемкин жил в доме паши; в передней толпились офицеры разных чинов, которых допускали к нему только в определенные часы; сам светлейший возлежал на диване, обитом златотканой материей, под роскошным балдахинном, в отороченном соболем халате на голое тело, но с бриллиантовой звездой, Андреевской и Георгиевской лентами. Вдоль стен стояли полсотни офицеров; комната была освещена большим количеством свечей, а рядом с князем находились пять очаровательных женщин, одетых богато, но со вкусом; шестая, в греческом костюме (княгиня Долгорукая), устроилась подле него на подушках на восточный манер.

Одной из женщин была «прекрасная гречанка» София де Витт, внушавшая молодой графине Головиной, не одобрявшей «нечистой любви», «только презрение и не совсем вежливое чувство жалости». Ее жизнь напоминала авантюрный роман — весьма популярный в том столетии жанр. По слухам, ее купил на невольничьем рынке Константинополя польский посол в подарок королю Станиславу Понятовскому. Выучившись французскому и польскому языкам и придумав себе благородное происхождение, она сумела женить на себе каменец-подольского коменданта Юзефа Витта, который затем перешел на русскую службу и получил генеральский чин. Будучи представлена всем монархам главных стран Европы, София выполняла кое-какие дипломатические и даже секретные поручения и в определенный момент сделалась спутницей Потемкина, в полной мере пользовавшегося и ее умом, и ее красотой. Такая женщина не могла остаться незамеченной; 24-летний Арман де Фронсак наверняка обратил на нее внимание (по крайней мере, Ланжерон называет ее «самой красивой женщиной в Европе»). Впоследствии их пути еще пересекутся...

Князь принял де Линя как старого друга, а его спутника — уважительно, но с холодной сдержанностью. Арман был зачислен в русскую армию волонтером, де Линь — своим чином, то есть полковником. (В письме Суворову, который должен был выехать в Измаил, Потемкин, в частности, написал: «Сын Принца Де Линя инженер, употребите его по способности».)

«Князь Потемкин, чья власть, особенно в армии, не имеет границ, — один из тех необыкновенных людей, которых трудно постичь и редко встретишь, удивительная смесь величия и слабости, нелепого и гениального», — записал Арман в дневнике. Светлейший князь не видал

мир и почти не читал книг, однако обладал обширными познаниями во всех областях. Вместо книг он читал людей: выкачивал знания из тех, кого встречал, а потом пользовался ими благодаря своей цепкой памяти. Ему не было никакого дела до уважения к нему других; он обладал несметными богатствами да еще и запускал руку в казну, как в свой карман; возил за собой по степи многочисленную челядь, актеров, танцоров, оркестр; его слово было законом, и не было ничего, что не смогло бы исполниться по его воле...

В Бендерах провели трое суток, каждый день обедая и ужиная у Потемкина. («Ужин подавался в прекрасной зале; блюда разносили кирасиры, высокого роста, в мундирах с красными воротниками, высоких черных и меховых шапках с плюмажем, — говорится в мемуарах В. Н. Головиной, бывшей гостьей светлейшего, когда она приезжала в Бессарабию к мужу. — Они попарно входили в комнату и напоминали мне стражу, появляющуюся на сцене в трагедиях. Во время обеда знаменитый оркестр вместе с пятидесятью трубами исполнял самые прекрасные симфонии».) Григорий Александрович понемногу привык к Фронсаку и сообщил обоим друзьям, что направит их к генералу де Рибасу, которому якобы доверена операция под Измаилом: если после нескольких обстрелов крепость не сдастся, осада будет снята. И ради этого они проделали столь дальний и тяжелый путь? Однако в душе Армана трепетало предчувствие, что на самом деле их ждет куда более интересное приключение.

Двадцать седьмого ноября они были под Килией, у генерала Самойлова, где Арман впервые увидел русский лагерь, поразивший его удобством палаток и землянок, и сделал для себя несколько важных наблюдений: русские солдаты — лучшие в Европе, они храбры и дисциплинированы, однако их жизнь не имеет в глазах командования никакой цены, их кровь зачастую льется понапрасну из-за бездарных командиров. Так, Килию можно было бы захватить без единого выстрела и без потерь, однако из-за возникшей неразберихи во время ночной атаки открыли огонь по своим. Через два дня, уже под Измаилом, Арман узнал, что и эту крепость можно было бы взять, воспользовавшись эффектом неожиданности: турки недостаточно укрепили ее со стороны реки, во время штурма погибло бы меньше людей, чем за 24 дня осады, но шансом не воспользовались, и вот теперь операцию собирались сворачивать, поскольку у русских даже не было осадной артиллерии, а из-за отсутствия лазутчиков они не располагали данными о численности турецкого гарнизона.

На следующий день Арман присутствовал при стычке между русскими

лансонами^[7] под командованием подполковника Эммануила де Рибаса (брата адмирала) и турецкими кораблями, которые были вынуждены отступить. Тогда же он был представлен самому Иосифу де Рибасу — «итальянцу, наряженному военным», как отзывался о нем Ланжерон. Впрочем, о происхождении де Рибаса, которого в России называли Осипом Михайловичем, есть разные версии: одни говорили, что он сын донца Мигеля Рибас-и-Байонса, испанского дворянина, служившего неаполитанским Бурбонам; другие же утверждали, что он отпрыск итальянского простолюдина по имени Руобоно. Во всяком случае, он был хорошо образован, знал шесть языков (испанский, итальянский, латинский, английский, французский и немецкий), а позже выучил и русский. Брат фаворита императрицы Екатерины II Алексей Орлов приметил его в 1769 году в Ливорно и пригласил к себе на службу. Возможно, де Рибасе тогда прибавил себе несколько лет: сведения о дате его рождения также расходятся: от 1749 до 1754 года.

Во время Чесменского сражения (1770) де Рибасе находился на одном из четырех брандеров, с помощью которых был сожжен турецкий флот. Кроме того, он успешно выполнял разнообразные поручения Орлова и способствовал установлению дипломатических отношений между Неаполитанским королевством и Россией, за что получил чин майора неаполитанских войск. Через Орлова он вошел в доверие к императрице Екатерине, которая определила его в наставники к своему внебрачному сыну Алексею Бобринскому.

В 1774 году де Рибасе был принят на российскую военную службу в чине капитана и получил русские имя и отчество. Два года спустя он уже был майором и тогда же женился на Анастасии Ивановне Соколовой, камер-фрейлине императрицы и внебрачной дочери И. И. Бецкого, попечителя учебных заведений Российской империи. На его свадьбе были сама Екатерина, ее новый фаворит Григорий Потемкин и цесаревич Павел. Впрочем, сам граф Бобринский разочаровался в своем наставнике, отнюдь не отличавшемся высокими моральными устоями: де Рибасе имел несколько внебрачных детей и плутовал в карточной игре.

Весной 1783 года де Рибасе, уже подполковник и кавалер Мальтийского ордена, по собственной инициативе отправился к Потемкину на юг и представил ему план реформы Черноморского флота. Летом 1788 года он деятельно командовал канонерными баркасами и разгромил турецкую эскадру в Днестровском лимане, за что был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени. После взятия Очакова его произвели в генерал-майоры. Догадавшись поднять затопленные турецкие галеры, он в краткие

сроки создал довольно большой гребной флот, участвовал в штурме Гаджибея в 1789 году и получил ордена Святого Владимира 2-й степени и Святого Георгия 3-й степени. К декабрю 1790 года флотилия де Рибаса истребила остатки турецкого флота, укрывавшегося под стенами Измаила, овладела противлежащим крепости островом Сулин и разместила на нем артиллерийские батареи. Именно там Арман, прикомандированный к батарее генерала Маркова, принял боевое крещение.

Попутно он составил себе представление о запорожских казаках — детях разных народов: русских, поляков, донских казаков, турок, — объединенных особым образом жизни и избирающих себе главарей; «...у них нет ни жен, ни постоянного жилья; они живут в камышах по берегам Черного моря и промышляют грабежом и пиратством». Попытки императрицы сделать их «полезными членами общества» не увенчались успехом. Они крайне жестоки и с большим пылом преследуют врага, чем сражаются; их не следует смешивать с донскими казаками, своей бдительностью оберегающими армию от неожиданного нападения и бесстрашными в бою. Эти люди невероятно умны, легко ориентируются в степи по звездам, не зная компаса; лучшей легкой кавалерии, к тому же за меньшие деньги, не сыщется во всей Европе.

После нескольких бесплодных стычек де Рибасе уже собирался снимать и вывозить пушки, как вдруг получил письмо от Потемкина с приказанием «взять крепость». Одновременно под Измаил прибыл А. В. Суворов («генерал вперед», как его прозвали австрийцы), которому и предстояло это совершить. Его приезд необыкновенно поднял боевой дух в войсках. Этот необычный человек, более похожий на казачьего атамана, чем на европейского полководца, был наделен незаурядными бесстрашием и смелостью. «Его успехи, укрепляя общий для всех русских предрассудок о бесполезности предосторожностей и науки против турок, еще более усилили их полную беззаботность во всём, что составляет искусство войны», — отметил для себя Фронсак.

Нужно было представиться командующему. Арман отправился к нему рано утром в сопровождении русского офицера. Было очень холодно, стоял морозный туман. Перед одной из палаток совершенно голый человек, «среднего роста, сутулый, морщинистый и худой», скакал по траве и «выделывал отчаянную гимнастику». «Кто этот сумасшедший?» — спросил Арман спутника и услышал в ответ: «Главнокомандующий граф Суворов». Суворов заметил молодого офицера во французском гусарском мундире и поманил его к себе.

— Вы француз, милостивый государь?

— Точно так, генерал.

— Ваше имя?

— Герцог де Фронсак.

— А, внук маршала Ришельё! Ну, хорошо! Что вы скажете о моем способе дышать воздухом? По-моему, ничего не может быть здоровее. Советую вам, молодой человек, делать то же. Это лучшее средство против ревматизма!

Суворов сделал еще два-три прыжка и убежал в палатку, оставив собеседника в крайнем изумлении.

Осмотревшись на местности, Суворов в письме Потемкину ограничился лаконичной фразой: «Крепость без слабых мест». За этими словами скрывалась неприступная твердыня, выстроенная полукругом на левом берегу одного из рукавов Дуная, которую обороняли мощная артиллерия из 250 орудий и 35-тысячная армия, тогда как осаждавшие ее сухопутные войска и гребные флотилии насчитывали не более 30 тысяч человек. Главнокомандующий лично проводил учения, показывая солдатам, как взбираться по лестницам и переправляться через ров; ружейные и сабельные приемы отрабатывали на чучелах, наряженных мусульманами. С помощью принца де Линя было устроено еще пять артиллерийских батарей. Одновременно туркам в очередной раз было предложено сдаться, на что они ответили гордым отказом.

Десятого декабря на рассвете русские начали обстреливать крепость с кораблей, с острова и с четырех батарей по берегам Дуная; турецкие пушки им отвечали. Страшная канонада продолжалась до полудня, потом огонь ослабел и к ночи совсем утих. В ночь на 11-е был назначен штурм — за два часа до рассвета, по сигнальной ракете. (Чтобы враг ни о чем не догадался, ракеты в этот час пускали до того несколько ночей подряд.) Войска выстроили в девять колонн, а флотилия заняла отведенные ей места на Дунае. Небо затянуло облаками, над водой стоял густой туман, скрывая продвижение солдат. В час ночи колонна бригадного генерала Маркова (пять батальонов пехоты — три тысячи штыков), в которой был Фронсак, начала переправу на левый берег Дуная; тысяча запорожцев должны были составлять авангард, однако они не высадились. Одновременно 200 солдат Апшеронского полка и две тысячи гренадеров Фанагорийского полка были направлены на захват бастиона по левую руку. С правого берега реки и с плавучих батарей палили пушки, и вспышки выстрелов отражались в воде, производя феерическое впечатление в ночи. Однако турки, предупрежденные об атаке русским перебежчиком (впоследствии его обнаружили в подземелье и прикончили сослуживцы), при приближении

колонн открыли картечную и ружейную пальбу по всему валу. «Крепость, — вспоминал Ланжерон, — казалась настоящим вулканом, извергающим дьявольское пламя». Несшийся отовсюду крик «Аллах акбар!» еще усиливал ощущение апокалиптичности происходящего.

Причалить можно было только в одном узком месте, свободном от затопленных турецких галер. Чтобы придать себе бодрости под шквальным огнем, Арман де Фронсак и Шарль де Линь, готовясь к атаке, громко крикнули: «За Терезу!» — и тем самым каждый выдал свою сердечную тайну. Де Линь, стоявший на носу шлюпки, чтобы первым спрыгнуть на берег, был ранен пулей в левое колено и опрокинулся навзничь; Фронсак и оказавшийся рядом сержант его подняли, и все вместе побежали под градом пуль к бастиону, находившемуся в двадцати шагах.

Высадив на берег 40 егерей, шлюпка ушла за остальными, но турки в темноте этого не заметили и заперлись в бастионе, «иначе мы бы все погибли». Когда все батальоны переправились, они выстроились в колонну и двинулись вперед в порядке, которого трудно было ожидать в таких условиях. Из двухсот солдат Апшеронского полка 180 погибли. Берег был усеян мертвыми телами. Половина офицеров Маркова были убиты или ранены; пуля пробила шляпу Фронсака, срезала с его головы клочок волос и оцарапала кожу, другая прошила полу кафтана. Генерал Марков, увидев, что де Линь не может передвигаться без посторонней помощи, велел ему вернуться на шлюпку для перевязки. В этот момент ему самому размозжило ногу картечью; Ланжерон погрузил обоих в единственную лодку, остававшуюся у берега, и вернулся во главу колонны — сражаться рядом с людьми, языка которых он не понимал. Де Линь плакал от досады и боли.

Фанагорийцам приходилось туго; они позвали на помощь, и совместными усилиями батарея турок была захвачена; русские устремились вперед по узким улочкам, где соблюдать боевой порядок было уже невозможно. В это время вторая колонна генерала Ласси, сражавшаяся на крепостном валу, несла большие потери. Пока Ланжерон, собравший, как мог, нескольких солдат, снизу лез к нему на помощь, по самому валу подоспел Фронсак с егерями; Ласси заговорил с ним по-русски, тот ответил по-немецки, и всё время сражения на валу, продолжавшегося три часа, они переговаривались на этом языке. (Ирландец Ласси принял Фронсака за ливонца, а потому не мог после его разыскать, чтобы поблагодарить; он встретил герцога случайно два дня спустя, узнал, кто он, и ходатайствовал перед Суворовым о его награждении.)

В 1822 году Джордж Байрон опишет этот эпизод в восьмой песни

своей поэмы «Дон Жуан» (Ланжерон выведен в ней под именем Джонсона, а Фронсак — под именем Дон Жуана):

*На разных языках сквозь шум и чад
Трудненько сговориться, думать надо,
Когда визжит картечь, дома горят
И стоны заглушают канонаду,
Когда в ушах бушуют, как набат,
Все звуки, характерные для ада, —
И крик, и вой, и брань; под этот хор
Почти что невозможен разговор^[8].*

Измаил защищали турки и татары, собранные из Хотина, Бендер, Аккермана и Килии — крепостей, уже взятых русскими; за повторную сдачу в плен султан грозил им смертью, поэтому они сражались с бесстрашием приговоренных. Русские перед боем исповедались и надели чистые рубашки. Они лезли по девятиаршинным лестницам из наполненного холодной водой рва на вал, а сверху на них летели камни и бревна. Вода во рву доставала до пояса, казакам было трудно взбираться по лестницам в намокших длинных кафтанах; турецкие ятаганы с легкостью перерубали их пики. Офицеры первыми врывались во вражеские бастионы — и первыми же погибали, если чудом не оказывались спасены. Турки стреляли по русским из-за укрытий, те пытались отвечать, и генерал Ласси умолял их не тратить на это время, а бежать вперед и пускать в ход штыки. Первые добежавшие оказались изрублены, что вызвало замешательство и небольшое отступление. «То наши гонят, то турки наших рубят», — вспоминал Сергей Иванович Мосолов, командовавший батальоном егерей и раненный в голову в этом бою. К восьми утра были заняты крепостные укрепления, и бой закипел на улицах и площадях. Патроны заканчивались, люди начинали уставать, однако ярость русских возрастала по мере встречи с препятствиями.

Сераскир (главнокомандующий турецкими войсками), с пистолетом в одной руке и саблей в другой, стоял во главе своих янычар, поджидая нападавших; рядом находились музыканты, которым он велел играть. Англичанин-волонтер по имени Фот хотел взять его в плен, но сераскир застрелил его. Этот пистолетный выстрел прозвучал как боевой сигнал: русские взревели и с победным криком обрушились на турок; те больше не сопротивлялись и дали себя перебить.

Перед штурмом в приказе главнокомандующего особо указывалось: «Христиан и обезоруженных отнюдь не лишать жизни, разумея то же о всех женщинах и детях». Но в запале боя каждый думал лишь о собственной жизни, а льющаяся потоками кровь пробуждала в людях звериные инстинкты. Воздух огласился криками женщин и детей. «Несмотря на субординацию, царящую в русских войсках, ни князь Потемкин, ни сама императрица не могли бы всей своей властью спасти жизнь хотя бы одному турку», — вспоминал потом Ланжерон.

Впрочем, в доме рядом с бастионом после обнаружили четырнадцатилетнего татарина из рода Гиреев, племянника последнего крымского хана, который преспокойно курил кальян, словно не понимая, что происходит вокруг. Только по счастливой случайности он избежал участи своих дядей и сераскира; его отослали в Петербург, и императрица приняла его очень благосклонно.

«Я увидел группу из четырех женщин с перерезанным горлом и между ними дитя с очаровательным личиком, девочку лет десяти, искавшую спасения от ярости двух казаков, готовых ее зарубить, — записал Фронсак в дневнике. — Я, не колеблясь, обхватил несчастную девочку руками, однако эти варвары и дальше хотели преследовать ее. Мне стоило великого труда удержаться и не зарубить сих презренных саблей, которую я держал в руке. Я лишь прогнал их, осыпав ударами и бранью, которых они заслуживали, и с радостью обнаружил, что моя маленькая пленница не пострадала — лишь небольшой порез на лице, нанесенный, вероятно, тем же клинком, что пронзил ее мать. Одновременно я увидел, что на золотом медальоне, который висел у нее на шее на золотой же цепочке, было изображение французского короля. Сие последнее обстоятельство окончательно и полностью привязало меня к ней; а она, увидев по той заботе, с какой я оберегал ее от всякой опасности, что я не хочу ей зла, привыкла ко мне...»

Герцог нес девочку на руках, перешагивая через трупы, чтобы ей не пришлось «ступать по телам своих соотечественников». Он вернулся с ней к бастиону, где Эммануил де Рибас вел переговоры с семьями запершимися там турками, продолжает рассказ Ланжерон. Увидев девочку, те возопили, требуя, чтобы ее отдали им; возможно, она была высокого рождения. Фронсак долго отказывался и согласился отдать ребенка, только когда Рибас дал ему слово, что завтра они заберут ее обратно, однако ни тот ни другой девочку больше не увидели. А Шарль де Линь подобрал турецкого мальчика, окрестил и усыновил; позже он завещает ему 20 тысяч дукатов.

Байрон объединит эти разные истории в одну:

*«Владимиром» по случаю сему
Украсили отважного Жуана,
Но он не им гордился, а скорей
Спасеньем бедной пленницы своей.*

*И в Петербург турчаночка Лейла
Поехала с Жуаном. Без жилья
Ее одну нельзя оставить было.
Все близкие ее и все друзья
Погибли при осаде Измаила,
Как Гектора печальная семья.
Жуан поклялся бедное создание
Оберегать — и сдержит обещанье.*

«Век не увижу такого дела. Волосы дыбом становятся, — писал жене М. И. Кутузов, командовавший одной из колонн. — Вчерашний день до вечера был я очень весел, видя себя живого и такой страшный город в наших руках. Вечеру приехал домой, как в пустыню... Кого в лагере ни спрошу, либо умер, либо умирает. Сердце у меня облилось кровью, и залился слезами. К тому же столько хлопот, что за ранеными посмотреть не могу; надобно в порядок привести город^[9], в котором одних турецких тел больше 15 тысяч... Корпуса собрать не могу, живых офицеров почти не осталось».

«На улицах валяются тридцать восемь тысяч трупов всех возрастов и обоего пола, изуродованных, окровавленных, сваленных друг на друга или утопающих в грязи, которая стала красной, смешавшись с кровью, — отмечал Ланжерон. — Только представьте себе восемь тысяч обнаженных невольников, влачимых по телам своих соотечественников или привязанных за волосы к оружию своих победителей, — такое ужасное зрелище являл собой сей несчастный город».

После боя граф Суворов позволил наголодавшимся нижним чинам три дня грабить крепость, так что иные «червонцы шапками к маркитантам носили», и не было такого солдата, который «не напялил бы на себя мужского или женского турецкого платья». Захваченных пленных в последующие дни перегнали в Бендеры, причем казаки безжалостно приканчивали тех, кто не имел сил идти и задерживал продвижение других.

Турецкий султан казнил гонцов, принесших известие о падении Измаила. Англия, Пруссия и Голландия были в растерянности. Венгры предложили императору Леопольду войско в 80 тысяч солдат, лишь бы тот продолжил войну с Портой и добился мира на более выгодных условиях. Однако союзники султана заверили его, что, если Россия не заключит мир с сохранением статус-кво, ей придется иметь дело с британским флотом и прусской армией. Начались трудные переговоры...

Арман и Шарль де Линь вернулись в Вену. Они везли с собой дюжину турецких музыкантов, верзилу-гайдука, названного Измаилом в память о штурме, который должен был заботиться об усыновленном де Линем турчонке, а также оружие и лошадей — подарки от Суворова. Едва приехав, Арман узнал о смерти отца 14 февраля 1791 года в Париже. Эта новость не столько огорчила его, сколько раздосадовала: они с отцом никогда не были близки, и Арман не испытывал боли утраты, однако теперь ему нужно было ехать в Париж, чтобы принять титул герцога Ришельё и уладить дела, связанные с наследством — вернее, долгами покойного. Барон Фридрих Мельхиор Гримм (1723–1807), многолетний корреспондент Екатерины II, писал ей 10 апреля 1791 года: «Вернувшись из Измаила, герцог... поделился со мной своими крайними сожалениями по поводу того, что смерть его отца (которая, кстати говоря, отнюдь не потеря) заставила его вернуться сюда (в Париж. — *Е. Г.*) со всей поспешностью и не позволила последовать за блестящим князем [Потемкиным] в Петербург».

Франция или Россия?

Приехав во Францию в марте, молодой герцог де Ришельё поселился в Париже на улице Перон в Сен-Жерменском предместье, на левом берегу Сены. Обстановка в столице была крайне напряженной из-за принятой и утвержденной королем в прошлом году «гражданской конституции духовенства», согласно которой все священники должны были присягнуть «Нации, Закону, Королю и поддерживать всю свою власть Конституцию, провозглашенную Национальным собранием и утвержденную Королем». Процедура присяги началась в январе и проходила по воскресеньям по епархиям. Только четыре епископа (включая Талейрана) и половина всех кюре согласились ее принести, прочие же отказывались наотрез, в том числе духовник короля монсеньор де Монморанси-Лаваль. Аббат Шарль Доминик Николь (1758–1835) тоже отказался подчиниться и уехал из страны, поступив в наставники к сыну французского посла в Константинополе Шуазеля-Гуфье.

Восемнадцатого февраля 1791 года на стенах домов появились плакаты, обвинявшие «первого государственного чиновника» (то есть короля) в покровительстве непокорным. В тот же день двор должен был переехать в Сен-Клу, однако толпа, собравшаяся вокруг дворца Тюильри, этому помешала. Карета короля два часа простояла во дворе, но так и не смогла проехать.

Десять дней спустя слух, что в Венсенском замке ведутся ремонтные работы, чтобы подготовить новую тюрьму взамен Бастилии, вызвал очередные беспорядки. Смутьяны кричали о заговоре аристократов. Лафайет, командовавший национальной гвардией, устремился в Венсен, чтобы навести порядок. В это время пара сотен дворян из числа приближенных короля проникла в Тюильри, чтобы защитить августейшую семью: по слухам, разъяренная толпа направлялась из Венсена во дворец. Дворяне были вооружены шпагами, кинжалами, кое у кого были пистолеты. Примчавшись в Париж, Лафайет явился в Тюильри, обвинил этих «рыцарей кинжала» в попытке похищения короля и подготовке вооруженного переворота и заявил, что не отвечает за безопасность дворца, окруженного толпой, если эти люди не будут сейчас же разоружены и арестованы. Чтобы не допустить кровопролития, король приказал своим приближенным сдать оружие, которое было вынесено во двор; при этом национальные гвардейцы избили герцога де Пьенна (мужа одной из сестер

вдóвой герцогини де Ришельё) и маркиза де Нейи.

Поведение Людовика XVI, даже не попытавшегося защитить людей, явившихся, чтобы спасти его, разочаровало многих его сторонников, и те стали покидать страну. Папа римский Пий VI, со своей стороны, укорил короля за его поведение в отношении духовенства, напомнив ему принесенную во время коронации клятву отстаивать привилегии церковнослужителей. 15 марта дипломатические отношения между Францией и Святым престолом были разорваны, папский нунций был отозван из Парижа.

Началась новая волна эмиграции: уехали монсеньор де Монморанси, герцог де Вилькье и камергер герцог де Дюрас (18 апреля молодого маркиза де Дюраса избила толпа, так что самому королю пришлось просить национальных гвардейцев спасти юношу). В конце апреля герцог де Ришельё, находившийся в Лондоне (исключительно для удовольствия, уточняет его жена), получил письмо от Вилькье: король срочно вызывает его, чтобы он занял место камергера. 30 апреля герцог был уже в Париже и писал оттуда супруге:

«Вы, верно, знаете, дорогой друг, о подробностях того, что здесь произошло, и об отставках гг. де Вилькье и де Дюрана. Вам, вероятно, также известно, что Король назначил меня, чтобы их заменить; сию приятную новость мне сообщили в Лондоне эти господа, и, несмотря на бесконечно неприятные размышления, порожденные во множестве решением, которое я собирался принять, я повиновался голосу долга и немедленно выехал. Прибыв сюда, я отправился к Королю, чтобы получить его приказания касательно моего дальнейшего поведения; он велел мне не переезжать в Тюильри, но приходить туда время от времени, пока устройство его дома не будет окончательно утверждено. Надеюсь, что это позволит мне выбраться на несколько дней в Куртей, но я пока не хочу об этом думать, потому что брожение в Париже сильно до чрезвычайности. Вчера в Тюильри чуть не повесили троих офицеров Национальной гвардии. Одному уже накинута на шею веревку; вероятно, через несколько дней нас ждут очередные сильные потрясения. Уверяю Вас, что мне потребовалось больше смелости и самоотверженности, чтобы решиться вернуться, чем понадобилось бы трусу, чтобы пойти на штурм Измаила; все мои чувства скомканы, планы порушены, и я ровным счетом ничего не получил взамен».

Третьего мая, уговаривая жену отказаться от намерения приехать к нему в Париж, но из осторожности не называя прямо причин, Арман сообщил ей также, что российская императрица наградила его крестом

Святого Георгия и золотой шпагой с надписью «За храбрость»; этой чести он не ожидал, считал «незаслуженной», но крайне обрадовался. (Узнав об этом от неаполитанского посла в Вене, принц де Линь затанцевал от радости и через несколько дней отправил «самому храброму и самому красивому из волонтеров» письмо: «Еще никто не был бóльшим внуком маршала де Ришельё и более очаровательным и бесстрашным соратником. Вы и Шарль в равной мере делаете друг другу честь. Будучи уверены в Вашем природном благородстве, Вы стремились его увеличить. Какое счастье для меня, дорогой герцог, знать, что Вы полны жизни и пыла, и нежно полюбить Вас почти сразу, как только Вы появились на свет, украшением коего Вы являлись уже тогда».)

А 2 мая Екатерина II писала барону Гримму: «Единогласны отзывы о нынешнем герцoge Ришельё. Хочу, чтобы он разыграл во Франции роль кардинала этого имени, не обладая, однако, его недостатками. Я люблю людей с достоинствами, а потому и желаю ему всего хорошего, хотя и не знаю лично. Я написала ему прекрасное, рыцарское письмо при отправлении креста Св. Георгия, и назло народному собранию я хочу, чтобы он оставался герцогом Ришельё и помог восстановить монархию».

Пока же герцог даже не находился постоянно при особе короля. Его служебную квартиру в Тюильри временно отдали обер-камеристке королевы. В ночь на 21 июня 1791 года переодетая Мария Антуанетта спустилась туда по потайной лестнице из собственных апартаментов вскоре после полуночи и, поплутав в переулках вокруг Лувра, села в карету, где уже находилась Елизавета Французская, сестра короля; вскоре к ним присоединился и сам Людовик, одетый слугой. Чуть позже они пересели в заранее приготовленную шестиместную дорожную карету вместе со своими детьми и их гувернанткой; через несколько часов Париж остался позади. Брат короля граф Прованский выехал из столицы на рассвете вместе со своим другом д'Аварэ и без особых проблем добрался через Мобёж до бельгийского Монса, а оттуда выехал в Намюр, где должен был соединиться с Людовиком.

В семь утра 21 июня слуга, явившийся в королевскую спальню в Тюильри, увидел, что короля нет, а на постели лежит «Декларация Людовика XVI всем французам по его выезде из Парижа» — 16 страниц, исписанных почерком монарха. Французам их прочесть так и не удалось: Лафайет передал документ Национальному собранию, которое не стало его публиковать. Людовик клеймил в нем якобинцев и их растущее влияние на общество и требовал конституционной монархии с сильной исполнительной властью, не зависящей от Национального собрания. Тот же

слуга известил явившегося «на службу» герцога де Ришельё, что его господин покинул дворец. Как писала позже жена Армана, он испытал сильную боль оттого, что его «не сочли достойным доверия, на которое он имел право рассчитывать, доказав свою верность». Он отправился в Куртей, и чуткая Аделаида Розалия по лицу супруга сразу поняла, что случилось нечто ужасное.

Через час новость об отъезде короля облетела весь Париж. Учредительное собрание объявило, что Людовик был «похищен». Лафайет разослал гонцов во все концы, чтобы задержать королевскую семью. На след напали уже в половине третьего пополудни.

В это время гусары полка Лозена томились в деревушке на Сомме, дожидаясь королевскую карету, которая запаздывала уже на четыре часа. Им начинали угрожать местные крестьяне, и их командир герцог де Шуазель решил отойти полями в Варенн. Королевская семья добралась до Варенна только без десяти одиннадцать, и фореитор отправился искать сменных лошадей. Через пять минут прискакали два человека, отряженные в погоню, увидели карету и предупредили местные власти; мост, через который должен был следовать экипаж, перекрыли; национальные гвардейцы выкатили к нему две пушки. Сбежались «патриоты», забили в набат; когда подоспели гусары Шуазеля, ожидавшие в монастыре кордельеров, карету уже окружили, а королю велели выйти.

Король отказался от предложения командира гусарского эскадрона Делона отбить его силой; герцог де Шуазель и граф де Дама были схвачены толпой; гусары не смогли найти брод и вырваться из Варенна. К утру вдоль дороги уже стояла плотная толпа; королевская карета медленно поехала обратно в Париж. Уцелевшим офицерам оставалось только одно — эмиграция.

К моменту возвращения королевской семьи петицию в пользу установления республики уже подписали 30 тысяч человек. 25 июня возбужденная толпа, устав ждать, сама отправилась навстречу кортежу, сделавшему остановку в Мо. Национальное собрание приостановило полномочия Людовика XVI. По решению властей беглецы должны были въехать в Тюильри со стороны Елисейских Полей; вдоль этой дороги стояли гвардейцы, сдерживая толпу, но держа ружья дулом книзу, как на похоронах; было приказано соблюдать тишину: «Каждый, кто станет рукоплескать королю, будет бит палками, а кто станет его оскорблять, будет повешен». Смутьяны ограничились отдельными выкриками «Да здравствует нация!» и «Да здравствует храбрая национальная гвардия!». Но когда в десять часов вечера карета въехала в Тюильри, толпа

разбушевдалась; Марию Антуанетту чуть не разорвали — ее спасли герцог Эгийон (родственник Ришельё, секретарь Учредительного собрания) и виконт Луи Мари Ноайль, шурин Лафайета.

Единственным человеком, посвященным в планы бегства короля и находившимся за рубежом, был барон де Бретейль, бывший министр двора, который жил в Золотурне, на севере Швейцарии. Его секретарь Оливье де Верак, друг детства Армана, даже ездил, «рискуя жизнью», с депешами в Париж. После ареста Людовика молодой человек продолжил свою опасную деятельность в попытке спасти короля и королеву; он оказался поверенным царственных пленников, которые всё еще имели возможность перекинуться парой слов со своими слугами во время мессы, которую ежедневно служили в Лувре, в галерее Дианы.

Ришельё тоже вернулся в столицу, как только узнал об аресте короля. Все эти события настолько расстроили его тестя, маркиза де Рошешуара-Фодоа, и без того удрученного смертью старшей дочери, приключившейся годом ранее, что тот серьезно заболел и 6 июля скончался. «Г-н де Ришельё был так же добр и чуток со мной, как и во время моего первого несчастья (смерти сестры. — Е. Г.)», — отмечает его жена в своих «Записках». Однако семейное горе не шло ни в какое сравнение с тем кошмаром, который был уготован всей Франции.

Теперь Ришельё понимал, что дело короля окончательно проиграно. Ему было неуютно в стране, населенной фанатиками. Сам он не был ни революционером, ни контрреволюционером. Он не видел себе применения на родине, однако просто сбежать не мог — не позволяли его представления о чести. Но 27 июля он получил письмо от Потемкина с приглашением вернуться в Россию, «как только позволят обстоятельства». Месяцем ранее состоялось сражение при Мачине: генерал князь Н. В. Репнин нанес сокрушительное поражение туркам; Ланжерон сражался в корпусе, которым командовал Кутузов. Можно себе представить, что творилось в душе у его друга, вынужденного находиться вдалеке от настоящего дела! Король дал согласие на его отъезд, Национальное собрание тоже не возражало: «Арман Ришельё, который, хотя и француз, в данный момент состоит на службе России... испрашивает паспорт, дабы исполнить свои обязательства; он обещает вернуться сразу по окончании войны и желает, чтобы военные познания, кои он приобретет, позволили ему однажды споспешествовать славе его родины».

«К чувству удовольствия, которое я испытал, оказавшись вне Франции, примешивалась горечь при мысли о бедах, обрушившихся на мою страну, раз отъезд из нее доставляет такую радость», — писал Арман жене из

гессенского Дибурга 6 августа. Однако он отправился не прямым путем в Россию, а сначала в Вену: «Я еду туда не для собственного удовольствия, а по очень важному делу. Я пробуду там лишь столько, сколько потребуется, чтобы его закончить. Ненадежность почты не позволяет мне рассказать Вам об этом больше, хотя я с удовольствием посвятил бы Вас во все свои планы, но я не могу относиться с тем же доверием к муниципалитетам, сыскным комитетам и директориям».

Вполне возможно, что у Ришельё было какое-то поручение от короля, которому вскоре предстояло решить, принять или не принять Конституцию. Во всяком случае, по пути в австрийскую столицу герцог на несколько дней остановился в Кобленце, где братья Людовика, находившиеся к нему в открытой оппозиции, активно занимались организацией армии из эмигрантов. Уже из Вены Арман писал жене: «Если Вы желаете знать подробности о деле, приведшем меня сюда, скажу, что я не готов покончить с ним сейчас и отложил окончательное решение до следующей весны. Это всё, что я могу Вам сказать. Уверяю Вас, что всё это никак не связано с революцией и контрреволюцией. Так что я не вижу в этом деле ничего, способного Вас огорчить, кроме моего отсутствия, которое, как Вы знаете, необходимо, ибо Вы можете подумать, что я теперь вернусь во Францию только как иностранец, путешествуя, бог знает когда». Впрочем, скорее всего, слова о том, что его миссия не связана с текущим положением во Франции, написаны для отвода нескромных глаз. «Он хорошо делает, оставаясь с принцами, и служит мне, трудясь над восстановлением французской монархии», — писала Екатерина II барону Гримму 1 сентября 1791 года.

В Вене Арман познакомился с молодым русским дипломатом Виктором Павловичем Кочубеем (1768–1834), племянником графа А. А. Безбородко. 15 октября Потемкин, вернувшись в Яссы из Петербурга, где он за четыре месяца истратил на разные пиршества и увеселения 850 тысяч рублей, умер от перемежающейся лихорадки в чистом поле, и переговоры о мире с Турцией продолжил Безбородко. Он вызвал племянника к себе, чтобы сделать посланником в Константинополе. Мирный договор был заключен только 29 декабря 1791 года и подписан со стороны России племянником Потемкина генерал-поручиком графом А. Н. Самойловым, генерал-майором О. де Рибасом и статским советником С. Л. Лашкаревым. Россия закрепила за собой всё Северное Причерноморье, включая Крым, получила земли между Южным Бугом и Днестром, по которому теперь проходила граница, и усилила свои позиции на Кавказе и Балканах; Турция отказалась от претензий на Грузию. Конечно, для России это были

небольшие приобретения в сравнении с тем, на что она претендовала, начиная войну, но всё-таки бесспорная победа. Зато Измаил в 1792 году вернули туркам...

Однако Ришельё неожиданно лишился покровителя в лице князя Таврического. Как теперь ехать в Россию, к кому? По счастью, тогда же в Вене он свел знакомство с еще одним колоритным персонажем — князем Карлом Генрихом Нассау-Зигеном (1745–1808), человеком-легендой. Сын немецкого князя и француженки, женатый на польке, храбрец и дуэлянт, тот участвовал в первом французском кругосветном путешествии Л. А. де Бугенвиля, пытался основать королевство в африканской Дагомее, командовал плавучими батареями при попытке франко-испанских войск овладеть Гибралтаром и получил за храбрость титул испанского гранда. При этом он не говорил ни по-немецки, ни по-испански, ни по-польски. В Россию он впервые отправился, чтобы заинтересовать Потемкина проектом использования Днестра для торговли с Европой. Он состоял в свите императрицы Екатерины во время памятного путешествия по Крыму.

Когда началась война с Турцией, принц отличился под Очаковым. «Матушка всемилостивейшая Государыня, всё сие дело произведено от флотилии Принца Нассау, и он неутомим и ревностен, — писал тогда Потемкин. — Не оставьте его отличить, чрез сие повернете головы у всех французов, да и справедливость требует». Императрица пожаловала принцу орден Святого Георгия 2-й степени и больше трех тысяч душ в Могилевской губернии, а затем назначила вице-адмиралом и отдала под его начало гребную флотилию на Балтике. Победы, одержанные во время войны со Швецией, принесли ему орден Святого Андрея Первозванного, и даже поражение во время второго Роченсальмского сражения не лишило принца милостей императрицы. В 1791 году он находился в отпуске в Вене, где наконец-то закончилась длительная тяжба о его правах на владения деда: нассауские земли, захваченные принцем Оранским, были заняты французскими войсками. Он согласился сопровождать Армана в Санкт-Петербург и представить его российской императрице.

Еще в 1790 году в России нашли прибежище более десяти тысяч французов, не принявших революцию. Екатерина II была к ним милостива и щедра. Ришельё принимали в Зимнем дворце, хотя «мало кто допускался в это святилище, и никогда там не видали людей лет и чина господина де Ришельё». Ланжерон, которому принадлежит это замечание, объясняет такое отношение императрицы тем, что ей льстило иметь у себя на службе потомка кардинала Ришельё.

«В эрмитажные дни, которые обыкновенно были по четвергам, был

спектакль, на который приглашаемы были многие дамы и мужчины, и после спектакля домой уезжали; в прочие же дни собрание было в покоях государыни: она играла в рокамболь или в вист по большей части с П. А. Зубовым, Е. В. Чертковым и гр[афом] А. С. Строгановым; также и для прочих гостей столы с картами были поставлены. В десятом часу государыня уходила во внутренние покои, гости уезжали; в одиннадцатом часу она была уже в постели», — писала в мемуарах графиня Головина. Из французов допускались только посол Сегюр вплоть до своего отъезда в 1789 году, а в 1792-м — Ришельё и Эстергази. Возможно, именно на одном из таких вечеров герцог впервые увидел великого князя Александра, которому тогда было 15 лет, и его младшего брата Константина. Кроме того, он смог сблизиться с графом Аркадием Ивановичем Морковым (Марковым), который был «главной пружиной» Министерства иностранных дел и оказывал большое влияние на внешнюю политику России. Среди новых друзей Армана был и граф Андрей Кириллович Разумовский, как раз в то время назначенный послом в Вену. Однако при дворе всходила звезда молодого красавца Платона Александровича Зубова (1767–1822) — в июне 1789 года он занял место «милого друга» императрицы, освобожденное графом Александром Матвеевичем Дмитриевым-Мамоновым. 22-летний секунд-ротмистр гвардейского Конного полка был пожалован в армейские полковники и флигель-адъютанты, через три месяца произведен в кавалергардские корнеты с чином генерал-майора и фактически возглавил личную охрану императрицы. (После взятия Измаила Потемкин, встревоженный этим возвышением, отправился в Петербург «дергать зуб», однако «зуб» сидел уже слишком крепко.)

В феврале 1792 года герцог Ришельё поступил на русскую службу в чине подполковника, хотя во Франции был майором, а обычно иностранцев приписывали к русским полкам с понижением в чине. Вскоре он был произведен в полковники и зачислен в Тобольский пехотный полк^[10]. Судя по документам, тамошняя его служба была чистой формальностью; по крайней мере, к личности нового офицера не проявили должного интереса, не выяснив всех основных сведений о нем:

«Послужной список штаб-офицеров

Тобольского пехотного полка

23 августа 1792 г.

Чины, имена.

Полковники. <...>

Ордена Святого великомученика и победоносца Георгия 4-го класса
кавалер джук Деришелье.

Сколько от роду лет.

(Графа не заполнена. — Е. Г.)

Из какого состояния, где испомещены и сколько мужеска полу душ.

Из французских дворян.

Когда в службу вступили и какими чинами и когда происходили.

В службе по именному ее императорского величества указу пожалован
полковником — 792 февраля 23.

*Со вступления в службу в которых именно полках и батальонах
находились и с которого точно времени.*

В Тобольском пехотном полку — 792 февраля 23.

*В течение службы своей где и когда были в походах и у дела с
неприятелем.*

Неизвестно.

Российской грамоте читать и писать и другие какие науки знают ли.

Неизвестно.

В домовых отпусках были ль и когда именно явились на срок.
Неизвестно.

В штрафах не были ль по суду или без суда и когда и за что именно.

Неизвестно.

*В комплекте или сверх комплекта, при полку или в отлучке, где
именно, с которого времени и по чьему повелению находятся.*

Сверх комплекта, а находится уволенным по повелению главной
команды с прописанием высочайшего соизволения в чужие края на 6
месяцев.

К повышению достойны ли или зачем именно не аттестуются.

О достоинстве его предается на рассмотрение главной команде»^[11].

«В чужие края» Ришельё был уволен 22 марта 1792 года, то есть всего
через месяц после зачисления в полк (или присвоения полковничьего
чина). В феврале Леопольд II заключил союзный договор с Пруссией
против Франции, однако 1 марта он неожиданно скончался, и на
австрийский престол взошел его сын Франц II, который затем был избран
императором Священной Римской империи и 14 июля короновался во
Франкфурте-на-Майне, став также королем Венгрии и Богемии. 15 апреля
новый император, отстаивая интересы владетельных князей Эльзаса,
которые подпали под действие декрета от 30 марта о конфискации
имущества дворян, эмигрировавших с 1 июля 1789 года, направил

французскому королю ультиматум. Пять дней спустя Национальное собрание объявило ему войну, а Пруссия, верная союзному договору с Австрией, объявила войну Франции.

Французы наспех сколотили четыре армии: Северную — под командованием маршала Рошамбо, Центральную — под началом Лафайета, Рейнскую — Люкнера и Южную — Монтескью. (25 апреля Руже де Лиль сочинил «Песнь Рейнского полка», посвященную маршалу Люкнеру, которая позже войдет в историю под названием «Марсельеза».) Им противостояли группировка герцога Саксен-Тешена в Бельгии и армия герцога Брауншвейгского в центре (30 тысяч австрийцев, 42 тысячи пруссаков и гессенцев); австрийцы поспешно формировали армию у границ Эльзаса. В это время французские эмигранты организовались в три армии: армию принцев, братьев короля, со ставкой в Кобленце, насчитывавшую 12 тысяч человек, корпус герцога де Бурбона и корпус принца Конде на Рейне. Около пяти тысяч эмигрантов из армии принцев примкнули к корпусу герцога Брауншвейгского, который не слишком им доверял; неумный Ланжерон тоже был среди них.

Французы вторглись в Австрийские Нидерланды, чтобы помочь Брабантской революции; однако 28 апреля две колонны Северной армии разбежались при виде врага под Монсом и Турне, а третья была вынуждена отступить, даже не увидев неприятеля. Наступление Лафайета, который должен был взять Намюр и Льеж, тоже было остановлено, однако австрийцы не сумели воспользоваться своим преимуществом.

Как сообщает в своих «Записках» Ланжерон, императрица Екатерина II поручила Ришельё доставить принцу Конде деньги на содержание его корпуса в Брайсгау (в общей сложности на поддержку принцев она потратила миллион рублей).

Напомним, Луи V Жозеф де Бурбон-Конде, кузен короля, эмигрировал сразу после взятия Бастилии. Вместе со своими братьями и двадцатью семью офицерами полка Бове он сколотил ядро своего будущего корпуса. Рядом с ним находились его сын и двадцатилетний внук герцог Энгиенский, маркиз де Дюрас, ставший герцогом, герцог де Шуазель, граф де Дама; многочисленные дворяне, в том числе виконт де Шатобриан, тоже приехали к Конде, поскольку на Рейне не плели интриг и не щеголяли друг перед другом рождением, элегантностью, краснбайством — там собрались истинные приверженцы короля, не искавшие никаких личных выгод. Даже четырнадцатилетний сын младшего брата Людовика XVI графа д'Артуа Шарль (Карл) Фердинанд, герцог Беррийский (1778–1820), приехал воевать под началом Конде.

Среди офицеров был, например, Жан Батист Прево де Сан-сак, маркиз де Траверсе (1754–1831), уроженец Мартиники, креол, сделавший невероятную карьеру на флоте благодаря своим умениям и отваге. Он участвовал в Войне за независимость США, получил в 1782 году орден Святого Людовика за мужество, проявленное в бою с двумя неприятельскими фрегатами в Чесапикском заливе, а в 1785-м стал иностранным членом американского ордена Цинцинната. Из Америки он отправился в Индию и в 1786 году был произведен во внеочередной чин капитана 1-го ранга. Представленный Людовику XVI, он удостоился чести участвовать в королевской охоте и занимать место в карете его величества. Накануне революции Траверсе уехал к себе на Мартинику. Находившиеся на этом острове французские войска, получив известие о взятии Бастилии, взбунтовались и отправились домой; кораблем, перевозившим их во Францию, командовал маркиз. В метрополии его встретили очень неласково, и он вместе с семьей укрылся в Швейцарии, а в мае 1791 года, получив у короля разрешение поступить на русскую службу, прибыл в Санкт-Петербург. Год спустя Екатерина II предоставила маркизу отпуск по семейным обстоятельствам, и он отправился в Кобленц, а затем стал связующим звеном между российской императрицей и принцем Луи де Конде. Возможно, тогда и состоялось его знакомство с Арманом де Ришельё; впоследствии судьба еще сведет их.

Армия, в которой офицеров было больше, чем солдат, оказалась малобоеспособна, несмотря на всю их храбрость и готовность к самопожертвованию: аристократы не умели чистить ружья и не были привычны к строевым упражнениям. По словам Шатобриана, армия эмигрантов была «людским скопищем, состоящим из стариков, мальчиков, спустившихся с голубятни, говоривших на нормандском, бретонском, пикардийском, овернском, гасконском, провансальском, лангедокском наречиях». В сражениях корпус пока не участвовал; Ришельё приехал туда летом 1792 года в русском полковничьем мундире, больше в качестве наблюдателя и переговорщика. Тем не менее 16 июня особым декретом Парижской коммуны он был причислен к эмигрантам, то есть его имущество тоже подлежало конфискации. Напрасно бедная «жена Ришельё» пыталась протестовать, утверждая, что ее муж никакой не эмигрант, потрясая копией паспорта, выданного ему в 1791 году, и аттестатом, подписанным Новиковым, поверенным в делах России в Париже, который подтверждал, что ее муж — российский офицер. Поместья герцога были объявлены национальным достоянием, часть их распродана.

Рубикон

В середине июля 1792 года Законодательное собрание, пришедшее на смену Учредительному после принятия Конституции (16 сентября 1791-го), провозгласило: «Отечество в опасности!» — и обратилось с призывом к добровольцам постоять за завоевания Революции. 25-го числа Карл Вильгельм фон Брауншвейг, главнокомандующий прусскими и австрийскими войсками, скрепя сердце подписал манифест, грозивший парижскому люду «примерной и памятной расправой», если хотя бы волос упадет с головы короля или кого-то из членов его семьи. Когда об этом стало известно в Париже, Национальная гвардия потребовала низложения Людовика XVI и установления нового способа правления. 10 августа в Тюильри ворвался народ; королевская семья искала спасения в Законодательном собрании, которое затребовало государственную печать, приняв, таким образом, всю полноту власти. Было введено всеобщее избирательное право. 19 августа войска антифранцузской коалиции пересекли границу. Рошамбо арестовали еще раньше, Лафайет, покинувший Францию, сдался австрийцам, Люкнера отстранили от командования за бездарность. Во главе Северной армии встал Дюмурье, а Рейнской армией командовал Келлерман. 23 августа пруссаки и австрийцы взяли Лонгви, 2 сентября капитулировал Верден. Дорога на Париж была открыта, однако герцог Брауншвейгский потерял несколько драгоценных дней, дожидаясь подхода войск от Мааса. В это время в Париже шла резня: чернь ворвалась в тюрьмы, где находились арестованные аристократы и непокорные священники, и перебила несколько тысяч человек.

Направляясь навстречу французской армии, войска герцога Брауншвейгского углубились в ущелья Аргоннских гор, и там на них напали летучие отряды. В стычке 14 сентября погиб Шарль де Линь, а шесть дней спустя французы одержали победу при Вальми; в военных действиях наступил поворот. «С этого места и с этого дня берет начало новая эра в истории мира», — записал тем вечером Гёте, находившийся в прусском лагере. В последующие два дня французы захватили Савойю. 21 сентября состоялось первое заседание Национального конвента, отменившего монархию и провозгласившего республику. Одним из депутатов был герцог Орлеанский, принявший по такому случаю имя Филипп Эгалите^[12]. Теперь во Франции вводилось новое летосчисление: шел первый год Республики. В октябре Рейнская армия вторглась в

Германию, были захвачены Майнц, Франкфурт, Вормс; Дюмурье вступил в Бельгию. 29 октября принц Конде попросил для себя и своего корпуса убежища в России. Ришельё, находившийся в это время в Вене, добился от австрийского правительства согласия на временное сохранение корпуса (он был включен в австрийскую армию) и его финансирование до конца февраля следующего года. Остальные эмигрантские корпуса были распущены, солдат Конде расквартировали на зиму в Виллингене, в земле Баден.

Шестого ноября французы разбили австрийцев в кровопролитном сражении при Жеммапе, причем решающую роль в нем сыграл девятнадцатилетний герцог Шартрский, сын Филиппа Эгалите. Вскоре французские войска вошли в Брюссель, обещая «братскую помощь всем народам, которые пожелают завоевать себе свободу». В конце месяца были взяты Льеж и Антверпен, однако в декабре австрийцы перешли в наступление, и Рейнская армия была вынуждена отойти в Саар. Тем временем Людовику XVI на основании неких документов, обнаруженных в «железном шкафу» в его спальне, было предъявлено обвинение в государственной измене; 11 декабря король предстал перед судом. Начались аресты «подозрительных»; посла в Константинополе графа де Шуазеля-Гуфье обвинили в контрреволюционном заговоре, и он бежал в Петербург^[13]; вместе с ним туда приехал аббат Николь.

В это время Екатерина II, рассмотрев подробный меморандум, представленный Ришельё, благосклонно ответила на просьбу принца Конде. Герцог отвез ему план, составленный генерал-адъютантом Платоном Зубовым, одобренный императрицей и датированный 9 декабря 1792 года. Речь шла о переселении воинов Конде в Россию, в Причерноморье (но не в Крым, где все земли уже были розданы).

Императрица соглашалась принять шесть тысяч человек, то есть два пехотных полка, которые образовали бы два военных поселения на территории в 315 тысяч гектаров от границ Тавриды до впадения Берды в Азов, гарантируя французским аристократам российские дворянские титулы и свободу вероисповедания. К каждому полку будут приставлены русские секретарь и делопроизводитель, поскольку эти должностные лица должны знать местные язык и законы. Каждое поселение будет подразделяться на десять округов, соответствующих ротам, из пяти поселков каждый. В каждом поселке будут жить офицер, два унтер-офицера, 40 мушкетеров-дворян и 20 человек незнатного происхождения. Власти обязуются построить дом для каждого поселенца в течение первых пяти лет, по две церкви и часовни во всех округах. На обзаведение

необходимым инвентарем будут выделены деньги: по 600 рублей старшим офицерам, по 300 рублей ротным офицерам и по 30 рублей недворянам. Сверх того, каждый мушкетер и унтер-офицер получит по две кобылы, две коровы и шесть овец. Поселенцам будет позволено заводить мануфактуры и беспошлинно торговать их продукцией внутри империи. Начальным образованием юношества будут заниматься священники, пока колонисты не окажутся в состоянии содержать учителей.

Этот план, доставленный в Виллинген Ришельё, был снабжен многочисленными пометками, сделанными его рукой, хотя герцог еще не бывал в Приазовье. Петербург считал свое предложение заманчивым, однако солдаты-дворяне пока не созрели для того, чтобы сделаться землепашцами. «Мы были ошеломлены, — вспоминал позже граф де Ромен. — Мы скорее умерли бы и встретили смерть во Франции, чем приняли подобное предложение». «Они предпочитают питаться черным хлебом и пить одну воду, но сражаться весной», — отчитался герцог перед императрицей. При нем были 60 тысяч золотых дукатов, которые предназначались для переезда армии Конде с Рейна на Азов. Ришельё убедил Екатерину оставить эти деньги «единственному корпусу французской армии, который еще существует... и пребывает в крайней нужде».

В середине января 1793 года министр юстиции Дантон изложил с трибуны Конвента доктрину «естественных границ Франции»: по Рейну, Атлантическому океану и Альпам. Когда-то те же мысли высказывал кардинал Ришельё... Немного времени спустя Людовик XVI был приговорен к смерти 361 голосом против 360; решающим стал голос Филиппа Эгалите — единственного человека, который мог воздержаться при голосовании. 21-го числа королю отрубили голову на площади Революции (бывшая площадь Людовика XV, ныне площадь Согласия). Он успел сказать перед смертью: «Народ, я умираю невинным!» — и добавил, обращаясь к палачу: «Я хотел бы, чтобы на моей крови было замешено счастье французов». Брат Людовика граф Прованский провозгласил себя «регентом» при маленьком племяннике, находившемся в заточении, а самого мальчика — королем Людовиком XVII. Новость о цареубийстве в Вену доставил герцог де Ришельё. Он же писал Платону Зубову: «Мне представляется совершенно невозможным, чтобы во Франции была восстановлена монархия во всей полноте своих прав».

Солдаты Конде жили на семь су в день (в то время фунт хлеба стоил восемь су); принц получал всю сумму жалованья и делил ее поровну на всех вне зависимости от чина. Корпус был передан под командование

маршала Д. З. фон Вюрмзера, родом из Эльзаса, и реорганизован в апреле на австрийский манер.

«Предстоящая кампания будет яркой и интересной, каков бы ни был ее исход, — писал Ришельё Зубову. — Желая оказаться однажды как можно более полезным на службе Ее Величеству, я был бы огорчен, если бы не воспользовался возможностью получить урок военного дела, предоставляющийся столь естественным образом». Тот же довод, что он выдвигал в свое время Национальному собранию! Благодаря посредничеству Разумовского был найден компромисс: Ришельё и Ланжерон поступят волонтерами на службу Австрии и при этом будут выполнять особую миссию наблюдателей русского правительства. Слета 1793 года до осени 1794-го граф Эстергази, находившийся в Брюсселе, будет получать от них подробные ежедневные отчеты о военных действиях^[14] и пересылать их в Петербург. Екатерина II, занятая вторым разделом Речи Посполитой^[15], желала знать всё об организации, настрое и поведении прусской и австрийской армий.

В начале февраля Франция присоединила графство Ниццу и княжество Монако, а в конце месяца массовая мобилизация, объявленная Конвентом (300 тысяч мужчин должны были встать под ружье), вызвала взрыв негодования в Вандее, где началась крестьянская война. 10 марта был учрежден Революционный трибунал, а 6 апреля — Комитет общественного спасения. Террор стал фактически официальной политикой нового правительства. Все члены семейства Бурбон, включая Филиппа Эгалите, были арестованы. С марта 1793 года по август 1794-го по законам военного времени за «контрреволюцию» арестуют полмиллиона человек; 16 594 из них будут казнены.

В мае Ришельё и Ланжерон прибыли в Генеральный штаб австрийского командования под Валансьеном. Именно в этот момент генерал Карл Мак, одержавший несколько побед над французами, покинул армию, выведенный из себя медлительностью военных действий; его заменил генерал фон Гогенлоэ, человек заурядный и бесталанный. Что же до принца Саксен-Кобургского, командовавшего с февраля войсками во Фландрии и Северной Франции, Ланжерон назвал его «ничтожеством, не отдавшим ни единого приказа и не проводившим ни одной операции самостоятельно, не делающим и шагу без своего руководителя», которым был... генерал Мак. Осада Валансьена продолжалась с 25 мая по 28 июля, осада Конде — на-Шельде — 92 дня, до 17 июля. Ришельё руководил там осадными работами и шел на приступ вместе с австрийцами, снискав их

уважение своей храбростью.

Между тем в июне его жена была брошена в тюрьму и рисковала сложить голову на гильотине. Имущество всей семьи было конфисковано «в возмещение убытка нации, вынужденной вести войну для защиты Конституции». У Ришельё не осталось ничего: он потерял недвижимое имущество на 5 миллионов 593 тысячи франков — земли, леса, замки (дом, где он появился на свет, был продан с аукциона еще 2 апреля 1792 года; вдова маршала де Ришельё получила за него от парижского предпринимателя Жана Шерадама полтора миллиона франков) — и движимое имущество на 965 тысяч франков.

«Я нахожусь в таком положении, что, какое бы решение я ни принял, я непременно пожалею о нем тем или иным образом», — писал Ришельё своему другу Андрею Разумовскому 18 августа 1793 года из-под Ковеля на Волыни. Принц Конде «попросил для меня у нового короля корпус королевской кавалерии, бесспорно, самый замечательный во всей армии», и желал, чтобы Арман немедленно присоединился к нему. Ришельё сообщил об этом предложении, повергшем его «в величайшее замешательство», в Петербург, как и о том, что не считает для себя возможным его принять, не нарушив своих обязательств перед императрицей. «Мне трудно поверить, мой дорогой посол, что всё это закончится хорошо, я убежден, и давно это знаю, что *силою вещей французы получают короля, но этот король будет не из дома Бурбонов* (курсив мой. — Е. Г.). Несмотря на эту мысль, я желаю всем сердцем иметь возможность завершить эту войну и отдать всю свою кровь за дело, которому имею столько причин быть преданным».

Это письмо написано по-французски, однако с небольшим вкраплением на русском языке: «...я начинаю лучше говорить и понимать и уверен что я скоро и с малым трудом довольно узнаю и совсем едва всё понимаю, что для службы надлежит». По этому фрагменту мы можем составить представление, насколько хорошо русский полковник «Дерешилье» овладел к тому времени новым наречием.

В сентябре 1793 года французскому генералу Ушару удалось снять осаду Дюнкерка, которую вели британские войска герцога Йоркского, однако он был обвинен в трусости, поскольку не стал преследовать войска антифранцузской коалиции, и в ноябре гильотинирован.

Осада австрийцами Мобёжа продолжалась с 30 сентября по 16 октября и была снята после поражения, нанесенного им Журданом при Ваттиньи; австро-английские войска отступили на север, отказавшись от планов идти на Париж. В тот же день была казнена Мария Антуанетта; Филиппа Эгалите обезглавят 6 ноября.

(Графиня де Рошешуар, родственница жены Армана, пыталась устроить королеве побег, однако Мария Антуанетта не могла бросить своих детей. Планы провалились, сама графиня чудом избежала смерти: когда ее уже шли арестовывать, старший сын Луи, которому тогда было всего 12 лет, успел ее предупредить. Забрав с собой Луи и пятилетнего Леона, она бежала в Швейцарию. Ее семилетнюю дочь Корнелию выгонят из пансиона, и после трех дней скитания по улицам девочка умрет от истощения... Мальчиков же графиня оставила в нормандском Кане, в семье банщиков, которые превратили отпрысков аристократов в прислугу, держали их в черном теле, кормили впроголодь. Только через год их разыщет родственница и освободит из рабства.)

«Мы были свидетелями больших успехов, еще больших ошибок, нескольких счастливых происшествий и множества несчастных», — писал впоследствии Ланжерон. Австрийская армия осталась такой, какой была всегда: храброй, но неповоротливой, упрямо придерживающейся своей системы, не стремящейся развить успех, ничем не одушевляемой, возглавляемой полководцами, думающими только о себе и не приходящими друг другу на выручку. Вандейцы тоже терпели поражения. 19 декабря благодаря действиям 24-летнего майора Наполеона Бонапарта французы отбили у британцев Тулон; за этот подвиг комиссары Конвента присвоили начальнику артиллерии чин бригадного генерала.

К тому времени во Франции закрыли все академии и университеты, разогнали Комеди Франсез и арестовали труппу; обращение на «вы» было запрещено, вместо «месье» полагалось говорить «гражданин». Все населенные пункты, названия которых были как-то связаны с королем, надлежало переименовать; взамен григорианского приняли новый, революционный календарь Фабра д'Эглантина, придумавшего новые названия месяцев; церкви закрыли, а в соборе Парижской Богоматери теперь отправляли культ Разума. Впрочем, в столицу этот культ пришел из провинции; на юго-востоке его насаждал бывший адвокат Жозеф Фуше, член Конвента, голосовавший за казнь короля и похвалявшийся кровавым подавлением восстания в Лионе в октябре 1793 года.

Что мог думать обо всём этом потомок кардинала Ришельё — основателя Французской академии, покровителя Парижского университета, автора пьес и верного слуги монархии? Кстати, 15 февраля II года Республики (то есть 5 декабря 1793-го) чернь ворвалась в часовню Сорбонны и разбила мраморное надгробие на могиле кардинала, набальзамированное тело извлекли из гробницы и растерзали, кто-то отрубил у мумии палец с драгоценным кольцом и взял себе; мальчишки

гоняли по улицам голову, точно футбольный мяч. В определенный момент она оказалась у ног бывшего аббата Башана, который подхватил ее и пустился наутек...

Коллеж дю Плесси, где учился Арман, был превращен в тюрьму, куда свозили «подозрительных» из провинции, по большей части из Санлиса, Компьена и Шантильи, где не было ни ревтрибунала, ни гильотины. Мужчин держали в подвалах, женщин — на чердаках. Многие из них с отчаяния выбрасывались в окна и разбивались насмерть. Когда там стало уж слишком тесно, сломали стену, отделявшую коллеж от Сорбонны, и разместили узников в нескольких аудиториях.

Весной 1794 года часть польской шляхты, надеясь на помощь Франции, восстала против Российской империи; 16 марта жители Кракова провозгласили Тадеуша Костюшко диктатором республики и главнокомандующим польской армией. Генерал Игельстром, русский посол в Варшаве, отправил против мятежников отряды Ф. П. Денисова и А. П. Тормасова; в Польшу вступили и прусские войска. 4 апреля Тормасов и Денисов потерпели поражение под Рацлавицами; в Варшаве вспыхнул мятеж, часть гарнизона перебили. Следом взбунтовалась Вильна. Армия Костюшко возросла до семидесяти тысяч солдат, правда, плохо вооруженных. В Польшу срочно отправили Суворова. На галицкой границе собирались австрийские войска. Денисов, соединившись с пруссаками, нанес поражение Костюшко, который отступил к Варшаве; Краков сдался прусскому генералу Эльснеру; князь Репнин подошел к Вильне. В это время в Великой Польше началось восстание; прусский король отошел от Варшавы, преследуемый Костюшко. В Литве шла партизанская война. Отвлечшись на новые события, австрийцы отозвали часть сил с западного фронта; в конце июня Австрийские Нидерланды были ими окончательно утрачены.

Тем временем в Париже «кровавый карлик» Максимильен Робеспьер изложил в Конвенте свою программу: продолжение террора, полное подчинение Комитета общей безопасности Комитету общественного спасения (фактическим главой которого он был), пригрозив санкциями против «мошенников» и умеренных депутатов. Бесконечно запугивать людей нельзя — они могут осмелеть от страха. 9 термидора II года Республики (27 июля 1794-го) Робеспьера арестовали, а его сторонников провозгласили вне закона. На следующий день «Неподкупный» и еще 24 человека были обезглавлены на площади Революции, за ними последовал 71 член Парижской коммуны.

В начале августа Арман де Ришельё и Роже де Дама присутствовали

при выводе войск принца Кобургского из Маастрихта. Французские аванпосты находились совсем рядом, «враги» часто переговаривались.

— Не найдется ли в вашей армии хороших хирургов? — окликнули их с французской стороны.

— А что?

— Да Робеспьер себе шею порезал!

«Это была одна из новостей, которая доставила мне самое большое удовольствие за всю жизнь», — вспоминал Дама. Можно предположить, что и Арман был счастлив: после термидорианского переворота его страдалицу-жену выпустили из тюрьмы.

Между тем русские овладели Вильной, Суворов, явившийся в сентябре, одержал несколько побед, а Денисов разбил Костюшко при Мацеёвицах и захватил его в плен. 24 октября Суворов штурмом взял Прагу (предместье Варшавы) и через два дня вступил в капитулировавший город.

Оставив австрийскую армию, Ришельё в октябре вернулся в Вену. Он провел там зиму, общаясь со старым принцем де Линем — тот, разоренный революцией, поселился в маленьком розовом домике на городском валу («попугаячьей жердочке») с дочерьми Флорой, Кристиной и Евфимией, которую Ришельё называл «мадам Фефе». Ужины в узком кругу (после спектакля и какого-нибудь бала) заканчивались в три-четыре часа ночи.

Графиня фон Тун, близкая приятельница де Линей, тоже привечала французов — Ришельё, Ланжерона, Дама — в своем салоне, где бывали самые красивые женщины Вены, начиная с ее дочерей (одна из них вышла замуж за графа Разумовского, а вторая за князя Лихновского, покровителя Людвиг ван Бетховена, новой звезды на музыкальном небосклоне), а также графиня Кинская. Бедный Шарль де Линь указал в своем завещании, чтобы после его смерти в семейном имении Белёй устроили «комнату неразлучных» с портретом Терезы... Арман питал к ней самую нежную дружбу, не переступая границ дозволенного. Однако он был не каменный, да и трудно было бы требовать от 28-летнего привлекательного мужчины, попавшего в женский «цветник», чтобы он только вдыхал ароматы, не пытаясь сорвать ни одного бутона. «Он был не таким беспутным, как его молодые товарищи, хотя любил дам и был создан, чтобы им нравиться», — отмечал старый принц де Линь. По крайней мере, имя одной любовницы Армана нам известно: это госпожа фон Крайен — весьма любезная, обходительная и остроумная дама, которая хранила письма своих знаменитых кавалеров и впоследствии, находясь в Берлине, где она была хозяйкой модного салона, составила из этой коллекции «музей любви».

В столице Австрии страх перед революцией старались заглушить развлечениями: венцы ходили на концерты и в оперу, устраивали приемы и пирушки с темным пивом и сосисками, однако старались не распускать языки, поскольку у полиции всюду были уши и «вольнодумцы» быстро оказывались в тюрьме. Ворота предместий теперь запирали в десять часов вечера, солдатам гарнизона было приказано держать оружие заряженным. В общем, все должны были находиться на посту.

В феврале 1795 года Ришельё и Ланжерон выехали к месту службы — в Петербург.

Немилость

В новом отечестве двум чужестранцам требовался влиятельный покровитель, и в столицу Российской империи они отправились через украинское село Ташань в Полтавской губернии, где доживал свой век граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский (1725–1796) — великий полководец, отец русской наступательной стратегии, герой Семилетней войны. Император Иосиф II всегда держал за обеденным столом свободное место, предназначенное для русского фельдмаршала. А в России Потемкин, ревновавший к его славе, сковывал его действия, доводя до бешенства проволочками и отписками, чем вынудил в 1789 году подать в отставку. В 1794 году Румянцев номинально числился командующим армией, сражавшейся в Польше, однако из-за болезни оставался в своем имении, где жил отшельником в нетопленном, плохо обставленном доме и почти никого не принимал. Однако французских офицеров победитель турок при Кагуле встретил радушно. Ланжерон говорит о нем как о «человеке высшего ума, большого таланта, но жесткого и странного характера, педантичном и строгом начальнике, но в большей степени расчетливом, чем отважном, и более ловком полководце, чем бесстрашном солдате». Румянцев предложил Ришельё стать полковником в своем кирасирском полку, а Ланжерону — подполковником в гренадерском Малороссийском полку. Но эти назначения надо было утвердить в столице.

В Петербурге друзей ждал «холодный душ»: их почти не принимали при дворе, они не встречали в царедворцах бывлой любезности. 1 мая 1795 года Ришельё писал Разумовскому: «Если бы поставленной целью было совершенно отвратить меня отсюда, иначе и действовать было бы нельзя; если так продлится еще какое-то время, цель будет достигнута, ибо бедность и невзгоды перенести еще можно, но унижение непереносимо»^[16]. Он-то считал, что место в «ближнем кругу» даруется раз и навсегда, но хотя Зубов по приезде принял его доверительно и по-дружески, а императрица удостоила беседы, его перестали приглашать и на эрмитажные собрания, и даже в Таврический дворец, где бывали те, кого не принимали в Зимнем. Марков посоветовал ему обратиться к всесильному Зубову.

В 1793 году фаворит вместе с отцом и братьями получил титул графа Священной Римской империи, 23 июля был награжден высшим российским орденом Святого Андрея Первозванного, а через два дня стал

вместо Потемкина екатеринославским и таврическим генерал-губернатором. В октябре Платон Александрович сменил Потемкина в должности шефа Кавалергардского корпуса; затем последовал указ о его назначении генерал-фельдцейхмейстером — начальником артиллерии. 1 января 1795 года Зубов получил орден Святого Владимира 1-й степени. В том же месяце последовал именной указ Сенату о создании под его управлением новой Вознесенской губернии из части территорий Брацлавского наместничества Речи Посполитой и земель Очаковской области, расположенных между Днепром и Южным Бугом, которые были отторгнуты Российской империей у Турции по условиям Ясского мирного договора, а также трех уездов Екатеринославского наместничества. Помимо двенадцати уездов, в состав губернии были включены «приписные» города Одесса (бывший Гаджибей), Николаев, Очаков, Дубоссары, Берислав и Овидиополь.

Молодой выскочка держал себя важным вельможей: в 11 часов утра в его приемной стояла толпа просителей; хозяин выходил в халате и завершал свой туалет; во время причесывания и облачения в мундир секретари подносили ему бумаги на подпись, пишет в своих мемуарах князь Адам Чарторыйский. «Никто не смел заговорить с ним, — добавляет Ланжерон. — Если он обращался к кому-нибудь, тот, после пяти-шести поклонов, приближался... Ответив, он возвращался на свое место на цыпочках. А с кем Зубов не заговаривал, не могли подойти к нему, так как он не давал частных аудиенций».

Гордому потомку Ришельё пришлось явиться к этому вельможному «выходу». «Его двери всегда были передо мной закрыты, и мне удалось увидеть его только за утренним туалетом — это самая непристойная церемония, какую только можно себе вообразить, — рассказывал он в том же письме Разумовскому. — Надобно прийти к десяти часам, чтобы дожидаться часа, когда он станет завиваться, который точно не назначен. В тот единственный раз, когда я там был, я прождал до часу пополудни, чтобы нас впустили. Он сидел за туалетным столиком и читал газеты; мы все поклонились ему, но он не отвечал на наш поклон. Ему принесли бумаги на подпись, и через три четверти часа я к нему подошел. Он сказал мне несколько слов; я напомнил ему о нашем деле, о коем г-н Марков был так добр поговорить с ним утром. Он не ответил мне ни единым звуком и подозвал другую особу. Не привыкши к таким манерам, я вышел в двери и бежал в ту же минуту, немного пристыженный столь великой неучтивостью. Он спросил у Ланжерона, где я, и выразил свое сожаление от того, что я ушел, не переговорив с ним... Г-н Эстергази утверждает, что

то, как со мной обошлись, — способ показать французам, что им не на что надеяться, и отвадить всех, кто здесь находится, как и тех, кто возжелал бы явиться сюда... Вы поймете, дорогой посол, насколько неприятно вот так вымаливать свой хлеб под окошками. Я предпочел бы заслужить его как кадет собственной шпагой, чем получить таким образом как полковник».

Ланжерон оказался не столь щепетилен: если ради выживания на чужбине перед кем-то нужно прогнуться, спина не заболит. Зубов сказал ему, что их дело будет рассмотрено в несколько дней, как только они побывают в Военной коллегии. Друзья отправились туда на следующий же день, но двор уехал в Царское Село. Пришлось ехать следом. В Царском императрица уверила Ришельё, что пережитые им неприятности исходили от людей, до которых ему «не дотянуться».

В самом деле, когда стало ясно, что дело Бурбонов проиграно, отношение к французским эмигрантам в России изменилось: они уже не были беженцами, ожидающими первой возможности, чтобы вернуться на родину, а пришли «всерьез и надолго» да еще требовали поместий и денег, причем вели себя так, будто они у себя дома. В некоторых салонах, например у князя Белосельского, французов было больше, чем русских. Их легкомыслие, заносчивость, высокомерие и поведение версальских придворных, которые всему удивляются и ничем не довольны, естественно, вызывали раздражение — и в России, и в Германии, и в Австрии...

Федор Ростопчин, входивший в окружение цесаревича Павла, французов на дух не переносил: роялисты — несносные льстецы, якобинцы — кровожадные разбойники. «Негодяи и дураки остались в своем отечестве, а безумцы покинули его, чтобы пополнить ряды шарлатанов», — утверждал он и был не одинок в этом мнении. Да и сами французы, вместо того чтобы поддерживать соотечественников, занимались привычным делом — плели интриги и подсиживали друг друга.

«Граф Эстергази, агент французских принцев, был очень хорошо принят Императрицей, — пишет в мемуарах В. Н. Головина. — Его тон, несколько грубоватый, скрывал его корыстолюбивый характер, склонный к интригам. Его считали прямым и откровенным. Но Императрица недолгое время была в заблуждении и терпела его только по доброте. Он заметил это и стал слугою Зубова, который его поддерживал». О другом французе она отзывалась еще более иронично: «Никогда я не знала человека, обладавшего таким даром слез, как граф Шуазель. Я помню еще, как он был представлен в Царском Селе: при каждом слове, сказанном ему Ее Величеством, его мигающие глаза наполнялись слезами. Сидя напротив

Императрицы, он не спускал с нее глаз, но его нужный вид, покорный и почтительный, не мог вполне скрыть хитрость его мелкой души. Несмотря на свой ум, Шуазель не одурачил никого». (Граф был представлен императрице 19 июня 1793 года, ему назначили большую пенсию, старшего сына произвели в гвардейские поручики, а младшего определили в кадетский корпус.

Однако Екатерина II быстро разочаровалась в Шуазель-Гуфье: его отлучили от двора и разрешили появляться там только в дни самых больших праздников.)

Даже аббат Николь, приехавший вместе с графом и основавший на набережной Фонтанки, возле Юсуповского дворца, процветающий пансион для мальчиков из богатых и знатных родов, не избежал нападок галлофобов. Его пансион, ставший, кстати, прибежищем для множества священников-эмигрантов, называли иезуитским и обвиняли в насаждении католицизма среди молодежи. (Ученики должны были слушать мессу, хотя в определенные дни к ним приходил православный священник, а обучение велось на французском языке.)

Наконец назначение Ришельё и Ланжерона в новые полки было утверждено. Зубов очень любезно принял обоих в Царском Селе и оставил у себя на весь день. Однако в столице их не удерживали, прозрачно намекнув, что теперь они могут выехать к месту службы. Ланжерон подчинился без особой охоты, но Ришельё такой вариант вполне устраивал.

После того как 8 июня 1795 года десятилетний дофин Луи Шарль («Людовик XVII») умер в заточении от туберкулеза и дурного обращения, граф Прованский провозгласил себя законным наследником французского престола под именем Людовика XVIII. Ришельё написал ему, прося передать его должность камергера герцогу де Флёри. «Новому королю» это пришлось не по душе. Более того, герцог не откликнулся на зов маркиза де Ривьера, с которым состоял в переписке, присоединиться к французскому экспедиционному корпусу для высадки на полуострове Киберон.

Это была последняя отчаянная попытка покончить с революцией и восстановить монархию: 23 июня войска эмигрантов попытались прийти на помощь шуанам (контрреволюционерам, действовавшим в Бретани, Нормандии и Анжу) и вандейцам. После нескольких сражений они были окончательно разгромлены 21 июля.

В этой экспедиции участвовал Антуан Пьер Жозеф Шпель, маркиз де Жюмилак (1764–1826), который станет мужем одной из сестер Армана, Симплиции. 6 июля он получил два пулевых ранения: в левую руку и в корпус навывлет, а в момент разгрома чудом избежал смерти, бросившись в

воду и вплавь добравшись до английских кораблей. Брат короля граф д'Артуа наградил его крестом кавалера ордена Людовика Святого. А вот адъютант графа, полковник Шарль де Дама, тоже родственник Ришельё, погиб. Его десятилетнего сына Анжа Гиацинта Максанса де Кормайона, барона де Дама, отправили в Петербург к «дяде», который жил там в особняке австрийского посла графа Людвиг фон Кобенцля. Арман пристроил «Макса» через Зубова в Артиллерийский и инженерный шляхетский кадетский корпус, где тот проведет пять лет и овладеет русским языком.

Между тем «полковник Емануил Осипов сын дюк Дерешилье»^[17], «выключенный по указу Государственной Военной коллегии в Орденской кирасирской полк 795-го года июля 16 дня», уже 17 июля, находясь в своем полку под Ковелем (Ланжерон со своим полком стоял в Луцке), писал Разумовскому из деревни Броды, откуда уходила почта, что будет усердно трудиться над освоением языка и службы. Перед ним открывалось три возможности: получить через пять-шесть месяцев полк, что маловероятно; сменить бригадного генерала Миклашевского, когда тот пойдет на повышение и станет генерал-майором, то есть месяцев через пятнадцать; лишиться всяких перспектив, если полк уведет у него из-под носа какой-нибудь полковник помоложе. В последнем случае он подал бы в отставку, однако больше рассчитывал на второй вариант.

Поражение восстания Костюшко привело к окончательной ликвидации Речи Посполитой. 24 октября 1795 года границы были вновь перекроены: Россия получила литовские и украинские земли к востоку от Буга и линии Немиров— Гродно (120 тысяч квадратных километров с жившими на них 1,2 миллиона человек), Пруссия — территории, населенные этническими поляками, в том числе Варшаву, а также область в Западной Литве (55 тысяч квадратных километров с миллионом жителей), Австрия — Краков и часть Малой Польши (47 тысяч квадратных километров и 1,2 миллиона человек). Король Станислав Август Понятовский отказался от престола. «Присоединение Польши после последнего ее раздела привело в волнение корыстолюбивые и алчные стремления: открывали рты для того, чтобы просить, и карманы, чтобы получать», — пишет графиня Головина. Впрочем, Ришельё, находившийся в оккупационных войсках, не раскрывал ни того ни другого.

Тогда же, 26 октября, во Франции к власти пришла Директория, представлявшая интересы умеренных буржуа. Казалось, с кровавой революцией наконец-то покончено. В Ганноверском павильоне, некогда принадлежавшем маршалу де Ришельё, теперь собирались щеголи и

модницы — «невероятные и чудесные», среди которых были госпожи де Рекамье, де Тальен и де Богарне; там же порой проходили «балы жертв», на которые допускались только молодые люди, чьи близкие родственники погибли на гильотине. Впрочем, таких было много, а балы устраивали лишь те, кому было возвращено конфискованное имущество. Участники облачались в траурные одежды или повязывали на рукав черную креповую ленту. Женщины являлись туда в греческих туниках и босиком, с коротко стриженными или зачесанными кверху мелко завитыми волосами (прическа а-ля Тит) и с красным шнурком вокруг шеи, символизирующим след от ножа гильотины^[18].

На Волыни светская жизнь была не такой оживленной. Арман находился там, когда узнал о кончине императрицы 6(17) ноября 1796 года, за которой последовала смерть его покровителя Румянцева (8 (19) декабря); Ришельё был поражен этой новостью, казалось, сам рок преследует его. Маршал, писал Арман, «осыпал меня своими милостями и поддерживал против всех и вся»; что теперь станет с его полком и офицерами? Граф Марков лишился своей должности. Ришельё тревожился за Разумовского. Поначалу новый император Павел, казалось, был благосклонен к герцогу, даже произвел в генерал-майоры и сделал полковником своего лейб-гвардии Кирасирского полка. Однако Павел обладал непредсказуемым и переменчивым характером, полк ненавидел, считая, что там кишат «шпионы, коими окружала его мать». Вводимая им в армии и гвардии муштра на прусский манер была чужда как русским боевым офицерам, так и успевшим понюхать порошу французам. Как пишет Ланжерон, Ришельё был военным, но не «капралом», «ни он, ни его люди не слишком продвинулись в овладении наукой парадов», а в глазах императора это было серьезным недостатком. Лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк был расквартирован в Царском Селе, в 12 верстах от Петербурга; ему приходилось постоянно участвовать в маневрах то там, то в Гатчине, причем «малейшая ошибка приводила Павла в ярость, и господин де Ришельё, которого беспрестанно отчитывали, бранили, прогоняли со службы, возвращали обратно, снова прогоняли, испытал на себе все немилости».

Однажды он со своим полком был вызван в Петербург и получил приказ сдать командование подполковнику под тем предлогом, будто «он хотел устроить в Империи революцию». Три дня спустя Павел «самым трогательным образом» выразил ему свое сожаление и вернул полк. И так без конца: запретил Ришельё приезжать в Петербург на Пасху, прислал ему католического священника... Всё это сильно действовало на нервы, и на

этой почве Арман расхворался. «Вы знаете, что со мной случилось; после публичного и незаслуженного оскорбления я уже не мог остаться; поэтому я сначала написал Е[го] В[еличеству], прося предоставить мне отпуск, а тем временем, дабы избежать путешествия в Курляндию, куда полк под моим командованием получил приказ выступить, слегка усугубил состояние моего здоровья, которое и так нехорошо, — писал он Разумовскому 2 (14) марта^[19] 1797 года. — Под этим предлогом я ожидаю ответа, который должен получить в течение десяти-двенадцати дней». У него не осталось сомнений, что императорские придирки — следствие интриг злопыхателей, ведь он единственный из французов впал в такую немилость, хотя вел себя совершенно безупречно. Теперь он жаждет лишь одной милости: быть «уволен» (написано по-русски) и срочно выехать через Вену в Швейцарию, чтобы уладить свои денежные дела.

В это время Французская республика старалась последовательно разрушить сложившуюся против нее коалицию, поручив ведение войны талантливому молодому полководцу Наполеону Бонапарту. Сначала от коалиции отпала Сардиния (28 апреля 1796 года), потом Австрия (17 апреля 1797-го), и только Англия, не участвовавшая в активных боевых действиях, еще держалась. В июле 1797-го корпус Конде в полном составе перешел на службу российскому императору и облачился в русские мундиры. Павел предложил Людовику XVIII с братом приехать в Митаву (ныне Елгава в Латвии).

Зимой 1797/98 года Ришельё нередко приглашали на придворные обеды; чаще всего приглашения исходили от императрицы Марии Федоровны, урожденной Софии Доротеи Августы Луизы принцессы Вюртембергской. Она же принимала Армана в своей летней резиденции Павловске. Императрица мало интересовалась государственными делами, зато вела большую благотворительную деятельность и попечительствовала образовательным заведениям. Ришельё проникся к Марии Федоровне величайшим уважением и разделял ее политические взгляды: она была резко настроена против Бонапарта. Супруг же ее продолжал вести себя по-прежнему: то был милостив и жаловал ордена, то гневлив и грозил всякими карами.

Итальянский поход Бонапарта способствовал распространению французского влияния на Апеннинском полуострове. Когда под французский контроль попала Швейцария, Великобритания занялась созданием второй антифранцузской коалиции, вовлекая в нее Россию, Австрию, Неаполитанское королевство, Турцию и Швецию. Был заключен англо-русский договор с целью «действительнейшими мерами положить

предел успехам французского оружия и распространению правил анархических; принудить Францию войти в прежние границы и тем восстановить в Европе прочный мир и политическое равновесие». Эти меры выразились в направлении в Италию фельдмаршала графа Суворова, который должен был там командовать союзными войсками, а в Средиземное море — эскадры адмирала Ушакова. В апреле Суворов был уже в Валеджо и обучал австрийцев своей тактике, переводя на немецкий «Науку побеждать».

В это время Людовик XVIII предпринял очередную попытку привлечь на свою сторону мировую общественность и найти точку опоры: 9 июня 1799 года в Митаве при посредничестве императора Павла состоялось бракосочетание уцелевшей дочери Людовика XVI Марии Терезы, которой тогда было 20 лет, с ее двоюродным братом Луи Антуаном д'Артуа, герцогом Ангулемским. Свидетельство о браке составил министр двора граф де Сен-При. С этого дня образ «мученицы революции» широко использовался для сплочения сил роялистов; во Франции она делается героиней романов.

Ришельё же, произведенный в генерал-лейтенанты, в июне выехал в свой полк, который отправили в Литву, на прусско-российскую границу, чтобы «попугать» прусского короля Фридриха Вильгельма III, упорно не желавшего вступать в новую коалицию против Франции. По логике в дальнейшем Ришельё должен был примкнуть к Итальянской армии Суворова. Однако очередной инцидент стал последней каплей, переполнившей чашу его терпения. Однажды он без приказа помчался со своим полком тушить пожар; император пришел в ярость; Арман подал в отставку и уехал в Польшу. В нем разыгралась французская кровь; утверждают, что он воскликнул: «Еще одно проявление неуважения — и я уеду, пусть даже мне придется быть простым драгуном в армии Конде!» В августе вице-канцлер Виктор Кочубей, недавно возведенный в графское достоинство, тоже попал в немилость и уехал в Дрезден: император хотел женить Виктора Павловича на своей фаворитке Анне Лопухиной, но тот ослушался и женился на Марии Васильчиковой (1779–1844)^[20].

Между тем Ланжерон, принявший в России имя Александр Федорович, успешно делал карьеру: 22 мая 1797 года он был произведен в генерал-майоры с назначением шефом Уфимского мушкетерского полка; 25 октября 1798 года получил чин генерал-лейтенанта, а с 13 мая 1799-го состоял шефом Рязского мушкетерского полка, в том же году перешел в русское подданство и был возведен в графское достоинство.

Несходство характеров не мешало дружбе Ланжерона и Ришельё,

зародившейся, по словам графа, еще в 1790 году в Вене, когда молодой герцог де Фронсак ухаживал за ним во время болезни. Их называли «рыцарями Лебеда», намекая на героев нового романа графини де Жанлис (1746–1830) «Рыцари Лебеда, или Двор Карла Великого», вышедшего в свет в апреле 1795 года и имевшего большой успех у читателей. Интересно, что этот трехтомный исторический роман посвящен графу Румянцеву, который подал писательнице его идею во время встречи в Спа в 1787 году. «Мне подумалось, что великодушие, человечность, верность древних рыцарей лучше утвердили бы республику, чем принципы Марата и Робеспьера», — писала она в предисловии. В романе было немало намеков на недавние революционные события, и автор подверглась нападкам за антимонархические пассажи (которые она изъела для последующих переизданий книги); однако в России его приняли хорошо, и Екатерина Великая даже заказала себе браслеты «герцогини Киевской» по образцу тех, что описаны Жанлис. Графиня, бывшая некогда воспитательницей детей герцога Шартрского, теперь жила в изгнании; ее муж был гильотинирован вместе с Филиппом Эгалите. На свой гонорар за «Рыцарей Лебеда» (6600 франков) она жила несколько лет...

Ришельё же в Польше провел несколько месяцев в страшной нужде: он жил на 30 су в день (тогда это равнялось примерно 30 копейкам). Жене он писал, что предел его мечтаний — вернуть хотя бы тысячу экю (шесть тысяч франков — примерно две тысячи рублей) из своего многомиллионного состояния, уничтоженного революцией, и добрая Аделаида Розалия страшно терзалась из-за того, что не может наскрести даже этой суммы: ее приданое «растворилось» без остатка, а имущество ее матери также было конфисковано. Арман отправился в Вену, где мог рассчитывать на помощь друзей.

В тот самый день 9 ноября (29 октября) 1799 года, когда Суворов, победоносно закончив Итальянский и Швейцарский походы, получил от Павла два рескрипта: о разрыве союза с Австрией и о возвращении армии в Россию, — Бонапарт, вернувшийся из Египта, совершил переворот 18 брюмера, подготовленный им совместно с Талейраном и Сийесом, и захватил власть. (В зал заседаний Совета пятисот — нижней палаты Законодательного корпуса — ворвались 60 гренадеров, и командовавший ими Иоахим Мюрат велел законодателям расходиться.) Жозеф Фуше, назначенный еще при Директории министром полиции, энергично поддержал переворот и принял крутые меры против якобинцев.

Эмигранты начали возвращаться во Францию в надежде вернуть что-то из своего имущества; однако Ришельё понимал, что ему на это

рассчитывать не приходится, поскольку за него некому «замолвить словечко». В России всем французским эмигрантам, не состоящим на службе, было велено уехать. Дивизия Конде перебралась в Англию, с которой Павел порвал ради союза... с Первым консулом Бонапартом. 9 (21) марта 1801 года он дал окончательное согласие на совместную франко-русскую военную экспедицию в Индию, которая должна была состояться той же весной.

Тем временем в Петербурге вызрел заговор желавших «повторить 1762 год» (когда Петр III был отстранен от власти и гвардейцы посадили на трон Екатерину). «Вечерняя собрания у братьев Зубовых или у [сестры их] Жеребцовой породили настоящие политические клубы, в которых единственным предметом разговоров было тогдашнее положение России, страждущей под гнетом безумного самовластия. Толковали о необходимости положить этому конец», — говорится в записках будущего декабриста М. А. Фонвизина. В ночь на 12 (24) марта в спальню императора в Михайловском замке ворвались заговорщики, возглавляемые петербургским военным губернатором Петром Паленом, братьями Платоном и Николаем Зубовыми и командиром Изюмского гусарского полка Леонтием Беннигсеном. У императора потребовали подписать акт об отречении в пользу старшего сына, он отказался; Николай Зубов ударил его в висок тяжелой золотой табакеркой, и после долгой борьбы несколько офицеров задушили Павла шарфом.

Наследник, цесаревич Александр, о заговоре знал, однако ничем ему не воспрепятствовал: ему обещали, что отца оставят в живых. (В роковой день он находился в Михайловском замке под арестом: Павел не простил старшему сыну, что тот вовремя не подал ему рапорт о дуэли между его крестником Александром Рибопьером и князем Борисом Святополк-Четвертинским.) Ему шел двадцать четвертый год, и первое серьезное испытание, которое уготовила ему жизнь, было, пожалуй, страшнее штурма Измаила, через который в таком же возрасте прошел Арман де Ришельё. Известие о насильственной смерти отца глубоко поразило его, к тому же он не испытывал склонности к роли монарха. «Полноте ребячиться. Ступайте царствовать, покажитесь гвардии», — грубовато сказал ему Пален, чтобы вывести из ступора. Выйдя к гвардии, новый император произнес фразу, которой все от него ждали: «Батюшка скончался апоплексическим ударом, при мне всё будет, как при бабушке».

«Порядочные люди в России, не одобряя средство, которым они избавились от тирании Павла, радовались его падению, — указывает в своих записках Фонвизин. — Историограф Карамзин говорит, что весть об

этом событии была в целом государстве вестию искупления: в домах, на улицах люди плакали, обнимали друг друга, как в день Светлого Воскресения. Этот восторг изъявило, однако, одно дворянство, прочие сословия приняли эту весть довольно равнодушно».

Новый император начал с помилований: до 21 марта (дня погребения его отца), по подсчетам историка Н. К. Шильдера, было «всемилоостивейше прощено и освобождено 482 человека».

«Я не поздравляю Вас с тем, что Вы сделали властителем 36 миллионов подобных себе людей, но радуюсь, что судьба их отныне в руках монарха, который убежден, что человеческие права не пустой призрак и что глава народа есть его первый слуга, — написал своему бывшему воспитаннику Фредерик Сезар Лагарп (1754–1838) из Женевы. — Я воздержусь давать Вам советы; но есть один, мудрость которого я уразумел в несчастные 18 месяцев, когда я был призван управлять страной^[21]. Он состоит в том, чтобы в течение некоторого времени не останавливать обычного хода администрации, не выбивать ее из давней колеи, а внимательно следить за ходом дел, избегая скоропостижных и насильственных реформ. Искренне желаю, чтобы человеколюбивый Александр занял видное место в летописях мира между благодетелями человечества и защитниками начал истины и добра».

Русские уже тогда были уверены, что для их страны наступил золотой век, отмечала знаменитая портретистка Элизабет Виже-Лебрен, которая с 1795 года жила в России и считала ее своей второй родиной (все ее друзья погибли на гильотине во время революционного террора). «Всеми почиталось за величайшее счастье увидеться и встретиться с Александром; если он выходил вечером гулять в Летний сад или проезжал по улицам Петербурга, толпа его окружала, благословляя, и он, приветливейший из государей, удивительно милостиво отвечал на всю эту дань почтения», — писала она.

Чувства почтения, любви и уважения к новому монарху разделял герцог де Ришельё, который был одиннадцатью годами его старше. У них, казалось, было много общего: руссоистское воспитание, круг чтения, сферы интересов, представления о чести, долге и справедливости. Однако Александр, сочувствующий идеалам республики (не одобряя при этом кровавых перегибов революции), должен был стать русским самодержцем. Ришельё пока не смог понять, какую двойственность такое положение сообщит натуре нового императора и отношениям между ними. Летом он был вновь зачислен в русскую армию, правда, этот вопрос был решен полуофициально:

**«Формулярный список штаб-и обер-офицеров
лейб-кирасирского Его Императорского Величества полка**

1 июля 1800 г.

Шеф.

Генерал-лейтенант и разных орденов кавалер^[22] Емануил Осипов сын дюк де Ришелье (карандашная помета: «коий высочайшим приказом] 21 авг[уста] 1800 года отставлен от службы, а 30 август[а] 801 г. принят в армию». — Е. Г.).

Сколько от роду лет.

33.

Из какого состояния, где испомещены, и сколько мужеска полу душ, какой нации и закона.

Из французских дворян.

Когда в службу вступили и какими чинами когда происходили.

В российскую службу принят подполковником — 792 февраля 19. Генерал-майором — 797 сентября 17. Генерал-лейтенантом — 799 июня 20.

В которых полках и батальонах в течение службы своей по переводам и произвождениям находились.

В Орденском кирасирском, а из оного переведен по высочайшему повелению в сей. В сем полку — 797 сентября 17.

В течение службы своей где и когда были в походах и у дела с неприятелем.

В 790-м на Дунаевской флотилии волонтером находился при осаде и штурме крепости Измаила. С высочайшей блаженной памяти Ее Императорского Величества воли при австрийской армии в разных осадах. После штурма крепости Измаила награжден был орденом Святого Георгия 4-го класса и золотою шпагою.

Российской грамоте читать и писать умеют ли и другие какие науки знают ли.

По-русски, французски, немецки, итальянски, английски и по латыни умеет.

В домовых отпусках были ли и когда именно, и являлись ли на срок.

Не бывал.

В штрафах были ли по суду или без суда, за что именно и когда.

Не бывал.

Холосты или женаты и имеют ли детей.

Холост (явная ошибка канцеляриста; Ришельё никогда не скрывал, что женат. — Е. Г.).

*К повышению достойны или зачем не аттестуются.
Достоин...»*^[23]

В октябре пост вице-канцлера был передан от Н. П. Панина, замешанного в заговоре^[24], В. П. Кочубею, сохранившему дружеское расположение к «Эммануилу Осиповичу» Ришельё, который в русских документах теперь официально назывался Дюком^[25]. 8 октября Марков подписал в Петербурге мирный договор с Францией.

Новый поворот

Период Консульства был ознаменован возвращением во Францию большинства эмигрантов. Бонапарт поставил себе цель как можно скорее положить конец раздорам, губительным для страны. Первая волна возвращения началась вместе с выдачей сертификатов проживания, которые должны были отличить мнимых эмигрантов от настоящих, сражавшихся против Франции. Эти сертификаты должны были быть подписаны свидетелями, а их подписи заверены муниципальными властями. Впрочем, получить такую бумажку было довольно легко. Сенатус-консульт (декрет) от 28 вандемьера IX года Республики (19 октября 1800-го) позволял тем, кто временно или окончательно вычеркнут из списков французских эмигрантов, вернуться на родину, при условии, что они в течение двадцати дней принесут клятву в верности Конституции. Но проблема была в том, что герцог де Ришельё обвинялся в выступлении против своей страны с оружием в руках.

Еще до декрета 28 вандемьера российское посольство передало новому французскому правительству список французов, представлявших для него особый интерес, прося в виде исключения вычеркнуть их из списка эмигрантов. Среди них был и Ришельё. 9 апреля 1801 года недавно назначенный в Париж и хорошо принятый Бонапартом посол С. А. Колычев вновь хлопотал о получении паспорта для герцога: «Хотя господин де Ришельё значится в списке эмигрантов, он находится в особенном положении, позволяющем ему надеяться не быть причисленным к оным. Он выехал из Франции только в 1791 году, согласно постановлению Национального собрания, которое позволяло ему продолжить службу в России и распорядилось выдать ему паспорт с этой целью. <...> Находясь в Санкт-Петербурге во время, когда Собрание установило слишком короткий срок для возвращения французов, покинувших свое отечество, он не смог, ввиду крайней удаленности, достаточно быстро ознакомиться с сим декретом, дабы последовать ему. Кроме того, доброта к нему императрицы не позволяла ему столь внезапно покинуть свою службу, после же, несмотря на его ходатайства, французское правительство не позволяло ему возвратиться в отечество».

В конце декабря российское правительство благодарило Первого консула за то, что графы де Ламбер, де Ланжерон и герцог де Ришельё временно вычеркнуты из списков эмигрантов. Жена герцога, обивавшая

пороги министра полиции Фуше и госсекретаря Маре, своими глазами увидела декрет о выключении ее мужа из списков, подписанный Бонапартом. Фуше предупредил, что на руки документ они получат, только исполнив необходимые формальности. Она немедленно написала мужу в Вену, что он может приезжать.

В десять утра 2 января 1802 года герцогиня де Ришельё возвращалась с заутрени к себе домой на улицу Гренель в Сен-Жерменском предместье. Впереди улицу пересекла немецкая карета; любящее сердце маленькой горбуны заколотилось: «Это он!» Она поспешила со всех ножек. В самом деле, это был ее муж! Он встречал ее на пороге их дома! Тотчас откуда ни возмись явилась челядь — «не думаю, что всех эмигрантов так чествовали».

Педантичный Ришельё в тот же день отправился в ратушу сообщить о своем приезде. Однако документ о его исключении из списка эмигрантов ему не выдали. Кроме того, ему было запрещено носить русский мундир и ордена. Он должен был находиться под надзором полиции — какое унижение!

Тем временем Сен-Жерменское предместье, где в последние годы жили только старики, редко выходившие из дома, да молодые пары, понемногу стало оживать. Вернулся Оливье де Верак и поселился на улице Лилль у герцогини де Шаро. В марте приехал из Петербурга граф де Шуазель-Гуфье, сначала обласканный, а потом прогнанный Павлом I; теперь он пытался с помощью нового императора Александра вернуть себе свой особняк, в котором поселился Сийес^[26]. Жизнь налаживалась. Открывались первые салоны, куда приходили обмениваться новостями. Впрочем, спокойно ходить по улицам, не опасаясь за свою жизнь, уже было счастьем.

Однако воздухом свободы пока можно было дышать лишь в ограниченных дозах. 18 февраля во Французском театре состоялась премьера исторической драмы Александра Дюваля «Эдуард в Шотландии, или Ночь изгоя», посвященной Карлу Эдуарду Стюарту, тщетно пытавшемуся вернуть себе английскую корону. (Двадцатью годами ранее во Флоренции юного графа де Шинона представили «доброму принцу Карлу».) Пьеса наделала много шуму; Ришельё отправился на ее второе представление и находился в ложе Шуазеля, напротив ложи Первого консула, который также удостоил театр своим посещением. Когда Арман принялся бурно аплодировать после нескольких «роялистских» пассажей, Бонапарт пришел в ярость. Пьеса была запрещена, ее автор благоразумно предпочел уехать в Петербург, а Ришельё на следующий же день получил

приказ покинуть Париж в 24 часа, а Францию — в течение недели. Неожданная помощь пришла со стороны... прессы: в газетных рецензиях утверждалось, что публика аплодировала в «трогательных» местах, получая удовольствие от хорошо написанной пьесы. Дело уладилось, герцогу разрешили вернуться в Париж.

Ришельё наперебой зазывали в гости: для дам он был героем приключенческого романа — «рыцарем Зеленого меча»^[27], по выражению госпожи де Шатене. Арман появлялся на всех праздниках, в том числе у барона де Гранкура, «швейцарца по рождению, очень богатого, вращающегося в свете, немножко смешного, но всех любящего и дававшего блестящие ужины в самом блестящем обществе в самом роскошном доме»; ухаживал за дамами, общался с друзьями. Однако с женой он был откровенен и не скрывал тревоги, изгладавшей его сердце. Новый сенатус-консульт от 6 флореаля X года (25 апреля 1802-го) предоставлял эмигрантам полную амнистию и позволял им вернуть себе имущество, конфискованное государством (но не купленное в качестве государственного), за исключением лесов и недвижимости, находившихся в общественном пользовании. Но для этого нужно было принести присягу республике и отказаться от чина генерал-лейтенанта, полученного в России.

Однако Арман вовсе не хотел служить Бонапарту и не желал ссориться с императором Александром, с которым состоял в доверительных отношениях, надеясь вернуться в Россию. Прошло пять месяцев с момента его возвращения, а он не предпринял никаких шагов. Уступив мольбам жены, он позволил ей отправиться в Мальмезон к Жозефине де Богарне, ставшей в 1796 году супругой Бонапарта, и рассказать о том, как нечестно с ним поступили, не сдержав обещания вычеркнуть из списков эмигрантов сразу по прибытии. Госпожа Бонапарт сильно удивилась и пообещала, что не позднее завтрашнего дня всё будет сделано. «Она тотчас позвонила и спросила, можно ли ей поговорить с Бонапартом; ей сказали, что он на совете. Она снова подтвердила мне свое обещание, и я уехала, весьма довольная своим посольством, — вспоминала потом госпожа де Ришельё. — Я вернулась и, торжествуя, отчиталась о нем господину де Ришельё, который был не так доверчив, как я; в самом деле, напрасно мы прождали на следующий день курьера, в прибытии коего нас уверили. Господин де Ришельё решился сделать последнюю попытку: не имея ни возможности, ни желания принять закон об амнистии, он написал весьма благородное письмо Бонапарту и передал его через генерала д'Илье. Оно осталось без ответа. Друзья господина де Ришельё не могли добиться его (ответа. — Е.

Г.) и от министра внешних сношений Талейрана, который желал, чтобы он принял амнистию или службу».

Ни то ни другое не согласовалось с представлениями Ришельё о чести, поэтому он в очередной раз решился покинуть семью и отчизну, чтобы шпагой заслужить себе состояние. Это решение далось ему непросто: он понимал, что, уезжая, бросает жену и «дорогую матушку» практически без средств (обе сестры уже вышли замуж), однако те были готовы скорее умереть с голоду, чем «заставить погаснуть хоть один лучик его славы», написала его любящая супруга. 7 мая 1802 года Арман уехал в Вену, взяв с собой двадцатилетнего племянника жены Эрнеста д'Омона и своего кузена Шарля де Растиньяка.

Уже 27 июня Арман получил письмо от Александра I, который обращался к нему «мой дорогой герцог»:

«Вам известны мои чувства и уважение мое к Вам, и Вы можете судить по ним о том, как я буду доволен увидеть Вас в Петербурге и знать, что Вы служите России, которой можете принести столько пользы».

Это ласковое письмо, с одной стороны, ободрило Ришельё, но с другой — повергло в тяжелые раздумья. Он не мог вернуться в Россию без гроша в кармане и оказаться в полной зависимости от императора и превратностей судьбы: он знал по опыту, как переменчива фортуна и как легко стать жертвой интриг при российском дворе. «Не скрою от Вас, однако, что я опасаюсь момента своего возвращения в Петербург и встречи с императором, — писал он жене 26 июля. — Я просил графа Разумовского, который тут послом, подробно описать мое положение графу Кочубею, первому чиновнику Коллегии иностранных дел, который ему друг и одновременно друг императора; таким образом, он заранее будет осведомлен о непреодолимых обстоятельствах, в которых я оказался, и, возможно, избавит меня от неловкости выразить ему словами, что бы я хотел предпринять».

Арман не терял надежды вернуть утраченное имущество — хотя бы для того, чтобы обеспечить сносное существование своим близким. Он никогда не забудет, чем обязан жене: «Ваши права на меня увеличились, и жертвы, если мне придется на них пойти, будут не столь горьки, если Вы станете их предметом». Пока ему вернули только замок Ришельё — полуразрушенным и совершенно пустым: произведения искусства, картины, мебель разлетелись по музеям в Туре, Орлеане и Париже^[28]. Когда один генерал заметил Ришельё, что тому, должно быть, лестно видеть большинство произведений искусства, принадлежавших его семье, в национальных музеях, Арман раздраженно ответил, что ему было бы еще

более лестно сохранить то, что ему принадлежало.

Как это часто бывало, переживания пагубно сказались на здоровье герцога. Уведомляя жену, что собирается выехать в Петербург в первых числах сентября, он добавляет, что пользуется своим пребыванием в Вене, чтобы подлечиться: «...принимаю лекарства, которые прописал мне Франк, самый знаменитый венский врач, и вот уже четыре дня пью козье молоко; мне кажется, что я чувствую себя немного лучше, чем в Париже, хотя еще не совсем хорошо. У меня всё еще болит правая нога, хотя не постоянно».

При этом он регулярно справлялся в письмах о здоровье своих сестер, которые забеременели одна за другой, причем младшая, похоже, ждала двойню. Арман им пишет, что если его новые племянники будут походить на своих матерей, то чем больше их будет, тем лучше. Эрнестом он не нахвалится, а вот его «кузен на-як» доставляет ему массу неприятностей своим грубым и бестактным поведением. Армандину он называет «бедняжкой»: сестра была несчастлива в браке с маркизом Луи де Монкальм-Гозоном (1775–1857), мужа не любила, вышла за него от безысходности и страдала от его грубости и алчности. Зато брак Симплиции с маркизом де Жюмилаком оказался куда более удачным. Маркиз вернулся во Францию после 18 брюмера и мирно жил в деревне, занимаясь сельскохозяйственными экспериментами. «Мне кажется, — писал Арман сестре 15 ноября 1802 года из Петербурга, — что Вы счастливы, и я пишу Вашему мужу, чтобы поблагодарить его за это. Поверьте, я принимаю живое участие в успехе союза, образованию коего способствовал. Надеюсь, что Ваш брак станет нашим утешением, поскольку, увы, приходится отказаться от мысли увидеть Армандину счастливой; да будет угодно Господу, чтобы она была просто покойна, о чем я не смею даже мечтать».

В Вене Арман встретил и своего наставника в юности аббата Лабдана, который позже был гувернером герцога Энгиенского, внука принца Конде: «Аббат Лабдан блаженствует; он покинул маленького принца и сохранил свое жалованье в 5500 [франков] в виде пенсии; сверх того, королева сделала ему отменные подарки и подарила 200 луидоров. Он рассчитывает поселиться здесь и передает вам привет».

Время шло, Арман с нетерпением ждал ответа от российского императора. 3 августа в начале письма мачехе он посетовал, что до сих пор не получил письма из Петербурга, хотя писал туда неоднократно, и это очень странно, но в последних строчках с облегчением уточнил, что только что пришло послание от императора Александра, целиком написанное его рукой, и через четыре дня он едет в Петербург. Однако 14 августа он всё

еще был в Вене — принимал лекарства и ванны. Его здоровье шло на поправку.

Наконец 1 (12) сентября он выехал в Россию. «Император принял меня еще лучше, чем я ожидал, — писал Арман родным. — Он позволил мне видаться с ним часто и запросто, чем я с удовольствием пользуюсь, не потому что он император, а потому что это любезный и привлекательный человек, каких мало». Александр пожаловал Ришельё земли в Курляндии, приносящие доход в 12 тысяч франков (примерно четыре тысячи рублей), и Арман просил мачеху и жену принять эти деньги^[29]. Более того, император, приняв его на службу, практически сразу предоставил ему отпуск.

Уже в середине сентября Ришельё вернулся в Вену, чтобы продолжить хлопоты по денежным делам, но, так ничего и не добившись, снова уехал в Петербург вместе с обоими родственниками. «Вы представить себе не можете, какая тоска возить за собой болтуна-кузена, как тот, которого навязали мне за грехи; мало того что ему неведом такт, так он еще и крайне самодоволен, с чем мне никак не совладать, поскольку он пренебрегает моими советами и в глубине души убежден, что это я не прав, а не он. Эрнест же хорош и будет еще лучше, когда определится со своими воззрениями и освободится (уж простите) от женского воспитания. Мне кажется, он понемногу перестает меня дичиться; он непременно хочет поступить на службу, но я прежде хочу, чтобы он получил разрешение французского правительства, чтобы не говорили, будто я приезжал в Париж совращать молодых людей, дабы увезти их сюда», — писал он сестре Симплиции 15 ноября.

«Ришельё здесь, я думаю, что он не поедет во Францию и будет доволен своей судьбой», — писал 3 октября 1802 года Кочубей, недавно назначенный министром внутренних дел, Андрею Разумовскому. Через пять дней Новороссийскую губернию по высочайшему повелению разделили на три: Николаевскую (с 15 мая 1803 года переименована в Херсонскую), Екатеринославскую и Таврическую. Зная, что Ришельё не хочет возвращаться на военную службу, чтобы вновь не поставить себя в трудное положение перед родиной, Александр предложил герцогу стать градоначальником Одессы, входившей в Николаевскую губернию: Кочубей подбирал на руководящие должности в провинции людей, в порядочности которых мог быть уверен, надеясь, что необходимые познания и навыки придут к ним с опытом.

Второго ноября под нажимом царского двора Ришельё окончательно вычеркнули во Франции из списка эмигрантов. Этот декрет, «таким

образом, не был внезапным актом милосердия, а, скорее, результатом неких дипломатических переговоров, которые вели в основном Колычев и Талейран, — объясняет Ланжерон. — Императору Александру даже пришлось обратиться непосредственно к Бонапарту». Ришельё был рад, что «обязан своим счастьем августейшему благодетелю и избавлен от благодарности узурпатору», пишет его жена. Муж прислал ей доверенность на управление его имуществом и уплату долгов, еще не зная, о какой сумме идет речь. «Если у меня ничего не осталось, что ж! Я смогу идти с высоко поднятой головой и всем, что имею, буду обязан единственно себе».

«Вот я и вычеркнул; я так давно добивался этой бумаги и столь часто о ней просил, и вот она мне предоставлена с условием лишь испросить у Первого консула дозволение продолжить мою службу здесь, — писал он своей сестре, маркизе де Монкальм, 14 февраля 1803 года. — Вот видите: немного упорства, и всего добьешься. <...> Император очень добр ко мне... По приезде он дал мне около десяти тысяч франков, земли с доходом почти 12 тысяч ливров^[30], так что в 1807-м я получу 24 тысячи. Теперь же он дал мне еще 17 тысяч франков на путешествие к Черному морю. Я хочу, по меньшей мере, заслужить эти проявления доброты, оказав ему некоторые услуги... Поставьте себя на мое место: разве могу я его бросить в тот момент, когда он рассчитывает на меня в деле, которым очень дорожит? По счастью, это место предоставляет мне связи с Францией, правительство которой желает начать торговлю с вверенной мне областью. Будет ли более удачная возможность уплатить долг Императору, заслужить доброе отношение со стороны французского правительства и дать время уладиться моим делам во Франции, что возможно как при мне, так и без меня. На всё это я отвожу два года, после чего испрошу отпуск, чтобы повидаться с Вами и далее действовать по обстоятельствам».

Ришельё написал Талейрану (24 февраля 1803 года), поблагодарив за исключение из списка эмигрантов и давая понять, что отныне будет находиться не на военной, а на гражданской службе: «Пост, уготованный мне на Черном море, позволит мне, возможно, оказать некоторые услуги моей отчизне и соотечественникам»^[31]. В самом деле, согласно договору, заключенному 25 июня 1802 года между Францией и Турцией, французские торговые суда получали право свободного прохода через Босфор и Дарданеллы, связывавшие Средиземное и Черное моря, что давало возможность развивать торговлю между Марселем и, например, Херсоном или Одессой. В тот же день в письме «дорогой матушке» Арман уточняет, что по приезде был встречен «проявлениями доброты Императора, чье

доверие, смею даже сказать дружба, беспрестанно привязывает меня к нему новыми узами. Послезавтра я возвращаюсь в мою Одессу, которую он осыпал благодеяниями и которая, ежели тому не помешают непредвиденные обстоятельства, будет обязана ему блестящей будущностью».

Небольшая приписка: «Скажите баронессе, что ее Максанс растет как на дрожжах, что вызывает в нем слабость и кое-какие неудобства, наименьшее из коих состоит в том, что он ест за четверых». Врач сказал, что беспокоиться не из-за чего. Пятнадцати лет барон де Дама был выпущен из кадетского корпуса в числе первых учеников и определен в Пионерный (Инженерный) полк, через два года Александр перевел его в гвардию. Перед отъездом, намеченным на 27 февраля (через Вену), Ришельё успел попросить, чтобы денежное содержание его родственника увеличили до 500 рублей: «...аббат Николь этим займется».

На время своего отсутствия во Франции Арман уполномочил нотариуса Шарля Пекура управлять всем его имуществом и ценными бумагами, а также уплатить долги его отца и деда, задав тому непростую задачу. После упорных ходатайств перед Талейраном Ришельё в виде исключения вернули часть лесов — 2300 гектаров в Лотарингии. Эти земли пришлось продать в апреле 1804 года за 1,05 миллиона франков. После раздела имущества между Арманом и двумя его сестрами он получил 3,3 миллиона франков, включая замки Лаферте-Бернар и Баше, шесть ферм под городом Ришельё, половину этого города и еще кое-какие земли из наследства матери. Большинство из них придется продать для уплаты долгов, которая будет происходить почти всю его оставшуюся жизнь.

Глава третья

«КОРОЛЬ ОДЕССЫ»

Я прочно утвержу свое имя на берегах Черного моря.

Из письма герцога де Ришельё матеке. 1805 год

Первые шаги

«Крепость окончена. Порт уже дает надежное укрытие гребным судам и торговым кораблям. В городе обретаются тысяча сто домов, из коих шестьсот каменные. Кроме того, там учреждены два огромнейших склада, в коих к августу нынешнего года будут храниться два миллиона пудов соли, привезенной из Тавриды... Казармы для солдат и матросов окончены в сентябре минувшего года. В них могут проживать не менее десяти тысяч человек. Винные склады заполнены. В них сорок тысяч четвертей. Порт обороняют пять батарей, из коих три у самой воды. В крепости 88 орудий. Начало работам было дано 22 августа 1794 года. Карантин, таможня, биржа, суды, арсеналы, церкви почти построены и будут окончены нынче летом. Большой мол будет полностью завершен, даже и с украшениями, в августе 1797 года», — писал А. К. Разумовскому 4 июня 1796 года Иосиф де Рибас, которого 19 апреля 1795-го генерал-губернатор Новороссии Платон Зубов, мечтавший затмить Потемкина, назначил руководить строительными работами в Одессе.

Именно де Рибас, выбивший турок из Гаджибея, предложил Екатерине II основать в этом месте греческую колонию и построить порт для гребного Черноморского флота. В самом деле, место удобное: большая глубокая бухта, покрываемая льдом всего на полтора месяца в году; плодородные, хотя и невозделанные земли; близость Днепра, Буга и Днестра — главных водных артерий.

Высочайший рескрипт об устройении города и порта в Гаджибее последовал 27 мая 1794 года. Императрица выделила 22 тысячи рублей на постройку полусотни каменных домов и еще десять тысяч на строительство жилья для солдат и церкви. Каждому пожелавшему там поселиться было пожаловано по 100–150 рублей; город мог оставлять себе четверть таможенных сборов, а жители освобождались от податей и постоя на десять лет (позже Павел I увеличит этот срок до двадцати пяти лет).

В августе 1794 года были торжественно заложены каменные фундаменты первых городских строений, в начале следующего Гаджибей переименовали в Одессу (от греческого «Одиссос»: академики, к которым обратилась Екатерина, уверяли, что город с таким названием раньше существовал где-то рядом). Строительство порта и укреплений доверили военному инженеру голландского происхождения Францу Павловичу де Волану (1752–1818). В 1793 году он состоял первым инженером армии

Суворова в Польше, а с 1795-го управлял постройкой крепостей в Фанагории, Одессе, Тирасполе, Овидиополе, Григориополе и Вознесенске. Де Волан составил план «регулярного» города, который должен был растекаться от центральной площади с церковью. Не откладывая, заложили соборную церковь в честь святителя Николая (прообраз Спасо-Преображенского собора). В январе 1796-го императрица учредила городской магистрат для управления гражданскими делами.

Город был разбит на форштадты (предместья). Лучшие земельные участки под жилую застройку, в квартале Военного форштадта (близ нынешнего Оперного театра), получили офицеры, сражавшиеся в Русско-турецкую войну: генерал-поручик князь Волконский, инженер-подполковник де Волан, секунд-майор Поджио (двое последних сражались под Измаилом). Виктор Поджио, вышедший в отставку, был избран в Одесский городской магистрат и занимался казенными и частными строительными подрядами, в том числе поставками ракушечника наряду с младшим братом де Рибаса Феликсом. Не осталась обойденной и польская аристократия, которую хотели задобрить: граф Ян Потоцкий (1761–1815), прославившийся своим романом в новеллах «Рукопись, найденная в Сарагосе» (1804), и его младший брат Северин получили в 1794 году по три участка; правда, граф Ян уступил их в июне 1803 года другому лицу, чтобы отправиться на Дальний Восток с дипломатической миссией графа Головкина. По правилам, участок надлежало застроить в течение двух лет, иначе его могли отобрать и передать другому. Но когда в России строго придерживались правил?

На бумаге всё выглядело замечательно! А в действительности... Начальники сменяли друг друга, не особо стремясь вникать в дела. Новороссийский генерал-губернатор Платон Зубов даже ни разу не побывал в своей губернии и редко покидал пределы столицы. В 1796 году его сменил генерал-лейтенант Николай Михайлович Бердяев, но лишь до 30 ноября 1797-го. Затем на эту должность назначили генерала от инфантерии Михаила Васильевича Каховского (1734–1800), а после его смерти — генерал-аншефа Ивана Ивановича Михельсона (1740–1822), победителя Пугачева. В 1803 году Михельсона перебросили в Могилев, заменив Александром Андреевичем Беклешевым... Такая чехарда не могла не повредить делу.

В 1795 году в городе насчитывалось всего-навсего 32 дома. Тогда же была проведена первая перепись населения: оказалось, что в Одессе проживает 2349 человек. Воцарившийся в 1796 году Павел I отозвал из Одессы де Рибаса (10 января 1797-го) и назначил его заведовать Лесным

департаментом, а 30 марта заморозил строительство военного порта в Одессе «по неудобности его». Едва родившись, город начал умирать.

Чтобы понравиться непредсказуемому императору, надо было действовать неординарно. Городовой магистрат решил впечатлить Павла дарами южной природы. Как утверждается в некоторых источниках, по совету де Рибаса было закуплено три тысячи греческих апельсинов, каждый из которых для сохранности окурили серой и завернули в вощеную бумагу. Обычно «померанцы» привозили в Санкт-Петербург через Балтийское море, и за несколько месяцев болтанки в трюме цитрусовые теряли товарный вид. Одесские фрукты, положенные на несколько подвод под охраной унтер-офицера Фанагорийского гренадерского полка Георгия Раксамити, доставили в столицу за 18 дней, причем в феврале, то есть до начала навигации. Подарок произвел должный эффект — 26 февраля император написал ответ:

«Господин Одесский бургомистр Дестуни! Присланные ко мне, от жителей Одессы, померанцы я получил и, видя, как в присылке сей и в письме, при оной мне доставленном, знаки Вашего и всех их усердия, изъявляю через сие Вам и всем жителям одесским мое благоволение и благодарность, пребывая к Вам благосклонный.

Павел».

Лед тронулся; уже 1 марта посыпались приказы: отдать магистрату на отделку Одесской гавани все материалы, за которые от казны были заплачены деньги; выдать 250 тысяч рублей заимообразно на 14 лет под ответственность нынешнего и будущего городского купечества; продлить все городские льготы еще на 14 лет, то есть до возмещения займа. Но деньги сами по себе ничего не решают...

Планы военного поселения были заброшены; едва построенная крепость быстро развалилась. Во времена Екатерины придворные остроусловы шутили, читая название «Одесса» задом наперед, что в этом городе будет «assez d'eau» — по-французски «много воды»; однако воды-то там как раз и не было: ни одного колодца, единственный источник отстоял на несколько верст, и жители, достаточно снабжаемые продуктами животного происхождения, почти совершенно не имели овощей и фруктов; окрестности города не были возделаны на много верст в округе. Не было ни дров, ни строительного леса — пустыня...

«Геродот Новороссийского края» А. А. Скальковский, говоря о частных строениях Одессы, называет всего два дома: майора Виктора Амедеевича (Виктора Яковлевича) Поджио и почетного горожанина Евтея Клёнова. Двухэтажный, просторный, но без затей дом Поджио (ныне угол

Дерибасовской и Ришельевской), лучший в городе, хозяин часто сдавал проезжающим «шишкам». Здесь останавливался Суворов, когда бывал проездом в Одессе. Как вспоминал позже сын майора Александр Поджио (известный декабрист), «в угодность» Суворову «выносились из каменного дома нашего, едва ли не единственного тогда в Одессе, все зеркала и мебель, обшитая штофом, вывезенная из Неаполя, и на место этой мебели ставились простые скамьи». В этом доме, арендовав его вместе с флигелем, поселился и Ришельё, когда в марте 1803 года прибыл в Одессу.

Постоянное население города тогда составляло четыре-пять тысяч человек русских, поляков, греков, армян, евреев и остатних турок и татар. Впрочем, это был не город, а поселок: мол в несколько сажений и небольшой рейд, гордо именуемые военным портом, полуразрушенная таможня (в 1795 году таможенные сборы составили 30 рублей) и карантин в виде деревянных барачков на берегу; недостроенные казармы без окон и дверей, две церковки; едва намеченные улицы, поросшие травой, с глубокой колеей, непроезжие зимой, да несколько сот хибарок.

На следующий же день после приезда новый градоначальник потребовал у магистрата немедленного и подробного отчета о состоянии дел. Вскоре городской голова Иван Иванович Мигунов представил ему несколько листов. По его данным, в Одессе «проживало девять тысяч и еще девять душ обоего полу и всех состояний. Из них дворян с чиновниками — 387, купцов с семействами — 1927, мещан — 5743, последняя тысяча приходилась на молдаван, проживавших отдельною слободкою, черноморских казаков, греков и евреев, поселившихся здесь еще в те времена, когда Одесса была Гаджибеем». Самым крупным предприятием была мастерская по изготовлению пудры для париков французского отставного капитана Пишона, где работало пять человек. Каждая из двух макаронных «фабрик» обходилась одним работником. Имелись также три винных и два водочных завода, три кирпичных, два по изготовлению сальных свечей и один, производящий известь, — в общей сложности на них трудилось 140 работников. Население, не занятое на государственной службе, перебивалось случайными заработками в порту, мелкой торговлей и воровством. Большинство жителей Одессы составляли иностранцы, прибывшие в Россию в надежде быстро разбогатеть, небогатые купцы, не выдержавшие конкуренции в другом месте, или беглые.

Через полгода Ришельё перебрался в бывший дом полицмейстера Григория Кирьякова, соседний с домом Поджио. К хозяину этого строения, до приезда герцога фактически исполнявшему обязанности

градоначальника, к тому времени возникло много вопросов, и он предпочел продать дом казне и уехать от греха подальше. В одноэтажном доме в пять комнат с пристройками разместились Ришельё с адъютантами и канцелярия. Из мебели имелись только столы и деревянные скамьи. Дюжину стульев, самых простых, пришлось выписать из Херсона; на их доставку ушло шесть недель.

В высочайшем рескрипте Ришельё предписывалось: «1) Осмотреть и вникнуть обстоятельно во все части управления в Одессе и стараться приводить их в наилучшее состояние, представляя обо всём, что будет превосходить власть его, непосредственно на Его Императорского Величества усмотрение. 2) Иметь начальство: а) над всеми воинскими командами, в городе состоящими; б) над всеми крепостными и портовыми строениями; в) над таможеню, карантинном и почтовою конторою и г) над морскими чиновниками, постоянно или временно по службе в Одессе пребывающими. 3) Наблюдать за скорым и точным правосудием. 4) Стараться увеличить население Одессы привлечением туда полезных иностранцев. 5) Наблюдать за правильным употреблением городских доходов. 6) Избрать удобное место для устройства карантина и поспешить постройкою оного»^[32]. (В воспоминаниях А. О. Смирновой-Россет всё это изложено проще и понятнее: «Когда император послал Ришельё генерал-губернатором в Одессу, он ему сказал: «Дорогой герцог, поручаю вам этот край; вы знаете, как я любил мою бабуку, она мне его завещала. Развивайте особенно торговлю, помещики не знают, что им делать со своим зерном, Одесса могла бы стать портом, я даю вам широкие полномочия».)

Герцог, которому в то время было 36 лет, не имел никакого опыта гражданского администрирования — ему не довелось управлять даже собственными имениями. Однако Ришельё много читал, был знаком с трудами экономистов-физиократов, сторонников «естественного порядка», и намеревался претворять в жизнь их правила (он говорил: «Не будем слишком регламентировать!»). «Его принципами было никогда не предоставлять монополий, привилегий или даже слишком больших вторичных выгод в качестве поощрения, поскольку он был убежден, что свобода действия в политической экономии — самая ценная из всех выгод», — напишет позже французский негодант Шарль Сикар. В том же, что касалось правления народами (а население Одессы представляло собой гремячую смесь из представителей самых разных наций), он достаточно повидал на своем веку, чтобы знать, как *не надо* делать. Следовательно, надлежало поступать с точностью до наоборот.

Согласно «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи»

от 21 апреля 1785 года, в каждом городе Новороссии должно было существовать общественное управление, представленное градским обществом, общей и шестигласной городской думой, городским головой, городовым магистратом и чиновниками, отвечавшими за благоустройство территории, правосудие и т. д. Городовой магистрат был создан в Одессе по инициативе де Рибаса в 1795 году; его члены были избраны полутора сотнями горожан (столь малое количество выборщиков объясняется, во-первых, высоким имущественным цензом — требовалось иметь капитал, проценты с которого превышали 50 рублей; во-вторых, в выборах не участвовали казенные люди и военнослужащие, равно как духовенство и дворяне — последние имели собственные выборные органы и не нуждались в городском самоуправлении «для своих польз и нужд»). Таким образом, одесскими обывателями были в основном купцы и ремесленники, как правило, малограмотные и не объединенные общими интересами. В марте 1803-го, когда Ришельё только приехал в город, главным судьей по торговым делам был итальянец, бывший помощник цирюльника, и остальные члены суда собрались ему под стать.

Городовой магистрат выполнял функции суда, разбирая имущественные споры. 20 декабря 1804 года Ришельё писал, что он состоит из «мошенников и буйных авантюристов дурного толка», целью которых является как можно скорее сколотить состояние. Дворянские же собрания, деятельность которых, приостановленная при подозрительном императоре Павле, была возобновлена при Александре, состояли, с одной стороны, из владельцев обширных поместий, розданных Екатериной, которые практически не бывали в своих имениях, с другой — из мелкопоместных дворян, местных уроженцев, малочисленных и необразованных. Что можно было сделать с их помощью?

Новому градоначальнику оставалось опираться на иностранцев. Немец Самуил Христианович Контениус (1748–1830) с 6 апреля 1800 года возглавлял Попечительский комитет по устройству колонистов Южной России, состоявший из главного судьи (имевшего право обращаться непосредственно к министру внутренних дел), его помощников, счетовода, секретаря и двух служащих. Родившийся в Силезии в семье бедного пастора, он сумел поступить в университет, где обучился иностранным языкам, в 25 лет явился в Россию, где сначала служил гувернером в знатных семействах, а в 1785 году перешел на «государеву службу» в Крыму и Курляндии. Англичанин Томас (Фома Александрович) Кобле (1761–1833) приехал в Россию одиннадцатилетним вместе с сестрой, вышедшей замуж за адмирала Мордвинова. Он был адъютантом Кутузова и

участвовал в штурме Измаила; «увозом» женился по любви на казачке Елизавете. В приказе о его назначении в Одессу сказано, что он «грамоте по-русски, итальянски, английски — читать и писать, арифметике, геометрии, фехтовать, танцевать и в манеже ездить — умеет». Еще один герой Русско-турецкой войны, отличившийся при штурме Очакова и отмеченный Суворовым, — Иосиф (Осип Иванович) Россет (1752–1814), француз и дальний родственник Ришельё, с 12 декабря 1802 года исполнял должность карантинного инспектора. Его мать якобы приходилась сестрой Лагарпу, воспитателю Александра I.

В рекомендациях императора было четко сказано: «Обратить внимание, чтобы все части управления в городе зависели от одного лица». Просвещенный самодержец Александр имел весьма четкие представления о роли личности в истории. Дарованное Ришельё право писать «отношения» на высочайшее имя по всем вопросам, которые он не может решить самостоятельно, было привилегией, поскольку герцог таким образом мог быть избавлен от бюрократической волокиты, неизбежной при использовании обычного административного механизма — министерств и департаментов. В те времена это было очевидно, но современным иностранным историкам необходимость выносить на усмотрение его величества вопрос о том, например, что в Одессе нет наинужнейших мастеровых, кажется ненужным усложнением. Неужели же градоначальник сам не мог его решить? Не мог! В окрестностях нужных ему людей просто не было.

После соответствующего представления Ришельё министр коммерции граф Н. П. Румянцев сделал доклад государю и лишь затем, «с воли его императорского величества», отдал распоряжение об отправлении из Петербурга в Одессу «столяра, который берет с собой двух работников, одного булочника, с которым один работник, одного слесаря с одним работником. Хотя их число и невелико, писал он Ришельё 14 мая 1803 года, но для необходимых надобностей на первый случай может быть достаточно. Если они найдут свои выгоды в Одессе, то пример их не замедлит привести туда и других охотников». Эти слова оказались пророческими: пройдет не так уж много времени, и немецкие переселенцы образуют в Одессе Ремесленную улицу. Каменщики и плотники будут приходить целыми артелями из Новороссии или прибывать морем из Анатолии.

Деньги — нерв всяких дел, сказал в III веке до н. э. древнегреческий поэт Бион. Городской бюджет был в минусе: доходы — 40 675 рублей, расходы — 45 122 рубля. Ришельё первым делом получил от правительства

ссуду на неотложные нужды и добился, чтобы доходы от водочных откупов пополняли городскую казну; он упорядочил отчетность и надзор за расходованием казенных средств. Какими бы внушительными ни казались выделенные деньги, они мгновенно растворялись, как сахар в горячем чае (к тому же часть их, как водится, прилипала к кое-чьим грязным рукам): в распоряжении Ришельё не имелось бесплатной рабочей силы, то есть крепостных, а вольнонаемным рабочим надо было платить (только для постройки общественных зданий использовали труд солдат). В 1804 году поденщик в Одессе получал вчетверо больше, чем в Петербурге, а на еду тратил вчетверо, а то и впятеро меньше. Так что администрации приходилось на всём экономить и строить город «на гроши».

Первым делом взялись за сооружение молов для порта и карантин. В порт, на обустройство которого Александр выделил 200 тысяч рублей, должны были приходить суда с Днепра, Черного и Азовского морей, в карантин же направляли все корабли, прибывшие из-за рубежа, поскольку они следовали через Константинополь. Расположение Одессы было гораздо выгоднее, чем Херсона, находящегося в глубине Днепровского лимана, куда было не добраться крупнотоннажным судам, к тому же херсонская гавань оставалась подо льдом четыре месяца в году.

Привлекательность Одессы в глазах иноземных купцов и судовладельцев увеличили привилегии, которых энергичный градоначальник добивался для них от центральной власти — к примеру, «в вящее ободрение торговли в портах Черноморского и Азовского морей уменьшить пошлину!4 долею противу других портов» (1 мая 1803 года). «Для ободрения торговли собственно одесского порта» все не запрещенные иностранные товары, доставляемые в Одессу, разрешалось отправлять транзитом в Молдавию, Валахию, Австрию и Пруссию, а привозимые из этих стран в Россию препровождать транзитом в Одессу для отпуска за море (5 марта 1804 года). Для беспошлинного хранения этих товаров на срок до полутора лет построили складские помещения. Открылась «променная контора» со стартовым капиталом в 100 тысяч рублей медью, который потом удвоился; учетная контора выдавала русским купцам деньги по предъявлении векселей, взимая за это по полтора процента в месяц. Чтобы избежать судебных проволочек, которые могли отпугнуть от Одессы иностранных купцов, как писал в своем представлении Ришельё, «непривыкших к нашим законным обрядам», учредили коммерческий арбитражный суд, чуть ли не первый в России: часть его членов назначалась по выбору купечества, а председатель, еще два члена, прокурор и юрисконсульт — «сверху». Кроме того, было создано первое

общество морского страхования.

В письме сестре Армандине от 31 мая 1803 года Ришельё рассказывал о «трех-четырёх сотнях судов под своими окнами». Суда приходили из Триеста, Мессины, Кефалонии, Генуи, Ливорно, Корфу, Барселоны, Марселя, Неаполя... В первый же год его правления число торговых судов, посетивших одесский порт, возросло до шестисот (в 1802-м их было всего три сотни).

Если в 1802 году товарооборот одесского порта (импорт и экспорт) составлял 2,3 миллиона рублей, то уже через год он достиг шести миллионов, из которых четыре приходились на экспорт. Вывозили по большей части дешёвую русскую и польскую пшеницу. С мая по август хлеб свозили из Подолии, Украины и Бессарабии на повозках, запряжённых волами. Ришельё велел вырыть у городских ворот ямы и обустроить там резервуары с водой, чтобы поить скот; теперь в день порой прибывало до тысячи подвод. На хлеб приходилось три четверти экспорта, остальное — лен, шерсть, конопля, мачтовый лес, солонина. Зато импорт был гораздо более разнообразным: от предметов роскоши и вин до пряжи и материй, скобяных изделий, лекарств и пряностей. Вот, например, опись груза, доставленного в 1803 году в Одессу из Марселя торговым судном «Александр I»: 283 бочки красного вина, 334 бочки «отборного вина», 47 бочонков оливкового масла, 250 ящичков мыла, 30 ящичков сиропа, 15 тысяч кирпичей, 150 поленьев для инкрустации, ящик шоколада, восемь корзин итальянских макаронных изделий, три мешка миндаля, два ящика с книгами, ящик с зонтами, четыре ящика часов с маятниками, ящик с фарфором, ящички с зеркалами, с плюмажем, с духами, ящик со скобяными изделиями, ящик с оружием и несгораемый шкаф.

«Для продолжения незаконченного в Одессе мола и для произведения других прибавлений и работ, одесским военным губернатором Дюком де Ришельё предполагаемых, отныне уделять ежегодно пятую часть таможенных доходов того города, вместо десятой, указом 24-го января 1802 года определенной», — гласил императорский указ от 26 июня 1803 года. (К 1805 году будет насыпано два мола, которые вдавались в море на 250 сажен; по ним на телегах доставляли грузы прямо к кораблям.) Кроме того, городская община получила разрешение вносить в пользу города по 2,5 копейки с каждого пуда пшеницы, отпускаемой за море. Собранные таким образом средства должны были пойти на устройство улиц, дорог и мостов. Копейка рубль бережет: уже в первые три года городская казна обогатилась на 45 тысяч рублей за счет только этой статьи дохода.

На постройку карантинной из казны было ассигновано 160 тысяч рублей;

под хозяйским взглядом градоначальника новую территорию карантина (на месте снесенной за ненадобностью крепости) обнесли высокой стеной, спешно возвели несколько складских помещений под товары.

Одновременно велось жилищное строительство: уже в 1803 году было построено 150 домов. Для их сооружения использовали недорогой местный «понтический известняк», пластами выходивший на поверхность в районе балок, который добывали с помощью пил. Благодаря своеобразному цвету этого камня Одессу стали называть «желтым городом», а каменоломни довольно скоро превратились в катакомбы. Чиновники стали селиться вдоль моря, выстраивая себе виллы одна элегантнее другой.

«Ремесло» градоначальника оказалось «не для ленивых», писал Ришельё сестре. Он не имел секретаря и принимал все бумаги, читал и отвечал на них сам, чтобы не погрязнуть в бюрократической волоките. В оставшееся время герцог неукоснительно обходил город и порт, инспектировал работы, посещал в карантине прибывших, беседовал с ними, легко переходя с русского на английский, немецкий, итальянский или французский язык, и убеждал их переселиться в Одессу. По городу он ходил пешком, ездил верхом или в дрожках, но никогда в закрытой карете, даже в плохую погоду, так что все обыватели его видели; по гавани плавал в шлюпке. Ришельё знал всех купцов, а на стройках часто останавливался поговорить с простым народом, обо всём подробно расспрашивал, а потому всё знал.

Марсельский коммерсант Шарль Сикар, решивший приехать в Одессу на несколько месяцев, чтобы осмотреться, еще в карантине увидел генерала, который подошел к нему, справился о его здоровье и цели прибытия, расспросил о торговых новостях в Марселе и предложил свои услуги, пригласив посетить его; это был герцог де Ришельё. Другим он говорил: «Надеюсь, что вы присоединитесь к нам и совершите выгодные сделки для вас и нас; вы не столкнетесь здесь с затруднениями или сложностями; в противном случае обращайтесь ко мне и получите правый суд и защиту». Сикар сравнивал герцога с Митридатом, поскольку он мог обращаться к каждому на его наречии, и с Идоменеем, поскольку его мягкий и дружелюбный характер побуждал народы «искать счастья под его любезным господством». К концу 1804 года население Одессы составляло уже восемь-девять тысяч человек, увеличившись за год почти вдвое.

«Таможня, порт и в нем пребывающие русские и иностранные суда с их экипажами, полиция и городское судопроизводство подчинялись Ришельё», — писал историк А. А. Скальковский. Герцог, известный щепетильностью и дотошностью, мзды не брал, а спрашивал со всех

строго. Сикар в «Письмах об Одессе» рассказывает, что один из местных купцов (вероятно, Евтей Клёнов) сразу оказался в оппозиции новому градоначальнику из-за своей нелюбви к новым людям вообще и к иностранцам в частности. Ришельё ввел его в учрежденный по высочайшему повелению от 19 февраля 1804 года строительный комитет, занимавшийся всеми вопросами, касающимися городских нужд, и проследил, чтобы ни одно важное решение не принималось без участия «оппозиционера». В результате тот всего за год превратился из противника в ярого сторонника герцога.

Тот же Сикар, который вместе с двумя братьями создал в Одессе крупную торговую фирму (через несколько лет его состояние оценивалось в миллион рублей), упоминает, что в начале своей деятельности герцог, боровшийся со злоупотреблениями, принял меры, которые понравились не всем, поскольку частными интересами пришлось пожертвовать ради общественных. Несколько жителей города решили пожаловаться на него в Петербург. Они вернулись в Одессу несолоно хлебавши и, судя по всему, опасались репрессий. (Вспомним, как грозился гоголевский городничий, узнав о доносах на него «ревизору».) Однажды герцог, гуляя по городу, зашел в магазин одного из этих людей, поговорил о том, как идут дела, выпил ликеру, заказал кое-что себе к обеду и ушел. Его спутник спросил, зачем он это сделал. «Я слышал, что этот человек думает, будто я на него зол, пусть знает, что это не так», — ответил Ришельё.

Помещики из соседних губерний, где стоимость земель уже возросла вдвое или втрое, окрестные землевладельцы и иноземные купцы, получившие нежданную выгоду, приезжали в Одессу, где Дюк, как его называли, используя его французский титул, встречал их учтиво и благожелательно, беседуя с ними с равным интересом о поместьях и о коммерции. Он часто останавливался на улице с людьми из простонародья, чтобы поговорить с ними о их жизни и подать им совет или оказать помощь.

Ришельё быстро снискал себе популярность. В январе 1804 года он отправился в Петербург, чтобы лично просить у императора привилегий для вверенного ему города, а когда возвращался в феврале, то уже за 80 верст до городской черты его встречали жители Одессы и окрестных деревень.

Тогда же Ришельё был назначен генеральным инспектором и главой органа общественного призрения — Попечительского комитета. Отныне контора этого комитета, базировавшегося в Екатеринославе, появилась в Одессе, чтобы особо заняться колонизацией Херсонской губернии.

Проблема была серьезная, и не раз Дюк был готов рвать на себе рано начавшие сесть курчавые волосы, проклиная тот день и час, когда согласился впрячься в этот тяжелый воз. Его отчаяние было вызвано очередными неурядицами, связанными с колонистами. Например, в письме Контениусу от 28 сентября 1803 года говорилось:

«Посылаю Вам список двух новых конвоев поселенцев, которые придут к нам незамедлительно и за которыми последуют другие; если они в столь же дурном состоянии, как 1-й и 3-й, будет мне забота. Нечистота на корабле, неумеренное употребление фруктов в Венгрии и в Молдавии многих свели на больничную койку, а еще больше погубили. Я считал нужным устроить для них госпиталь на манер полкового, иначе они умрут или их болезнь перекинется на других. Это стоит денег, но прежде всего сие совершенно необходимо, и потом, большинство вещей, купленных сегодня, можно будет после продать или употребить на что-нибудь иное. Я помещу туда столько семейств, сколько возможно, но не думаю, что мне удастся разместить более 6 транспортов, да и то с трудом; надобно подумать о том, чтобы прочие где-нибудь перезимовали; уверяют, что моряцкие казармы в Овидиополе можно на сие употребить очень авантжно. Я поеду взглянуть на них на днях. Но позвольте сказать Вам, что Ваше присутствие и деньги будут здесь чрезвычайно нужны; пока я снабжаю всех, даже послал тысячу рублей Бригонци в Дубоссары, и расходы возрастут по мере умножения транспортов, и надобно предусмотреть необходимые лекарства, ссуды для выплаты этим людям на приобретение зимней одежды; всё это требует значительных расходов. Мы сделаем всё, что в наших силах, но наши деньги имеют иное предназначение, и мы не можем тратить больше, чем имеем; кроме того, прошу Вас подумать о болгарах, их уже много здесь дожидаются размещения, капитан судна, который их привез, явился просить у меня денег, я велел ему потерпеть, однако мне кажется не политичным заставлять его ждать. Я возьму для этих людей денег из карантинных, хотя и тех уже ушло почти 600 рублей. Мы потратили гораздо более крупную сумму, не считая почти 2500 рублей на ремонт казарм. И не упускайте из виду, что я ожидаю с первым ветром оное судно, которое наверняка привезет еще несколько сотен болгар».

А в 1804-м, вернувшись из Петербурга, он сообщил Контениусу: «Я получил 10 тысяч рублей для колонистов, ограбленных турками».

Изыскивать приходилось не только деньги. Колонии основывались на казенных землях в Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях, специально выделенных для иноземных поселенцев. Если

участков не хватало, их покупали у частных лиц. В декабре 1804 года Ришельё писал: «Сие затруднение (нехватка земель. — Е. Г.) казалось странным, я его не ожидал, поскольку край сей можно было назвать пустыней, и было чудно, что правительство не имеет возможности поселить на собственных землях несколько сотен семейств. Сие неудобство существует во всех окрестностях Одессы и во всём Крыму... в нынешнем положении у нас есть, благодаря приобретениям, совершённым мною в нынешнем году, земли, чтобы расселить немцев или болгар в окрестностях Одессы и почти 200 семей сверх того в Крыму; за исключением имения генерала Розенберга, отныне принадлежащего казне, нужно всё покупать для 60 семей швейцарцев и 300 болгар, не считая тех, кого мы привезем туда будущей весной». В качестве выхода из положения Ришельё предложил установить квоты населенности: согласно указу от 31 декабря 1804 года, помещики были обязаны в течение четырех лет заселить свои земли из расчета одна душа на 30 десятин; в противном случае государство могло выкупить участки по невысокой цене.

Каждая семья переселенцев получала земельный надел в несколько десятков десятин, дом, корову, пару быков, плуг и ссуду на год. Они освобождались от всяких податей на десять лет. По прошествии этого срока земля, дом и сад переходили в их собственность при условии выплаты ссуды Попечительскому комитету, предоставленной под пять процентов на 14 лет. Колонисты пользовались свободой передвижения и не попадали в крепостную зависимость, были избавлены от рекрутской повинности на 25 лет, от земельного налога и от постоя. Они могли исповедовать свою религию и придерживаться законов местного самоуправления, принятого в их стране, однако должны были принять русское подданство. Немцы избирали пастора и бургомистра, евреи — раввина. Судопроизводством занимались русские суды, но через посредство Попечительского комитета.

В 1803 году комитет потратил 361 тысячу рублей на сооружение нескольких, по большей части деревянных, поселков вокруг Одессы, то есть 260–350 рублей на семью. Строительством чаще всего занимались сами переселенцы. К 1804 году было построено шесть болгарских поселков (350 семей) и несколько немецких (250 семей). Дома с прилегающими садами были похожи один на другой, улицы словно прочерчены по линейке. Названия жители принесли с собой: под Одессой появились Майнц, Страсбург, Мариенталь... Впрочем, и уклад жизни они тоже сохранили. Болгары носили турецкое платье, немцы — синие длиннополые кафтаны с медными, ярко начищенными пуговицами величиной чуть ли не с индюшачье яйцо, кожаные штаны, длинные

красные жилеты, синие чулки, башмаки с огромными серебряными пряжками и треуголки.

Как доносил «наверх» сам Ришельё, только болгары «трезвые, работающие, хорошие земледельцы и весьма предприимчивы. Среди них нет ни пьяниц, ни больных венерическими заболеваниями. Испытываешь большое удовлетворение, видя порядок и достаток, царящие в их уже построенных поселках». Зато немцы были строптивы и плохо переносили суровые степные условия. Большинство их бежало в Новороссию от рекрутских наборов. Многие умерли в пути, прочие (десятая часть прибывших в 1803 году) по приезде — от повальных болезней. Но, по мнению Дюка, «изо всех поселенцев предпочтения во всех отношениях заслуживают меннониты».

Приверженцы этого течения протестантизма, прибывшие по большей части из-под Кёнигсберга в Восточной Пруссии, с XVI века крестили только взрослых, чтобы люди принимали решение о крещении осознанно, и были сторонниками ненасилия. Александр I, вслед за Екатериной привлекавший их в Россию, освободил приехавших от военной службы. Условием их отъезда было предоставление прусскому королю двадцатой части средств, вырученных за их землю. В России они надеялись обрести свободу совести. В отличие от других переселенцев некоторые были зажиточными и, по словам племянника Ришельё Леона де Рошешуара, обладали имуществом на 200 тысяч талеров. Они приехали со своим скотом и обозом. Ришельё считал их «капиталистами», полезными и необходимыми для развития его губернии. В общем, писал он Кочубею, «меннониты поразительны, болгары несравненны, а немцы несносны».

Однако пустынные степи заселялись не только иноземцами. Осип Россет получил за взятие Очакова пять тысяч десятин земли, где не было ни кола ни двора, и назвал этот клочок земли Адамовкой — всё приходилось начинать с нуля. По словам его дочери Александры, он «купил или залучил хохлов, потому что край селился двояким образом». Рядом с Адамовкой находилось имение Фомы Александровича Кoble, получившего от казны 12 тысяч десятин девственных земель на левом берегу Тилигульского лимана; шесть лет спустя там уже выросла слобода Кobleевка, вдоль лимана появились сёла Кobleвка и Малая Кobleвка. Возле Тилигула он обзавелся поселением, после постройки временной церкви получившим название Троицкое. На своих землях Кoble позволил селиться беглым крестьянам и отставным украинским казакам.

В письмах об учреждении поселений Ришельё упоминает также о духоворах, правда, перевирая это слово, трудное для восприятия

французским ухом. Это религиозное течение, родственное английским квакерам, распространилось во второй половине XVIII века по нескольким новороссийским губерниям и подверглось преследованиям со стороны православных духовных властей и полиции. (Кстати, именно архиепископ Екатеринославский Амвросий назвал новое учение духоборством, то есть противлением Святому Духу. Сектанты же охотно стали называть себя духоборами, но в ином смысле — поборниками духа.) В 1801 году сенатор-масон И. В. Лопухин, объехавший южные губернии, дал весьма положительный отзыв о духоборах, после чего было решено переселить их всех на берега реки Молочной в Тавриде. Там уже проживали меннониты, от которых духоборы переняли много полезных в хозяйстве вещей.

Негласным девизом Ришельё можно считать слова: «Если этого еще не было, вовсе не значит, что этого не может быть». В 1804 году он выписал из Испании более четырехсот голов овец-мериносов и раздал поселенцам, а немец Миллер соорудил в Одессе первую шерстомойню. Дюк всячески поощрял использование сельскохозяйственных машин, разведение новых культур (виноградников, оливковых деревьев, даже риса) и новые виды экономической деятельности, например шелководство. Как правило, упорный труд приносил свои плоды. Единственная неудача — в степях не прижился рапс.

Разнообразие верований жителей Одессы отразилось на облике города. 24 мая 1804 года по высочайшему соизволению Ришельё получил от министра финансов 100 тысяч рублей безвозвратно на возведение православного храма и незамедлительно издал приказ: «Приступить к постройке соборной церкви во имя Святителя и Чудотворца Николая, заложенной и основанной фундаментом в Одессе прошлого 1795 года в царствование императрицы Екатерины II, а ныне щедротами... внука Ея... Императора Александра I, должна быть окончена строением». Надзор за работами поручили Францу (Франческо) Фраполли, в феврале того же года назначенному главным городским архитектором (он приехал в Одессу в 1796-м и участвовал в сооружении гавани, проектировал некоторые жилые дома и построил первую суконную мануфактуру). Позже в Одессе появятся католический храм и греческая церковь, а также синагога. В том же 1804 году Ришельё добился права открыть в городе гимназию и коммерческое училище, а также ряд частных пансионов.

Вокруг Дюка, пишет историк А. А. Скальковский, всё кипело неслыханной деятельностью. «Он был тих, кроток и неутомим. Здоровье имел железное. Одно только выводило его из терпения — это дурное обхождение с деревьями, которые он засадил по всем почти улицам».

Сразу по приезде Ришельё получил восемь тысяч саженцев из Петербурга, в частности белые акации, которые велел посадить в два ряда вдоль проспектов и в один ряд вдоль улиц. Дюк очень беспокоился об этих деревьях (без которых сейчас невозможно себе представить Одессу), и жители сами стали их сажать, чтобы сделать ему приятное. Однажды, направляясь куда-то по делам, Ришельё увидел две полузасохшие акации перед одним из домов; герцог зашел внутрь и сказал хозяину: «Прошу вас, полейте эти деревья, доставьте мне удовольствие. Если не желаете, позвольте, я сам полью».

Россет посадил возле вверенных ему карантинных сооружений первый тополь; впоследствии он привезет семена из всех ботанических садов Европы и разобьет обширный парк на западе города.

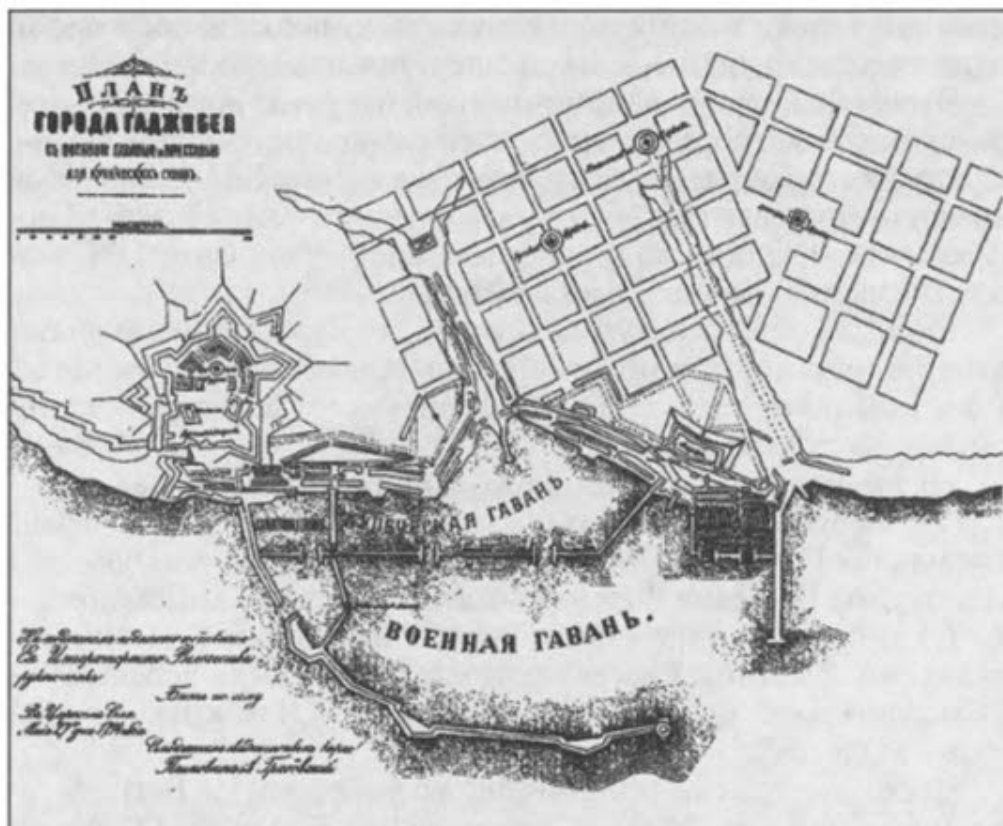
Жители, получавшие земельный участок бесплатно и ссуду на обустройство, должны были представить в городскую администрацию план будущей постройки, а также посадить на каждой десятине не меньше двадцати деревьев.

Деревья были не роскошью, а предметом первой необходимости: летом в Одессе стояла такая жара, что уже в десять утра закрывали все ставни, а полы в домах поливали водой ради прохлады. Вытянувшись, деревья подарили бы долгожданную тень и защитили бы от пыльных бурь, приносившихся из степи. Но они не растут в одночасье. Много лет спустя А. С. Пушкин писал в «Евгении Онегине», вспоминая свою поездку на юг в 1823 году:

*Я жил тогда в Одессе пыльной:
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свои подьмет паруса;
Там всё Европой дышит, веет,
Всё блещет югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.*

В Одессе дома с садами называли на украинский манер хуторами. Типичный господский дом — одноэтажный, вымазанный желтой краской, под черной железной крышей, — стоял лицом к большой дороге; рядом с домом — крытый соломой сарай, впереди — огороженный стеной из булыжника палисадник, где росли душистые цветы и травы: заячья капуста, барская спесь и повилика, голубая и розовая.

Градоначальник обзавелся собственным хутором — вдоль Водяной балки, по соседству с Молдаванской слободкой. Это был пустынный, высушенный солнцепеками участок в те же 25 десятин, как у всех. Особенностью было то, что под склоном бил родник, из которого, по легенде, 13 сентября 1789 года пили солдаты де Рибаса, готовясь штурмовать Гаджибей. Там впоследствии выкопали пруд с островком. Дом Дюка стоял наверху, и к пруду спускалась аллея. Хутор был отдушиной для Ришельё, который сажал там растения своими руками; но над обустройством «Дюковой дачи» трудилось и много других людей. С годами сад стал спускаться к пруду террасами, расходясь на несколько аллей. Увидев его в законченном виде, Арман назовет его «цветущим уголком Версаля». В устной традиции одесситов сохранился такой анекдот. Однажды утром Ришельё, прогуливаясь по своему хутору, увидел молодую крестьянку с охапкой клевера, порадовался ее трудолюбию и подарил ей серебряный рубль. Узнав об этом, управляющий только руками всплеснул: эта воровка и так у нас то одно унесет, то другое, а вы ей еще и приплачиваете!

Чтобы не нарушить гармонию своего существования в этом райском уголке, соседей герцог выбирал крайне осмотрительно. Расположенный рядом участок он отдал Фоме Кобле. Военный комендант оставит о себе память улицами Коблевской, Торговой (там находились принадлежавшие ему магазины) и Садовой (название говорит само за себя).

Ришельё объезжал хутора верхом, всех владельцев знал поименно, беседовал с ними о посадках и сельском хозяйстве. В воспоминаниях А. О. Смирновой-Россет есть очень колоритная зарисовка:

«В Громаклее (ныне Водяно-Лорино под Николаевом. — Е. Г.)... не имели понятия о том, что такое сад, — и им обязана Громаклея Ришельё. Он проезжал мимо и видел, что бабушка (Екатерина Евсеевна Лорер, урожденная княжна Цицианова. — Е. Г.) сидела a l'ombra della casa^[33], как говорят в Италии, и сказал ей: «Катрин Евсеевна, зачем вы не сажал деревья?» — «Батюшка Дюк, где же мне их достать?» — «Я вам буду присылать из Одесса».

Через две недели пришли два воза корней, и Батист, садовник Дюка, их посадил вдоль речки Водяной. Они прекрасно прижились, и говорят, что вышел в самом деле прекрасный сад».

Третьего августа 1804 года Ришельё писал жене из Одессы:

«Император [Александр I] прислал мне знак ордена Святого Владимира, это очень красивый и очень почетный орден за заслуги, которых он пожаловал всего три со времени своего восшествия на престол; он сопровождал его очаровательным письмом. Я никогда не был падок на ленту, но я очень тронут выражением удовлетворения со стороны государя, которого люблю и служу ему сердцем и душой.

Извольте, дорогой друг, прислать мне семена цветов и кустарников из Куртея. Я буду рад посадить их здесь; я бы хотел, если Эрнест приедет ко мне, воздвигнуть с ним небольшой памятник вашей замечательной бабушке в саду, который я разбил, а вокруг мы посеём семена цветов и кустов, которые она любила и лелеяла...»

Возможно, герцогиня де Ришельё была так же захвачена садоводством, как и ее супруг, однако она не могла не тревожиться, когда до Куртея долетали новости из столицы. В начале 1804 года в Париже раскрыли очередной заговор против Бонапарта; несколько человек были казнены, генерал Жан Шарль Пишегрю, который должен был заменить собой Первого консула, задушен в своей камере, а глава заговорщиков Жорж Кадудаль признался, что сигналом к выступлению должен был стать приезд во Францию некоего принца крови. Ближе всех к границам страны тогда

находился внук Конде, 32-летний герцог Энгийенский. 15 марта 1804 года тысяча драгун форсировала Рейн, явилась в Эттенгейм, в десяти километрах от границы, и похитила герцога. Через пять дней его доставили в Венсенский замок, в тот же вечер он предстал перед военным трибуналом без свидетелей и защиты и был приговорен к смерти за вооруженное выступление против Франции, организованное на деньги Англии. В три часа ночи его вывели во двор и расстреляли. Над свежей могилой долго лаял и выл мопс по кличке Могилов — подарок герцогу из России.

«Это хуже, чем преступление. Это ошибка», — сказал, узнав об этой казни, депутат Антуан Булэ. Фраза оказалась так хороша, что ее приписали Фуше, а потом Талейрану. Но только Великобритания, Россия и Австрия выразили протест против этого злодеяния. Узнав о казни своего бывшего воспитанника, старый аббат Лабдан был настолько потрясен, что слегка тронулся умом. Он окончит свои дни в Одессе в 1808 году под крылом другого своего ученика — Дюка де Ришельё...

Престиж Бонапарта не пострадал; 26 мая 1804 года он, «президент Итальянской республики», короновался как король Италии в Миланском соборе, сделав вице-королем своего приемного сына Евгения Богарне, а 2 декабря 1804-го в соборе Парижской Богоматери возложил на себя корону как император французов Наполеон I. Его провозглашение императором состоялось по инициативе сената и по результатам плебисцита: за это решение было подано 3 миллиона 572 тысячи голосов. (Сбылось предсказание Дюка, сделанное десять лет тому назад.) Парадоксальным образом основание новой династии должно было уберечь завоевания революции: на монетах времен Империи было выбито «Император Наполеон — Французская Республика».

В апреле 1805 года Великобритания, второй год находившаяся с Францией в состоянии войны, подписала союзный договор с Россией, а затем попыталась сблизиться с Австрией, не слишком желавшей ввязываться в новый конфликт, но не имевшей выбора. К новой антифранцузской коалиции примкнула также Швеция. Только Пруссия решила сохранить нейтралитет.

Если начнется война, муж не сможет к ней приехать, как собирался — вот о чем, верно, думала несчастная Аделаида Розалия, пленница своего тела и невольница своей любви...

Новый Вавилон

«По всему этому Вы с легкостью поймете печаль, охватившую меня при вступлении в мою новую губернию, и, надеюсь, простите мне, что я проклял тот час, когда согласился», — писал Ришельё в «Записках о нынешнем состоянии Одессы и ее окрестностей», адресованных в декабре 1804 года близкому другу, имя которого нам неизвестно. В январе 1805-го он вместе с Контениусом снова уехал в столицу. Вероятно, отчет о проделанной работе настолько впечатлил императора, что 9 марта Александр I назначил Дюка Ришельё генерал-губернатором всей Новороссии вместо А. А. Беклешева, сохранив за ним пост одесского градоначальника и передав под его команду 19 полков. Герцог обладал редчайшими качествами, выгодно отличавшими его от других губернаторов, — порядочностью и бескорыстием. Отныне под его управлением находилась территория в 400 тысяч квадратных километров, равная $\frac{4}{5}$ территории Франции. И она требовала хозяйского глаза! Период его разъездов по Одессе теперь казался милой порой, когда он вел жизнь домоседа...

В Одессу Ришельё вернулся через Екатеринослав и Херсон, потом отдельно прокатился в Овидиополь, где был поражен антисанитарными условиями, в которых жили поселенцы. В апреле — мае он посетил Григориополь, снова Херсон и Крым. Его настроение сменилось с подавленного на боевое. «Если Господь отпустит мне жизни, я постараюсь, чтобы помнили, что краями сими управлял Ришельё, — писал он в мае сестре, маркизе де Монкальм. — Я не желаю иной награды». В августе — новое инспекционное турне: Херсон, Крым, Екатеринослав и возвращение в Одессу через Дубоссары. В октябре Дюк сообщил мачехе: «Я только что совершил небольшую поездку в восемьсот французских лье (примерно 3200 километров. — Е. Г.) по моим губерниям... Нынче летом я проехал больше двух тысяч лье, чтобы познакомиться со всеми вверенными мне провинциями, и так же будет почти каждый год... В стране, где всё нужно создавать с нуля, необходимо всё видеть своими глазами. Впрочем, сия деятельность подходит мне физически и морально».

Жалованье градоначальника составляло 1800 рублей в год плюс 1200 рублей «столовых»; теперь же Ришельё как генерал-губернатор получал десять тысяч рублей в год да еще шесть тысяч ренты как командор Мальтийского ордена (память о Павле). Порой император вознаграждал

Дюка за труды от щедрот своих, так что со временем его годовой доход вырос с 15 до 25 тысяч рублей — эта сумма казалась ему вполне достаточной, хотя полностью уходила на домашнее хозяйство. Дюк ею удовлетворялся и замечал, что живет небогато, лишь тогда, когда не мог дать кому-то столько денег, сколько желал. Сам же он, имевший перед глазами дурной пример отца и деда, никогда не жил в долг и не пытался перехватить у кого-то денег. Когда его собеседники заводили разговор о догоровизне, нехватке средств для торговли, он обычно отвечал со смехом: «Пошлите ко мне домой, моя казна для вас открыта, там, верно, есть рублей пятьдесят, они в вашем распоряжении». Надо признать, что к деньгам он относился довольно беззаботно: отдавал или одалживал их любому, кто ни попросит, даже без расписки. Один человек попросил одолжить ему четыре тысячи рублей на год, выписав форменный вексель. «У меня эти деньги есть, я вам их одолжу и прошу их вернуть, поскольку я беден, — ответил Дюк, — но векселя не нужно, раз вы намерены уплатить, а если не пожелаете, то не я же вас заставлю».

Резиденция генерал-губернаторов находилась в Херсоне, однако Ришельё не желал покидать Одессу. Жил он по-прежнему в своих пяти комнатах, обставленных крайне просто. В рабочем кабинете стояло канапе, на которое по вечерам стелили простыни, и он там спал. Дюк обзавелся деятельными и надежными помощниками: трое личных адъютантов (первый составлял сводки из донесений войск, находившихся под командованием генерал-губернатора; второй управлял его домашним хозяйством и надзирал за некоторыми работами по благоустройству Одессы; третий не имел четко обозначенных обязанностей, то есть делал всё, что прикажут); штаб дивизии, которой он командовал лично, возглавляемый графом де Венансоном из Пьемонта и состоящий из троих штабных офицеров и двоих военных инженеров; канцелярия из четверых секретарей (для Одессы, Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерний), каждый из которых имел в своем распоряжении двух-трех подчиненных. Содержание этого аппарата обходилось казне всего в пять тысяч рублей в год. Фома Александрович Кобле стал губернским предводителем дворянства.

Зимой и летом Дюк вставал в шесть утра, в восемь завтракал в одиночестве чашкой кофе с молоком, затем в течение часа принимал просителей разных сословий, после чего работал вместе с помощниками до половины первого. Во время приема Ришельё предпочитал выслушивать людей, а не читать прошения: «Адвокаты бы всё запутали и усложнили дело, а они расскажут мне самую суть». В час он обедал вместе с членами

администрации, адъютантами и несколькими друзьями, причем сам вставал, чтобы налить шампанское даже молодым людям, вне зависимости от их социального статуса: он не любил церемоний и чиновничества. В общей сложности за обеденным столом собиралось человек двадцать. Потом он снова работал за маленьким круглым столиком, где даже некуда было облокотиться: собственноручно вел деловую, служебную и личную переписку, причем писал всегда сразу набело — по-французски, по-русски, по-немецки или по-английски, напевая себе под нос или в полный голос, а еще читал газеты и всю периодику, какую только мог достать. Каждый год он составлял статистический отчет по своим губерниям. Перед ужином Ришельё уходил в город. На ужин, с девяти до одиннадцати часов вечера, собирались только близкие знакомцы или знатные проезжающие. Зимой Дюк каждую неделю устраивал званый ужин, а по воскресеньям принимал у себя всех членов администрации и военного командования. Шарль Сикар, летом 1805 года окончательно обосновавшийся в Одессе, отмечает, что хозяин был таким предупредительным и имел такие изысканные манеры, что каждый старался «соответствовать». При этом даже в узком кругу он всегда оставался герцогом де Ришельё, то есть не опускался до фамильярности, а внушал к себе уважение.

Его прислуга была из французов; например, кухней заведовал сын бывшего повара кардинала де Рогана, нанятый в Вене в 1802 году. Однако герцог не был гурманом и вообще не обращал большого внимания на то, что он ест. Обычно на стол подавали баранину, которой славилась Одесса. Габриэль де Кастельно (1757–1826), которого в Новороссии произвели в маркизы, хотя во Франции он носил титул барона д'Орос, каждый день обедал с Дюком; однажды он робко взмолился: «Господин герцог, вы не стали бы возражать, если бы нам подали что-то другое, а не бараньи котлетки? Они мне больше в горло не лезут». — «Как, мон шер? — удивился Ришельё. — Возможно ли, что я уже три года ем их каждое утро? Право слово, не замечал».

Одевался он просто и опрятно, всегда ходил в мундире. Единственной роскошью, которую он себе позволял, были перчатки и туалетная вода, а единственным «кокетством» — особый уход за руками: как говорил Пушкин, «Быть можно дельным человеком / И думать о красе ногтей». А еще он курил трубку.

Дюк отдавал своих подчиненных под суд только в самых серьезных случаях, в прочих же останавливал продвижение по службе, не выплачивал вознаграждение, сурово отчитывал прилюдно или приватно. Ему важно было не покарать, а исправить человека. Однажды чиновник, в

чистоплотности которого у него были причины усомниться, ходатайствовал о каком-либо знаке отличия за свои услуги. Дюк ответил ему так: «Всего иметь нельзя, на вашей должности не получишь сразу и почета, и денег; взгляните на меня: у меня должность повыше, грудь в крестах, а без гроша; так что выбирайте, только хорошо подумайте, ибо я не всегда буду ограничиваться эпиграммами».

Для Одессы надо было выращивать кадры. С 1802 года в городе имелись приходская школа при римско-католическом храме, управляемая эмигрантами-иезуитами, и частный пансион француза Вольсея. Последнего Ришельё назначил директором Коммерческой гимназии, учрежденной в 1804 году в дополнение к приходским начальным школам и уездному училищу. (В Государственном архиве Одесской области сохранился «Послужной список о службе директора Одесской коммерческой гимназии» за 1810 год, из которого следует, что «Петр Петров сын Вольсей», сорока четырех лет, из «дворян французских», обучался в Страсбурге и Париже в коллегии всем преподаваемым в оных наукам, после чего «определен в Страсбургский инженерный корпус кадетом, напоследок выехал в Россию».) Однако Вольсей больше заботился о собственном пансионе (многие его предшественники частными уроками сколотили себе неплохое состояние), и Дюк взял гимназию под свое покровительство. В феврале 1806-го Коммерческая гимназия сгорела, но уже в апреле из государственного казначейства было получено заимообразно 50 тысяч рублей на ее восстановление.

В конце 1804 года Ришельё докладывал министру внутренних дел В. П. Кочубею об отсутствии в Одессе учебного заведения, необходимого как для недавно обосновавшихся здесь иностранцев, так и для местных жителей, имея в виду пансион по образцу созданного в Санкт-Петербурге аббатом Домиником Шарлем Николем, только за меньшую плату. В июле 1805-го Дюк основал Благородный институт для дворянских детей, готовящихся к поступлению на военную службу, который подчинялся непосредственно ему и «был предметом особенных его забот и попечений». По ходатайству градоначальника высочайшим указом от 12 марта 1808 года Благородному институту в Одессе были дарованы привилегии, имевшиеся лишь у аристократических учебных заведений России: его выпускники получали офицерский чин после трехмесячной службы. Позже в Благородном институте было открыто отделение для девиц, содержавшееся на частные средства.

Первым директором Благородного института стал опять-таки Вольсей. Значительную часть преподавателей и в Коммерческой гимназии, и в

Благородном институте составляли иностранцы — выходцы из Италии, Турции, германских земель и Франции. Так, «Антон Иванов сын Галиар», из французских дворян, в России жил с 1782 года, преподавал французскую грамматику в Московском университете, а затем — риторику в университетском пансионе. В Одессе он появился в начале 1805-го, когда ему исполнился уже 61 год. Гальяр тоже ходатайствовал о разрешении завести пансион под управлением своей жены — он был открыт в феврале 1808-го, но не пользовался большой популярностью.

Ришельё искренне верил в пользу образования, поскольку все полученные им знаниягодились ему на практике. Чтение было его страстью, он заглатывал книги, а Вергилий и Цицерон всегда лежали на его ночном столике. Раздобыть книги в Одессе не составляло труда: в центре города (на нынешней Греческой улице) обосновались букинисты, а вскоре швейцарское семейство Коллен открыло первую книжную лавку.

Каждое воскресенье после войскового смотра генерал-губернатор отправлялся в гимназию, выслушивал рапорт о поведении учеников за неделю, двух отличников брал с собой на обедню^[34], а оттуда ехал с ними к кому-нибудь с визитом или на прогулку, забавлял их целый день в награду за прилежание и в урочный час возвращал обратно в гимназию, чтобы в следующее воскресенье проделать то же с другой парой счастливчиков. Для учеников возможность провести воскресенье с Дюком была большим стимулом к учебе, а их родители воспринимали это как высокую честь; для Ришельё же то было развлечение, приносившее ему искреннюю радость.

Не имея собственных детей, Арман изливал свою нерастрченную любовь на племянников (в частности Эрнеста д'Омона), детей своих сподвижников и сирот, прикипая к ним душой. Сикар рассказывает, что во время одной из поездок в порт Ришельё заметил на борту французского судна юнгу лет восьми — десяти. Расспросив капитана, герцог узнал, что мальчик сирота. «Хочешь поехать со мной? — Да. — Отпустите его со мной? (это уже капитану). — Он в вашем распоряжении. — Тогда отправьте его на сушу, я им займусь». Несколько дней мальчик жил в его доме. Но вскоре в Ришельё «заговорила совесть»: «Я рассудил, что этот мальчик мог со временем сделаться офицером и что я взял на себя моральное обязательство не загубить его будущее». Герцог решил поместить его в пансион, чтобы дать хорошее воспитание, и всегда относился к нему, как к приемному сыну: «обеспечил ему будущность и открыл достойную карьеру». Возглавляя по долгу службы и комитет призрения сирот, Ришельё не оставлял своей милостью детей покойных или несостоятельных чиновников иностранного происхождения. Так, в

Коммерческом училище содержались за казенный счет сын шлюзного мастера Вассинга, сын покойного садовника городского сада Дзярковского и др.

В 1805 году в Херсоне скончалась в крайней нужде «пассионария контрреволюции», 52-летняя графиня де Рошешуар. Ее муж умер в 1802-м, а семнадцатилетний сын Луи Виктор Леон опоздал всего на день, чтобы сказать ей последнее «прости». Несмотря на юные годы, граф уже многое повидал: сражался в армии Конде, а после ее роспуска перешел в полк своего дяди герцога де Мортемара, который англичане перебросили в Португалию сдерживать продвижение французов. Когда в 1802 году и этот полк был распущен, четырнадцатилетний мальчик приехал в Париж и за два года промотал все свои деньги на развлечения. Куда теперь? Конечно же, в Россию — к матери и старшему брату Луи. Путь был долгим и непростым: в Милане Леон неожиданно сорвал банк в казино, в Вене чудесным образом повстречал родственника, который помог ему перебраться в Польшу, а из Херсона отправился в Одессу к дяде. Ришельё принял его как сына и сделал своим личным адъютантом по хозяйственным вопросам.

«Я был очень молод, окруженный людьми, буквально обхаживающими меня в качестве племянника генерал-губернатора, ищущими мою протекцию и, пытаясь приобрести ее, делавшими мне предложения по оказанию любых услуг, — писал много позже Рошешуар в воспоминаниях (в России его стали называть Леонтием Петровичем). — Какое искушение этим воспользоваться и даже злоупотребить! Если бы перед моими глазами постоянно не было образа самой строгой порядочности, соединенной с истинным бескорыстием!» О том, как относился к подношениям Дюк, рассказывает Сикар: «Кто-то принес ему однажды в подарок небольшую корзинку фруктов; он взял один и поблагодарил за остальное. «Жаль, — сказал он позже, — что сии прекрасные фрукты мне не достались и что я, возможно, кого-то огорчил, однако надобно было отказаться сегодня, иначе завтра этот человек принес бы мне индюка».

Помимо забот по дому и хутору, герцог возложил на племянника целый ворох других обязанностей: контроль над строительством тротуаров, работы по благоустройству города, насаждение деревьев, организация морских купален, которые стали привлекать значительное количество иностранцев, администрирование казино и т. п. Однако самым приятным поручением для молодого человека стала организация театра и салона для бальных танцев. Ибо в Одессе начинало складываться светское общество!

Ядром его были французы. Помимо Дюка с племянниками и шевалье

де Россета, к ним стоит добавить графа д'Оллона, женившегося на племяннице таврического гражданского губернатора Д. Б. Мертваго, и Габриэля де Кастельно. Во время революции барон потерял всё свое имущество; Павел I вызвал его в Россию для написания истории Мальтийского ордена, однако этот проект не осуществился. Кастельно был автором нескольких пьес, но после смерти Павла лишился жалования в России и вернулся во Францию, однако там не преуспел. Оставалось ехать на берега Черного моря под крыло Ришельё. Горячий патриот Новороссии, Дюк «задумал план предоставления Европе точного знания о местоположении, продукции, торговле этих краев», а также о их богатой истории. 6 апреля 1806 года он писал в одном из частных писем: «Я собираю везде сведения... для сочинения, которое я заказал и которое обещает быть интересным». Автором сочинения должен был стать Кастельно.

Кроме того, в городе начали открывать консульства европейские страны. Первым явился консул Испании Дулайс дель Кастильо — «прелестный человек во всех отношениях, допущенный в интимный круг нашего дома, остававшийся всю жизнь преданным герцогу Ришельё», как характеризует его Леон де Рошешуар. За ним последовали генеральный консул Великобритании господин Джеймс («родился в России, женился на немке, родившейся в Петербурге. Хорошо образованный и приятный, имел дочь и сына, высоко ценимых в нашем обществе»), генеральный консул Австрии фон Том («родом венгр, человек для лучших компаний, женат на польке, превосходной музыкантше; имел очень большой дом, я был близко связан с двумя его дочерьми»), генеральный консул Франции Анри Мюр д'Азир («весьма храбрый человек, состарившийся на консульской службе в Леванте. Был женат на очень красивой гречанке, от которой у него была дочь»). Это была элита; остальное же общество Одессы состояло из французских, английских, немецких, итальянских и греческих купцов и банкиров. Позже, с 1807 года, когда начнется мода на морские купания, усердно рекомендуемые лучшими врачами, оно пополнится польскими красавицами, русскими вельможами, бежавшими от турок валахами, в том числе неким Филипеско, греком из Константинополя, отцом хорошенькой дочери.

«Вслед за клубом офицеров, гражданских служащих или консульского корпуса было построено танцевальное помещение, называемое бальным залом, — рассказывает Леон де Рошешуар. — Французский купец г-н Сикар был президентом этого клуба, а меня сделали распорядителем бального зала». Этот зал, служивший также для игр, именуемый «Редут» и

способный вместить тысячу человек, был построен в 1806 году бароном Жаном Рено — крупным негодяном и коммерции советником, к которому перешли два одноэтажных флигеля, возведенные Григорием Семеновичем Волконским (когда-то тот командовал войсками, расквартированными в Херсонской губернии, но затем был переведен в Оренбург). Бальный зал втиснулся как раз между флигелями; по торжественным дням его арендовали городские власти для организации увеселений. Но не будем больше перебивать Рошешуара:

«Очень красивые маскарады были организованы при содействии нескольких итальянцев людьми, весьма сведущими в вопросах развлечений и празднеств. По случаю «жирного воскресенья» (Прощеное воскресенье, конец Масленой недели. — *Е. Г.*) они представили весьма оригинальное представление: по условленному сигналу с двух противоположных дверей в бальный зал вошли два волшебника, взгромоздившиеся на ходули; шесть одетых в белое пажей и шесть облаченных в черное развернули огромный ковер, представляющий собой гигантскую шахматную доску. Под звуки фанфар двери распахнулись, и в одной из них показался черный король, державший под руку королеву того же цвета. За ними следовали два офицера, два кавалериста, две туры и восемь пешек, или солдат, также в черном, занявшие соответственное место на шахматной доске, тогда как параллельная армия, но одетая в белое, вошла с противоположной двери и расположилась лицом против первого войска. Два волшебника вживую разыграли шахматную партию. Своими волшебными палочками они дотрагивались до фигур своего цвета, которые маневрировали согласно правилам. После развития, атак, защит и захватов одному из королей был объявлен шах и мат. Это представление имело очень большой успех, который оно заслуживало и за свою оригинальность, и за безупречное исполнение. Русские, как и все восточные люди, большие любители шахмат, были восхищены. Вечер закончился прелестным балом»^[35].

В воспоминаниях Рошешуара описан забавный эпизод. Однажды в Одессу с рекомендательным письмом от Ланжерона прибыл младший брат лорда Атчинсона, командовавшего английской армией во время Египетского похода Бонапарта 1798–1799 годов. Целью его поездки было установление торговых отношений. Разумеется, Дюк принял его радушно и каждый день приглашал к себе обедать. Однажды разговор зашел о штурме Очакова в 1788 году, в котором Атчинсон-старший участвовал в качестве волонтера русской армии. Теперь младший брат выразил желание осмотреть места, где тот покрыл себя славой. «Нет ничего проще, — воскликнул хозяин дома, — мой племянник завтра же отвезет вас туда!»

Однако Леону вовсе не улыбалось ползать по развалинам вместе с англичанином, тогда как на вечер следующего дня был назначен костюмированный бал, который он должен был открывать полонезом в паре с прелестной Аникой Филипеско. Перечить дяде он не мог, однако и свои интересы хотел соблюсти. Юноша поступил, как настоящий психолог: пока они с гостем ехали вдоль побережья в открытой коляске (а дело было в декабре), он громко выразил сожаление по поводу того, что купальный сезон закончился. Он готов поспорить на десять гиней, что в такой холод никто не рискнул бы окунуться даже в этой прекрасной и тихой лагуне. Достаточно было произнести слово «пари», чтобы англичанин сразу его принял. Пока он купался, кучер беспрестанно крестился, полагая, что «окаянный» таким способом гасит пожирающий его изнутри «адский огонь». В Очакове, куда они прибыли через полчаса, «моржа» отпоили горячим чаем с ромом, однако осмотр развалин крепости прошел в ускоренном темпе. Они успели вернуться к балу.

Дюк присутствовал на всех увеселениях, собраниях и спектаклях, никогда не отказывался от приглашений на вечера, бывал на балах, публичных и частных. Он был близорук и на улице, заведя идущих навстречу дам, лица которых не мог различить, спрашивал у своих спутников, надо ли ему поклониться. Проходя мимо клуба и не видя, есть ли кто-нибудь на балконе, он всегда кланялся, чтобы не показаться неучтивым.

Герцог играл в настольные игры, однако опасался пагубных для юного торгового города последствий азартных игр и не терпел их, особенно когда делались крупные ставки. Собрание из пяти-шести игроков, не обративших внимания на его дружеские увещевания, было разогнано в один момент, по словам Сикара, «мягкими, но решительными мерами».

Однажды во время бала в казино в соседнем зале началась драка между графом А., сыном французского консула и купцом. Через некоторое время появился Дюк; он справился о подробностях и велел передать купцу, чтобы тот не появлялся в казино в течение шести месяцев, сына консула поместил на месяц под домашний арест, а самому графу, не отличавшемуся примерным поведением и не слишком дорожившему своим пребыванием в Одессе, велел в 24 часа покинуть Россию. Однако внешние обстоятельства препятствовали выезду за рубеж. «Пусть уезжает в Москву», — передал Ришельё. «У него нет денег на дорогу». — «Я дам ему 25 луидоров, пусть уезжает».

Этот инцидент подтверждает, что Дюк не бросался словами, когда говорил: «Знайте, что если я чего-то хочу, то я действительно этого желаю,

и так и будет!» В российском обществе доброта считалась признаком слабости: если градоначальник не гневлив, из него можно веревки вить. Порой герцог уступал в вещах, которые кому-то казались важными, в то время как сам он их таковыми не числил, и по этой причине считали, что он подвержен чужому влиянию. Однако хорошо знавший его Сикар (бесспорно, настроенный в пользу герцога, но не раболепствовавший перед ним) утверждает, что его снисходительность была следствием его скромности: ему так хотелось сделать хорошо, что если он сомневался в своей способности добиться результата собственными силами, то полагался на чужое мнение. При этом за содеянное он строго спрашивал — не только с других, но и с себя. «Это же не вы, герцог, желали этой меры, это комитет ее предложил», — сказали ему как-то в связи с решением, о котором он сожалел. «Тем хуже для него и тем хуже для меня, ведь я с ней согласился; в таком случае есть две вины и два виновника вместо одного». «Нет, он не был слабым человеком — им не мог быть тот, в ком бушевал огонь французской чести, кого оживляли энергия и сила добродетели, возвышенность и благородство чувств и кто уважал сам себя», — заключает Сикар. Дюк и к нему был беспристрастен: например, отказал его брату Людовику в привилегиях, на которые тот не имел права.

Ришельё прекрасно знал, что всё равно всем не угодишь. Отличие Одессы от других городов Новороссии бросалось в глаза: нигде больше не удалось достичь такого прогресса за столь короткое время. Земли в окрестностях Одессы, купленные по рублю за десятину, теперь сдавали внаем по десять рублей с десятины в год или продавали по 25 рублей, так что затраты многократно окупились — такого роста стоимости земли не наблюдалось даже в США. Недалекие люди объясняли это особой привязанностью генерал-губернатора к «жемчужине у моря», называя его совершеннейшим одесситом. Сикар возражает, что с тем же успехом Петра I можно было бы назвать совершеннейшим петербуржцем. Но при этом некоторые утверждали, что Дюк не умеет мыслить широко. Им хотелось бы видеть дворцы на месте домов, каменные мосты вместо паромов и пристаней, соборы вместо церквей, парк вместо городского сада, широкие проспекты, просторные площади и архитектуру, как в Петербурге, Париже или Лондоне, а в Одессе были немощеные улицы и не имелось ни одного фонтана.

Голова Дюка была занята множеством неотложных и самых разнообразных дел. Нужно было расселить в Тавриде немецких переселенцев; там появились колонии Нейзац, Фриденталь, Розенталь. В 1808 году Ришельё напишет императору Александру: «Никогда еще,

государь, ни в одном уголке мира народы, столь отличающиеся друг от друга нравами, языками, нарядами, верой или обычаями, не находились в столь ограниченном пространстве. Ногайцы живут на левом берегу Молочной, великорусские семьи — на правом берегу, выше проживают меннониты напротив немцев — наполовину лютеран, наполовину католиков; еще выше, в Толмаке — малороссы греческого вероисповедания, потом русская секта духоборов». Леон де Рошешуар тогда же насчитал 106 немецких поселков, 30 ногайских, 13 болгарских, 21 русский раскольничий, 25 греческих и шесть еврейских — в общей сложности с тремястами тысячами жителей. К этому количеству следует добавить ремесленников, поселившихся в Херсоне, Екатеринославе, Кафе (Феодосии) и Таганроге. Их обустройство сопровождалось проблемами всякого рода, порой неподвластными человеку: так, в 1805 году урожай в Новороссии пострадал от нашествия саранчи.

В Европе же осенью того года произошло нашествие иного характера. Отказавшись от планов высадить десант на землю «коварного Альбиона», Наполеон перебросил войска в Баварию. 20 октября армия генерала Мака капитулировала в Ульме, а французы двинулись к Вене и вступили туда 13 ноября. Кутузов, командовавший русской армией, которая с большими потерями отошла к Ольмюцу, не считал целесообразным давать генеральное сражение до подхода подкреплений, однако государь, прибывший в войска для их воодушевления, горел желанием бросить их в бой. Хитрый Наполеон навязал противнику свой план баталии: 2 декабря состоялось жестокое сражение при Аустерлице, закончившееся победой французов, а их император стал вершителем судеб в Европе. В декабре Австрия подписала с Францией Пресбургский мирный договор: она теряла Тироль, Венецию, Истрию и Далмацию и должна была уплатить контрибуцию в 40 миллионов флоринов.

«Я проклял от всего сердца злосчастную звезду, под которой я родился во времена позора и всеобщего унижения, — писал Ришельё Разумовскому 19 января 1806 года. — То, что Вы мне говорите, — я сие предугадал, и мое видение событий в точности согласуется с Вашим; похоже, что все старались, как могли, чтобы усадить Н. на престол всего мира... Мои сожаления о том, что Император из деликатности, за которую я должен быть ему благодарен, но которая, однако, показалась мне преувеличенной, не пожелал использовать меня в этой войне, всё еще сохраняются, несмотря на происшедшее; мне кажется, что одно-единственное вовремя сказанное слово могло бы изменить облик вещей, и это слово я был способен сказать. Но Провидение распорядилось именно так, и не такому

маленькому человеку, как я, влиять на его повеления».

Современники утверждают, что Дюк сам в свое время просил Александра не заставлять его сражаться против своей родины («Государь, я с благодарностью принимаю ваши благодеяния и приложу все возможные старания, чтобы оправдать ваше доверие; только одного я никогда не смог бы сделать — обнажить шпагу против француза», — передавала их разговор А. О. Смирнова-Россет). Однако из вышеприведенного письма видно, что Ришельё не отождествляет Наполеона с Францией и видит в нем «угрозу миру», исчадие ада. Следовательно, сражаться с ним не значило бы поступиться принципами...

Впрочем, у Александра I были другие виды на Ришельё: новый договор с Турцией, подписанный в сентябре 1805 года, вовсе не был гарантией прочного мира, а после Аустерлица влияние Парижа на Константинополь сильно возросло. Российского императора сильно беспокоили экспансия Франции на юге Европы, в Средиземноморье и Египте, а также новые проекты Наполеона по завоеванию Востока. Дюк казался ему «наиболее информированным человеком в России о военных планах султана и его поползновениях к миру».

Во владениях самого Дюка тоже было беспокойно. В апреле 1806 года он писал сестре: «Можно проехать всю Америку из конца в конец и не найти ничего столь же причудливого, как нравы воинственных племен, населяющих эти горы. Мы находимся с ними в состоянии постоянной войны, но сия война никогда не имеет больших последствий».

Чтобы подчиненные не забывали, что он вовсе не паркетный генерал, Ришельё лично проводил учения в войсках два-три раза в неделю. Однажды смотр полка проходил не так хорошо, как ему хотелось. Герцог сказал полковнику: «Возвращайтесь в казармы, вы просто добрые одесские обыватели», — и ушел. Вечером командир явился извиняться, ссылаясь на преследующие его полк неприятности, обещал, что на следующий день всё будет гораздо лучше. «Даю вам три дня», — смиростивился Дюк. Полковник не подвел: после нового смотра генерал-губернатор остался доволен.

Он не терпел разгильдяйства и не понимал чисто русской надежды на авось. Как-то раз в Одессу явился кавалерийский полк; Ришельё устроил ему смотр и увидел, что лошади не кованы. В ответ на его замечание генерал-майор, командовавший полком, возразил, что это необязательно: персы же своих лошадей не подковывают. «Мы не персы и не турки, а русские, — ответил герцог. — Выполните такой-то маневр». Лошади стали скользить на траве и падать; на следующий же день их отвели к кузнецу.

Весной 1806 года в Одессе состоялся первый военный совет с целью изучить план будущей военной кампании против Турции; происки французского генерала Ораса Себастиани, отличившегося при Аустерлице и назначенного послом в Константинополь, не оставляли сомнений: войне быть. Генерал-лейтенант Ришельё принимал у себя флигель-адъютанта государя Ивана Паскевича, князей Петра и Михаила Долгоруких. В августе господари Молдавии и Валахии Александр Мурузи и Константин Ипсиланти были смещены турками без уведомления России (это противоречило условиям Ясского мирного договора). В ноябре сорокатысячная армия генерала И. И. Михельсона форсировала Днестр.

На два фронта

Перед самым началом вторжения в Бессарабию Ришельё узнал неожиданную новость, которая сильно испортила ему настроение. Не откладывая дело в долгий ящик, он сел за свой круглый столик и одним духом написал письмо государю:

«Одесса, октябрь 1806 года.

Я только что получил через г. маршала князя Про[зоровского] приказ Вашего Императорского Величества передать г. маркизу де Т[раверсе] командование войсками в Крыму, оборона которого отныне поручена ему. Да будет угодно Вашему Императорскому Величеству припомнить, что в прошлом году на мои настойчивые просьбы употребить меня для армии в Молдавии Вы уверили меня, Государь, что я необходим для защиты Крыма и вообще побережья Черного моря. Я покори́лся воле Вашего Императорского Величества и даже представить себе тогда не мог, что мне уготовано унижение передать командование войсками, находящимися под моим началом уже пять лет, и оборону края, вверенного моему попечению, в руки другого, причем именно в тот момент, когда существует возможность употребить сии войска против неприятеля».

Бывший солдат армии Конде маркиз де Траверсе, получивший в России имя Иван Иванович и произведенный в 1801 году в адмиралы, был военным губернатором Севастополя и Николаева и командиром черноморских портов. Поговаривали, что в свое время он просил Александра I назначить Ришельё градоначальником Одессы.

«Крым — важный опорный пункт, единственный, который может подвергнуться серьезному нападению, и у меня был там полк драгун, два полка казаков, конная рота... и 15 батальонов; оборона этого полуострова связана с полицейскими мерами и мерами внутренней администрации по причине природы его обитателей; напротив, она никак не связана с флотом, который, не имея возможности вывести эскадру по слабости ее, вынужден дожидаться в порту нападения неприятеля, коего лишь сухопутным войскам поручено отбить. Таким образом, сие распоряжение невозможно приписать ничему иному, как недоверию Вашего Величества ко мне в минуту опасности. Это чувство причиняет мне боль, Государь, но оно обоснованно и вскоре завладеет всеми жителями сего края, коему я не смогу быть полезен, поскольку лишился Ваших милостей.

Не знаю, Государь, чем я заслужил сие ужасное несчастье, но я

нахожусь в самом унижительном положении, в какое только можно поставить человека чести. Честь — единственное наследство, которое осталось мне от моих отцов. Военный губернатор, не командующий ни одним солдатом в единственной из моих губерний, которая подвергается опасности, оставленный с несколькими гарнизонными батальонами, чтобы оборонять примерно сто верст со стороны, где никто не нападет, — мне остается лишь сложить к ногам Вашего Императорского Величества глубокую боль, которая меня одолевает, и умолять вернуть мне командование, соответствующее занимаемому мною посту, или позволить мне удалиться от мест, которые станут напоминать мне лишь об унижении быть ничем после того, как был главнокомандующим. Демарш, который я вынужден предпринять, разрывает мне сердце. Я предан Вашей особе и совершенно искренне привязан к Вашему Величеству, посвятив Вам всю свою жизнь, более ради чувства, внушенного мне Вашими личными качествами, чем по какой-либо иной причине, и мне невероятно тяжело даже помыслить о том, чтобы расстаться с Вами. Но я сделался бы недостоин Ваших милостей, коими Вы меня осыпали, если бы не повиновался голосу чести — единственного наследства, доставшегося мне от предков...»

Ришельё не просит, не умоляет — он требует, пусть и с соблюдением необходимой учтивости, и требует с сознанием своей правоты, поскольку требуемое нужно не лично ему, а его новой отчизне. Неизвестно, как отреагировал бы на подобное послание император Павел, но Александр сразу стал оправдываться. 12 ноября он писал, как ему досадно, что герцог мог «усомниться в доверии и уважении, кои я питаю к Вам столь давно»: «Отнюдь не лишая их Вас, а именно исходя из данных чувств, я, назначив Вас командовать дивизией, разбросанной по черноморским провинциям, одновременно пришел к мысли о том, что, если разразится война с Портой, никто лучше Вас не справится с важнейшей задачей оборонять сии берега, которые тогда непременно подвергнутся опасности».

Ришельё еще не успел получить это письмо, когда ему пришлось выступить в поход. 13-я дивизия, которой он командовал (четыре тысячи пехоты, шесть сотен конников и дюжина орудий), вошла в состав армии под начальством генерала И. И. Михельсона, вступившей в Молдавию. Корпус, возглавляемый самим главнокомандующим, 16 ноября перебрался через Днестр между Хотинем и Могилевом-Подольским; генерал от кавалерии барон К. И. Мейендорф 4 декабря был в Дубоссарах. Перейдя Днестр у Маяка по понтонному мосту, устроенному Луи де Рошешуаром, Ришельё занял Паланку, Аккерман и Килию.

Звучит победно, но на самом деле эти крепости не оказали никакого сопротивления. Гарнизон Аккермана на левобережье Днестра состоял из... четверых янычар, трех десятков албанцев и коменданта Табчи-Баши, которому было 78 лет; он лишился глаза, одной руки и хромота. Несмотря на широкие крепостные рвы и 85 пушек, форт сдался, «даже не запалив фитилей». Сработал и эффект неожиданности (война еще не была объявлена официально — это произойдет только 18 декабря). Местные жители тоже не были намерены сопротивляться — они желали, чтобы русская армия защищала их от болгарских разбойников. Благодаря ловкости своего переводчика Дюк добился от паши, чтобы тот не только открыл ему ворота, но и разместил две роты grenадер. Позже, в 1807 году, став «гостем» Ришельё в Одессе, старый паша, в ярости от того, что его провели, попросил выдать ему переводчика, чтобы он мог отрубить тому голову. В ответ на отказ, переданный ему одним из адъютантов Дюка, старик выразил удивление, что у местного «паши» столь ограниченная власть.

Килия, стоящая на одном из рукавов Дуная, была завоевана примерно так же. Одновременно Юсуф-паша открыл ворота Бендер генералу Мейендорфу. Всего за месяц русские овладели Бессарабией и Буджаком практически без единого выстрела. Только Измаил еще сопротивлялся. Его комендант не поддавался увещаниям Михельсона, заверявшего, что русские желают спасения Турции от честолюбивых замыслов Бонапарта. В то же время начальствовавший в Рущуке Мустафа-паша выслал отряд войск к Бухаресту. Турки, всячески издевавшиеся над местными жителями, 13 декабря были вытеснены отрядом генерала М. А. Милорадовича и ушли в Журжу. Предпринятая почти одновременно с этим попытка генерала Мейендорфа овладеть Измаилом окончилась неудачей. Между тем Михельсон, расположив свои войска на зимних квартирах, вступил в союз с сербами, которым 30 ноября удалось взять Белград.

Александра I в этот момент куда больше беспокоило положение на западном фронте, чем на южных рубежах. «Независимо от великих средств Бонапарта нужно ожидать многих махинаций со стороны поляков и даже эффективных отвлекающих маневров, — писал Дюку Виктор Кочубей 9 декабря. — Мы вооружаемся до зубов. Помимо регулярной армии, будет создано ополчение в 600 тысяч человек, как Вы увидите из манифеста, который я Вам посылаю, но поможет ли всё это против Бонапарта — сие мы узнаем в очень скором времени... Сей дьявол, исторгнутый адом на землю, идет во всём, что делает, столь необычайным путем, он столь удачлив и дьявольски хитер, что никто не смеет утверждать вероятность,

ему противную. Мне любопытно знать Ваше мнение об оном ополчении, и поскольку Вам поручено организовать его в Ваших губерниях, мне надобно потолковать с Вами об этом». Верный друг добавляет, что Дюку вовсе не обязательно с этой целью лично разъезжать по своим владениям, если не позволяет здоровье; пусть поручит градоначальникам.

В самом деле, с декабря Ришельё расхворался и страдал кровохарканьем, так что в январе ему пришлось возвратиться в Одессу, сдав командование своему другу Ланжерону. Кочубея это крайне встревожило: ох уж этот бессарабский климат, эти молдавские лихорадки! Вот князь Петр Долгорукий недавно вернулся из Ясс и умер... «Герцог де Ришельё так болен, что экипажам запрещено разъезжать перед его домом», — сообщала госпожа Рейнхард, супруга генерального консула Франции в Молдавии, в письме своей матери от 27 января 1807 года. Однако доктор Скюдери, входивший в ближний круг Ришельё, винил не нездоровый бессарабский климат, а расстройство нервов, к которому, несомненно, был причастен император (выразивший обеспокоенность здоровьем Дюка в письме от 14 января 1807 года) с его злосчастным приказом.

«При нервном темпераменте нашего дорогого Дюка надлежит заменить лекарства, бессильные излечить его болезнь, уходом и заботой, идущей от сердца, позабыв про аптеку», — считал врач. Кочубей же предлагал другое решение. «Льщу себя надеждой, что, посвятив несколько месяцев Вашему здоровью, мы сможете снова взять бразды правления, — писал он 18 января. — Врачи, с которыми я переговорил, в том числе Роджерсон, хорошо знающий те края, думают, что Вам следует на какое-то время переменить местность. Роджерсон привел мне в пример князя Потемкина, который, подхватив презлейшую лихорадку, от коей он чуть не умер в Херсоне, исцелился лишь благодаря тому, что его увезли в Чернигов. Если Вы пожелаете последовать сему совету и как можно скорее переменить место, Вы могли бы, дорогой Дюк, отправиться в Киев или в Полтаву. От всего сердца предоставляю в Ваше распоряжение усадьбу близ последней. Вы найдете там всё, что Вам может понадобиться...» В Вену же он ехать не советует, к тому же Разумовскому, у которого умерла жена, вероятно, не до хворых друзей. А Тереза Кинская вышла замуж за Максимилиана фон Мерфельда (1764–1815) — австрийского генерала, дважды разбитого французами в 1805 году... Кстати, дела русской армии между Неманом и Вислой неплохи, французы отступают, но это-то и тревожит: они могут накапливать силы для неожиданного удара. «Что же до маркиза де Траверсе, — писал Кочубей в феврале, — зная о Ваших связях с ним, я не сомневаюсь, что Вы легко найдете с ним общий язык и

что ему тоже непросто от того, что Император желает, чтобы Вы не воспользовались данным им Вам позволением покинуть Ваш пост».

Не зря всё-таки Наполеон называл Александра «византийцем»: поди разберись в его намерениях! Для прямодушного Дюка, хотя и вращавшегося всю жизнь при королевских и императорских дворах, это была трудная задача. Проблемы со здоровьем будут продолжаться у него весь год, хотя он не будет давать себе поблажек и продолжит заниматься делами по мере подорванных сил. В Петербурге составят документ, похоже, слегка смухлевав с датами:

Список генерал-лейтенантов по старшинству 1796–1807 гг.

Чины и имена. — Генерал лейтенанты.

Емануил Осипович дюк Деришилье.

В службе.

790.

В настоящем чине.

799 июня 20.

От кавалерии тяжелой.

Шеф лейб-кирасир[ского] Его Императорского] Величества] полку (должность вычеркнута. — Е. Г.).

По армии.

В Херсоне и Одессе воен[ный] губернатор и инсп[ектор] по инф[антерии] Крымск[ой] инсп[екции].

[Примечание]. По пр[иказу] 11 март[а] 800 отст[авлен], а 14 того ж март[а] прин[ят] по прежнему].

21 августа 800 отст[авлен], а по пр[иказу] 30 авг[уста] 801 прин[ят] по армии.

5 фев[раля] 803 назначен] в Одессу губернатором.

Пр[иказом] 13-го марта 805-го по случ[аю] болезни его вступ[ил] в отправление всех его должностей] адмир[ал] маркиз де Траверсе — [с] веден[ия] [Военной] коллегии] 9 мар[та] 807.

[С]вед[ения] из [Военной] кол[легии], получ[енные] 29 мар[та] 807, что он вступил по-прежнему в поручен[ные] ему должн[ости] 7 апр[еля] 1805 г.]»^[36].

На деле же Ришельё будет вынужден передать Траверсе командование сухопутными войсками до 7 апреля 1807 года. Тот интернирует в Крыму часть татарского населения во избежание возможного сообщничества с

турками. Конечно, Ришельё, узнав об этом, придет в ярость: он-то старался относиться к местным жителям как можно лояльнее...

Таврический гражданский губернатор Дмитрий Борисович Мертваго (1760–1824) подал идею о формировании татарских кавалерийских отрядов на манер казачьих; осуществить ее попросили Дюка. Кочубей же писал о создании в Петербурге роты из татарских мурз — «сотни молодых людей из лучших крымских родов»: «Они послужат своего рода заложниками и понемногу развратятся в столице. Если не получится набрать их сто, можно пятьдесят или шестьдесят, только не нужно ли будет дать им определенное количество татарских слуг, ибо согласится ли мурза сам ухаживать за своим конем и пр.».

В феврале 1807 года в Одессу явилось посольство из трех молдавских бояр, прося Ришельё «почтить их столицу своим августейшим присутствием». Несколько дней спустя Дюк, еще не вполне оправившийся от болезни, приехал в Яссы с двумя адъютантами, секретарем, врачом-французом и семьёю слугами. Цепкая память воспроизводила картины, увиденные 15 лет назад, когда он был здесь гостем Потемкина... Однако за это время нравы в Молдавии мало переменились. Мужчины одевались по-восточному и носили бороды. Зато женщины выглядели по-европейски. Бойкие красавицы вскружили голову не одному заезжему офицеру. Теодорит де Крюссоль, служивший флигель-адъютантом сначала у императора Павла, а потом и у Александра, потерял ее настолько, что просил руки восемнадцатилетней вдовы — «очаровательной брюнетки с голубыми глазами», как пишет Рошешуар. Это был явный мезальянс; знатные родственники Крюссоля сделали всё, чтобы этот брак не состоялся. (Он так и не женится и умрет в 1813 году под Варшавой...)

Пока продолжались празднества и увеселения, Ришельё нашел время уладить кое-какие серьезные вопросы, в частности о болгарских переселенцах, бежавших из Новороссии в Молдавию. Из Ясс он отправился в Измаил, осажденный десятью тысячами русских под командованием Мейендорфа. Во второй осаде турецкой крепости Дюк участвовал лишь как наблюдатель. Мейендорф раздражал его медлительностью (крепость будет взята лишь в августе 1809 года) и глупостью: среди зимы мусульманское население Бендер, обвиненное в пособничестве неприятелю, выселили в Курскую губернию. 15 тысяч мужчин, женщин и детей брели по заснеженной степи под конвоем трех казачьих полков. Почти две трети из них умерли по дороге от голода, холода и изнеможения.

Такие сцены доставляли Ришельё моральные страдания. Однако

судьба, подставив ему зеркало прошлого, затем неожиданно обратила его в настоящее: он снова встретил Софию де Витт, которая в 1798 году стала графиней Потоцкой, а в 1805-м овдовела. В жизни этой женщины было необычно всё: Станислав Щенсны (Счастливый) Потоцкий бросил ради нее жену, родившую ему 11 детей, и, как говорили, выкупил возлюбленную у ее мужа, генерала Витта, за два миллиона польских злотых. В подарок ей он велит разбить в своем владении, городе Умани, огромный парк с гротами, павильонами, статуями и подземной рекой и назовет его Софиевкой, а умрет от горя, узнав, что обожаемая жена изменяет ему с его родным сыном Юрием (Ежи)... Овдовев, София оказалась втянута в судебные процессы с детьми покойного мужа и пыталась уладить свои дела с помощью сенатора Н. Н. Новосильцева, который тоже оказался равнодушен к ее обаянию. Надо полагать, она старалась умножить свои связи среди влиятельных людей, бывших на хорошем счету у государя. Вероятно, этим и объясняется приглашение Арману де Ришельё навестить ее в Тульчине, отдохнуть и подлечиться.

Дюк, бывавший в Версале и австрийском Шёнбрунне, всё же был впечатлен грандиозным дворцом Потоцкого, построенным по проекту французского архитектора Жозефа Эжена Лакруа: величественное двухэтажное здание в палладианском стиле соединялось полукруглыми галереями с большими боковыми флигелями, в которых находились роскошные оранжереи; над интерьерами поработал голландец Меркс; библиотека насчитывала 17 тысяч томов, собрание картин было невероятно богатым. В парке с названием «Хорошо», где росли сосны и выписанные из Италии пирамидальные тополя, были чудесный фонтан и различные гидротехнические сооружения, спроектированные Людвигом Христианом Метцелем. Восхищаясь дворцом и парком, гость испытал на себе и чары хозяйки... Во всяком случае, пребывание в Тульчине пошло ему на пользу: он привел в порядок расстроенные нервы и мог вернуться к своим непростым обязанностям.

Радуюсь его выздоровлению и желая подольше оставаться в добром здравии, Н. П. Румянцев писал ему 19 апреля 1807 года: «Вы слишком полезны государству, и я очень люблю свое Отечество, а потому искренне того желаю, не говоря уже о моей к Вам дружбе».

В феврале 1807 года Турция разорвала отношения с Англией в пользу союза с Францией. Французский посол генерал Себастиани руководил обороной Стамбула, вынудив адмирала Дакворта (который отверг помощь Сенявина) уйти из Дарданелл. Французы, находящиеся на территории России, стали считаться подданными враждебной державы: они попадали

под надзор полиции, у них отбирали паспорта или требовали залог. Как пишет Сикар, залог, довольно значительный, было практически невозможно уплатить, и почти тысяча человек оказались вынуждены немедленно покинуть Одессу. Дюк быстро понял все невыгоды для городской торговли от такого исхода французов и пытался ему воспрепятствовать: паспорта «нужным людям» выдавали через специально созданную комиссию.

Министр коммерции Н. П. Румянцев одобрял его действия: «Поскольку звезда Бонапарта остановилась, перестав быть грозной и разрушительной кометой, какой была раньше, я прихожу к выводу, господин герцог, что эта война станет... обыкновенной, то есть, при равных шансах, в сто раз более разорительной и трудной для французов, нежели для нас; льщу себя надеждой, что они в конце концов разочаруются в новом Карле Великом, коему положительно не хватает мудрости, отличавшей его предшественника». А по окончании войны, надеялся министр, французские и испанские купцы «устремятся в Ваши объятья».

Между тем Петербург планировал высадку двадцати батальонов десанта под стенами Константинополя. Приготовления к морскому походу были возложены на командира Черноморского флота маркиза де Траверсе, а к сухопутному — на Ришельё. Однако оба нашли это предприятие несбыточным и опасным и не осмелились, как позже писал Ланжерон, «отваживать на удачу честь и славу России». Подчиненные герцогу войска ограничились операциями на кавказской границе и участвовали во взятии Анапы 29 апреля 1807 года. (Также, как Измаил, эта крепость была захвачена в 1791 году, но возвращена по условиям Ясского мира.)

«Это очень удачная идея и легкая в осуществлении, — одобрительно писал Кочубей 21 апреля в преддверии военной операции. — Вам также следовало бы вдвоем совершить несколько экспедиций к берегам Анатолии. Мне кажется, что будет весьма легко нанести большой урон даже малыми средствами». В самом деле, флотилия из четырех линейных кораблей под командованием адмирала Семена Пустошкина и маркиза де Траверсе в упор расстреляла крепость; защитники Анапы покинули ее без боя. В это время Ришельё, форсировавший реку Кубань, галопом ворвался в город во главе полутора тысяч казаков. Анапа горела, к небу поднимались столбы густого дыма, однако запах у него был довольно приятный, поскольку заборы делали из кедрового и розового дерева. Рошешуар взял себе кусок такой древесины и позже велел сделать из него дорожный сундучок, который будет потерян в 1812 году при переправе через Березину...

Но развить успех не удалось. 9 мая граф Гудович с отрядом в 4500

пехотинцев «несвоевременно и неудачно» штурмовал турецкую крепость Ахалкалаки (на юге современной Грузии). Во время штурма погиб Эрнест д'Омон... Герцогиня де Ришельё воздвигла в часовне при замке Куртей алтарь в память о любимом племяннике.

Тем временем его дядя следил в подзорную трубу за атакой черкесской кавалерии, попытавшейся отбить Анапу. (Позже крепость будет скрыта.) Рядом с ним стоял старый черкес Пек-мурза и подробно комментировал происходящее, делая замечания о вооружении, красоте коней, благородстве рода того или иного воина и перемежая эти сведения рассказами о их подвигах в любви и войнах против России и Персии. На сторону Ришельё перешел также крымско-татарский князь Аслам Герай, прославившийся романтической историей похищения невесты. Он влюбился в одну из дочерей Мурадин-бея, главы одного из могущественных горских родов, однако не мог заплатить назначенный калым: 30 отборных лошадей и столько же мешков соли. Тогда он вместе с возлюбленной переплыл Кубань и перешел на службу России. Похищение прекрасной Миры изобразил шотландский художник Уильям Аллан, учивший рисованию детей графини Потоцкой. Пейзаж был воспроизведен с большой точностью, портретное сходство поражало. Картина имела большой успех, великий князь Михаил Павлович купил ее и велел сделать с нее гравюру. Копии этой гравюры можно было потом увидеть в палатках казаков, уважавших Аслама Герая (сам он погиб на Кавказе в 1811 году в чине полковника русской армии).

По весне черкесы переплывали через Кубань и грабили казачьи села, унося и уводя всё, что удастся захватить, — имущество, скот, женщин и детей, которых потом продавали в рабство в Кабарде или возвращали за выкуп. Замириться с ними не было никакой возможности, хотя некоторые князьки соглашались служить русским. Различие культур было непреодолимым, что часто приводило к трагедиям, но порой заканчивалось курьезами. Так, Луи де Рошешуар однажды спас дочь эмира Ахмета во время разграбления ее аула другими черкесами, но девушка была так хороша, что француз долго не хотел возвращать ее отцу. Когда, наконец, он согласился, черкешенка была уже беременна; отца предупредили об этой «неприятности», списав ее на войну и неосведомленность о высоком происхождении пленницы. Однако эмир вовсе не расстроился, а, наоборот, стал подсчитывать, сколько кобылиц и мешков соли сможет теперь выручить в качестве калыма за дочь с ребенком, в жилах которого будет течь смешанная кровь.

Пока Леон де Рошешуар забавлялся подобными историями, его дядя мыслил более широко, критикуя в письмах Кочубею политику России в

отношении Турции. «Я полагаю, Вы совершенно правы, опасаясь последствий нашей глупости, — отвечал тот 9 июня. — Мы повели себя так, словно турки умоляли нас так поступать, дабы доставить им удовольствие». Победы французов, в том числе разгром 2 июня русской армии при Фридланде, только усугубили ситуацию; велись переговоры о мире. «Я искренне желаю, чтобы Ваша экспедиция в Трапезунд удалась, у меня хорошее предчувствие, но старайтесь не терять времени и вызволить как можно больше христиан из Анатолии, поскольку если с французами дела уладятся, то мир, без сомнения, будет заключен и с Портой, и тогда Вы никого не получите». Деньги на выкуп пленных надлежало получить из Казенной палаты.

Предчувствие обмануло Кочубея: Траверсе попытался повторить анапскую операцию в Трапезунде, однако застичь турок врасплох не удалось, и бомбардировку отменили. Наполеон предложил маркизу вернуться на службу на французский флот, соглашаясь на любые его условия, однако получил отказ. Александр I, со своей стороны, наградил Траверсе орденом Святого Владимира 1-й степени.

Тильзитский мир между Францией и Россией был заключен 25 июня 1807 года; Наполеон подчеркнул, что заключает союз именно с русским императором, отвергнув посланника прусского короля. Армии обеих стран стояли на разных берегах Немана, два императора встретились на плоту посередине реки и проговорили около часа с глазу на глаз в крытом павильоне. Каждый старался очаровать другого, но при этом не собирался уступать: Александр не был намерен отдавать Балканский полуостров и Финляндию, а Наполеон — Константинополь. Разменной монетой послужила Пруссия: Наполеон отобрал у Фридриха Вильгельма III больше половины его владений, оставив ему («из уважения к русскому императору») только старую Пруссию, Бранденбург, Померанию и Силезию, а левобережье Эльбы отдал своему брату Жерому. Из бывших польских владений Пруссии было образовано герцогство Варшавское, зависевшее от Франции, а Россия получила Белостокскую область; Гданьск стал вольным городом. Но самый главный пункт заключенного тогда договора не предавался огласке: Россия и Франция вступали в наступательный и оборонительный союз и давали друг другу слово принудить всю Европу к соблюдению континентальной блокады Англии. Наполеон торжествовал.

Франция предложила свое посредничество в переговорах о мире между Россией и Турцией. Пока же Россия должна была вывести войска из придунайских областей. Если через три месяца мир не будет заключен,

Франция выступит на ее стороне против Порты. Перемирие было подписано в Слободзее 24 августа тайным советником С. Л. Лашкаревым и представителем султана Мехметом Саидом Галипом в присутствии полковника Армана Шарля Гильемино, флигель-адъютанта Наполеона. Начались отсрочки, уловки, взаимный обман... Уже 12 сентября вывод войск был приостановлен, да и перемирие так и осталось нератифицированным. Кочубей называл его «беспримерным свинством»; судя по всему, Ришельё был такого же мнения.

«Вы подходите к делу как государственный человек, — писал Дюку Кочубей в августе. — Вы хотите, чтобы в наших пограничных провинциях были войска, но ровно столько, сколько нужно. Вы хотите, чтобы эти войска не разоряли страну, поскольку считаете, что сохранение оных провинций может быть полезно для самих этих войск. Вы хотите, наконец, чтобы они были хорошо устроены, чтобы меньше солдат умирало и пр.... Все эти части требуют комбинаций и размышлений, нужно посмотреть, как с этим быть. Вы вонзили мне кинжал в сердце, сообщив в рапорте военному министру о вероятной эвакуации войск из Молдавии. Я надеялся, увидев Тильзитский трактат, что нам, по меньшей мере, возместят ущерб за счет Турции, но если нам и с этой стороны ничего не светит, признаюсь, что я тогда уже ничего не понимаю; впрочем, видано ли дело, чтобы выбрать для переговоров г. Лашкарева. Вы знаете этого человека, видели его в армии князя Потемкина. Он служил под моим началом, и я не преувеличиваю, уверяя Вас, что он не умеет ни говорить, ни читать, ни писать; однако именно эта особа ныне в некотором роде играет роль князя Безбородко, тогда как генерал Михельсон представляет маршала Румянцева или князя Репнина!»

Кадровая политика государей всегда была непредсказуемой. Тогда же, в августе, Прозоровский был назначен главнокомандующим российскими войсками, воюющими с Турцией, хотя на это место метил Ланжерон. Старику исполнилось восемьдесят, он едва держался в седле и, по словам Ланжерона, «был мертв совершенно каждое утро. Чтобы воскресить его, люди постепенно приводили его в чувство, растирая фланелью, смоченной ромом». Кочубей же подал в отставку под предлогом пошатнувшегося здоровья: по современным меркам еще молодой человек (ему было 39 лет) страдал от подагры и собирался поехать в Европу лечиться водами, а после удалиться в свое имение. На посту министра внутренних дел его сменил Алексей Борисович Куракин.

В одном из последних перед отъездом писем Кочубей предупреждал Ришельё, чтобы тот был осторожен: почту вскрывают. (Первое такое

предупреждение было сделано еще 21 апреля, причем у Кочубея имелись основания подозревать почтмейстера из Николаева.) Пусть Александр сейчас к нему благосклонен, но всякое может случиться, особенно в свете нового политического союза. А тут еще про герцога вспомнил Людовик XVIII (король-изгнанник едва сводил концы с концами, поскольку его доходы состояли из шестнадцати тысяч ливров, выплачиваемых английским правительством, и четырех тысяч, присылаемых из России, тогда как ежегодные расходы на содержание двора доходили до двадцати шести тысяч). В конце 1807 года Ришельё получил из английского Госфилда письмо, в котором его просили добиться от Александра образования новой лиги с целью «посодействовать» королю. Если русский император согласится выступить посредником, Людовик не откажется даже от вспомоществования со стороны Франции. «Король, который конечно же не унижится до того, чтобы принять помощь непосредственно от узурпатора своего трона, узрит лишь руку своего щедрого друга, участие коего облагородит всё дело». Это письмо осталось без последствий, разве что доставило несколько неприятных минут адресату: Ришельё так и не выздоровел окончательно, весь год лихорадка то отступала, то возвращалась.

В январе 1808 года Дюк уехал в Петербург, чтобы попытаться воздействовать на императора доводами рассудка: континентальная блокада, поддержанная Россией, и закрытие проливов окажут негативное воздействие на только-только начавшую развиваться торговлю. Однако 27 марта Александр запретил ввоз английских товаров в Россию и объявил охоту на суда нейтральных держав; впрочем, этим судам становилось всё труднее преодолеть проливы, поскольку за проход турки взимали пошлину. Ришельё был крайне недоволен новым таможенным тарифом и не собирался уступать. Он забрасывал письмами министра финансов: «Исключительные обстоятельства, в коих находится морская торговля в Европе, заставляют использовать путь через Россию для доставления в Турцию европейских товаров, а в Европу — левантийских; благодаря сему транзиту в империи остаются суммы, кои в этом году достигли более миллиона, полностью уплаченного иноземцами. Сия торговля была запрещена из страха контрабанды, лишив российских подданных выгод, кои она им доставляла, и разорив тех, кто ею занимался, поскольку выписанные и даже доставленные на таможенную товары отправляют обратно. В Одессе это вызовет страшные банкротства. Я просил внести изменения в указ, раз нельзя отозвать его вовсе; дело находится в [Непременном] Совете. Я хотел бы, чтобы оно было решено поскорее».

Но запретительные меры ударят не только по морским портам — Одессе и Кафе. Козлов (Евпатория, крым. — *тат.* Кезлев), который, «не пользуясь льготами, предоставленными вышеупомянутым городам, достиг довольно высокой степени процветания, сим обречен на смерть; однако только он один мог поставлять соль азиатам, будучи окружен солончаками». Население окрестностей этого города растет, но если иноземцы не смогут ничего туда привозить, то вместе с импортом прекратится и экспорт. Далее Дюк просил разрешить ввоз оливок, служащих единственной пищей грекам во время Великого поста. Оливки из Франции ввозить разрешено, а из Греции нет — почему? То же относится к некоторым тканям, в которые одеваются только татары. Устраивать особые ткацкие фабрики для их производства нужды нет, но не оставлять же людей голыми. Из Молдавии в Одессу привозят лес и уголь, без которых город не может обойтись. Ввозная пошлина на соль установлена в 50 копеек с пуда. Прошлой весной, когда Крыму грозила нехватка соли, местных жителей побуждали запастись ею на бессарабских солончаках, что они и сделали в расчете на беспошлинный ввоз этого товара, теперь же они окажутся разорены новыми мерами...

Требуя, прося, доказывая, объясняя, Ришельё не ждал у моря погоды и действовал на свой страх и риск. Несмотря на протесты французского консула в Одессе Анри Мюр д'Азира, запрещенные английские товары доставляли в город на судах под американским флагом. Комиссия при торговом трибунале, в задачу которой входило следить за исполнением запрета, была создана только для отвода глаз. Председателем торгового трибунала Дюк сделал своего тезку Армана Шарля Эммануэля Гиньяра, графа де Сен-При (1782–1863).

Это был один из троих сыновей графа Франсуа Эммануэля Гиньяра де Сен-При (1735–1821), известного французского дипломата, одно время служившего послом в Константинополе, который в свое время способствовал освобождению из плена князя Репнина и заключению Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 года между Россией и Турцией, за что Екатерина II пожаловала ему орден Андрея Первозванного. В 1795–1807 годах он исполнял дипломатические поручения Людовика XVIII при разных иностранных дворах, а все его сыновья перешли на службу России: старший, Гийом Эммануэль Гиньяр де Сен-При (Эммануил Францевич, 1776–1814), храбро сражался при Аустерлице и был награжден за это орденом Святого Георгия 4-й степени; младший, Эммануэль Луи Мари Гиньяр, виконт де Сен-При (Людвиг Францевич, 1789–1881), крестник королевы Марии Антуанетты, служил в лейб-гвардии Егерском

полку, а средний, известный в России под именем Карл Францевич Сен-При, служил в гвардии, а в августе 1804 года женился на княжне Софье Алексеевне Голицыной и через нее породнился с Петром Александровичем Толстым (женатым на ее сестре Марии), который в 1807–1808 годах был чрезвычайным послом в Париже и, раскусив замысел Наполеона, умолял Александра I не верить дружеским уверениям французского императора и заранее готовиться к отпору, поскольку вторжение не за горами (за что и был отозван). Именно среднего брата вызвал к себе Ришельё и позже (в 1810 году) сделал гражданским губернатором Одессы.

Ряды верных соратников Дюка пополнил еще один француз-эмигрант Жак де ла Фер граф де Мезон, бывший королевский мушкетер, председатель Счетной палаты Руана, уехавший в Россию вскоре после революции. Он руководил императорскими конезаводами в Александрове и Белгороде, затем перебрался в Крым, в Бахчисарай, и весной 1808 года Ришельё отдал под его командование ногайцев, живших на берегах реки Молочной.

Еще в 1802 году тогдашнему генерал-губернатору Новороссии И. И. Михельсону было предписано «с помощью приличествующих средств и мягкого обращения» превратить этих кочевников в землепашцев. Впрочем, тогда же возник и план объединить ногайцев в два полка на манер казачьих, по 500 человек в каждом, но в 1805-м от этого намерения отказались по просьбе самих ногайцев. «Вот к каким способам прибегали, — пишет Рошешуар, — чтобы колонизировать этих кочевников и принудить их к оседлости: поскольку в каждой орде имелся мулла (священник), правительство взяло на себя обязанность построить в пределах их лагеря мечеть с домом для муллы и его семьи; не желая покидать своего священника, орда оставалась с ним и при его храме; как только это случалось, кочевникам строили дома, как для остальных поселенцев, с той лишь разницей, что не предоставляли им скот, а покупали его у них и отдавали немецким колонистам, что давало бывшим кочевникам прибыль и вынуждало их перейти к оседлости. Граф де Мезон искренне занялся колонизацией этих татар — потомков знаменитых завоевателей Востока монголов, от которых сегодня осталось несколько бродячих племен. Он посвятил им последние тридцать лет жизни. Граф постоянно заботился об этих нецивилизованных племенах, не получая за это никакого жалованья или вознаграждения. Он жил на доходы от проданного во Франции и вложенного в Одессе своего состояния». Более того, поначалу граф кочевал вместе со своими подопечными, постепенно внушая им понятия о частной собственности.

Дюк тоже посещал их и выплачивал вознаграждение каждому, кто сменит кибитку на дом. Когда появилось много деревень, он основал для ногайцев маленький порт Еничи, чтобы поставлять товары в Кафу, а стараниями графа де Мезона возник город Ногайск. К 1820 году кочевой народ уже превратился в земледельцев и купцов.

Ришельё уважительно относился к мусульманскому населению, стараясь не настраивать его против властей излишними запретительными мерами. И здесь тоже приходилось выказывать неповиновение центральным властям, поскольку ему на месте было виднее. Получив приказ о реквизиции лошадей у татар, он немедленно написал письмо военному министру генералу С. К. Вязмитинову (5 мая 1808 года):

«Ваше превосходительство, генерал Бороздин сообщил мне о депеше, присланной ему Вами, с требованием вывести с полуострова лошадей. Прежде чем позволить ему исполнить сие требование, я счел нужным переговорить с Вами о неизбежных последствиях, о невозможности исполнить его в назначенный срок и о трудности довести дело до конца, не разорив совершенно несчастных обывателей. Вам неизвестно, Ваше превосходительство, что у горских татар нет другого средства к существованию, кроме лошадей, служащих им для всех их передвижений, равнинные же извлекают из лошадей большую часть своих доходов; если лишить их этого средства, какое ужасное несчастье их ждет, и каков будет моральный эффект от этой меры, которая христиан повергнет в величайший страх, а магометан, кои до сих пор не давали нам никаких причин обращаться с ними дурно, обозлит, и не без основания. Более того, само количество сих лошадей сильно осложняет их вывод. Я знаю, что так было сделано во время последней войны, и ужасающие последствия реквизиции для сего края мне также известны; но по меньшей мере, тогда она была возможна, поскольку степи между полуостровом, Азовским морем и Днепром еще были незаселены; теперь же там 100 тысяч душ, огромные стада, множество новых заведений — где найти корм для этой уймы лошадей? Подумайте и о злоупотреблениях, неизбежных во время подобного перегона: воровстве, грабежах. Вы поймете, что это непременно кончится разорением жителей полуострова и перекопских и днепровских степей. Мы создадим себе гораздо большее несчастье, чем то, коего мы хотим избежать.

Сообщаю Вам сии соображения, которые кажутся мне вполне убедительными, и на коленях умоляю Вас не требовать от нас исполнения мер, кои приведут к несчастью сего края».

Тогда же генерал-губернатор Новороссии решил объехать все три

вверенные ему губернии, чтобы осмотреть различные поселения, уладить гражданские дела и проинспектировать войска, число которых доходило до сорока тысяч человек, включая казаков. Компанию ему составили Леон де Рошешуар и Иван Александрович Стемповский, назначенный третьим адъютантом. (Стемповскому тогда только-только исполнилось 19 лет; он окончил Саратовское народное училище и в 1804 году пятнадцатилетним поступил подпрапорщиком в Ладожский пехотный полк, где благодаря своим способностям обратил на себя внимание герцога де Ришельё. Тот предложил ему стать его адъютантом, а затем сделал личным секретарем.)

Взяв с собой свой штаб и нескольких гражданских чиновников, Дюк, несмотря на недолеченный плеврит, выехал из Одессы в Херсон, а оттуда в Мелитополь, где навестил графа де Мезона и осмотрел ногайские села. Затем татарских лошадок, мчавшихся резвым галопом, сменили мекленбуржцы, впряженные в тяжелые повозки: Ришельё проехал вверх по течению Молочной, посетил немецкие колонии на правом берегу и русские поселения. После он достиг Мариуполя, где жили греки, и проследовал в Таганрог, второй по величине после Одессы торговый порт Новороссии. (В 1808 году экспорт из Таганрога составил 1,3 миллиона пудов разных товаров.) Дальше его путь лежал в Нахичевань на правом берегу Дона, построенную в 1780 году для крымских армян, и в Азов.

В 1787 году из частей Войска верных запорожцев было создано Черноморское казачье войско, которое пять лет спустя переселили на Кубань для защиты южных рубежей от нападения адыгов. Получив в свое распоряжение территорию в 30 тысяч квадратных верст, казаки — 7860 мужчин и 6514 женщин — основали в 1793 году город Екатеринодар и 40 куреней. В 1801-м на войсковой земле жили уже 32 609 душ обоего пола, а в 1808-м к черноморцам переселились 500 буджакских казаков (бывших запорожцев, вернувшихся из Турции, куда они ушли после разорения Сечи). Формально войско подчинялось таврическому губернатору, но реальным начальством был войсковой совет из наказного атамана, судьи, писаря, двоих русских офицеров и четверых казаков; последних избирали каждый год.

С конца 1799 года атаманом был Федор Яковлевич Бурсак, личность незаурядная. Он родился в 1750 году в дворянской семье Антоновичей, обучался в Киево-Могилянской духовной академии, за что и получил, сбежав оттуда в Запорожскую Сечь, свое прозвище. Он участвовал рядовым в Русско-турецких войнах 1768–1774 и 1787–1891 годов, заслужив храбростью офицерский чин. Записавшись одним из первых в Войско верных казаков, он отличился при штурме Очакова, Гаджибея и Измаила, за

что Суворов представил его к награде. Избранный войсковым казначеем (что говорит о высоком к нему доверии), а затем назначенный атаманом, он замирился с несколькими племенами горцев, открыл меновые дворы, а также первое на Кубани войсковое училище в Екатеринодаре (1803), при котором имелась библиотека. Казаки достроили деревянный войсковой собор, вокруг которого в кирпичных флигелях жили холостяки из всех сорока куреней. В окрестностях Екатеринодара появились конезавод и овчарня, а также суконная мануфактура.

В 1807 году казаки совершали военные экспедиции, и их ряды несколько поредели. В марте 1808-го был издан высочайший указ о переселении на Кубань двадцати пяти тысяч крестьян из Полтавской и Черниговской губерний. И вот теперь генерал-губернатор явился ознакомиться с положением дел во владениях Бурсака.

Кстати, чтобы породить дух соревнования среди бывших запорожских казаков, герцог исхлопотал для них честь поставить эскадрон в императорскую гвардию, который отправился в Петербург. Гвардейцам завидовали товарищи, но в эскадроне была ротация. Вернувшиеся на родину насаждали новые правила поведения и воинскую дисциплину в казачьих войсках; всего за четыре-пять лет нравы существенно изменились. По настоянию Дюка казаки сменили свою обычную одежду на мундиры. Правительство смогло вывести с Кубани регулярные войска, содержание которых было обременительно для казны; к тому же солдаты из других регионов часто болели и умирали в нездоровой болотистой местности.

Да и дороги тут были отвратительные; ехать пришлось в неудобной карете на плохих лошадях. Сопровождавшим герцога казакам часто приходилось на руках переносить его экипаж через броды. Но вот и саманные домишки и грязные, открытые всем ветрам улицы Екатеринодара.

Рошешуар оставил красочный рассказ об этом визите. Атаман принимал гостей в своем доме неподалеку от крепости — одноэтажном, деревянном, но в шесть окон по фасаду и с портиком крыльца на четырех колоннах, настоящем дворце! На фронтоне даже был укреплен фамильный герб. Во время обеда каждое блюдо подавали в трех вариантах (Бог любит троицу): три супа, три закуски, три жарких... Перед началом трапезы трижды выстрелили из пушки, а казаки, выстроенные перед домом, прокричали троекратное «ура!». Перед отходом ко сну пришлось выпить три чашки чаю и три чарки рому. Атаману это было нипочем: по словам Рошешуара, Бурсак был великан, в свои 58 лет выглядел сорокалетним и обладал невероятной способностью поглощать пищу и спиртное; черкесы

перед ним трепетали, а казаки уважали, не обращая внимания на кое-какие его странности. Когда Ришельё спросил хозяина, сколько у него детей, тот обернулся к казаку, прислуживавшему за столом:

— Трофим, сколько у меня детей?

— Одиннадцать.

— И все мальчики? — спросил герцог, едва сдерживая душивший его смех.

— Трофим, сколько у меня дочерей?

— Четыре, — невозмутимо отвечивал казак.

На следующий день Дюк инспектировал войска: перед ним прогарцевали два десятка кавалерийских полков по 600 сабель в каждом и промаршировали солдаты крепостного гарнизона. Имелась и артиллерия: четыре батареи по восемь орудий.

Из Екатеринодара Ришельё отправился в Тамань, пересек Керченский пролив и оказался в Крыму.

После Кафы дороги кончились, проехать можно было только верхом. Весь багаж (палатки, кухонную утварь, посуду, постели) нагрузили на 20 вьючных лошадей. В Судаче к свите Дюка присоединились два врача, три полковника, шесть татарских мурз, два купца — француз и генуэзец, немецкий рисовальщик, близкий друг губернатора Кафы генерала Феншоу. Говорили по-русски, по-французски, по-английски и по-турецки. Близ Гурзуфа гражданский губернатор Тавриды Андрей Михайлович Бороздин устроил гостям пир в прекрасно обставленном шатре; к блюдам изысканной французской кухни подавали шампанское лучших марок. А накануне Дюка потчевали бараниной по-татарски...

Юрист и известный писатель Павел Иванович Сумароков, побывший в Гурзуфе в 1803 году, так описывает это место: «Ни восход, ни захождение солнца не выпускают в него раскаленных лучей, и единые хребты тех гор, лишь нежно освещенные, доставляют Гурзуфу вечную прохладу при приятном уединении. В Гурзуфе довольно садов, изобилующих красными, белыми фигами, равно другими плодами».

Море, горы, тенистые сады, тишина и покой... Чего еще нужно для счастья? Ришельё присмотрел для себя райское местечко. Всего за четыре тысячи рублей ассигнациями (восемь тысяч франков по тогдашнему курсу) он приобрел «довольно обширный сад, старый дом и небольшой участок земли», ранее принадлежавшие богатому татарину, умершему без наследников. Участок в 140 десятин находился между берегом моря и подножием горы Аюдаг. Убежденный, что окончит свои дни в России, Ришельё решил, что именно сюда он удалится на покой. Осенью 1808 года

он вернется сюда и в торжественной обстановке заложит основание будущего дома, который построят на месте старой сакли. Архитектор, вызванный из Одессы (имя его неизвестно, по некоторым сведениям, он был немец), возведет трехэтажную виллу в неоклассическом стиле, с большими французскими окнами, выходящими в галереи, а немец-садовник из поместья Бороздина «Кучук-Ламбат» разобьет сад. Это произойдет нескоро, поскольку строительство в пустынном крае да еще в условиях бездорожья продвигалось крайне медленно. Заботиться об этом имении будет, естественно, Рошешуар, которому дядя в шутку даст прозвище «Гурзуф-паша»^[37].

В Крыму Ришельё вновь встретился с графиней Потоцкой, которая обрадовала его своим намерением пополнить ряды жителей Одессы. Они подробно обсудили этот вопрос, и уже 5 сентября София Константиновна подала в Строительный комитет прошение об отводе ей под застройку территории «на Греческом форштате по улице между кварталами XLIX и LV» (то есть на улице, выходившей к приморскому обрыву). На прошении стояла собственноручная пометка Дюка, что он не возражает, хотя для удовлетворения просьбы графини пришлось изменить высочайше утвержденный в 1803 году план городской застройки. Поручителями выступили двое поляков, живших в Одессе. В результате улица, носящая ныне название Конная, которая должна была начинаться от моря, берет свое начало от особняка графини на улице, названной в ее честь Софиевской. Дом спроектировал Франческо Фраполли, а строили крепостные Потоцкой. Как раз в 1808 году в Одессе был освящен Свято-Никольский собор. Князь И. М. Долгоруков, посетивший Одессу в 1810 году, описал свое впечатление от храма: «Выстроен прекрасной архитектуры собор... он аналогичен базиликам Европы. Однако нет при нем соответствующей колокольни. Внутри церкви пол выстлан из черного мрамора, в центре разноцветные изразцы дают ему вид мозаического паркета. Приступки между колонн, по коим входят в храм, будут намощены лавой. Она уж выписана и заготовлена. Что может быть в новом вкусе того роскошнее? Жаль, что иконостаса нет хорошего: он писан на ширмах, затянутых холстом, наподобие полковых церквей. Утвари в соборе богатой нет, видно, что заботились о наружной красоте здания для города более, нежели о внутреннем благополучии дома Господня». В самом начале строительства особняка Потоцкой в Никольском храме обвенчали 12 пар крепостных графини и окрестили ребенка.

Тогда же София Константиновна приобрела садовый участок вдвое больше положенных 25 десятин, примыкавший к Водяной балке близ

«пудренного» предприятия Пишона. Графиня выполняла условие, поставленное всем «хуторянам»: из ее имений в Одессу доставляли саженцы тополей для высадки вдоль главных улиц (в свое время ее супруг выписал их из Италии целый миллион).

А Дюк продолжал свое крымское турне. В Балаклаве он проинспектировал греческий полк. Визит пришелся на 25 сентября, день его рождения, и по такому случаю устроили смотр войскам и даже учебный штурм крепости. Ришельё с несколькими офицерами по-восточному разлеглись на подушках на большой барке с навесом и оттуда наблюдали за экзерцициями. Греческие солдаты носили красные турецкие шаровары, зеленые куртки, расшитые греческим узором, и кожаные шапки. По сигналу с барки они пошли на приступ крепости, которую обороняли колонисты. Взятие крепости ознаменовалось фейерверком; в темном южном небе запылали герб Ришельё (на серебряном поле три красных стропила одно над другим) и цифры 25 и 1766.

Через Севастополь, Симферополь и Перекоп Дюк вернулся в Херсон, а оттуда в Одессу. Вся поездка продлилась четыре месяца.

Между тем война с Турцией, судя по всему, должна была возобновиться. Обязанностью Дюка было снабжать армию Прозоровского, поэтому он временно отказался от инспекционной поездки по востоку своих владений. Осенью Ришельё получил шесть миллионов рублей ассигнациями на приобретение провианта для армии. Без лишнего шума, чтобы не создавать ажиотажа, он сумел закупить продовольствие по очень низким ценам, чем снискал благодарность лично от императора и от военного министра. Рошешуара отправили в Бухарест в ставку главнокомандующего, чтобы организовать распределение провианта.

Пока Ришельё экономил казенные деньги, его поверенный в Париже изо всех сил пытался собрать хотя бы крохи из некогда колоссального состояния, на которое, однако, нашлось слишком много претендентов. Как обычно бывает в денежных делах, начались споры, ссоры, дразги, склоки, мелкие пакости... «Я с огорчением узнал о неприятностях, доставляемых моим сестрам от моего имени, — писал Ришельё 11 ноября 1808 года мачехе из Одессы. — Уверяю Вас, и Вы без труда в это поверите, что я здесь ни при чем. Я написал тою же почтой, пытаюсь положить им конец, и надеюсь, что скоро они прекратятся. Печально, что в то время как мне говорят, что не стоит ожидать что-либо выручить от моего состояния, ни меня, ни других не оставляют в покое».

В конце месяца Арман вновь провел два дня в Тульчине у графини Потоцкой, где в то время оказался некий господин д'Аррагон, сообщивший

ему ободряющие новости о здоровье его сестры Армандины. «Я хотел бы увидеть это своими глазами, да будет Богу угодно, чтобы я вскоре смог исполнить сей прожект, коего я не упускаю из виду и который осчастливил бы меня, — писал Дюк 1 декабря госпоже де Ришельё. — Я не поехал в Петербург этой зимой, чтобы иметь больше прав просить позволения уехать, как только позволят обстоятельства». Армандина тоже не раз собиралась навестить брата и увидеть своими глазами его дорогую Одессу и Крым, но, увы, обстоятельства не позволили ни того ни другого...

Человек бо есмь

Дюк так и не поехал в Европу, однако в феврале 1809 года в Одессу явилась графиня Потоцкая. Ей было уже 48 лет, но эта женщина, мать шестерых детей (в том числе пятерых от Потоцкого), обладала какой-то особенной притягательностью для мужчин. Вероятно, она околдовывала их своим умом, а не только внешностью. Она только что пережила очередную личную драму: влюбленный в нее пасынок Ежи, который по ее настоянию в 1808 году уехал во Францию для лечения, умер от туберкулеза, ревматизма и венерической болезни. София Константиновна, унаследовавшая его долги, собиралась продать Тульчин, чтобы расплатиться, и Ришельё в одном из писем одобрил ее намерение, считая эту мысль «здравой». (Впрочем, эти планы не осуществились.) Кроме того, она составила проект строительства города Софиополиса, который стал бы столицей Южного берега Крыма.

Ялта тогда была рыбацким поселком, а о существовании Массандры, покоившейся между двух холмов и скрытой ими от посторонних глаз, знало только местное население. Это был благодатный край, который, однако, не имел хозяина. Когда-то эти земли были подарены Екатериной II Карлу Нассау-Зигену, но тот вернулся на родину, и в 1796 году они были пожалованы Матвею Никитину. Затем владельцем «Дачи Богоданной» (около трех тысяч десятин) был советник Таврического областного правления М. Н. Смирнов, но лишь на бумаге. Поскольку он не занимался ни строительством, ни сельским хозяйством, эти земли вновь отошли к казне. Потоцкая хотела их выкупить. Ришельё захватила идея Софиополиса — возможно, не только из цивилизаторских побуждений... Но в конце марта возобновилась война с Турцией, а в мае император вызвал генерал-губернатора Новороссии в Петербург, «чтобы объяснить по поводу всех неприятностей, кои тот испытал без его ведома».

От Одессы до столицы — 1800 верст, на этот путь уходят десять дней. Чтобы возместить расходы на «частые и дорогостоящие путешествия от Черного моря до Белого», Александр I выплатил Дюку из казны 50 тысяч рублей и собственноручно возложил на него ленту ордена Александра Невского (приказ о его награждении был подписан еще два года назад, 25 февраля 1807-го)^[38], воздав тем самым должное его «чрезмерной деликатности и порядочности, вошедшей в России в пословицу».

Но, разумеется, вызвали его не только за этим. Император хотел

побеседовать с герцогом, чьи аналитические способности ему расхваливал канцлер Румянцев, о положении в Швеции, с которой Россия с прошлого года находилась в состоянии войны (13 марта в Стокгольме произошел переворот, Густав IV Адольф был низложен, а королевская власть перешла в руки его дяди, герцога Зюдерманландского, который принял имя Карл XIII), о визите в Санкт-Петербург прусского короля, многократно униженного Наполеоном, и о франко-австрийском конфликте.

В апреле 1809 года австрийский император, вдохновившись примером испанского восстания против наполеоновских захватчиков, двинул свои силы одновременно на Баварию, Италию и Великое герцогство Варшавское. Однако Наполеон, опираясь на войска раболепствовавшего перед ним Рейнского союза, нападение отразил и в середине мая вступил в Вену. Дни империи Габсбургов были сочтены, венгры уже требовали независимости. Кроме того, в Шёнбрунне Наполеон («гений зла», как называл его Дюк) подписал декрет о присоединении к Франции Папской области и отмене светской власти римского папы. 5–6 июля состоялось генеральное сражение при Ваграме, в 18 километрах от Вены: Наполеон форсировал Дунай и разбил войска эрцгерцога Карла, положив конец существованию Пятой коалиции.

В походе против австрийцев участвовал Иван Осипович Витт (1781–1840), сын Софии Потоцкой от первого брака. Во время Аустерлицкого сражения его тяжело ранило в ногу ядром, и после Тильзитского мира он вышел в отставку, а тут вдруг вступил волонтером в армию Наполеона. На самом деле целью Витта было собрать разведданные и выведать планы французского императора. В Париже русский резидент князь А. И. Чернышев свел его с Полиной Боргезе, сестрой Наполеона; однако Витту не удалось закрутить с ней роман. Тогда он женился на свояченице Марии Валевской — польки, состоявшей в любовной связи с императором, и выступал посредником в их переписке. Валевская родит Наполеону сына, и это окончательно утвердит Бонапарта, желавшего основать новую династию, в намерении развестись с Жозефиной, не имевшей от него детей, и найти себе жену в одной из царствующих фамилий.

Набиравшая силу Французская империя явно превращалась в источник угрозы для России, для Ришельё это было очевидно. Со времен Тильзита он принадлежал к партии противников сближения между Францией и Россией, возглавляемой вдовствующей императрицей Марией Федоровной, в которую входили также Адам Чарторыйский, Виктор Кочубей, Павел Строганов, Николай Новосильцев и бывший посол в Англии Семен Воронцов. Все они считали, что встреча Александра и

Наполеона в Эрфурте (27 сентября — 14 октября 1808 года), подтвердившая их союз, была непростительной ошибкой. Мария Федоровна охотно принимала Дюка, когда он бывал в столице, а тот писал ей почтительные письма из Одессы, анализируя международное положение и высказывая свои суждения по поводу событий в Европе и Турции.

Ришельё сделался одним из самых убежденных сторонников заключения мира с Турцией, что позволило бы не распылять силы. С июня возобновились тайные переговоры с Портой, однако обе стороны напоминали двух баранов на узком мосту: Россия требовала провести границу по Дунаю, Турция не соглашалась.

По приказу императора Дюк, вернувшись в Одессу, с целью запугать Константинополь распускал слухи о готовящихся военных операциях (в начале 1810 года будет разыграна целая «комедия» с перемещением войск к турецким границам); одновременно он должен был поддерживать контакты с Портой через бывшего капудан-пашу (командующего турецким флотом) Сеида-Али, разбитого вице-адмиралом Д. Н. Сенявиным в морском сражении при Афонской горе (1807) и укrywшегося в Одессе от гнева султана. Румянцев слал подробные инструкции, как использовать турецкого флотоводца для заключения мира на выгодных для России условиях — с сохранением за ней Молдавии и Валахии и предоставлением независимости Сербии под российским протекторатом. В конце июля маркиз де Траверсе получил приказ передать командование Черноморским флотом герцогу де Ришельё и вице-адмиралу Н. Л. Языкову, а самому как можно скорее возвращаться в Петербург, чтобы сменить адмирала П. В. Чичагова на посту руководителя Министерства морских сил. (Павел Васильевич часто находился в оппозиции к другим членам Непременного совета, а в 1809 году, не выдержав, испросил себе отпуск и отбыл за границу.) Кстати сказать, несмотря на испытанную в прошлом обиду, Ришельё и Траверсе остались в превосходных отношениях и в дальнейшем поддерживали переписку.

За военными заботами Дюк не забывал и о гражданских делах. В январе 1809 года он создал прививочный комитет, который должен был провести масштабную вакцинацию населения от оспы.

Известно, что первая оспенная прививка в России была проведена в 1768 году императрице Екатерине II, ее сыну с невесткой и внукам Александру и Константину. «Санкт-Петербургские ведомости» писали 11 ноября: «Сколь полезно прививание оспы роду человеческому, показывают опыты в Англии, и сколь вредна природная оспа, видим мы почти ежедневные примеры в России. Наша всемилостивейшая Государыня,

соображая сия, предприняла привить себе оспу как для собственной безопасности, так и для подания примера через Самою Себя не только всей России, но и всему роду человеческому, будучи удостоверена, что один такой пример сильнее всех других образов по введению у нас столь нужного дела». Через два года в столице опубликовали наставление о прививании оспы, которое впоследствии войдет в Свод законов Российской империи, и сочинение Томаса Димсдейла «Нынешний способ прививать оспу» с приложением в виде дневника, в котором английский врач, проведший эту операцию, день за днем описывал состояние венценосной пациентки после прививки. Она в самом деле подвергла свою жизнь опасности: ей пересадили материал, взятый от заболевшего ребенка Александра Маркова, которого после успеха операции сделали графом Оспенным. Однако многие привитые таким образом люди переболели тяжелой формой болезни и оставались обезображенными, а два процента и вовсе умирали.

Английский врач Эдвард Дженнер (1749–1823), которому сделали такую прививку в восьмилетнем возрасте, посвятил 25 лет жизни исследованию этой проблемы и пришел к выводу, что для предохранения людей от заболевания натуральной оспой нужно вырабатывать иммунитет, искусственно заражая их коровьей оспой. Свою брошюру об оспопрививании он опубликовал в июне 1798 года за свой счет. Через несколько месяцев о ней заговорили в Женеве, а в Лондоне возникло... анти-оспенное общество, публиковавшее сатирические карикатуры. В 1800 году первые прививки по методу Дженнера были сделаны во Франции, с подачи министра внутренних дел Люсьена Бонапарта и министра внешних сношений Талейрана.

В России первую противооспенную вакцинацию провел в октябре 1801 года доктор медицины Е. О. Мухин в здании Императорского Воспитательного дома в Москве. Привитого мальчика Антона Петрова переименовали в Вакцинова. Наконец и в Англии одумались: герцог Йоркский объявил вакцинацию обязательной в армии, а герцог Кларенс (будущий король Вильгельм IV) — на флоте. В 1803 году в Лондоне были основаны Королевское Дженнеровское общество и Институт оспопрививания.

Ришельё, переписывавшийся с некоторыми французскими учеными, был в курсе этих достижений. В каждом из восьми уездов Екатеринославской губернии были образованы прививочные комитеты, состоявшие из двоих хирургов, двоих наблюдателей из дворян и одного инспектора. Дюк потребовал, чтобы каждое воскресенье в церквях читали с

амвона обращение архиепископа к пастве, в котором говорилось, что в вакцинации нет ничего богопротивного, а напротив, это долг каждого доброго христианина. С сентября 1809 года по март 1810-го были привиты от оспы 7065 детей.

Тем временем 5 (17) сентября 1809 года во Фридрихсгаме был подписан мирный договор между Россией и Швецией, по которому шведы уступали России в вечное владение всю Финляндию с Аландскими островами и обязывались поддержать континентальную блокаду, закрыв свои гавани для англичан. 2(14) октября в Вене был заключен мир между Францией и Австрией. «Война между Францией и Австрией могла иметь пагубные последствия для всей Европы, мир же между ними может счастливо сказаться на всех народах, — с облегчением писал Дюку граф Румянцев 25 октября. — Отныне нам остается пожелать заключить мир с Турцией и Персией, и возможно, нам удастся свершить сие по нашему желанию, а потом завершить великую борьбу с Англией, чтобы отпраздновать всеобщий мир. Только тогда всё внимание и все заботы Нашего Августейшего Государя будут посвящены процветанию торговли, умножению ее выгод и источников, дабы вознаградить через сие, и с лихвой, своих верных подданных за убытки, кои они понесли из-за войны и застоя в торговле».

Одесса между тем праздновала выздоровление Дюка после долгой болезни (он снова слег, вернувшись из столицы, — весьма симптоматично). «Любовь, преданность и уважение, кои к нему питали, проявились при данных обстоятельствах самым трогательным образом, — писал Рошешуар. — Все восхищались этим человеком безукоризненных нравов, порядочным, щедрым, любезным, входящим в дела других и всегда счастливым оказать услугу».

Зато немирные горцы надеялись обратить все эти бесценные качества в звонкую монету, организовав похищение и потребовав выкуп за неутомимого генерал-губернатора, который, едва встав на ноги, вернулся к исполнению своих обязанностей. Ланжерон приводит этот эпизод, имевший место в сентябре 1809 года:

«Дюк находился тогда в Анапе; несколько черкесских князей, не желая, по своему подозрительному характеру, являться в сей город, просили его встретиться с ними на холме в трех четвертях лье оттуда. Дюку ставили на вид, как опасно для него отправляться к сим людям, известным своею хитростью и коварством. Ему даже приводили в пример несчастного генерала Цицианова, убитого при подобных обстоятельствах персиянами^[39]; герцогу всё было нипочем; он слишком дорожил

возможностью замириться с кавказскими народностями, чтобы упустить случай достигнуть своей цели. Он отправился в назначенное место, проговорил два часа с черкесскими князьями, подробно обсудив с ними их отношения с Россией, и в продолжение этого совещания назначил им новую встречу, через пять дней после своего возвращения из Екатеринодара, казачьей столицы, куда он должен был ехать по делам, сам же вернулся в Анапу, где о нем сильно беспокоились.

Он выехал в Екатеринодар. Гроза помешала переправиться через Кубань; вечером он был вынужден заночевать на пустынном берегу под перевернутой лодкой, служившей укрытием от дождя.

На следующий день к нему в Тамань приехал курьер из Одессы с важными бумагами; Дюк занялся ими, и его прибытие в Екатеринодар было отложено на день. Инспекция и неотложные дела задержали его в этом городе еще на несколько часов сверх намеченного. Ему это было досадно, поскольку его поездки были расписаны по минутам, чтобы всё успеть. Тем временем черкесские князья корили себя за то, что не схватили его во время разговора; прочие возражали, что это значило бы навлечь на себя гнев анапского гарнизона, который немедленно набросился бы на них; сошлись на том, чтобы похитить герцога по его возвращении, момент которого он точно им указал. Следственно, они взяли 300 отборных людей под командованием самого решительного из них, тайно переправились через Кубань и спрятались в камышах и болотах, где знали все тропы, чтобы неожиданно напасть на Дюка и его свиту, когда он будет возвращаться из Екатеринодара берегом Кубани. Там они расположились уже на четвертый день; по счастью, герцога задержали дела, и он не успел добраться из Екатеринодара до заставы, где должен был заночевать и где его поджидала черкесская засада. Он провел ночь в 30 верстах оттуда, что сбило черкесов с толку...

На следующий день он продолжил свой путь; один казак выехал вперед, чтобы подготовить лошадей и конвой, сменявшийся на каждой заставе. Черкесы, сидевшие в засаде, хотели схватить казака, чтобы узнать от него точные сведения о прибытии Дюка. По счастью, казак вырвался от них и забил тревогу; герцог прибыл на военную заставу, где должен был сменить конвой; казаки, видя его в величайшей опасности, возбужденные ею и любовью к своему командиру, всего сотней яростно набросились на трехсот черкесов, завязался бой, и черкесы обратились в бегство, потеряв своего главаря, сраженного ударом нагайки по голове от командира казаков. Захваченные пленные рассказали все подробности заговора».

В качестве выкупа за Ришельё горцы намеревались потребовать все

земли казаков и Анапу. Дюк убедился в их коварстве и в том, как легкомысленно поступил, вверяя им свою жизнь. Он был тронут проявлением любви к нему казаков и их беспримерным мужеством. Слух о засаде донесся до Одессы; всё население (составлявшее тогда 30 тысяч жителей) переполошилось; даже когда стало ясно, что опасность миновала, сотни людей специально отправлялись на прогулку в общественные места, где можно было встретить Дюка, чтобы увидеть его своими глазами и поприветствовать.

Ланжерон, при происшествии не присутствовавший, пересказал всю историю с чужих слов, явно кое-что добавив от себя. Во всяком случае, его версия не во всём согласуется с той, которую сам Ришельё изложил в письме от 1 (13) ноября 1809 года сестре Армандине:

«Да будет Вам известно, дорогой друг, что Ваш брат подвергался великой опасности отправиться в рабство в Черкесию. Надо рассказать Вам эту историйку, которая теперь, когда всё прошло, выглядит пикантно. Я отправился с военной инспекцией на наши границы по Кубани и посетил крепость Анапу (посмотрите на карте, где она находится). Поскольку черкесам, нашим соседям с этой стороны, не понравилось, что мы ею овладели, они досаждали нам всё лето, причем больше обыкновенного. Поскольку эта маленькая война важна и всегда стоит человеческих жизней, я решил провести с ними переговоры. Мы устроили несколько совещаний, и они казались склонны к соглашению, ожидая лишь, как они говорили, утверждения его своими старейшинами; но за всем этим скрывалась подлая измена, ибо как только я улучил момент, чтобы осмотреть заставы, они устроили мне хорошенькую засаду в 500 человек, спрятавшихся в лесу и в камышах. Если бы не один казак, который вовремя их обнаружил, я угодил бы им в лапы. 150 казаков, составлявших мой эскорт, и казаки с соседней заставы обрушились на сих разбойников с такою силой, что разбили их, многих схватили, а ко мне тотчас привели нескольких пленных, в том числе главу отряда, князя самого высокого рождения, от кого я и узнал миленький план сих господ, состоявший в том, чтобы изрубить на куски всех сопровождавших меня, сохранив жизнь лишь мне одному, и увезти меня в горы. У них даже был приготовлен конь, чтобы доставить меня туда с большими удобствами. Он попал к нам в руки, я оставил его себе. Всё это закончилось очень счастливо. Такие мелкие происшествия нарушают монотонность поездки. Можете быть уверены, что я им этого не забуду и что эта милая выходка не сойдет им с рук. Этой зимой, когда снег, покрывающий горы, не позволит им отвести туда женщин и детей, а также скот, я к ним наведуясь и захвачу как можно больше из всего этого. Если

пожелаете, я с первой же оказией пришлю к Вам маленькую черкешенку или даже черкеса; эта самая красивая порода из всех, что я видел».

Трудно утверждать, кто более склонен к художественным преувеличениям — Ланжерон, «убивший» нагайкой главаря отряда из трех сотен черкесов, или Ришельё, «пленивший» князя, стоявшего во главе пятисот головорезов. Видно только, что Дюк при всей своей доброте не был непротивленцем и вполне допускал применение насилия. Однако «улучшить» такими методами «самую красивую породу» людей ему пока не удавалось.

Зато опыты по селекции можно было ставить, например, на овцах. В ноябре Дюк встречал огромное стадо мериносов, чудом добравшееся в Одессу через Дрезден и Краков, которое предстояло разместить севернее города, чтобы положить начало овцеводству в Екатеринославской губернии. (В Крыму этим уже занимался марселец Рувье, обосновавшийся в Кафе с 1798 года и завезший туда в 1804-м баранов-производителей из Испании. Годом позже у него уже было десять тысяч голов овец на 30 тысячах десятин, уступленных из казенных земель. Он же насадил в Крыму лозу из Малаги и делал самое лучшее вино, о чем Ришельё писал Кочубею в 1807 году.)

Братья-швейцарцы Шарль и Марк Огюст Пикте де Рошмон посетили в 1787 году Англию и были поражены экономическим и промышленным развитием этой страны. Вернувшись в Женеву, Шарль приобрел поместье в 75 гектаров в Ланей и сделался агрономом, занявшись возделыванием кукурузы, доселе неведомой в этих краях. Однако основные усилия они с женой сосредоточили на разведении овец-мериносов: Рошмон улучшил породу за счет скрещиваний и получил более тонкую шерсть. В 1806 году в окрестностях Женевы паслось уже более 9600 овец, приносящих своему владельцу неплохой доход. На ткацких станках, разработанных им же, производили более легкие, мягкие (и дорогие) ткани, чем английские.

Кстати, «земледелец из Ланей» был и автором трудов о противопожарных машинах, использовавшихся в Женеве. Эта статья попала на глаза Александру I, который пожелал увидеть такую машину в действии. Старший сын Рошмона, Шарль Рене, которому тогда было 19 лет, отправился в Петербург, чтобы показать царю уменьшенные модели пожарных насосов. Эта поездка помогла ему избежать мобилизации: с 1807 года кантон Женева был присоединен к Французской империи.

В Петербурге молодого человека приняли сам император и министр иностранных дел. В российской столице тогда находился и Ришельё. Возможно, его тоже интересовали насосы, но по большей части разговоры

велись о разведении тонкорунных овец, для чего требовались обширные территории. «Овцы ваши, земли наши». Весной 1808 года женевец прибыл во владения Дюка, который помог ему выбрать подходящее место. На следующий год царь передал в пользование семейства Пикте девять тысяч десятин (гектаров) земли под Одессой и предоставил ссуду в 100 тысяч рублей на 15 лет, чтобы привезти в эти края не менее шестисот мериносов для скрещивания с овцами местных пород. 2 июня 1809 года девять сотен овец отправились в долгое и трудное путешествие через страны, затронутые франко-австрийским военным конфликтом, которое растянулось на пять месяцев. По прибытии недосчитались только тридцати голов. Поместье назвали Новый Ланей, и Шарль Рене де Рошмон поселился прямо там, доверив управление овчарней своему соотечественнику Жозефу Го.

Глядя на процветание овчарни в Новом Ланей, два других женевца, Леонар Ревильо и Жан д'Эспин, приобрели в 1811 году 15 тысяч десятин земли по соседству, назвав поместье Женевкой, и тоже намеревались разводить там овец. Однако ссуда, обещанная царем, запаздывала, из-за чего не удалось закупить достаточное количество местных овец. Летом 1812 года разразилась засуха, кормов не хватало, рабочая сила вздорожала. А тут еще в Одессе началась чума. Зима же выдалась студеная, и на спасение стада пришлось потратить много денег. В довершение всех несчастий шерсть, отправленная на продажу в Москву, сгорела во время сентябрьского московского пожара.

Овцы, лошади, люди... Греки, татары, немцы... Деньги, деньги, деньги... Генерал-губернатор должен беспокоиться обо всём, его представления министрам посвящены самым разным вопросам. Министру финансов он пишет о необходимости переложить на соседние губернии часть бремени по содержанию почтовых станций в Новороссии, где населения мало, а дорог много, и об отмене «налога, известного под названием *поденные деньги*» (выделенное курсивом написано по-русски. — Е. Г.): «Необитаемые земли в Новороссии обложены земельным налогом вследствие ошибки, коей до сих пор не исправили; когда владельцы перевезли туда крестьян, земельный налог сохранялся, хотя крестьяне платили оброк. Я потребовал отмены этого налога на земли, заселенные согласно закону». Военному министру Дюк сообщает о разорении обывателей Ольвиополя в Херсонской губернии военным постоем и просит перенести два рекрутских сборных пункта из Екатеринослава в Воронеж. Министру полиции — о необходимости строить в уездных городах остроги вместо нынешних жутких землянок и увеличить выплаты на содержание

арестантов (трех копеек в день на человека явно недостаточно), а также о своем предложении устроить в Новомиргороде дом для умалишенных под надзором Приказа общественного призрения. Министру внутренних дел, не ответившему на множество его записок на русском и французском языках о недопустимости отвода 700 тысяч десятин превосходных пахотных земель в Таврической губернии (что равнялось территории Ломбардии) под военные пастбища, он сообщает, что передал это дело в Государственный совет.

Колодников в острогах Дюк приказал кормить похлебкой «а-ля Румфорд» — это было одно из европейских нововведений: «суп, состоящий из перловой ячменной крупы, гороха, картофеля, мелко нарезанного белого хлеба, уксуса, соли и воды», предложенный американо-английским ученым и изобретателем Бенджамином Томпсоном, графом Румфордом (1753–1814), позволявший за малые деньги накормить большое количество людей.

В Новороссии всё делалось именем Ришельё, что порой даже вводило чужестранцев в заблуждение. Один купец из Рагузы, явившийся в приемную генерал-губернатора, сообщил его адъютанту Рошешуару, что желает видеть *la sua maesta*. — «*Che maesta! — Il re di Odessa*»^[40].

В начале марта 1810 года Ришельё писал госпоже де Монкальм, что его жизнь по-прежнему состоит из множества хлопот и разъездов. Напоминая о своем обещании прислать ей хорошенькую черкешенку, рядом с которой померкнет красота парижских прелестниц, он добавил: «Впрочем, не думайте, будто я нашел себе среди них подругу. Скажу Вам откровенно, что уже некоторое время мое сердце занято крепкой и разумной привязанностью, которая вернула мне меня прежнего. Не говорите об этом ни слова, я люблю тайны, даже за 600 лье. Хотел бы я делать Вам признания не из такого далека...»

Весьма вероятно, что этой привязанностью стала София Потоцкая. С 1808 по 1811 год Ришельё написал ей 67 писем, выдержанных в свободном и доверительном тоне. «Ничто не удастся мне с тех пор, как я покинул Вас, и г-н Аллен расскажет Вам обо всех невзгодах, которые нам пришлось пережить, — писал он 2 ноября 1809 года из Одессы. — Я начинаю думать, что Вы одна приносите нам счастье. Вы не представляете, каким всё кажется нам печальным после разлуки с Вами, сие чувство охватило весь наш маленький караван. Как бы я хотел, госпожа графиня, повидаться с Вами в Тульчине нынешней зимой, я не теряю надежды отправиться туда тайком на два-три дня, если Вы мне этого не запретите. Где г-н Новосильцев, уехал ли он уже в Петербург? Умоляю, напишите мне о себе и о Ваших детях, которых я обнимаю от всего сердца. Надеюсь, что мой

друг Александр^[41] еще не позабыл меня совершенно, я часто сожалел о том, что его не было с нами в поездке по Кубани, его это наверняка бы позабавило. Вы вложили здесь часть Ваших крымских богатств, и я выражаю Вам признательность от Одессы. Вы были созданы и произведены на свет для украшения всех мест, где Вы бываете. Храните добрую память об Одессе, молитесь о процветании Новороссии, и я уверен, что она зацветет, несмотря на графа Румянцева и его прекрасные операции». Далее он в шутовском тоне справляется о барышнях, составлявших свиту графини, и сообщает, что «Рошешуар остался у запорожцев и отрачивает себе оселедец на макушке, чем наверняка станет еще больше дорог Александру», а завершает письмо словами: «...знайте, что на берегах Черного моря есть человек, который испытывает к Вам самую неизменную привязанность и льстит себя надеждой, что Вы не откажете ему в дружбе. Ришельё». Кстати, это последнее письмо, в котором Дюк называет Потоцкую «госпожой графиней».

«Здесь в моем саду снова зацвели все розовые кусты, — сообщал он Софии 3 декабря того же года. — Я получил из Петербурга новости, которые меня сильно огорчили и встревожили. Бумаги ужасно упали в цене^[42]. Дукат ходит по 9 рублей 10 копеек, в высшей степени тревожно (у Дюка на сохранении в Австрии осталась довольно крупная сумма, поэтому он внимательно следил за курсами валют. — Е. Г.). Одному Богу известно, чем всё это кончится. Пока же призываю Вас во имя нежных чувств, которые к Вам питаю, быть осторожной и тщательно скрывать чувства, которые Вы испытываете. Нельзя допустить, чтобы от Вас услышали хоть слово, способное возбудить подозрения. Сообщайте мне о себе и не бойтесь делать это чаще, поскольку для меня нет большей радости, чем читать Ваши письма. Сохраните драгоценную дружбу, оказанную Вами ко мне и составляющую мое счастье, и верьте, что ничто не сравнится с нежной привязанностью, которая продлится всю мою жизнь. Целую Ваших детей».

Как и многие другие авантюристки, на закате жизни Потоцкая остепенилась — теперь она желала быть добродетельной матерью, занималась благотворительностью, думала о спасении души. И всё же призыв «скрывать чувства»... Действительно ли между двумя этими людьми что-то было — или обреченный на одиночество Арман принимал желаемое за действительное? Во всяком случае, он прекрасно понимал, что вместе им не быть. «Не нужно привыкать видеть Вас слишком часто, когда ты не настолько счастлив, чтобы жить подле Вас, — с горечью писал он

Софии 9 декабря в семь часов вечера. — Чтобы развлечься, я отправляюсь в Крым дней через десять...»

(В 1810 году состоялся публичный торг; большую часть земли в окрестностях Массандры, 594 десятины 2025 саженой, купила за 1025 рублей графиня Потоцкая, а оставшуюся 271 десятину — садовод и энтомолог коллежский советник Христиан Христианович Стевен по поручению Ришельё для устройства Императорского ботанического сада.)

Впрочем, многие считали, что у Дюка лишь одна большая страсть — Одесса. Граф де Сен-При утверждал, что Ришельё любил свой город, «как подругу, как любовницу», и не скупился на украшения и подарки, считая, что для нее не может быть ничего слишком прекрасного.

Начиная с 1811 года центральные улицы Одессы с семи часов вечера до полуночи освещались двумя сотнями масляных фонарей, установленных в общественных местах и напротив домов, владельцы которых были согласны платить за это.

Десятого февраля 1810 года состоялось торжественное открытие городского театра, возведение которого началось весной 1805-го под надзором архитектора Франческо Фраполли по проекту француза Тома де Томона, автора ряда зданий в Петербурге, а завершилось в начале лета 1804-го благодаря усилиям Виктора Яковлевича Поджио. На театр, а также госпиталь, сооруженный за два года, он получал от казны дефицитные строительные материалы — мачтовое дерево, кровельное железо; но тратил и свои деньги, которые ему потом возместили, на осуществление собственных инициатив, например, на расширение фундаментов: много — не мало, прочнее будет. Театр открылся представлением одноактной оперы Фрелиха «Новое семейство» и водевилем «Утешенная вдова». При театре имелась певческая школа.

Здание, выдержанное в классическом стиле, было развернуто фасадом к морю и снабжено впечатляющей колоннадой перед главным входом. Зал, имевший форму подковы, мог вместить до восьмисот зрителей: в партере стояло 44 кресла, для благородной публики предназначались три яруса лож и амфитеатр, для прочей — галерка. К сожалению, театр не сохранился — сгорел в 1873 году...

«Зал театра, большого здания с элегантной архитектурой, имел три ряда лож, амфитеатр, как в Парижской опере, и партер, — рассказывает неизменный Рошешуар. — Первые представления были даны польскими актерами; вскоре прибыли итальянские и, наконец, балетная труппа^[43]. Главный распорядитель императорского двора, обновляя гардероб Большого театра в Петербурге (императорские театры числились за

дворцовым ведомством. — Е. Г.), послал нам комплект костюмов, бывших в употреблении, но еще весьма презентабельных. Для того чтобы использовать их, были составлены две любительские труппы — одна французская, а другая итальянская; я принимал участие в обеих, и не без успеха. Я пел и играл на итальянском языке так, что никто не мог заподозрить во мне иностранное происхождение. Наша молодая французская прима была дочерью Леонарда, знаменитого куафера (парикмахера. — Е. Г.) королевы Марии Антуанетты; она управляла в Одессе модным магазином, в чем ей помогали две французские девушки; все три весьма выгодно вышли замуж благодаря своему отменному поведению».

О Марии Антуанетте вспоминал и граф Румянцев, но совершенно по другому поводу. «Император Наполеон женится на эрцгерцогине, старшей дочери императора Австрии, — сообщал он Ришельё 14 февраля 1810 года, — вот и еще одну эрцгерцогиню, по окончании кровавой революции, судьба возвращает на трон, откуда была свергнута другая. Сей новый союз может даровать Европе ту выгоду, что утишит ее опасения увидеть в скором времени возобновление войны между Францией и Австрией; будут у него, несомненно, и иные великие последствия».

Ришельё в тот момент занимали прежде всего последствия нескончаемой войны с Турцией. Зима 1809/10 года выдалась суровой, армия под командованием генерала П. И. Багратиона жила впроголодь, лазареты были полны раненых, а полк Ланжерона, стоявший в Бухаресте, прозвали «полком горячки»: пять тысяч солдат были больны. Дюку пришла в голову мысль бить врага тем же оружием, и он написал Румянцеву, что, запретив вывоз хлеба из Новороссии в Константинополь, можно вызвать там голод и подтолкнуть султана к заключению мира. Этой идеей он поделился и с друзьями.

Кочубей отреагировал на нее довольно сдержанно. «Я полностью разделяю Ваше мнение, дорогой Дюк, что не так-то просто будет принудить турок к миру силой оружия и что нужно испробовать все способы, — писал он 20 февраля. — Запрет на вывоз хлеба из наших портов наверняка возымеет действие, но его следует употребить лишь при благоприятных обстоятельствах, то есть имея положительную уверенность в том, что в Константинополе голод. Не следует полагаться в этом на представления барона Гибша^[44]. Это совершенно никчемный и в целом довольно плохо информированный человек. Он всегда подвержен нескольким влияниям — либо по глупости, либо из своих торговых интересов. Посему запрет стоит ввести лишь для нанесения главного удара,

и в этом, конечно же, можно положиться на Вашу мудрость и поистине отеческую заботу Вашу о краях, вверенных Вашему попечению».

Однако Ришельё был совершенно уверен в своей правоте, и Румянцев разделял его мнение: «Вы оказали важную услугу государству, запретив вывоз хлеба; возможно, мы заставим Константинополь молить о мире из-за голода». Правда, 24 апреля он прислал письмо, в котором уже прозвенела тревожная нотка, впрочем, заглушенная победными литавами: «Мы получили письма из Константинополя, которые свидетельствуют: 1) нехватка хлеба достигла такой степени, что там опасаются восстания; 2) новость, принесенная кораблями, возвращавшимися из Одессы (с иным грузом, чем хлеб), о запрете на его вывоз, повергла сию столицу в ошеломление, которое несколько дней спустя сменила надежда, поскольку, как сообщает г-н фон Гибш, в Константинополь зашли два других судна, одно под австрийским флагом, вышедшее из одного из наших черноморских портов и тайком доставившее хлеб; люди приободрились, убежденные в том, что контрабандная торговля будет продолжаться и спасет Константинополь. Надо полагать, потребность в зерне там весьма высока, поскольку г-н де Латур-Мобур^[45] только что письменно поручил послу добиться здесь, по меньшей мере, разрешения вывозить из наших портов хлеб для удовлетворения нужд французов...»

Судя по дальнейшим посланиям министра, хлебное эмбарго теперь уже воспринималось как правительственная мера, принятая на высочайшем уровне. 7 мая Румянцев писал: «Хотя Вы отправили лишь малое количество муки в Константинополь, уступив настойчивости г-на де Латур-Мобура, не хочу скрывать от Вас, что это огорчило Его Величество; он ожидает от запрета на вывоз хлеба в Константинополь слишком важных результатов для блага своей империи, чтобы требовать строжайшего исполнения его указа. Впрочем, Вы уже знаете, господин герцог, из одного из моих писем, что я ответил отказом на просьбы г-на герцога Виченцы^[46] от имени г-на де Латур-Мобура». Хуже того: сын пресловутого Гибша рассказал о радости, обуявшей Константинополь в связи с заходом в порт судна — как он утверждает, из Одессы — с грузом более тысячи пудов хлеба. Царь велел запросить Дюка: из какого порта вышло это судно? Кто его загрузил? Как оно смогло пройти через таможню?

К тому времени Ришельё уже понял, что ошибался: Константинополь получал хлеб из Египта, зато для черноморских портов, специализировавшихся на торговле хлебом, эмбарго стало катастрофой. Экспорт резко сократился, и если в 1810 году в Одессу зашло более ста

турецких судов, то на следующий год — всего четыре. В конечном счете запрет пришлось отменить.

Неприятности то выстраивались в очередь, то нападали скопом с разных сторон, но главное — не сдаваться. Например, в марте Ришельё сообщил Контениусу, что купил в Крыму очень красивую землю «подле Ак-Мечети, на реке, где две мельницы и 3300 десятин удобной земли. Это для ста немецких семейств, которые я хочу поселить как можно скорее... Разузнайте, не найдется ли среди семей, живущих в окрестностях Екатеринослава, таких, кои пожелали бы отправиться туда». Купчая была оформлена 1 марта 1810 года: помещик К. С. Кромиды продал А. М. Бороздину за 15 тысяч рублей хлебопахотную и сенокосную землю по обеим сторонам речки Булганак, две каменные мельницы и каменный же сарай для овец.

Так возникла немецкая колония Кроненталь. В июне там были проведены землемерные работы: селение разбито на четыре квартала по 15 дворов каждый. Однако колонисты три года не получали урожая и обратились с прошением к Ришельё, чтобы их вернули с бесплодных земель в прежние места обитания. Дюк отправил в Крым Контениуса, чтобы тот разобрался на месте. «Нисколько не удивлен тем, что Вы мне сообщаете о характере земли Кроненталья, — писал Ришельё, получив его отчет, — я ее внимательно изучил, прежде чем покупать, расспросил окрестных татар и не заметил ничего, что заставило бы думать, что сия земля бесплодна. Весьма досадно, что сии люди ничего не посеяли в нынешнем году, который весьма урожайный; но я надеюсь, что Вы настаите, чтобы они зарабатывали себе на пропитание в соседних деревнях». Колонистам оказали помощь и разрешили сдать в аренду мельницы и излишки земли, а на вырученные деньги закупить племенных овец, чтобы таким образом поправить свои дела. В последующие годы основными занятиями кронентальцев стали овцеводство, хлебопашество, виноградарство и виноделие, а также садоводство, и колония стала процветающей.

«Потемкинских деревень» Дюк не терпел. Сикар в своих записках рассказывает, как Ришельё вывел на чистую воду дирекцию военного училища для солдатских детей в Херсоне, где в 1810 году обучалось около семисот мальчиков. Каждый раз, когда Дюк посещал эту школу, всё было в идеальном порядке, однако в остальное время с несчастными детьми обращались совершенно иначе. Ришельё узнал об этом косвенным образом и в тот же день выехал из Одессы один, никому не сказав, куда направляется. Вечером он уже был в Херсоне и остановился прямо в самом

училище, где с горечью убедился, что донос оказался справедливым. Он сразу же уволил руководство училища, поставил возглавлять его полковника Минвё, которого считал усердным и порядочным человеком, и на следующий же день вернулся в Одессу.

Однако и Дюк был всего лишь человек, не мог поспеть всегда и всюду, и его, увы, тоже обманывали. Да и таких порядочных людей, как он сам, Контениус, де Мезон, Кoble или Россет, можно было перечесть по пальцам; прочие же, пользуясь острой нехваткой руководящих кадров, радели в большей степени о собственной выгоде, чем о процветании вверенных им учреждений. Например, не в меру корыстолюбивый и самодовольный Вольсей, директор Благородного института, прикарманил средства из кассы этого учебно-воспитательного заведения и скрылся. «Его участь, судя по всему, решена, — писал Ришельё Рошешуару 20 сентября 1810 года. — Вот человек безучастный настолько, что, набив дукатами карманы, хочет не только уехать, но и разорить заведение, которое могло составить его славу». (21 февраля 1811 года Вольсей был уволен министром народного просвещения А. К. Разумовским — и только-то!) А ведь Благородный институт был создан на частные приношения! Например, банкир Штиглиц пожертвовал на него 100 тысяч рублей, а потом дал еще 200 тысяч на учреждение лицея в 1811 году.

Дамы тоже не всегда оправдывали возлагаемые на них надежды. Так, руководство Институтом благородных девиц с 1812 года перешло к «очень суровой демуазель» Эмили де Майе, которая, как вспоминала одна из воспитанниц, обманывала герцога, мучила девочек голодом и «била сирот, богатых же не смела»^[47].

Руководить лицеем Ришельё пригласил аббата Николя, ранее по его ходатайству перед обер-прокурором Святейшего синода и главноуправляющим иностранными исповеданиями князем А. Н. Голицыным назначенного в 1810 году визита-тором католических церквей. Николь свернул свою деятельность в столице из-за обвинений в прозелитизме и перебрался в Москву; вдовствующая императрица Мария Федоровна оказывала ему покровительство; возможно, Дюк заручился ее поддержкой.

Лицей возник из слияния Коммерческой гимназии с Благородным институтом. Поданным Скальковского, в 1812 году в институте было 182 ученика: 115 мальчиков и 67 девочек. На воспитание двадцати молодых людей отводилось 16 тысяч дукатов из таможенных сборов в Одессе. Но, вопреки планам Ришельё, там обучалась только элита: плата за обучение составляла тысячу рублей в год, что могли себе позволить только

подольские аристократы. В лицее же могли обучаться выходцы из всех сословий. Ришельё сам составил его программу. План воспитания можно было назвать патриотическим — он был основан на религии и знании русского языка и истории России. «Он классический, поскольку древние языки не отделены от национального языка. Он включает все науки и искусства, полезные и приятные, владение коими украшает людей всех чинов и всех сословий», — пояснял герцог. В перечень предметов входили история, математика, физика, фехтование, верховая езда. Дюк сам принимал экзамены по математике и верховой езде.

...Первого сентября 1810 года Наполеон получил тайное донесение о французских эмигрантах в России, в котором, в частности, говорилось о Ришельё: «Вероятно, что он не покинет сию страну, которой служит уже двадцать два года (на деле — чуть меньше двадцати лет. — *Е. Г.*). Характер его известен, равно как и уважение, коим он пользуется. Мы убеждены, что он никогда не выступит против Франции...»

Предчувствие войны

«Через несколько дней я возвращаюсь в Одессу, а оттуда в Молдавию и потом в Крым — мои обычные разъезды; я буду исполнять свой долг до конца с тем же усердием, — писал Ришельё сестре Армандине из Петербурга 15 (27) февраля 1811 года. — Бедная Одесса, бедное Причерноморье, с коими я надеялся связать свое имя славным и непреходящим образом! Боюсь, как бы они снова не впали в варварство, из которого только-только выкарабкались. Каким химерам я предавался — созидать в век разорения и разрушения, заложить основы процветания одного края, когда почти все остальные стали ареной бедствий, кои, боюсь, вскоре постигнут и нас! Более чем очевидно, что Провидению так угодно, и остается лишь покориться, стенать и молчать».

Наполеоновские войска продолжали в это время сражаться в Испании и Португалии; испанцам оказывали военную помощь англичане. Российский посланник при французском дворе князь А. Б. Куракин писал императору Александру I 6 (18) февраля 1811 года: «Слухи о войне Франции с Россией распространены во Франции и Германии; впрочем, можно сказать, что они и не прекращались со времени женитьбы императора Наполеона. Как ни старалось заглушить их французское правительство, его попытки в этом отношении были безуспешны, и оно не могло их уничтожить вполне, потому что предпринимаемые им меры были в совершенном противоречии с его речами и уверениями, которые оно так щедро расточало. <...> Все государства или подчинены Франции, или находятся под влиянием ее правительства, и потому взоры всех устремлены на Россию и все считают поступки Наполеона направленными против нее и грозящими рано или поздно, но неизбежно привести к разрыву. <...> Если в настоящее время мы будем смотреть на войну как на дело неизбежное, то успеем сделать все приготовления, чтобы вести ее с успехом. Чем более затруднений мы в состоянии будем противопоставить Наполеону, тем более мы можем надеяться обратить и его самого к миролюбивым видам».

В продолжении этого донесения Куракин высказывает ту же мысль, какую Ришельё неоднократно пытался донести до Александра: мир с Портой и оборонительный союз с Австрией и Пруссией важнее приобретения Молдавии и Валахии.

Слова Наполеона пришли в соответствие с его поступками 28 февраля, когда в письме русскому царю он практически признал разрыв их союза.

Чуть меньше месяца спустя, 20 марта, в Тюильри появился на свет наследник французского престола, который получил при рождении титул римского короля (то есть императора Священной Римской империи), а при крещении — имя Наполеон Франсуа Шарль Жозеф Бонапарт. Однако счастливое событие отнюдь не гарантировало Австрии, родине императрицы Марии Луизы, защиты от посягательств на ее суверенитет, о чем сообщал Александру его агент граф Чернышев.

Ришельё изнывал от тревоги, которую пытался разогнать, занимаясь повседневными хлопотами. 28 апреля 1811 года он писал министру финансов графу Д. А. Гурьеву:

«Осмелюсь просить Вас соизволить слегка ускорить исполнение просьб, кои я имел честь Вам представить. Я рекомендовал Вашему покровительству для продвижения по службе двух вице-губернаторов Херсона и Крыма, я испрашивал чин коммерции советника для херсонского головы, одного из самых достойных людей, каких я знаю. Надеюсь иметь счастье увезти с собой сии пожалования, а также прочие, менее важные, кои я взял на себя вольность испросить у Вас. *Если я не смогу делать добро ни стране, ни частным лицам, мое положение сделается мне настолько отвратительным, что я поспею с ним расстаться* (курсив мой. — Е. Г.); льщусь, что Ваше высокопревосходительство прислушается к моей просьбе. Примите уверения в высочайшем к Вам почтении.

Ришельё.

P.S. Осмелюсь также просить рассмотреть поданное мною Вам прошение о мелких ассигнациях, за неимением медных денег, кои, однако, были бы крайне нужны, по меньшей мере, для солдат».

Императору Александру тоже приходилось сочетать большую политику с заботами о «частных лицах». Брак, заключенный им в 1793 году с Луизой Марией Августой Баденской (1779–1826), принявшей имя Елизавета Алексеевна, был бездетным (обе дочери умерли в младенчестве). Царь уже много лет состоял в любовной связи с Марией Антоновной Нарышкиной, урожденной княжной Святополк-Четвертинской (1779–1854). У них тоже рождались дочери — и умирали. Вот и у трехлетней Софьи врачи обнаружили туберкулез. Спасти ее мог только южный климат, и Александр отправил двух самых дорогих ему женщин в Новороссию, поручив их заботам верного Ришельё.

Мария Антоновна, которую в 16 лет выдали замуж за 31 — летнего

Дмитрия Львовича Нарышкина, одного из богатейших людей России, отличалась замечательной красотой, которая казалась ее современникам даже «невозможной, неестественной», пишет мемуарист Ф. Ф. Вигель. Супруги купались в роскоши, принимали у себя весь двор и весь Петербург, давали блестящие праздники и балы.

*Черными очей огнями,
Грудью пышною своей
Она чувствует, вздыхает,
Нежная видна душа,
И сама того не знает,
Чем всех больше хороша, —*

воспевал прекрасную «Аспазию» Гаврила Романович Державин. Именно красота привлекла к ней императора, практически создавшего с ней вторую семью. (Нарышкин считал своим ребенком только старшую дочь Марину Дмитриевну, родившуюся в 1798 году, хотя другие четыре дочери и единственный сын Эммануил, который родится в 1813 году, носили его отчество.) Политикой Нарышкина не интересовалась совершенно, так что расчеты ее польских родственников на то, что она будет играть при русском императоре ту же роль проводника национальных интересов, какую Валевская играла при Наполеоне, провалились. Зато на юге России она всех очаровала. Она провела всё лето в Одессе (причем месяц у графини Потоцкой), и оказалось, что морские купания идут на пользу ей и дочери.

«[Госпожа Нарышкина] так добра и любезна со всеми и так всем довольна, будто всю свою жизнь провела в степях, — писал Дюк Александру в августе из Одессы. — Она отправляется в Крым, я отвезу ее на южное побережье с заботой и предосторожностями, коих требует путешествие».

Ришельё пытается воспользоваться шансом «достучаться» до императора и настойчиво приглашает его приехать: «Почему мы не имеем счастья видеть Вас, государь, в краю, который стольким Вам обязан?» Дюк, оказавшийся упорнее поляков, полагал, что, «приблизившись к театру войны и границам Турции, Ваше Величество проникнется истиной того, что я имел честь говорить Вам по поводу этой роковой войны и ее продолжения».

Турки никогда не согласятся заключить мир на российских условиях.

В войну втянуты шесть дивизий, треть личного состава гибнет каждый год от одних лишь болезней. И так всё плохо, а что будет, если придется отражать еще и удар, нанесенный с Вислы, «об этом невозможно думать без содрогания». Если же отдать Порте Валахию до Серети, не стоит опасаться, что война возобновится в тот момент, когда на Россию нападет Наполеон. Турки не позволили ему задурить себе голову, им прекрасно известно, что он заглядывается на Албанию, и ни угрозами, ни уговорами «гений зла» не заставил их соблюдать континентальную блокаду Англии. Заключить мир с Портой — значит высвободить целых пять дивизий, поскольку для охраны южных рубежей хватит и одной, плюс силы под командованием Дюка. Сколько людей и денег удастся сберечь! «Увидев Вас сильным, избавившимся от всяких неудобств, Франция станет Вас уважать, а к Пруссии и Австрии вернется уверенность. Сколько выгод, сир!» Разве можно сравнить это с разоренной Валахией? Императрица Екатерина отказалась от своих планов при обстоятельствах гораздо менее сложных, чем сейчас. «Во имя Бога, Государь, прислушайтесь к голосу верного слуги, который глубоко Вам предан, а то, увы, скоро, возможно, будет уже поздно! Сегодня Вы можете получить Сереть. Кто знает, сможете ли Вы через два года защищать Днестр? Любыми способами нужно отвести надвигающуюся грозу...»

Эта гроза была вполне реальной: 15 августа Наполеон в присутствии дипломатического корпуса пригрозил Куракину войной из-за решения царя позволить английским кораблям вновь заходить в российские порты. Английские купцы в Смирне (Измире) и Константинополе поддерживали косвенные связи с Россией, и это спасло экономику Новороссии, наряду с увеличением импорта за счет роста населения, подрядами на снабжение армии в Молдавии и Валахии и экспортом хлеба, масла, сала и икры.

«Всё, что Вы мне говорите о пользе мира с Портой, я с живостью ощущаю и сам, — отвечал Александр 18 сентября из Петербурга. — Если бы я мог заключить его на условиях, о которых Вы говорите, я сделал бы это прямо сегодня, но до сих пор турки и слышать не хотели ни о каких уступках, и я спрашиваю Вас: пристойно и возможно ли в век, в который мы живем, возвращаться за Днестр? Это невозможно». Император сообщал, что будет весьма обязан Дюку, если тот подскажет, как свести дело к миру, не поступаясь принципами. Время есть до весны, а там может разразиться «роковая война». Пока же царь лично займется обеспечением помощи жителям Крыма, о которой его просит генерал-губернатор.

Ладно, займемся насущными делами. Но и в отчетах о них Ришельё никогда не упускает случая напомнить о самом главном: «По возвращении

из Анапы я предприиму, с согласия Вашего Величества, небольшую экспедицию против единственного черкесского племени, еще не замирившегося с нами. Предполагаемая мною цель, хотя я и не уверен в успехе, состоит в том, чтобы принудить их к миру, то есть сидеть спокойно и предоставить заложников. Тогда вся наша линия будет безопасна, и мы сможем снять по меньшей мере 8 батальонов, в том числе 6 [батальонов] превосходных егерей, которые смогут пригодиться в другом месте. Казаков будет достаточно, чтобы противостоять мелким набегам; не стоит надеяться, что они закончатся. Было бы желательно охранять все наши границы с помощью казаков и ополченцев, чтобы сосредоточить все регулярные войска на единственной границе, имеющей важное значение, — с Польшей».

Покончив с государственными делами, Дюк позволяет себе упомянуть и о личном «дельце»: «Возможно, Вашему Величеству уже говорили о моем желании совершить этой зимой поездку в Вену. Пять лет назад я вложил там 4 тысячи дукатов, к несчастью, во флоринах^[48], из-за чего потерял бы $\frac{4}{5}$ этой суммы, если бы не имел дела с щепетильным человеком. Я хотел бы забрать эти деньги и уладить дело так, чтобы потерять как можно меньше. Какой бы важной ни была эта поездка в моем положении, я полностью полагаюсь на Вашу волю, Государь, и прошу Вас располагать мною безо всякого снисхождения».

На самом деле Ришельё находился в очень стесненном положении; несколько раньше в том же году он писал Кочубею о сделанных им долгах, и тот посоветовал обратиться к государственному секретарю М. М. Сперанскому, своему бывшему протеже (а теперь — второму лицу в государстве после императора), поскольку сам теперь обладал лишь «тоненьким голоском» в Государственном совете. Однако, изложив свою отчаянную просьбу императору, Дюк добавляет: «Если Вы считаете, что мое отсутствие будет иметь нежелательные последствия, я откажусь от поездки без сожалений; это будет очень малая жертва по сравнению с теми, кои я всегда готов принести ради Вашего Величества». Александр сочтет отсутствие Ришельё крайне нежелательным, поэтому распорядится выдать ему 40 тысяч рублей из казны, но тот не прикоснется к этим деньгам...

Нарышкина с дочерью и свитой из Одессы отправилась в Крым. Герцог решил воспользоваться случаем и справить новоселье в своей еще недостроенной гурзуфской даче, которую окрестили «замком Ришельё».

Рошешуар в записках подчеркивает, что это здание просто поразило окрестных татар, которые уподобляли его дворцам бывших ханов. Вид его

можно себе представить по более поздним запискам путешественников. С. А. Юрьевич в «Дорожных письмах» (1816) называет дом одноэтажным, на высоком цоколе; главный вход был со стороны западного фасада, на крыше располагались мансарда и бельведер. В. Б. Броневский писал в 1815 году: «...остановились мы у большого о двух этажах дома с бельведером. Хотя дом не совсем еще отстроен, но вблизи низких хижин кажется огромным и великолепным замком. Главным фасадом обращен он к горам; с другой стороны видно море. Мне показалось сначала, что лучше бы главный фасад обратить к морю, но, взошедши на балкон и взглянув на окрестности, я согласился, что хозяин прав». Широкая и высокая галерея с колоннами, окружавшая дом с трех сторон, и восемь окон в стене, противоположной фасаду, делали его легким, прозрачным, воздушным, наполняли звуками и отсветами моря. Сад с береговой стороны был еще совсем юный, изгородь вдоль берега — низенькая (она была сложена из камня и украшена прозрачными воротцами в турецком стиле). Однако «замок», казавшийся огромным, на самом деле имел всего четыре небольшие комнаты для житья, «в которых столько окон и дверей, что нет места, где кровать поставить», напишет побывавший там в 1820 году И. М. Муравьев-Апостол. «В этом состоит всё помещение, кроме большого кабинета над галереею, под чердаком, в который надобно с трудом пролезть по узкой лестнице». В подвальной части размещались службы.

Гости пробыли там пять дней, а потом поехали дальше: 22 сентября — Симферополь, затем Кафа, Керчь, Тамань... Оттуда царская фаворитка выехала обратно в Петербург, а Дюк — в Екатеринодар. Он не мог предполагать, что больше не вернется в Гурзуф...

«Вот уже почти два месяца, как я покинул Одессу, и всё это время путешествовал в очаровательном обществе, состоящем из госпожи Нарышкиной, самой красивой женщины Петербурга, и трех других любезных юных особ, которые ее сопровождали, — писал Арман госпоже де Монкальм из Екатеринодара 24 октября (5 ноября) 1811 года. — Мы расстались в среду в Тамани, и теперь мне предстоит поездка иного рода, в более многочисленной, но менее приятной компании. Через три или четыре дня я перейду Кубань с корпусом в 8 тысяч штыков, чтобы попытаться заставить покориться единственное черкесское племя, не пожелавшее это сделать после экспедиции, совершенной мною этой зимой, и захвата последней крепости, еще принадлежавшей туркам в сих краях. Поскольку мы ничего у них не просим, только сидеть спокойно, вероятно, мир с ними заключить будет нетрудно; и всё же они предпочитают дважды в год подвергаться разорению, чем отказаться от своего разбоя. Надеюсь, однако,

на сей раз склонить их к оному, поскольку рассчитываю проявить столько же упорства, сколько они сами. Сия война не так опасна, как утомительна, поскольку приходится постоянно жить на бивуаке, будучи лишенным всяческих удобств».

В другом письме Армандине говорится, что черкесы, которые теперь приезжали в Анапу торговать, были поражены, увидев, что по улицам города спокойно прогуливаются такие красивые дамы. Можно себе представить, каких усилий стоило Ришельё обеспечить это спокойствие!

Александрю он сообщал о том же в более деловом тоне, присущем его письмам государю, не забыв в очередной раз про главную мысль, о мире с Турцией, звучащую рефреном: «Я завершил поход в Черкесию, но не добился предполагаемого результата, заключавшегося в том, чтобы склонить сии народы к миру. Мы 19 дней стояли бивуаком в их горах, много сражались и нанесли им огромный ущерб, сожгли их поселения, их урожай и фураж. Ничто не смогло склонить этих одержимых к миру. Наконец, построив редут при входе в две их главные долины и оставив там 600 человек и 6 пушек, я перевел войска обратно через Кубань, считая дальнейшее пребывание среди них бесполезным. Не могу не воздать должное войскам, особенно генералу Рудзевичу, и 4 батальонам егерей, бывших со мною. Смею уверить Вас, Государь, что лучших не сыскать во всей Вашей армии. Теперь нет сомнений в том, что сия граница станет безопасна лишь по заключении мира с турками, которые подливают масла в огонь, снабжая этих людей артиллерией, оружием, деньгами и не давая им примириться с нами». (Турки натравляли черкесов на русских и контрабандой доставляли им оружие. Любой сребролюбивый чиновник, пишет Ланжерон, отпустил бы задействованных в этом промысле капитанов на все четыре стороны, но только не Дюк. Он был неумолим и своими решительными мерами чуть не вынудил турок закрыть проливы, хотя и очень дорожил морской торговлей.)

Отвечать ударом на удар, насилием на насилие, в надежде, что кто-то всё-таки возьмет верх и таким жестоким образом разорвет этот порочный круг... Однако метод силы был не единственным, к которому прибегал герцог, воспитанный на книгах просветителей. Он требовал от вождей непримиримых горских племен передавать ему в заложники своих детей (это была обычная практика), однако определил этих мальчиков в одесский Благородный институт, где они получили европейское образование. «Русское, французское, немецкое наречия впервые зазвучали в долинах Кавказа», — пишет Сикар. Если с черкесами возникали сложности, то крымских татар Дюку удалось привлечь на свою сторону. По словам того

же Сикара, «он их пестовал с особенною добротой, боролся с их природной апатией, побуждал обозначать границы их владений, кои, не будучи определены при прежних властях, порождали бесконечные споры». При этом он обходился без сюсюканья, наоборот, говорил с ними строго и назидательно, внушая им долг повиноваться властям, себя же представлял человеком, который по достоинству оценит, если они оправдают его доверие, но сумеет отомстить за измену. Татары, в свою очередь, уважали Дюка, как государя и отца. О его отеческом отношении к ним свидетельствует письмо Александру:

«Сир!

Ваше Императорское Величество принял живейшее участие в судьбе татар из Байдарской долины, лишенных владений, о коих они заботились с давнего времени, в пользу г-на адмирала Мордвинова. Тронутый до глубины сердца истинно отеческим интересом Вашего Величества к подданным, кои проживают в столь большом удалении от Вашей особы, я прилагаю здесь небольшую записку, в которой Ваше Величество увидит, какой оборот возможно дать сему делу для облегчения судьбы сих бедных людей. Нельзя и думать о том, чтобы отменить единодушное постановление, вынесенное Сенатом и Государственным советом; возможно даже, что татары требуют более того, на что имеют право по закону, но одно Ваше слово, Государь, вернет им сады, которыми они владели в разных частях долины, и значительно облегчит суровость грозившей им судьбы. Видя, как трогательно Ваше Величество печется о благе своих подданных, я без колебаний молю Вас о милосердии и доброте к другому, весьма интересному классу, коего лишили льготы по приказу Вашего Величества, который мне сообщил граф Кочубей; речь о *переселенцах* (слово написано по-русски. — Е. Г.), которые каждый год поселяются в наших степях и благотельствуют не только сим губерниям, умножая собой их население, но даже и тем, откуда они приходят и где для их промыслов не хватает земель».

Ришельё напоминает, что переселенцы были избавлены от уплаты податей на определенное количество лет, поскольку переезд и обустройство на новом месте поглощают все их средства. «И вот вдруг приказ министра финансов повелевает взыскать с них подать, точно с коренных жителей. Мне нет нужды говорить Вашему Величеству, насколько жестоко, осмелюсь даже сказать, несправедливо сие решение; не предоставить им отсрочку было бы сурово, лишить же их ее, когда они ею пользовались и даже явились сюда с этой надеждой, есть вовсе немыслимая вещь». Финансового эффекта от этой меры никакого, подать с нескольких тысяч

крестьян — капля в море. Графу Гурьеву Дюк об этом уже писал, теперь он взывает к милосердию венценосца. «Это милость, о которой я прошу как о личной награде, и моя благодарность за нее будет безгранична».

Генерал-губернатор, человек, облеченный огромной властью и напрямую обращающийся к императору, небогат, несчастлив, как Кассандра, которой не внемлют, и считает своим единственным утешением возможность делать добро людям, которые ему не родня и не свойственники... Ришельё уступал роль благодетеля царю, чтобы надежнее добиться желаемого. Так, в письме Александру, отправленном в начале 1812 года, он сообщал: «Мне передали шесть тысяч рублей для господина де Монпеза, который служит под моим началом. Никогда еще благодеяние не было свершено так кстати и так удачно. Сие семейство, вытащенное из нужды Вашей спасительной рукой, будет благословлять Вас, Государь, как своего спасителя и отца».

При этом сам Дюк не был неуязвим для нападок: так, когда из конторы опекунства была совершена кража, правительственные чиновники тотчас обвинили Ришельё в «небрежении» (хотя благосостояние переселенцев не пострадало) и он был вынужден оправдываться перед царем: «Свершенной кражи невозможно было ни предвидеть, ни предотвратить, и если купец, не имеющий иных занятий, не может быть огражден от неверности кассира, как могу я нести ответственность за кражу, совершенную в 500 верстах от моей резиденции, к тому же будучи обязан почти постоянно находиться в пути, дабы отправлять вверенные мне разнообразные дела». (В 1811 году Дюк провел в Одессе не больше двух месяцев и проехал в общей сложности десять тысяч километров.) Заканчивал же он письмо почти отчаянной просьбой: «Соблаговолите, Государь, сохранить свою доброту ко мне; вдали от Вас, не имея возможности отвечать на злобные выпады, я умоляю Вас, сир, во всяком случае не выносить суждения о моем поведении, не услышав меня; я же всегда буду руководствоваться самым пылким усердием к Вашей службе и самой нежной привязанностью к Вашей особе».

Двумя веками ранее его предок-кардинал, не щадивший сил ради интересов Франции, не успокаивался, получая от короля Людовика XIII письма с уверениями в «вечной привязанности», и говорил близким людям, что ему было проще отбить у врага несколько крепостей, чем отвоевать королевскую приемную у придворных клеветников и наушников. Но у герцога Ришельё не было возможностей кардинала, чтобы окружить государя своими шпионами и провести своих людей в правительство, да он к этому и не стремился. Делай, что должно, и пусть будет, что будет —

старинный рыцарский девиз.

В середине декабря 1811 года Наполеон предложил австрийским родственникам заключить союз против России, а 24-го сделал такое же предложение Пруссии, пригрозив, что в случае отказа Силезия перейдет к Австрии. Во французскую армию призвали 120 тысяч новобранцев. В январе 1812 года Наполеон оккупировал шведскую Померанию, и 5 апреля Швеция заключила с Россией тайный договор о совместных действиях против Франции. Над Европой сгустились грозные тучи. 9 апреля Александр писал Ришельё: «Я надеялся, генерал, что у меня будет время сказать Вам несколько слов о той, что уже двенадцать лет является моей спутницей, и о моем дитя (то есть о Марии Нарышкиной и ее дочери Софье. — *Е. Г.*). Они снова вверят себя Вашему покровительству. Но на сей раз оно должно быть иного рода. А именно, направлять их, если, не дай бог, некая катастрофа заставит нас отступить настолько, чтобы подвергнуть наши провинции опасности. Отвезите их тогда вглубь страны, в Пензу или в Саратов, в общем, направляйте их своими советами и указаниями. Я ожидаю сей услуги от Вашей дружбы ко мне и к ним...» Император предвидел, что его войска в случае нападения оставят столь значительную часть территории страны?..

Катастрофа действительно разразилась, но Мария Нарышкина с Софьей остались в Петербурге. Роман «Аспазии» с Александром, которым она не слишком дорожила, вскоре подойдет к концу: в июле 1813 года у нее родится сын Эммануил (интересный выбор имени. Случайное совпадение?) — как утверждали сплетники, не от мужа и не от царя, а от князя Г. И. Гагарина. Александр вырвал из своего сердца нежную привязанность, успешный дипломат Гагарин попал в опалу... Но до этих перемен в жизни Ришельё произойдут такие события, которые заставят его совершенно позабыть о петербургской красавице.

Чума

Мир с Турцией был подписан в Бухаресте 16 (28) мая 1812 года, но не ратифицирован. Согласно этому договору, заключенному великим визирем Ахмет-пашой и генерал-аншефом М. И. Кутузовым, Россия получала левобережье Прута, а не Серети, на что надеялась до последнего момента, то есть часть Бессарабии между Прутом и Днестром и устье Дуная. (Проект административного устройства Бессарабии должен был разработать молодой греческий дипломат Иоаннис Каподистрия, перешедший на службу России.) Турки также подтвердили в расплывчатых выражениях право России на проход ее военного флота через проливы. Особой статьей договора оговаривались амнистия сербским повстанцам, боровшимся за освобождение от османского владычества с 1804 года, и автономия Белградского пашалыка, детали которой должны были обсуждаться в ходе сербско-турецких переговоров. Турция возвращала себе часть Молдавии и Валахии, зато должна была выйти из союза с Францией. Александр остался недоволен договором. Переговоры о его ратификации и заключении с Портой наступательного союза, шедшие с участием вернувшегося в Константинополь российского посла А. Я. Италинского, надолго затянулись.

Примерно в это же время граф де Витт (старший сын графини Потоцкой и резидент военной разведки 2-й армии генерала Багратиона) переплыл Неман и представил главнокомандующему князю Барклаю-де-Толли подробные сведения о наступательных планах французов. Император Александр, находившийся в Вильне, удостоил его личной аудиенции, которая продлилась несколько часов.

Пружина распрямилась: 10 (22) июня 1812 года французский посол в Петербурге Ж. Лористон вручил председателю Государственного совета графу Н. И. Салтыкову ноту с объявлением войны, а спустя два дня французские войска форсировали Неман. На следующий день царь писал генерал-лейтенанту Ришельё:

«Военные действия начались, мой дорогой генерал.

Наполеон безо всяких объяснений или вступительных фраз напал на нас со стороны Ковно.

Исчерпав всё, что побуждали нас делать умеренность и скрупулезная верность нашим обязательствам, нам остается теперь только защищаться с силой и упорством.

Свяжитесь с Чичаговым и узнайте в точности, когда придёт ратификационная грамота Великого Государя, чтобы в тот же момент отрядить 12 батальонов из Вашей дивизии, оставив резервные батальоны для охраны границ, и отправить их в Умань, на левый фланг Тормасова».

Вильна была занята французами через три дня после отправки этого письма.

Адмирала Павла Васильевича Чичагова назначили главнокомандующим Дунайской армией, Черноморским флотом и генерал-губернатором Молдавии и Валахии в апреле 1812 года. Он мечтал, опираясь на христианское население Сербии и Румынии, провести наступление на Турцию, а оттуда нанести решающий удар по Наполеону, что, в принципе, согласовывалось с планами Александра, не одобряемыми Ришельё. Однако когда Чичагов прибыл в Яссы, Кутузов уже заключил мир с Портой.

Александр Петрович Тормасов (1752–1819), участвовавший в Русско-турецкой войне 1787–1791 годов и практически всю свою военную карьеру проведший на юге России и на Кавказе, с началом войны с Наполеоном имел задачей сдерживать австрийцев и получил в свое распоряжение 43 тысячи пеших и конных солдат.

Получив царскую депешу, Ришельё немедленно написал ответ: «Как ни прискорбно для человечества, что миллион человек будут убивать друг друга для удовлетворения тщеславия и честолюбия единственного из людей, желающего стать бичом себе подобных, мне всё же представляется, что надо предпочесть войну тому вынужденному состоянию, в коем мы находились и которое рано или поздно должно было привести к этому результату. Лишь бы Провидение устало на сей раз покровительствовать преступлению, несправедливости и насилию. Никто и никогда не старался больше Вас, Государь, поставить себе на службу право, справедливость и умеренность; вся Европа, даже те страны, кои сражаются против Вас, не могут не смотреть на Вас как на защитника их свободы и тайно не желать Вашего успеха; чтобы сие благое дело восторжествовало, нужны твердость и упорство; продолжать войну значит выиграть всё, и твердая решимость не заключать позорного мира, будь мы даже в Казани, в скором времени, возможно, доставит мир славный. Простите, сир, сию откровенность человеку, который Вам глубоко предан; сия преданность только возрастет еще больше, если это возможно, по мере Вашего продвижения по благородному пути».

Из этого письма понятно, что Дюк предвидел отступление русской армии, к которой, однако, ему не терпелось примкнуть: «Когда этот корпус

будет составлен, позвольте мне, Государь, его возглавить; если он будет в деле, то против Австрии, и я не смогу утешиться, если сформированные мною войска станут сражаться без меня. Молю Ваше Величество не отказывать мне в этой милости, для меня будет радостью служить под началом генерала Тормасова, с которым я близко связан многие годы».

Ришельё не терпелось попасть на «настоящую» войну, всё-таки он недаром заслужил генеральский мундир. «В молодости он объехал и изучил поля великих битв всей Европы, — напоминает Сикар, — история, действия и места современных войн были ему знакомы. В особенности он изучал кампании Фридриха II. Его невероятно свежая и цепкая память хранила все их подробности. Он говорил о них, будто это было вчера. Узнав о занятой позиции, маневре, быстром движении какой-либо армии, он часто предсказывал дальнейшую судьбу всей кампании, и почти всегда верно». Кроме того, под его началом находилась 13-я пехотная дивизия, сформированная в мае 1806 года и дислоцировавшаяся в Крыму. В 1812 году в ее состав входили: 1-я бригада под командованием генерал-майора Ф. А. Линдфорса — Галицкий и Великолукский пехотные полки; 2-я бригада под командованием генерал-майора П. Г. Языкова — Пензенский и Саратовский пехотные полки; 3-я бригада под командованием генерал-майора А. Я. Рудзевича — 12-й и 22-й егерские полки; 13-я полевая артиллерийская бригада — 13-я батарейная и 24-я и 25-я легкие артиллерийские роты. Часть этой дивизии должна была усилить группировку Тормасова, а большая часть поступала в распоряжение Чичагова. У Ришельё отбирали его детище! Ему, конечно же, было досадно, и он написал Александру, что, какой бы лестной во всех отношениях ни была роль, уготованная ему в армии генерала Тормасова, трудно расстаться с дивизией, которую он создал сам, где его любят и уважают. Только с ней он может оказаться полезным. «Скажите лишь одно слово: отправляться мне к генералу Тормасову или следовать за своей дивизией». Пока же он займется улаживанием кое-каких дел, в частности по снабжению ополчения, которому требуются ружья — как и шестидесяти четырем сформированным и обученным Дюком батальонам.

Тем временем эпопея в Турции еще не закончилась: мирный договор был ратифицирован, однако Константинополь не утвердил тайную статью, касающуюся Азии, и не пожелал заключить с Петербургом наступательный и оборонительный союз. В связи с этим Чичагов считал мир с Турцией совершенно бесполезным и не имеющим силы; а значит, 12 батальонов, предоставленных в его распоряжение, следовало оставить в Крыму на случай возобновления войны. Ришельё хотелось рвать и метать. Он

немедленно написал Александру, чтобы в очередной раз обратить его внимание на то, «какие пагубные последствия имело бы возобновление войны для дел вообще»: «Вашему Величеству известно положение нашей армии на Дунае; малейший австрийский корпус, который выступил бы либо из Галиции в Яссы или из Германштадта в Валахию, вынудил бы ее отступить сначала к Пруту, а затем к Днестру; турки, настолько же презренные, когда их атакуют, насколько опасные, когда отступают, ввели бы тогда в Валахию уйму солдат, и наше положение сделалось бы критическим. Я не знаю, с какими пунктами турки не хотят согласиться по поводу Азии, однако сомневаюсь, чтобы они стоили разрыва договора; что же до наступательного и оборонительного союза с Портой, каким бы желанным он ни был, мне кажется, что мир, пусть даже сводящийся к нейтралитету турок, по-прежнему являет собой огромные выгоды».

Первым корпусом Дунайской армии Чичагова командовал генерал от инфантерии А. Ф. Ланжерон. Адмирал планировал использовать армию для организации диверсий в глубоком тылу врага. Ланжерон, считавший это нонсенсом, изложил свои взгляды в письме другу, а тот взял на себя смелость переслать его императору, сопроводив своими замечаниями: «Если Ваше Величество будет одерживать успехи против Наполеона, все народы, стонущие под его игом, сами сбросят его. Если же, не дай бог, случится противное, все выгоды, полученные на большом расстоянии, не будут иметь иных последствий, кроме утраты приложенных к тому сил, как уже произошло в 1807 году с флотом Сенявина».

Когда Ришельё был в чем-то твердо убежден, он упорно доказывал свою правоту. 17 июля он писал Чичагову, которому должен был отправить 12 батальонов (четыре полка!), что в условиях, когда война с Портой может возобновиться, нельзя оставлять Крым и Кубань совершенно без защиты, поскольку находящихся там войск едва ли хватит для охраны каторжников, распределенных по семнадцати слабым крепостям. Азиатские народы возьмутся за оружие и доставят массу неприятностей. Отсутствие трех-четырёх батальонов не составит решающей потери для армии, а на юге они крайне нужны. Кроме того, он ждал распоряжений по поводу Суджук-кале. (Эта турецкая крепость близ современного Новороссийска в 1810 году была занята без боя, русские укрепили ее и модернизировали, однако в силу своего расположения она была совершенно непригодна для обороны. В итоге в 1812 году ее пришлось взорвать.) В случае мира, считал Дюк, следует также вывести войска из Анапы — она дорого обходится, но вовсе не нужна.

Александр находился в лагере близ Полоцка. 6 июля он издал

манифест о вторжении Наполеона:

«Неприятель вступил в пределы НАШИ и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясть спокойствие Великой сей Державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ее и благоденствие. С лукавством в сердце и лестью в устах несет он вечные для нее цепи и оковы. МЫ, призвав на помощь Бога, поставляем в преграду ему войска НАШИ, кипящие мужеством попрасть, опрокинуть его, и то, что останется неистребленного, согнать с лица земли НАШЕЙ. МЫ полагаем на силу и крепость их твердую надежду, но не можем и не должны скрывать от верных НАШИХ подданных, что собранные им разнородные силы велики и что отважность его требует неусыпного против него бодрствования. Сего ради, при всей твердой надежде на храброе НАШЕ воинство, полагаем МЫ за необходимо нужное собрать внутри Государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех.

МЫ уже воззвали к первопрестольному Граду НАШЕМУ, Москве, а ныне взываем ко всем НАШИМ верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их вместе с НАМИ единокорным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шагу верных сыновей России, поражающих его всеми средствами и силами, не вникая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство! вы всегда теплыми молитвами призывали благодать на главу России; народ русский! храброе потомство храбрых славян! ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют...»

Словно в подтверждение этих слов 3-я армия генерала от кавалерии А. П. Тормасова 15 июля нанесла поражение саксонцам, занявшим Кобрин, а 25-го выбила французов из Брест-Литовска, за что Тормасов получил орден Святого Георгия 2-й степени и 50 тысяч рублей.

Высочайший манифест был получен в Одессе 16 (28) июля. Ришельё зачитал его собранию из почетнейших жителей города всех национальностей и призвал их откликнуться на зов государя. «Для блага нового Отечества, для спасения его я жертвовал и жертвую всем, — сказал он в заключение своей речи. — Покажите и вы единокорно в нынешний

день, что вы истинные россияне, и я не буду ожидать лестнейшей награды за попечения, которые имел об вас». Подавая пример, герцог пожертвовал 40 тысяч рублей, присланные императором, — всё свое состояние на тот момент.

Чересчур самостоятельный Дюк начал раздражать Чичагова. 6(13) августа адмирал писал императору из Фокшан, что довольно долго ничего не слышал о Ришельё и не знает, выступили ли войска, которые он должен был ему прислать. Говорят, будто он сам их ведет. Чичагов предпочел бы, чтобы у него забрали уже имеющегося француза, то есть Ланжерона, а не дали еще и другого. Между тем оба племянника герцога, Луи и Леон де Рошешуары, уехали на войну; Леон был приписан к армии генерала Тормасова.

Первые успехи сменились поражениями. Австро-саксонские части снова заняли Кобрин и Брест, вынудив армию Тормасова отойти на Украину для соединения с Дунайской армией, шедшей в Россию. 15 августа в «освобожденном» Минске широко отпраздновали день рождения Наполеона — «всемиловитейшего императора и великого короля», «освободителя поляков от рабства», — которому воздвигли памятник на площади Высокий Рынок, переименованной в площадь Наполеона. 16-го началось Смоленское сражение; через два дня город был оставлен.

Нападения со стороны Порты теперь можно было не опасаться, к тому же в конце весны в Константинополе было зарегистрировано несколько случаев смерти от чумы, которая, впрочем, не получила распространения — как говорили, из-за сильной жары. Но 2 августа эта напасть объявилась в Одессе... За три дня умерло восемь человек. Признаки болезни были везде одинаковы: внезапный озноб, горячка, головокружение, тошнота, пятна на коже, воспаление лимфатических узлов... Она протекала стремительно и легко передавалась окружающим.

В последний день августа Ришельё написал подольскому губернатору графу К. Ф. де Сен-При, что в Одессе свирепствует какая-то страшная болезнь, слово «чума» пока еще не произносят, но последствия такие же, и действовать нужно с наивозможной строгостью. Он со стороны Новороссии будет охранять пределы Подольской губернии, но и графу надлежит приказать выставить кордоны, потому что, как знать, не появилась ли уже зараза в тамошних степях. Дюк советовал учредить в уездном городе Балте небольшой карантин для почты, а пока не получит сообщения, что это исполнено, собирался задерживать почту на своей территории.

В тот же день Дюк в письме императору Александру сообщил о

тридцати заболевших и о своем распоряжении установить кордоны по Бугу, Днестру и их междуречью. Непонятно, откуда была занесена эта болезнь: все без исключения моряки, прибывшие из Константинополя, были и остаются здоровы. Если из Кафы поступит тревожный сигнал, перекроем и Крым, это просто.

Полки 13-й дивизии пополнили Дунайскую армию. В сентябре армии Чичагова и Тормасова соединились и заставили Шварценберга, командующего австрийским вспомогательным корпусом, поспешно отступить к Бресту. Вскоре командование соединенными войсками перешло к адмиралу Чичагову, а Тормасов был отозван в Главный штаб, где ему поручили внутреннее управление войсками и их организацию. Между тем 26 августа (7 сентября) состоялось Бородинское сражение, а 2 (14) сентября французы вошли в горящую Москву.

Как раз в это время херсонский губернский предводитель дворянства передал Дюку прошение коллежского асессора Виктора Скаржинского, специально прибывшего из Петербурга, сформировать, с позволения своей матери, генерал-майорши, из своих крепостных эскадрон, чтобы сражаться с неприятелем в составе действующей армии. Скаржинский отобрал 100 человек, обмундировал их, вооружил, снабдил лошадьми, пригласил для командования корнета и унтер-офицера, которым обещал платить соответственно 300 и 160 рублей в год до окончания войны с французами (рядовые должны были получать 13 рублей). От казны же он просил обеспечения его людей провиантом, а лошадей фуражом.

Ришельё ответил просителю: «Хотя по высочайшему повелению вооружение людей во вверенных мне губерниях и отменено, но как сие Ваше отличное пожертвование для пользы отечества приносится добровольно, то я, одобряя оное с живейшим чувством моего удовольствия и соглашаясь с предложением Вашим... для должного исполнения предлагаю Вам:

1) Позволяю довербовать вольными людьми, не записанными в подушной оклад; по примеру тому, каких вербуют в уланские полки на капитуляции, до полного эскадронного комплекта, в котором бы состояло унтер-офицеров 14, в том числе вахмистр 1, квартирмейстер 1, рядовых 128, трубачей два, с производством всем им жалованья, обмундирования, вооружения, с доставкой лошадей от Вас.

2) Сему эскадрону называться именем Вашим.

3) По получении сего через 4 дня выступить Вам с оным эскадроном и следовать по приложенному у сего маршруту в Каменец-Подольск в армию г. адмирала Чичагова, которому Вы о выступлении своем отрапортуете с

приложением маршрута с числами, и мне таковой же доставьте».

В тот же день, 30 августа, Дюк через военного министра Горчакова довел до сведения государя о пожертвовании Скаржинского. 4 сентября эскадрон выступил в поход.

Война шла без участия Ришельё, однако он вел борьбу на не менее важном фронте. Дюк теперь отвечал за здоровье населения не только Одессы, но и всей России, а то и Европы, поскольку чума, если ее не остановить, могла достичь Москвы и Петербурга, истребить русские армии, а через них распространиться в Германию и Францию, где и так в лазаретах свирепствовали тиф и прочие болезни. При этом он остался практически без войск. Герцог вызвал с Буга 500 казаков, чтобы перекрыть доступ в город и устроить карантин у ворот. «Хотя меня порицают, утверждая, что зло не так уж велико, мне кажется, что в подобных случаях невозможно оказаться чересчур осторожным», — оправдывался он в письме императору.

Медицинский совет, созданный Ришельё, постановил: разделить город на пять частей, поручив каждую особому врачу и комиссару; осмотреть все дома для выявления заболевших; уменьшить контакты между людьми; произвести очистку канав и колодцев; учредить в крепости и городской больнице особый карантин для «сомнительных лиц». Однако беспечное население продолжало жить по-старому: лавки не закрывались, умерших в последний путь провожали большими толпами... Результат не замедлил сказаться: в первых числах сентября умирало уже до двух десятков человек в сутки. 29 августа умер Виктор Поджио (оставивший по себе память в виде городских театра и больницы). Приказом от 12 сентября Ришельё запретил нотариусам, маклерам и купеческим конторам заключать торговые сделки. А с 13 сентября город опоясала линия карантинной стражи, одним из инициаторов создания которой стал комендант Фома Кoble. Выходы в море и рыбная ловля были запрещены.

Все общественные места, без которых можно было обойтись, закрыли, в обоих Благородных институтах (для мальчиков и девочек) объявили карантин. Каждый комиссар объезжал свой округ дважды в день и отчитывался перед комитетом о количестве умерших и заболевших. Комитет во избежание физического контакта между его членами собирался по утрам на площади под открытым небом. Бедных заболевших свозили в лазарет, богатые могли оставаться дома, но при малейшем тревожном признаке в домах объявляли карантин.

Когда эпидемия начала быстро распространяться, даже самые легкомысленные поняли, что это чума. Ограничительные меры стали еще

строже. Улицы обезлюдели. Окрестные крестьяне могли привозить свои товары на один-единственный рынок, находившийся под особым контролем комиссаров. Одесский гарнизон отправили в казармы; трехсот казаков, приданных в усиление полиции, разместили вне города.

Желающие выехать из Одессы во внутренние губернии должны были провести 30–40 дней в одном из четырех карантинных пунктов, наспех устроенных посреди степи, практически под открытым небом, без всяких удобств. Чтобы уехать, нужно было выправить себе в Одессе паспорт, а это было сопряжено с множеством препон. Но жертв чумы становилось всё больше, и опасность поездок становилась очевидна в первую очередь просвещенным классам. Поскольку в портовом карантине, где находилось около 1500 членов экипажей судов, не было отмечено ни одного случая заболевания, стало очевидно, что болезнь была занесена в Одессу по суше, а не по морю. Тем не менее невежественная и недоверчивая чернь проявляла неуступчивость. На местах принимали только полумеры, которые пронырливый народ научился обходить, но таких ловкачей настигала безжалостная смерть.

Каждое утро комиссары проезжали по улицам и оставляли на пороге домов провизию на целый день. У городских ворот открыли лазареты, куда свозили и помещали отдельно заболевших и людей с подозрением на чуму. Команды из каторжан складывали трупы на телеги, вывозили за город, железными крюками стаскивали в ямы и пересыпали известью. В 1825 году новороссийский губернатор граф М. С. Воронцов стал наводить справки у одесского градоначальника, где и как хоронили умерших от чумы, и получил ответ:

«Чумных кладбищ у самого города в 1812 г. учреждено было два — одно Христианское и другое Еврейское за Тираспольскою заставою, прелящего Порто-франко позади Городского кладбища, которые окопаны небольшим рвом. Сверх того в предместье города Молдаванке на кладбище также хоронились умершие от чумы до тех пор, пока свойство сей болезни не было дознано.

Чиновник, состоящий ныне по особым поручениям при г. начальников Одесского таможенного округа титулярный советник Савойня, бывший здесь в 1812 г. частным приставом, которому от местного начальства в особенности поручено было смотреть за погребением умерших от чумы, объявил, что когда болезнь сия появилась, то таковою признана еще не была и что он может указать места, где таковые умершие похоронены. Тела предаваемы были земле — иные в одеянии, а другие нагие, в одной яме зарывались по десяти и более, были засыпаемы негашеной известью,

весной же 1813 г. над теми ямами насыпаны земляные могилы».

Организацией чумных кладбищ занимался комендант Кобле. Искусственно насыпанную гору до сих пор называют Чумкой.

Русских врачей было мало, им не хватало опыта, который они пытались возместить самоотверженностью. К середине осени умерли доктора Ризенко, Кирхнер, Пилькевич и Капелло.

«Ах, эта страшная чума, я ее очень хорошо помню, — рассказывала А. О. Смирнова-Россет. — Маменька всегда сидела в комнате окнами на двор, герцог обходил весь город и сам спрашивал о состоянии здоровья в домах. Однажды он спросил матушку, когда она видела доктора Антонио Рицци. Она сказала: *«Avant-hier il était assis dans ce voltaire»*. — *«Faites vite emporter ce meuble. En faisant l'opération de bubon, il s'est blessé et il est mort de la peste ce matin; c'est une grande perte pourvu que nous n'en avons pas de plus douloureuses, je vous recommande comme médecin Carouso, c'est un Grec très habile»*^[49]. Мы сидели в зале, где я играла с попкой и считала проезд страшных дрог, на которых везли трупы чумных. Колодники в засмоленных рубахах гремели цепями, с ними шли караульные. Трупы бросали в море, потому что недоставало способов их жечь. Когда папенька возвращался из карантина, первым нашим движением, конечно, было броситься ему на шею, но он поспешно шел в комнату, где его обливали уксусом, обкуривали, и тогда он нас брал на руки, целовал и с нами входил к матушке; он целовал ее в лоб, а она целовала его руку».

К счастью для одесситов, оказалось, что ветеринар с овчарни под Одессой Жан Франсуа Луи Салб (1774–1851), приехавший в Россию в 1811 году, в свое время учился в Париже у Деженета, знаменитого врача Египетской армии Наполеона, прославившегося борьбой с эпидемией чумы в Яффе. Используя новые лекарства, созданные благодаря открытиям французских химиков К. Л. Бертолле и А. Ф. Фуркруа (последний лестно отзывался о Сало во время его учебы в Париже), швейцарец неутомимо трудился и строгими и неукоснительными мерами сумел остановить распространение эпидемии. Ему удавалось вылечить четырнадцать из двадцати больных! (Вскоре после эпидемии Сало был назначен главным ветеринаром Херсонской губернии в чине капитана и возведен в российское дворянское достоинство, однако вышел в отставку и остаток дней провел на родине, в кантоне Во.)

Ришельё не в чем было себя упрекнуть, однако он порой приходил в отчаяние. Как рассказывает Сикар, однажды он без сил опустился на камень, воскликнув: «Ах, я больше не могу! Мое сердце разрывается от того, что я должен употреблять всю свою власть, дабы сделать безлюдными

улицы, тогда как я десять лет трудился, чтобы наполнить их и оживить».

Кроме того, герцог использовал любую возможность, чтобы получить информацию о ходе войны с Наполеоном, продолжавшейся без его участия, тогда как многие его друзья и соотечественники находились на полях сражений. «Если у Вас нет известий о Ваших братьях, то могу их Вам сообщить, поскольку видел людей, отъехавших из армии 15 сентября, — писал он графу де Сен-При 2 октября из Одессы. — Эммануэль слегка контужен, Луи легко ранен в руку и остался в строю. Москва сгорела на три четверти, но это несчастье лишило Наполеона тех ресурсов, на которые он рассчитывал. <...> Из множества перехваченных писем, которые, между нами будет сказано, показал мне курьер, направляющийся в Константинополь, видно, что этот пожар возбудил досаду и отчаяние; в самом деле, они во всём испытывают нужду и не знают, где расположиться на зимние квартиры. В письмах говорится, что в сражении под Можайском 34 французских генерала были выведены из строя^[50]». На Вильну, сообщал Дюк, идет армия в 50 тысяч человек, Чичагов с шестьюдесятью тысячами должен быть сейчас на Висле. Австрийцы отступили в герцогство Варшавское. После блестящего сражения, «в котором был убит Удино»^[51], Витгенштейн получил из Петербурга пятнадцатитысячное подкрепление и должен теперь продвигаться к Смоленску. Если Наполеон сумеет выпутаться и из такого критического положения, тогда он просто достоин восхищения.

Сам Ришельё умирал от желания поскорее выехать к армии, но эпидемия, к несчастью, продолжалась; правда, врачи уверяли, что скоро она пойдет на спад, поскольку теперь больше людей выздоравливало. Пока же он просил Сен-При подготовить ему в Балте домик для карантина и напоминал приказать тамошнему населению строго соблюдать предписания одесских врачей и не «мухлевать».

Пожар Москвы разорил одесситов, у которых там оставались нераспроданные товары. «Нас окружают одни лишь беды и печали; не пойму, как я сам еще здоров. Нужно покориться воле Провидения, подвергающего нас суровым испытаниям», — заключал Дюк.

«Мы немного рассчитываем на приближающуюся зиму, воздействие коей уменьшит действие болезни, однако принесет новые беды, поскольку окрестные селения отказываются привозить что-либо в город, и у нас совершенно нечем будет топить, — сообщил он в письме Александру I от 20 октября. — Признаюсь Вашему Величеству, что во избежание части этих бед я был вынужден использовать суммы, находившиеся в банке здесь

и в иных местах, чтобы заранее запастись кое-какими припасами для сих несчастных. Число их огромно; все, жившие ручным трудом, уже доведены до крайней нищеты, и я не мог не прийти им на помощь, проявляя всяческую экономию».

Великая армия к тому времени тоже была доведена до крайней нищеты и с боями отступала. 24 октября состоялось сражение при Малоярославце; среди французов, державшихся до последнего, был маркиз де Жюмиллак, муж сестры Дюка Симплиции. После того как его ферма была уничтожена пожаром, он был вынужден вернуться на военную службу, в походе на Россию участвовал в качестве начальника штаба 3-го кавалерийского корпуса, а 11 октября в Москве Наполеон произвел его в кавалеры ордена Почетного легиона...

В начале ноября французская армия, превращенная в голодную оборванную толпу, преследуемая русскими войсками и донимаемая партизанами, приближалась к границам Минской губернии, а от Бреста ей навстречу двигалась 3-я армия Чичагова. Наполеон рисковал быть захваченным в плен, однако ему удалось переправиться через Березину, обманув Чичагова отвлекающим маневром, и, потеряв около пятидесяти тысяч человек убитыми, утонувшими и пленными, отступить к Вильне, сохранив ядро своего войска. Остатки его армии были спасены благодаря маршалу Нею (раненному в шею при Бородине и получившему от Наполеона титул князя Москворецкого): его кирасиры напали на стрелков, затаившихся в лесу, и сумели захватить в плен пять тысяч человек.

«План Наполеона был превосходен и достоин его гения. Успех его, согласно всем человеческим возможностям, был неминуем. Одни лишь распоряжения Фортуны, коих нельзя предвидеть, могли привести к сей величайшей катастрофе», — писал Леон де Рошешуар, участвовавший в сражении при Березине и последующем захвате Минска армией Чичагова.

Его дядя тем временем продолжал сражаться с чумой. К середине ноября болезнь унесла жизни уже 1720 человек, но конца эпидемии не было видно. Тогда Ришельё решился на крайнюю меру — 22 ноября ввел всеобщий карантин. Все собрания были запрещены, все присутственные места и даже храмы закрыты. Состоятельные горожане получили разрешение выехать на свои пригородные хутора, прочие обыватели не могли покидать своих домов, только официальные лица получили специальные пропуска. Было запрещено появляться не только на улице, но и на пороге своего дома; за исполнением этой меры следили патрули из конных казаков. Комиссары сами развозили и принимали почту, приобретали нужные населению вещи. Получаемые письма

дезинфицировали и вручали адресату с помощью палки, расщепленной на конце. Дважды в неделю продавали хлеб и мясо по фиксированным ценам, комиссары собирали поставщиков для каждого квартала, а после провожали их домой. Съестные припасы разносили по улицам дважды в день в сопровождении офицера полиции и комиссара квартала. Мясо перед употреблением погружали в холодную воду, хлеб окуривали, а деньги получали в сосуде с уксусом. Весь порядок мог порушить пожар; чтобы этого не произошло, выделили отдельную пожарную команду в 200 человек, запретив всем прочим сбегаться на тушение огня.

Генерал-губернатор ежедневно заслушивал отчеты комиссаров о состоянии каждого дома. Перед жилищами разжигали костры, внутри помещения окуривали ароматическими веществами. Двери и окна всюду были закрыты. Люди боялись дышать. По улицам передвигались повозки, сопровождаемые людьми в пропитанной маслом или смолой одежде: красный флаг на повозке обозначал присутствие тех, кто соприкасался с больными; черный флаг предупреждал о приближении могильщиков.

Строгие меры оказались эффективными, эпидемия пошла на спад. В декабре по приказу из Петербурга Ришельё учредил специальную комиссию под руководством действительного статского советника Николая Трегубова, чтобы разобраться, откуда же в Одессу была занесена чума. Виновником был назван грек Афанасий Царепа, прибывший из Константинополя. Однако наиболее вероятно, что очаг заболевания находился в Бессарабии, население которой в 1812 году резко сократилось. Именно оттуда впоследствии чума будет занесена под Измаил.

Когда, казалось, Одесса была уже вне опасности, несколько случаев заболевания чумой были отмечены в Балте, в 180 верстах от столицы Дюка. Из этого города в Одессу за одну неделю приехало более четырехсот евреев, породив новую тревогу и реальную опасность. Не теряя ни минуты, Дюк велел в несколько часов вывести всех этих евреев со всеми пожитками за городскую черту и поместить под надзор, снабжая при этом всем необходимым. В самом деле, в еврейском лагере обнаружилось несколько заболевших, но город был спасен.

Зима выдалась очень суровой. Холода, возможно, остановили распространение болезни, зато погубили множество скота, для которого не запасли фураж: 250 тысяч быков и коров и миллион овец, а также более ста тысяч лошадей. В феврале 1813 года Ришельё с облегчением докладывал императору Александру, что новых случаев заболевания в Одессе нет уже шесть недель, были приняты самые действенные меры, все общественные места обеззаражены с помощью новейших химических средств (возможно,

имелась в виду бертолетова соль — хлорат калия, полученный Клодом Бертолле в 1786 году). Обнаружившим утаенные во время эпидемии вещи, которые могли спровоцировать новую вспышку заболевания, была обещана награда, благодаря чему удалось сжечь множество потенциальных источников заразы. В общем, было сделано всё возможное. «Мы потеряли в Одессе 2644 человека, включая военнотружущих и каторжан, и еще 1087 в окрестностях. Это чудовищные потери, однако меньшие, чем можно было опасаться от недуга, погубившего более трети населения Константинополя, который распространился из-за непростительного невежества врачей, долгое время его не замечавших», — писал Дюк. (К. М. Базили в «Очерках Константинополя» (1835) сообщает, что во время эпидемии чумы, разразившейся в октябре — ноябре 1812 года, за 70 дней умерло 200 тысяч человек — четверть жителей города. Зараза распространялась от вещей зачумленных евреев, продававшихся на рынках.)

Поскольку самое страшное было уже позади, Ришельё вновь просил царя о милости — позволить ему отправиться в армию и служить там «даже простым солдатом»: «Мною руководит не честолюбие, я не участвовал в этой кампании и слишком отстал, чтобы на что-либо претендовать, но я желаю лишь доказать Вам свое усердие и чистосердечие, явить Вам, что я безраздельно принадлежу Вам целиком и полностью».

Русская армия тогда находилась уже в Заграничном походе. Еще 25 декабря 1812 года (6 января 1813-го) Александр I издал высочайший манифест о принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского, повелевавший праздновать День Победы в день Рождества Христова и обещавший, что в честь окончания войны будет сооружен храм Христа Спасителя. 1 января русская армия во главе с Александром и Кутузовым перешла Неман, а в феврале достигла Одера и заняла Берлин.

Француз Ришельё непременно хочет служить в русской армии? Он так ненавидит Наполеона или выслуживается перед Александром? Хочет оградить себя от нападков в «новом отечестве»? Следующая фраза проливает свет на его истинные мотивы: «Признаюсь Вам с доверием, внушенным мне Вашей прежней добротой, что я хотел бы вырваться из этого ада и возродиться к жизни. Мои тело и душа изнурены скорбью, и хотя я ни дня не был болен, я чувствую, что без сильного развлечения мне конец, я больше ни на что не буду годен. Даже на войне лучше, чем здесь! Пожалуйста, позвольте мне приехать, сир!» Даже если здесь положение вновь осложнится, князь Куракин 13 февраля уже приехал в Кременец, он

обо всём позаботится.

Александр Борисович Куракин был тогда членом Государственного совета, председателем департамента гражданских и духовных дел. Наверняка Ришельё мучился вопросом: зачем император направил князя в Новороссию — неужели считает, что генерал-губернатор не справился со своей задачей?

У Александра же на тот момент были совсем другие заботы. Объединенная русско-прусская армия во главе с фельдмаршалом Кутузовым очистила от французских гарнизонов Пруссию и вышла на Эльбу. Кутузов был против дальнейшего продвижения, однако он простудился и 28 апреля 1813 года скончался в силезском Бунцлау; командование передали генералу Витгенштейну, который двинул армию к Лейпцигу. К тому времени Наполеон собрал во Франции свежую армию. 20 апреля (2 мая) 1813 года состоялось генеральное сражение при Лютцене, закончившееся отступлением союзников. (Начальником Генерального штаба 1-го кавалерийского корпуса французского генерала Латур-Мобура был маркиз де Жюмилак.) Александр не извлек уроков из прошлого: в присутствии его и прусского главнокомандующего Витгенштейн не осмелился взять всю полноту командования на себя, сражение было практически пущено на самотек и не закончилось разгромом союзников лишь потому, что у Наполеона не оказалось достаточно кавалерии для преследования отступившего противника. В России предпочли представить итоги сражения как успех, Витгенштейн получил орден Святого Андрея Первозванного, прусский фельдмаршал Блюхер — орден Святого Георгия 2-й степени; Г. Р. Державин написал оду на «лютценскую победу».

В Новороссии же, наоборот, убедительная победа над чумой была поставлена под сомнение. Куракин начал энергично наверстывать упущенное. В отличие от Дюка он не желал мириться со своим «неучастием в кампании» и словно решил переиграть всё заново: устраивал новые кордоны, проводил дезинфекции. 3 мая 1813 года Ришельё писал ему о ненужности этих мер. «Празднование Пасхи, предполагающее самые близкие сношения и для которого извлекают всякие вещи из сундуков, не ознаменовалось ни единым несчастным происшествием во всём краю. В Одессе, где сообщения не имеют ограничений, а церкви и театр полны народу, и где *на Пасху я перецеловал более 200 человек разных сословий* (курсив мой. — Е. Г.), болезни нет и следа. Очевидно, что чумы не существует ни здесь, ни в одном из ранее зараженных мест». Зачем напрасно мучить крестьян и казаков? Зачем препятствовать морской торговле? Сжальтесь над этим несчастным краем! И если его светлость не

желает слушать Дюка, пусть хотя бы не привлекает его к применению мер, которые тот отныне считает опаснее самой эпидемии: «Чума погубила 3600 человек в Херсонской губернии и почти 1500 в Крыму; меры же Ваши могут разорить обе эти губернии на десять лет».

Ришельё добивается личной встречи с Куракиным, чтобы отстаивать интересы областей, вверенных его попечению, и даже предлагает князю поделиться с ним сведениями, в полезности которых убедился на личном опыте, а потому лучше врачей может распознать чуму по первым признакам. 7 мая Дюк писал Сен-При, что с радостью отправится в Дрезден (где тогда находился Александр I), если его туда призовут, а в ином случае будет действовать решительно, потому что не может бесстрастно смотреть, как его край разоряют нелепыми и ненужными мерами. Земледельцев забирают в ограждение, во многих местах не пахано, не сеяно, сельскохозяйственные орудия требуют починки, а заниматься этим некому. Если Куракин не ответит на его письмо, Дюк его опубликует, чтобы его не обвиняли в соучастии. У князя и так нашлось много помощников! «Один господин, которого князь отправил на Буг командовать кордоном, потребовал себе дополнительно тысячу двести солдат, в том числе восемьсот конных, когда чумы нет уже пять месяцев! Мне кажется, да простит меня Господь, что они были бы рады, если бы она вернулась... Будем надеяться, что Бог вскоре избавит нас от всего этого, как избавил от чумы».

При этом Ришельё, как обычно, не только был занят внутренними вопросами, но и внимательно следил за европейскими делами. Он послал Сен-При прокламацию Людовика XVIII, которую находил «слишком слабой для данных обстоятельств», и свой перевод обращения князя Кутузова к германским князьям и простым немцам. Людовик, находившийся в Англии, обещал французам «союз, покой, мир и счастье» и выставлял себя единственным гарантом экономического и социального урегулирования в стране...

Получить полностью достоверную информацию о чем-либо было непросто. Отец Сен-При в письме справлялся у Дюка о судьбе французских военнопленных (он почему-то полагал, что те находятся в Крыму). Ришельё получал массу подобных писем и пересылал их в Петербург, поскольку в его владениях пленных французских, естественно, было крайне мало. Сам герцог составил записку о положении дел в Одессе и отправил ее императору Александру, чтобы у того не сложилось неверного представления по данному вопросу (кто знает, какие сведения он получает).

Куракин, которого в Одессе прозвали «князь Чума», велел

обрабатывать кислотой товары, предназначенные на экспорт; Ришельё считал это невыполнимым. Между тем финансовая помощь, запрошенная у графа Гурьева, так и не поступила, а просьба Ришельё об освобождении пострадавшего населения от налогов на три года не была удовлетворена. Куракин с возмущением обличал недочеты, допущенные властями на местах (например, оштрафовал на треть жалованья всех чинов полиции за недосмотр, вследствие которого чумная эпидемия якобы была занесена в Елисаветград). 8 августа 1813 года он писал из Умани херсонскому гражданскому губернатору И. Х. Калагеорги, считавшему «затруднительным» исполнить предписание по поводу шестидневной «обсервации» Елисаветграда (с освидетельствованием людей, окуриванием домов, имущества и лавок) в связи с подозрениями на возвращение чумы: «Что же касается до обстоятельства упоминаема-го в донесении Вашего превосходительства, что обыватели Елисаветградские скучают оцеплением, то Вы, милостивый государь мой, конечно согласитесь со мною, что как для Вас, так и для меня не меньше их скучно, а еще более того безпокойно, что они чуму принесли к себе; но я все неприятности переношу с терпением, чего самага и от них ожидаю». В тот же день Ришельё, находившийся в самом Елисаветграде, изложил письменно (по-русски) свои инструкции:

«Учрежденному в Елисаветграде для прекращения заразы комитету.

После успешного прекращения в Елисаветграде заразы и прошествия более 50 дней благополучия производится теперь общее освидетельствование всех жителей в городе, дабы точнее удостовериться о состоянии здоровья, и очищаются все дома, вещи и товары окуриванием. Когда всё это будет приведено к концу и по подробным под присягою розысканиям не окажется нигде скрытых сомнительных вещей, тогда предлагаю исполнись] следующее:

Во первых открыв церкви, принести Господу Богу, спасшему город от бедствия, благодарственное молебствие и потом продолжать богослужение по прежнему.

По долгу христианскому отслужить панихиду на кладбище, где погребены умершие от заразы христиане, лишившиеся от сего несчастного случая обряда погребения, по уставам церкви.

Открыть лавки и позволить свободный торг внутри города.

Греческую церковь содержать запертою и не позволять в ней служить, до коле все без изъятия вещи церковныя не будут совершенно очищены под распоряжением Инспектора херсонской врачебной управы надворнаго

советника Данилова.

Заняться комитету обще с градской думой немедленным удовлетворением тех людей, коих дома сожжены по случаю заразы; построить им новые от общества дома и донести мне по исполнению.

Из произошедшего в Елисаветграде случая гг. члены комитета и комиссары по частям города должны были научиться, какое внимание надобно обращать на благосостояние народное в настоящих обстоятельствах здешняго края, и потому я настоятельнейше подтверждаю не ослабевать] ни малейше в принятых мерах, дабы предохранить город от новых нещастий, могущих постигнут[ь] оный единственно от нерадения или беспечности тех, на кого возложено попечение о благе народном; но я столько знаю усердие и деятельность гг. членов и комиссаров, что не сомневаюсь в исполнении каждым своего долга и потому остаюсь спокоен. Ни один больной в городе не должен пребывать в неизвестности и ни один умерший предан земле без надлежащего освидетельствования. Сею единственною осторожностью можно избежать тех неприятностей, которыя встретиться могут.

Комитет не оставит продолжать доносить мне обо всех происшествиях каждую почту».

Г. Л. Дюк-де-Ришелье».

Этот документ, проникнутый человеколюбием, сохранился в городском архиве. Какой разительный контраст с сарказмом тайного советника Куракина! Неудивительно, что граждане Елисаветграда впоследствии с большой готовностью примут участие в сборе средств на сооружение памятника Дюку...

На фронт Ришельё так и не вызвали, и он продолжал нести свой крест. Для жителей Новороссии, лишившихся всего, что имели, в трех губернских городах были устроены работные дома (Дюк сообщал об этом в письме графу Гурьеву). Один путешественник, побывавший в Одессе в 1813 году, описывает круг общения генерал-губернатора: «Во всё время до обеда, во время стола и после приходили разные люди высшего и простого класса, по делу и без дела — и всех он принимал ласково и терпеливо, хотя, видимо, усталость одолевала его».

В это время Наполеон довольно успешно отбивался от Шестой коалиции. 26–27 августа состоялось сражение при Дрездене; союзники были отброшены в Богемию. В сентябре Леона де Рошешуара отправили к шведскому королю, чтобы убедить его примкнуть к союзникам. 4 (16) октября вблизи Лейпцига началась Битва народов, в которой войска

императора французов сошлись с армиями России, Австрии, Пруссии и Швеции. 5 октября Ланжерон, награжденный за десяток предыдущих сражений^[52] орденом Святого Георгия 2-й степени и шифром (императорской монограммой) на эполеты, атаковал левое крыло неприятеля, а 7-го его корпус ворвался в город и гнал врага до самых Лютценских ворот. Понеся большие потери, Наполеон начал отступление во Францию, которая теперь одна оставалась под его властью. Узнав о разгроме, маршал де Гувийон Сен-Сир, осажденный в Дрездене, попытался прорваться, но после неудачи был вынужден капитулировать и сдаться в плен. Шедшие к нему на выручку войска были остановлены ополченцами отряда действительного статского советника А. Д. Гурьева; их командир был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, австрийским орденом Марии Терезии и прусским орденом Красного орла 2-й степени и назначен комендантом Дрездена.

Ришельё же 2 ноября 1813 года встречал в Одессе заклятого врага Наполеона — королеву Неаполя Марию Каролину Австрийскую, родную сестру казненной Марии Антуанетты.

В 1768 году она вышла замуж за Фердинанда IV, короля Неаполя. (Вообще-то он собирался жениться на ее сестре Марии Иоанне, но та умерла, а вслед за ней скончалась и другая сестра-невеста, Мария Йозефа. Пришлось брать оставшуюся. Любви между супругами не было, но в браке родилось 18 детей. Старшая дочь Мария Тереза (1772–1807), выданная в 1790 году за императора Священной Римской империи Франца II, произвела на свет Марию Луизу, ставшую впоследствии женой Наполеона, которого ее бабка считала узурпатором.)

Неаполем на деле правила королева, а не ее бесцветный супруг. В политике образцом для нее была мать, императрица Мария Терезия. Чтобы упрочить связи между Габсбургами и Бурбонами, Мария Каролина умело заключала династические браки и рассадил своих детей по главным тронам Европы. Ее сыновья и дочери шли под венец со своими кузинами и кузенами, и она стала «бабушкой Европы» задолго до английской королевы Виктории.

В 1798 году, опираясь на поддержку британского посланника Уильяма Гамильтона, королева вступила в вооруженную борьбу с революционной Францией, однако потерпела поражение и была вынуждена укрыться на Сицилии. Местный климат ей не подходил, говорили даже, что для борьбы с болезнями она принимает опиум. Действуя жестокими методами, расправляясь не только с врагами, но и с бывшими друзьями, она сумела вернуться в Неаполь победительницей. Но тут английский адмирал

Нельсон, бывший ее опорой, погиб в сражении при Трафальгаре (1805). В 1806 году Наполеон прогнал Фердинанда с неаполитанского трона и посадил на него своего старшего брата Жозефа. 1 августа 1808-го новым королем Неаполя стал зять императора Иоахим Мюрат. Он истребил феодальные пережитки, реорганизовал армию и флот и усмирил калабрийских разбойников. Захват Капри в октябре показал, что «Бурбоны окончательно перестали царствовать»; по случаю этой победы Мюрат амнистировал политических изгнанников. Сицилию ему взять не удалось.

Мария Каролина, вынужденная жить в Палермо, к 1812 году склочным характером восстановила против себя всех, начиная с мужа, который указал ей на дверь. С ней уехал 22-летний принц Леопольд, которого ей не удалось сделать королем Испании. Несмотря на расшатанное здоровье, она поднялась на борт корабля в Палермо, 13 сентября 1813 года была в Константинополе, а 2 ноября — в Одессе, намереваясь оттуда через Польшу добраться до Вены: она рассчитывала с помощью своего зятя, австрийского императора Франца I, вернуть себе королевство.

Королеве, как и всем прибывающим, тоже нужно было пройти карантин, но ее поместили в доме инспектора Осипа Россета (на месте нынешней Думы, в начале Приморского бульвара), который учтиво явился выслушать ее распоряжения. Мария Каролина узнала, что супруга инспектора только что разрешилась от бремени сыном, и сама предложила стать его крестной (впрочем, на церемонии ее заменила госпожа де Рибасе). Таким образом, младший сын Осипа Россета получил имя Александр Карл (в честь императора Александра, на заступничество которого надеялась королева, и ее самой). «А крестным отцом, конечно, был герцог, — вспоминала старшая дочь Осипа Ивановича Александра, которой тогда было шесть лет. — Королева прислала собственноручное письмо и *склаваж*, так называли цепочки, перевязанные бриллиантами, и фермуар, тоже бриллиантовый, с ее шифром. Все приезжали смотреть это украшение; а брату — бриллиантовый крест с весьма крупными камнями. Она изъявила желание видеть меня и Клему (Климентия Россета, которому было два года. — Е. Г.). Герцог нас учил кланяться ей, меня одели в красное онгуринское платье, завили барашком и надели серьги с крошечным супфирчиком, подарок Дюка, а Клему одели в белые панталоны и красную курточку, обшитую золотым позументиком. Мы так низко и хорошо кланялись, что герцог сказал: *«Vous voyez, Madame, que mes petits eleves me font honneur»*^[53]. Королева была очень старая (ей был 61 год. — Е. Г.), наруганная, в зеленом бархатном платье и покрыта бриллиантами, а на шее очень крупный жемчуг, с которым я играла, когда она нас обоих

посадила на колени. При ней были две очень нарядные дамы, тоже старые и нарумяненные».

Впервые в Одессе принимали королеву. Самые знатные дамы удостоились чести быть представленными ее величеству; для этого им пришлось пошить платья со шлейфами. В первый день в театре давали «Севильского цирюльника», во второй — спектакль на русском и немецком языках, за которым последовал большой бал, на третий — итальянскую оперу Джованни Паизиелло и французскую пьесу, на четвертый — итальянскую комедию Карло Гольдони, а за ней любительский балет (не самого высокого качества, по словам испанского консула).

Праздники омрачились неожиданной кончиной О. И. Россета. 20 ноября 1813 года он еще присутствовал на заседании Строительного комитета, а 11 декабря скончался. Похороны были большие, весь город провожал тело уважаемого и любимого сослуживца. Герцог ехал за гробом верхом. Перед смертью Россет сказал детям (их у него было пятеро — дочь и четверо сыновей): «Я не тревожусь за ваше будущее, герцог обещал мне рекомендовать вас императору и императрице-матери». В самом деле, сыновья Россета были определены в Пажеский корпус, а дочь Александра, окончив Екатерининский институт, стала фрейлиной вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

(А. О. Смирнова-Россет в своих воспоминаниях утверждает, что ее отец умер от чумы. Однако это маловероятно: во-первых, эпидемия тогда уже сошла на нет; во-вторых, Осип Иванович болел три недели, что непохоже на скоротечную чуму; в-третьих, вряд ли он, будучи зачумленным, позвал бы к себе детей, чтобы с ними проститься; в-четвертых, Ришельё не позволил бы хоронить умершего от чумы всем городом.)

Визит Каролины Неаполитанской завершился 18 декабря. Ришельё проводил королеву со свитой до Умани и сдал с рук на руки Сен-При. При каждой следующей остановке к кортежу присоединялся уездный воинский начальник. По ночам вдоль дороги разжигали большие костры, по утрам в карету запрягали шесть свежих лошадей в богатой сбруе.

В один из дней, на ночь глядя, королева приехала в Тульчин. Графиня Потоцкая велела украсить лестницу редчайшими цветами. Апартаменты освещали гигантские канделябры из позолоченной бронзы. Каролина призналась: «Мне хочется вскрикивать от восторга, но я боюсь, что меня примут за парвеню». После нескольких совершенно фееричных дней королева продолжила путешествие. (К февралю она добралась до Вены и тихо скончалась там некоторое время спустя.)

В начале 1814 года русская армия форсировала Рейн. Произведенный в генерал-майоры Леон де Рошешуар, участвовавший в сражениях при Лютцене, Дрездене, Кульме и Лейпциге, вступил во Францию, где не было десяти лет. Людовик XVIII призвал соотечественников приветствовать участников коалиции против Наполеона. Но торжествовать было еще рано: Луи де Рошешуар, старший брат Леона, с которым он разделял многочисленные испытания, был убит 29 января 1814 года в сражении при Бриенн-ле-Шато, в котором Наполеон разбил прусского генерала Блюхера. С 10 по 14 февраля, в ходе «шестидневной войны», император французов в четырех сражениях разгромил русские корпуса Олсуфьева, Остен-Сакена и Капцевича, прусские бригаду Норка и корпус Клейста, и лишь наступление на Париж австрийского фельдмаршала Шварценберга спасло армию Блюхера от полного уничтожения. Редкие победы одерживал только британский фельдмаршал Веллингтон, взявший, в частности, Бордо 12 марта. Но 21 марта австрийцы вошли в Лион, а через четыре дня союзники победили в сражении при Фер-Шампенуазе; всей кавалерией там командовал генерал Ланжерон.

Тридцатого марта капитулировал Париж, и уже на следующий день Александр I вступил во французскую столицу во главе союзных войск. При встрече с Ланжероном он сказал: «Господин граф, вы потеряли это на высотах Монмартра, а я нашел» — и вручил ему орден Андрея Первозванного. Леон де Рошешуар, назначенный комендантом, въехал в ратушу и занялся обороной столицы, поскольку ходили слухи, что Наполеон будет контратаковать. Оккупационные войска устраивали в городе беспорядки, но Рошешуар подавил их, соединив русскую армию и французскую Национальную гвардию.

В Париже он получил письмо от дяди, не скупившегося на восторги в адрес Александра I: «Что сказать об императоре? Нужно целовать следы его ног. Какая у него душа, и каков государь, который всегда примет и выслушает любого, кто заговорит с ним на языке чести и искренности! Он станет спасителем Европы и, в частности, этой несчастной Франции, которая имеет так мало права претендовать на его благосклонность». Однако великий и благородный человек что-то не слишком благоволил к самому автору письма. «Мне нужно нечеловеческое смирение, чтобы выносить мое нынешнее положение... Чего бы я не отдал, чтобы император призвал меня к себе. Увы, когда-то он желал мне добра. Я даже думал, что внушал ему дружеские чувства, и могу поклясться перед Богом, что его ранг совершенно ни при чем в огромной ценности, которую я придавал этой дружбе. Надо полагать, он совершенно забыл меня, поскольку, на мой

взгляд, я не совершил ничего такого, чтобы сделаться недостойным прежних его милостей». (Надо отметить, что недоброжелатели Дюка П. Д. Киселев, А. М. Римский-Корсаков, Ф. В. Ростопчин не раз обвиняли его в заискивании перед императором и высмеивали «подобострастные» жесты типа присылки зимой фруктов из Крыма.)

Главой временного правительства, состоявшего из роялистов, стал непотопляемый Талейран. Наполеон был низложен обеими палатами парламента. 5 апреля он отрекся от престола в пользу сына, но на следующий же день под давлением своих маршалов (в том числе «храбрейшего из храбрых» Мишеля Нея, одним из первых перешедшего на сторону Бурбонов) согласился с тем, что никто из его родственников не сможет претендовать на престол. Тогда же сенат принял проект конституции и предложил трон графу Прованскому (Людовика XVIII).

За Наполеоном сохранили императорский титул, назначили ему ренту и отдали во владение остров Эльба; императрицу Марию Луизу с сыном вверили заботам австрийского императора. В конце апреля Франция подписала мирные договоры с участниками Шестой коалиции.

Александр I был противником Реставрации. «Я не знаю, не раскаюсь ли я в том, что возвел Бурбонов на престол, — признался он как-то Евгению Богарне, пасынку Наполеона и вице-королю Италии. — Поверьте мне, мой дорогой Евгений, это нехорошие люди, они у нас побывали в России, и я знаю, какого мнения о них держаться». А в разговоре с Лафайетом император заявил: «Они не исправились и неисправимы». Он рассматривал несколько вариантов, в том числе воцарение самого Богарне, бывшего наполеоновского маршала Жана Батиста Бернадота (который тогда был наследным принцем Швеции и участвовал в Битве народов на стороне Шестой коалиции) или трехлетнего римского короля при регентстве его матери; но, вероятно, именно отсутствие у него четкой линии поведения и привело к тому, что трон вернули себе Бурбоны.

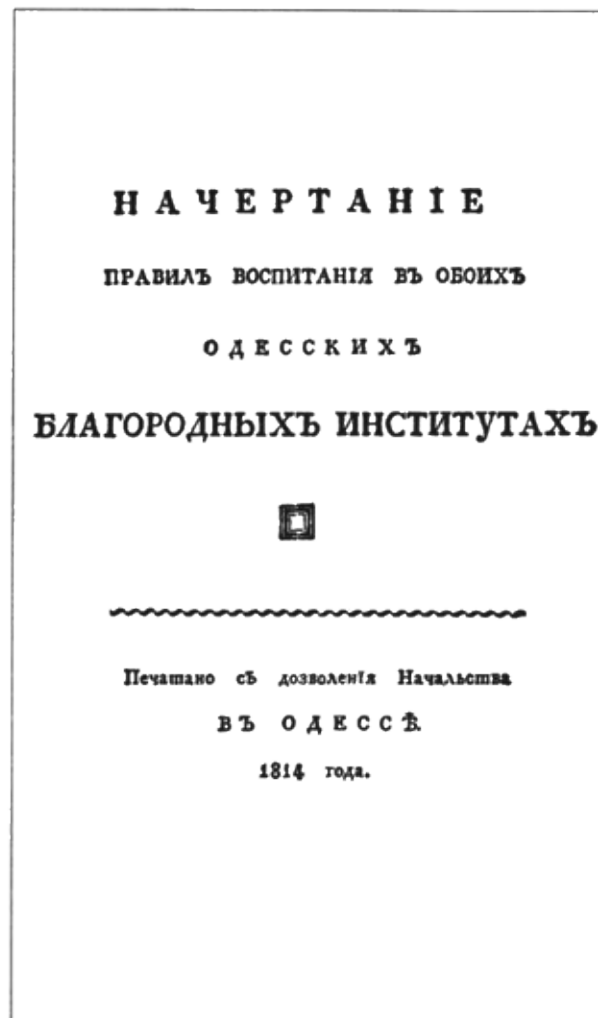
Один из своих первых парижских визитов Александр нанес герцогине де Ришельё: «Ваш муж немного сердит на меня, что я не привел его с собой. Если бы я мог предвидеть, что сия кампания завершится столь счастливо, он был бы здесь, но я вскоре пришлю его к вам». Любезный император пробыл у герцогини три четверти часа, а после написал одному из своих адъютантов: «Теперь я понимаю поведение герцога де Ришельё по отношению к своей жене. Ах, мон шер, как она дурна и ужасна собой. Я полагаю, что она очень умна и обладает большими достоинствами, но в двадцать лет надо было обладать сверхчеловеческим мужеством, чтобы переступить через такое уродство».

Эта записка датирована 3 мая; в тот самый день в Париж прибыл Людовик XVIII, и Рошешуар покинул российскую службу, чтобы отныне служить французскому монарху. Его дядя не одобрил этот поступок. «Рошешуар и Растиньяк, мне кажется, слишком поспешили оставить службу России, в особенности первый, возвышенный, осыпанный милостями императора, привязанный к его особе, мог бы, по меньшей мере, проводить его до Санкт-Петербурга. Это некрасиво, и я этим очень удручен», — признавался он в письме сестре Армандине. (Правда, Рошешуар, принятый на военную службу, сразу же написал прошение о своем назначении послом в Петербург или, на худой конец, в Константинополь.) Сам Ришельё по-прежнему числился первым камергером французского двора, однако письмо с поздравлениями королю отправил только 6(18) мая из Херсона. Поздравляя его величество со счастливым «восстановлением на троне своих предков», он сетовал, что «в силу властных обстоятельств и четких приказаний императора был лишь отдаленным зрителем великих событий, тогда как желал бы принять в них активное участие». Тем не менее он как «верный слуга Вашего Величества» выражал радость по поводу того, что справедливость восторжествовала.

Вместо республиканского триколора над Францией вновь развевалось белое королевское знамя. По Парижскому договору от 30 мая 1814 года территория Франции вернулась в границы 1792 года с небольшими уступками; почти все ее колонии отошли Великобритании. 4 июня король провозгласил Конституционную хартию, учреждавшую режим народного представительства и отменявшую всеобщую воинскую повинность. Согласно Хартии, Людовик XVIII обладал значительными полномочиями: выдвигал, утверждал и оглашал законы; созывал обе палаты парламента (палату депутатов и палату пэров) и мог в любой момент завершить их работу, а также распустить палату депутатов; назначал пэров и председателей обеих палат. Тем не менее этот документ выглядел довольно либеральным. Статья первая гласила: «Французы равны перед законом независимо от своего титула и ранга». Эмигранты, вернувшиеся во Францию вместе с королем, были недовольны и хотели восстановить прежние порядки.

В это время Ришельё занимался делами народного просвещения: он поручил аббату Николю разработать «общий план образования» и «соединить публичную гимназию с институтом таким образом, чтобы одно заведение поддерживало другое и чтобы бедные люди могли воспользоваться наставлениями хороших преподавателей, которых мы

посредством денег богатых людей, в институте воспитываемых, можем привлечь сюда», как он объяснял в письме профессору Харьковского университета Антону Антоновичу Дегурову (в «прошлой жизни» Антуану Жеди-Дюгуру). Вскоре Николь подготовил положение о Благородном институте, которое было опубликовано в 1814 году на русском и французском языках. «Начертание правил воспитания в обоих одесских благородных институтах» считается первой книгой, напечатанной в одесской городской типографии.

Гвардейские полки вернулись из Парижа в Петербург 30 июля 1814 года, и вскоре Дюк получил ласковое письмо от Александра, возвратившегося в столицу кружным путем — через Англию и Голландию. Император приглашал его приехать осенью в Вену, чтобы уладить все нерешенные вопросы, касающиеся южных губерний.

«Я помню прощальный вечер у герцога в его саду, — рассказывает А. О. Смирнова-Россет. — Маменька была еще в глубоком трауре, она взяла меня и Осю... Этот вечер был очень грустный, луна освещала тускло тот уголок, в котором мы сидели, маменька плакала, а я Ришеньку (Ришельё. — Е. Г.) просила жениться на ней и увезти нас всех с ним». На это неожиданное предложение Дюк якобы ответил: «Это невозможно, дитя мое, я должен вернуться во Францию, служить моему королю и моей стране, я вновь обрету там моих сестер и моих племянников — всё, что мне дорого на этом свете, а твоя мама должна заниматься своими делами...» Вряд ли он высказался именно так, ведь официально он еще оставался генерал-губернатором Новороссии и отправлялся всего лишь в очередную деловую командировку. Однако, как писал один современник, «день отъезда герцога (26 сентября 1814 года. — Е. Г.) был днем траура для Одессы»: «Большая часть населения провожала его за город, посылая ему благословения, и более 2000 человек следовало за ним до первой почтовой станции, где приготовлен был прощальный обед. Герцог был рассеян и печален, как и все провожавшие его. Каждый старался сдерживать себя, чтобы не слишком огорчать герцога; но выражение печали обнаруживалось против воли: предчувствие, что герцог более не возвратится, было написано на всех лицах. Пошли взаимные сердечные излияния; герцог просил, чтобы ему дали уехать; подняли бокал за благополучное путешествие и возвращение. Крики «ура» огласили степи; но скоро они были заглушены рыданиями: чувство печали взяло верх, и все кинулись, так сказать, на герцога, собиравшегося сесть в экипаж; его стали обнимать, целовать ему руки, край его одежды; он был окружен, стеснен толпою и сам залился слезами. «Друзья мои, пощадите меня...» — и несколько лиц понесли его к экипажу...»

Город, который Дюк покидал, мало чем напоминал тот поселок, куда он приехал одиннадцатью годами ранее. Население увеличилось до тридцати пяти тысяч человек, вместо четырех сотен невзрачных домишек вдоль стройных улиц стояли две тысячи зданий, обширный городской сад освещали фонари, на площадях красовались храмы и театр; городские доходы увеличились в 25 раз, а таможенные поступления — в 90 и составляли теперь два миллиона рублей. Если раньше надо было выписывать булочников из Петербурга, то теперь в городе проживало достаточное количество ремесленников, которых разделили по цехам; в 1813 году из Одессы в Константинополь отправили мебели на 60 тысяч рублей, когда как по приезде Ришельё «насилу смог в течение шести недель достать для себя дюжину самых простых стульев, да и те... пришлось

выписать из Херсона». «Какая страна может похвастать подобными результатами?» — вопрошал он в записке 1813 года, отосланной императору Александру. Теперь Дюк ехал к нему сам, предчувствуя перемены в своей судьбе, и это предчувствие заставляло его сердце то замирать, то ускоренно биться.

Глава четвертая **ПРЕМЬЕР-МИНИСТР**

*Какая тоска — править этими чертовыми
цивилизованными народами!*

*Письмо герцога де Ришельё графу де
Кастеллану*

Танцующий конгресс

Ришельё ещё находился в Одессе, когда 13 (25) сентября 1814 года Александр I торжественно вступил в Вену вместе с королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом III. Хозяину, австрийскому императору Францу I, пришлось расстараться: во дворце Хофбург надо было разместить двоих императоров с супругами (а Александр привез с собой также брата Константина и сестер Марию и Екатерину), четверых королей (Пруссии, Дании, Вюртемберга и Баварии), двоих наследных принцев, полдюжины эрцгерцогов, эрцгерцогинь и десятки князей. Только прокормить их всех стоило 50 тысяч флоринов в день. Для обслуживания участников конгресса было выделено 300 колясок и более 1200 лошадей. Придворными церемониями и увеселениями распоряжался особый комитет. «После всего того, что Франция заставила нас пережить за двадцать пять лет, мы заслужили этот сезон удовольствий», — заявил Фридрих Вильгельм, несмотря на всю свою печаль в связи с кончиной жены. Однако император Франц уже в начале октября возопил: «Когда всё это кончится?! Мне не выдержать долго такой жизни». Но «эта жизнь» только начиналась, а в истории осталось меткое словцо престарелого Шарля де Линя (который, разумеется, тоже был здесь): «Конгресс танцует, но не подвигается».

Хозяином Венского конгресса считался князь Клеменс Венцель Лотар фон Меттерних-Виннебург-Бейльштейн (1773–1859) — австрийский канцлер, советник и любимец императора Франца. Ловкий дипломат, комедиант и лжец, собиравший конфиденциальные сведения через тайных агентов и своих любовниц, он многое знал о коронованных особах и был о них невысокого мнения.

Первую скрипку собирался играть император Александр: современники отмечали его склонность к самолюбованию и желание находиться в центре благосклонного внимания. Он намеревался предстать верховным арбитром, благодетелем не только своих подданных, но и европейских стран. Александр привез с собой интернациональную команду: граф Андрей Кириллович Разумовский; граф Карл Васильевич фон Нессельроде, немец по рождению; российский посол в Вене граф Густав Штакельберг из лифляндских дворян^[54]; посол России во Франции Шарль Андре (Карл Осипович) Поццо ди Борго, корсиканец, дальний родственник и кровный враг Наполеона; барон Иван Осипович Анстедт, уроженец Эльзаса; польский князь Адам Чарторыйский; известный

пруссский государственный деятель Генрих фон Штейн, с 1812 года состоявший на русской службе; граф Иоаннис Каподистрия, грек. Главной целью России было получить Варшавское герцогство, чтобы, во-первых, вознаградить себя за все принесенные жертвы, а во-вторых, обезопасить свои западные границы. Стремлением Пруссии было присоединить Саксонию и некоторые земли на Рейне, что не устраивало Австрию, которой нужна была независимая Саксония в качестве буфера между ней и Пруссией. Англия надеялась на сближение Пруссии с Австрией, поэтому Меттерних быстро нашел общий язык с главой британской делегации лордом Робертом Стюартом Каслри.

Это был настоящий британец — холодный, трезвомыслящий, рассудительный. Лорд Каслри опасался возможного сближения России с Францией, поэтому по пути в Вену счел необходимым побывать в Париже и приватно переговорить с Талейраном, вовремя переметнувшимся от Наполеона к Бурбонам и сохранившим всё свое влияние, и Людовиком XVIII.

В свите лорда Каслри находился двадцатилетний Ричард Чарлз Фрэнсис Кристиан Мид, 3-й граф Клануильям (1795–1879). Кто была его мать, неизвестно, однако современники не преминули отметить, что жена австрийского генерала Максимилиана фон Мерфельда, назначенного в начале 1814 года послом в Лондон (он скончается там на следующий год и будет похоронен в Вестминстерском аббатстве), очень привязалась к молодому англичанину, окончившему Итон и поступившему на дипломатическую службу, и даже относилась к нему, как к сыну. Напомним, что супруга Мерфельда некогда звалась графиней Кинской. Интересно, что и герцог де Ришельё относился к юному Ричарду Миду с большой теплотой. В более позднем письме (1818) Эли Деказу он признается, что это «сын женщины, которую я нежно любил. Ее больше нет на свете, и я сохранил к сыну часть привязанности, которую питал к его матери». Со своей стороны, молодой человек, «гордый, как Люцифер... никого на свете так не уважал и не любил, как господина де Ришельё», писала леди Элиотт маркизе де Монкальм^[55].

Итак, Вена веселилась: парады, маневры, костюмированные балы во дворцах Меттерниха и Кауница, у которого остановился Талейран, балеты в Опере, выезды на охоту, праздники в парке Пратер... Годовщину победы в Битве народов при Лейпциге отметили грандиозными торжествами, парадом и пиром для войск, высоких гостей и венских обывателей. На следующий день пиршество продолжилось во дворце графа Разумовского: за столом, сервированным на 360 персон, императорская чета принимала

европейскую знать и генералитет союзников.

Между тем в этой праздничной обстановке плелись интриги, составлялись и рушились союзы, решались судьбы Европы. 23 октября представители Австрии, Пруссии и Англии пришли к соглашению по саксонскому вопросу: Пруссия должна была получить всю Саксонию вместе с частью Польши (король Саксонии был великим герцогом Варшавским), чтобы помешать России целиком овладеть польскими землями. Узнав об этом «заговоре», Александр на следующий же день выразил свое возмущение Меттерниху. Оба потеряли самообладание: российский император разговаривал с австрийским канцлером в грубом приказном тоне, тот обвинил его фактически в мании величия и уподобил Наполеону, который навязывал всем свою волю. Напомнив, что в Польше у него стоят войска, царь недвусмысленно дал понять, что не собирается делиться завоеванным, а потом, увлекшись, и вовсе нанес удар ниже пояса, упомянув о герцогине Вильгельмине Саган, любовнице Меттерниха, которая, похоже, охладела к нему, поскольку принимала у себя двоюродного брата Каслри, а также попросила Александра, прославившегося в Вене галантными похождениями, об аудиенции.

После этой размолвки Александр, Франц и Фридрих Вильгельм отправились в Будапешт. Это была запланированная поездка, однако в свете она была истолкована превратно: Меттерних воспользовался отсутствием монархов, чтобы изложить свою версию событий; популярность Александра пошла на спад.

Как раз 24 октября в Вену приехал Ришельё, намеревавшийся представить на рассмотрение российского императора целый ряд мер для развития новороссийских губерний: превращение Одессы и Кафы (Феодосии) в порто-франко, развитие транзита и каботажного плавания в Черном и Азовском морях, уменьшение таможенных пошлин, освобождение трех южнорусских губерний от рекрутских наборов, учреждение в Одессе лицея, создание новых предприятий, увеличение банковского капитала. Всё это было педантично изложено в соответствующей записке. В сопроводительном письме Дюк писал: «Быть может, увы! это одна из последних работ, посвященных мною России и ее августейшему монарху. Но что бы Вашему Величеству ни было угодно повелеть по отношению к моей судьбе, я чувствую, что всегда останусь Вашим подданным в сердце, как был им двадцать четыре года по праву усыновления».

Кроме того, Ришельё вручил Нессельроде записку о необходимости международного соглашения, устанавливавшего полную свободу торгового

мореплавания в Черном море. Сейчас как раз удобный момент: представители всех заинтересованных держав находятся в Вене. Нессельроде был согласен с герцогом, однако Каподистрия отговорил Александра от этого шага: да, в экономическом плане свобода мореплавания выгодна России, но в политическом такое соглашение узаконило бы вмешательство европейских держав в отношения между Россией и Турцией, что совершенно неприемлемо. Инициатива Дюка осталась без последствий.

Царь был неуловим: к 17 ноября он установил своего рода рекорд, протанцевав более трех десятков ночей подряд, и чуть не упал в обморок, вальсируя с леди Каслри. Ришельё терпеливо ждал, пока его величество соблаговолит его принять, а пока делал то же, что и все. Он поселился у графини Софии Зичи (у которой, как говорили, был мимолетный роман с российским императором). Красавица-графиня прекрасно пела, устраивала приемы по субботам и весьма необычные праздники. Однажды вечером в ее доме состоялся бал-маскарад, на котором была разыграна партия в «живые шахматы»; наверняка идеи подавал хозяйке гость, ведь в Одессе такое уже видали. Меттерних устроил костюмированный бал в своем имении Реннвег под Веной; одни лишь государи могли появиться там в черном домино и без маски; прочие гости должны были носить костюм, символизирующий какую-либо часть Австрийской империи. Только там, наконец, Ришельё увиделся с Александром; баронесса дю Монте (1785–1866) передает их диалог в своих воспоминаниях: «Вы сильно заняты, господин де Ришельё! — Да, сир, и очень любезными масками. — Вы счастливее меня, поскольку со мной они обошлись весьма дурно...»

«Я каждый день вижу и встречаю Вашего брата, — писал маркизе де Монкальм Алексис де Ноайль, входивший во французскую делегацию. — Все здесь его любят и ищут его общества. Нет убедительных причин полагать, что он намерен поселиться во Франции и покинуть страну, которую он сделал цивилизованной. Он готов уехать во всякий день. Он хочет прощупать почву во Франции. Если бы он думал и чувствовал, как я, то не колебался бы».

Во Франции Ришельё собирался решить кое-какие финансовые дела, но, судя по письмам, отправляемым в Одессу, действительно не намеревался покидать свое поприще. Однако, как сообщает граф де Сен-При, долгожданная аудиенция у Александра прошла не очень хорошо. Разговор шел в основном об учреждении военных поселений (царь осмотрел подобные поселения в Венгрии и был от них в восторге). Ришельё не разделял воодушевления государя, считая, что казачьих станиц

вдоль южных границ достаточно для обороны рубежей, а превращать крестьян в солдат (или наоборот) значит лишь усложнять им жизнь.

День ангела великой княгини Екатерины Павловны (6 декабря) отметили роскошным пиром: столы ломились от стерлядей, устриц, трюфелей, апельсинов, ананасов, земляники, винограда; у каждого прибора стояла тарелка с вишнями, доставленными из Петербурга (говорили, что каждая ягода обошлась в рубль серебром). Артисты в национальных костюмах исполняли русские песни и пляски. Ришельё больше нечего было тут делать, но его отъезд в Париж пришлось отложить из-за печального обстоятельства: 13 декабря скончался Шарль де Линь. Оба императора присутствовали при его последних минутах; Ришельё шел за гробом. В соборе Святого Стефана отслужили панихиду, три залпа из двадцати четырех орудий возвестили об отправлении траурного кортежа в Каленберг. Впереди вели боевого коня, покрытого черным покрывалом с серебряными звездами. В последний путь принца провожали министры, послы, вельможи и принцы крови. Вместе с Шарлем де Линем хоронили XVIII век.

Сто дней

Он ждал этого — и всё-таки немного боялся. В конце декабря Ришельё вернулся во Францию. Провел несколько дней в Куртее у жены и был приятно удивлен, что эта встреча доставила ему удовольствие. После ветреных венских красавиц с их расчетливыми заигрываниями неподдельная любовь умной и чуткой Аделаиды Розалии, искренне разделявшей интересы и заботы Армана, чистый воздух сада, напоминавшего об одесском хуторе, покой уединенного замка стали для Дюка глотками живительной влаги из прозрачного источника. Потом он отправился в Париж и поселился на улице Руайяль (между нынешней площадью Согласия и церковью Мадлен) у Рошешуара, снимавшего квартиру у барона Луи. Слух о его прибытии быстро долетел до Тюильри. «Герцог де Ришельё приехал, но я его еще не видел. Я встречу его при дворе, именно там бывают все мои знакомые», — записал в дневнике монсеньор де Лафар, духовник герцогини Ангулемской. Секретарь русской миссии П. С. Бутягин писал 23 декабря 1814 года Нессельроде, что Ришельё сделают либо министром, либо посланником в Вене. Впрочем, «нет никаких сомнений, что он не желает быть посланным в Вену, и это, мне кажется, согласуется со всеми расчетами и интересами», успокаивал 4 января 1815 года Талейрана граф де Жокур, временно исполнявший обязанности министра иностранных дел.

В самом деле, сразу по приезде Ришельё вступил в переговоры с людьми, приобретшими ранее принадлежавшее ему герцогство Фронсак. Он надеялся, что сможет вернуть себе хотя бы часть огромного имущества, однако его ждало жестокое разочарование. «Мои статуи и даже картины помещены в музеи Лувра и Тюильри, мне не могут ни вернуть их, ни уплатить за них. Что касается земли, то у меня ее нет и на величину серебряной монеты; это печально, особенно из-за моих сестер, которые очень бедны. Что же до меня, то была бы Франция счастлива, я не стану ни о чем сожалеть», — писал он Сен-При. Дюк явно не намеревался надолго задерживаться на родине, собираясь вернуться в «приемное отечество».

Франция была ему теперь так же чужда и незнакома, как Причерноморье 12 лет назад. Странная, непонятная, неуправляемая страна, где все друг другу завидуют, лукавят, лицемерят; сплошные карьеристы, льстецы и ренегаты. «Национальный характер полностью извратился, — писал Дюк в январе 1815 года аббату Николу. — Народ приобрел грубые,

невежественные повадки, каких никогда не имел. Его религиозные чувства донельзя слабы и более редки. Высший класс помышляет лишь о том, чтобы пробиться, обогатиться, пристроиться; для него все средства хороши, лишь бы преуспеть. Вы удивитесь, если я расскажу Вам подробности того, что вижу всякий день. Бюрократия вдесятеро хуже, чем в России. Разные министерства получают более десяти тысяч писем в день. Я еще не видел никого, кто не считал бы себя способным исполнять любую должность в администрации, лишь бы она была доходной, а они почти все таковы. Вероятно, сие постараются исправить, но это нелегко, поскольку нужно избегать, особенно сейчас, сотворения большого числа недовольных». Нет, он не сунется в эту банку с пауками! К счастью, ему есть куда поехать.

Тем не менее поздравительное письмо, отправленное из Херсона, произвело благоприятное впечатление на Людовика XVIII. Ришельё был дважды удостоен королевской аудиенции: 1 и 19 января.

В первую встречу Ришельё заговорил... о браке герцога Беррийского Шарля (Карла) Фердинанда, племянника французского короля, с сестрой русского императора великой княжной Анной (об этом его просил Александр), руки которой когда-то просил Наполеон. Королевский племянник был третьим в очереди потенциальных наследников французского трона. Тогда никто не знал, что Эми Браун, которую он привез с собой из Англии, где жил в изгнании, была его морганатической женой, а две ее хорошенькие дочки — от него (Шарль Фердинанд признается в этом только на смертном одре). Но поскольку их «окрутил» протестантский пастор, этот брак был не в счет, герцог Беррийский был вынужден расстаться с той, которая отныне считалась просто его любовницей одной из многих. Вопрос о его браке с сестрой царя впервые был поставлен в мае 1814 года, через посредничество Поццо ди Борго. 10 декабря Людовик XVIII выдвинул «ультиматум»: герцогиня Беррийская должна принять католичество. И вот теперь новым ходатаем о браке выступил Ришельё — не зная, что в это самое время Талейран делает всё возможное, чтобы не допустить такого сближения с Россией. 3 января Каслри, Меттерних и Талейран подписали в Вене секретный трактат об оборонительном союзе их стран против России и Пруссии; один из экземпляров этого документа прислали Людовику XVIII.

В парижских салонах Ришельё выглядел чужеродным элементом. Он удивлял дам своим «легким акцентом» и странными оборотами речи; его единогласно признали обрусевшим. Когда он явился к герцогине де Дюрас «в сапогах и небрежно одетый» (как привык у себя в Одессе),

великосветские дамы усмотрели в этом некий вызов и решили, что за таким поведением что-то скрывается. Интересно, что одна лишь госпожа де Шатене расспрашивала его о России, хотя французское высшее общество не имело ни малейшего представления о том, где находится Херсон, — Татария и есть Татария. Тем не менее Ришельё охотно принимали, и он оставался верен себе: помог, чем мог, графине де Жанлис, испытывавшей финансовые затруднения (и несмотря на это принимавшей на воспитание сироток из разных социальных слоев); замолвил перед королем словечко за прославившуюся своими смелыми ответами Наполеону известную писательницу госпожу де Сталь, чтобы в список долгов королевской семьи внесли два миллиона, одолженных Людовику XVI ее отцом, министром финансов Неккером. Желая как можно скорее вернуть во Францию гражданский мир, он выступал за объединение старой и новой аристократии и после смерти герцога де Флёри сразу предложил кандидатом на должность первого камергера маршала Нея, что, разумеется, вызвало раздражение при дворе (в итоге должность отдали герцогу де Рогану).

Между тем про свергнутого императора все как будто забыли — а зря. Изгнаннику не выплачивали оговоренной пенсии, к тому же до него дошли слухи, что участники Венского конгресса собираются отправить его еще дальше — на Азорские острова в Атлантике или на остров Святой Елены к западу от Африки, а супруга Мария Луиза ему изменяет. Ну хватит! 1 марта, среди бела дня, Наполеон неожиданно высадился на Лазурном Берегу близ Валлориса в сопровождении тысячи верных людей. Генералу Камбронну, командовавшему авангардом, был отдан приказ не стрелять: успех операции определялся ее неожиданностью и быстротой. К ночи Наполеон был уже в Канне, а на следующий день его отряд преодолел 64 километра и разбил лагерь в снегу на высоте тысячи метров над уровнем моря. 5-го числа Париж, подобно бомбе, взорвала весть, что император на свободе и идет на Гренобль.

Путь ему должен был преградить 5-й линейный пехотный полк, но Наполеон вышел вперед, распахнул шинель и воскликнул: «Солдаты 5-го полка! Узнайте вашего императора! Если кто-то хочет меня убить, вот я!» Солдаты встали под его знамена. 10 марта император торжественно вступил в Лион, который собирался защищать брат короля граф д'Артуа с маршалом Макдональдом; там Наполеон устроил смотр своим войскам, отправил письмо Марии Луизе и издал 11 декретов. Через пять дней к нему примкнул маршал Ней.

Еще 1 марта Ней предлагал Людовику XVIII привезти к нему

«узурпатора» в железной клетке, однако мощная поддержка вернувшегося императора со стороны солдат заставила его поколебаться. Генерал Бертран прислал ему уверения, что союзники согласятся с возвращением Наполеона. В любом случае силы были примерно равны, и маршалу не хотелось братоубийства. В ночь на 14 марта после мучительных раздумий он принял решение и обратился к солдатам с прокламацией: «Солдаты! Дело Бурбонов проиграно навсегда. Законная династия, принятая французской нацией, возвращается на трон. Только императору Наполеону, нашему государю, надлежит править нашей прекрасной страной...»

«Я видел все эти измены, все эти подробности изощренного коварства, в которые не поверил бы, если б они не происходили у меня на глазах, — писал Ришельё Ф. А. Кобле, исполнявшему обязанности градоначальника Одессы. — Я видел этих подлых солдат, которые сегодня вопят «да здравствует король!», а завтра переходят к Бонапарту. Клянусь Вам, что еще ни одно событие в моей жизни не производило на меня подобного впечатления. К налету стыда и унижения невозможно привыкнуть. Либо я глубоко заблуждаюсь, либо мы большими шагами идем к варварству. Нации превращаются в армии; армии живут только войной и грабежом; они отдаляются от отечества; и как только этот солдатский дух одержит верх, горе европейским обществам! Уже не понадобятся иноземные варвары, чтобы их уничтожить: эти варвары выйдут из их лона, чтобы их растерзать. Я предвижу момент, когда жить можно будет только мечом и ради меча».

Своим возвращением Наполеон разрушил все козни Талейрана: антифранцузская коалиция возродилась. Неаполитанский король Мюрат объявил войну Австрии в надежде объединить под своим скипетром всю Италию; Наполеон вовсе не просил его об этой медвежьей услуге. 13 марта восемь держав, подписавших Парижский трактат, объявили Бонапарта вне закона. Россия, Австрия, Пруссия и Англия обязались не складывать оружия, пока не лишат его возможности возмущать спокойствие Европы, но при этом обещали свою поддержку Франции против узурпатора.

Между тем французская армия покинула своего короля. В Париже царили паника и смятение. Канцлер Дамбре трижды ездил к бывшему министру полиции Жозефу Фуше (изменившему Наполеону вместе с Мюратом после поражений императора в 1814 году) в надежде на помощь. В первый раз Фуше предложил сформировать новое правительство и поставить во главе его... герцога де Ришельё. На данный момент это единственный человек во Франции, в которого никто не сможет бросить камень. Осмыслив это предложение, Дамбре вернулся 14 марта и спросил Фуше, согласится ли тот войти в такое правительство. В Париже сразу

распространился слух, что король намерен сделать перетасовки в кабинете, назначив Ришельё министром внутренних дел, а Фуше министром полиции.

На деле всё было совсем не так. В восемь часов вечера 19 марта Ришельё явился в Тюильри и проговорил с королем с полчаса, однако тот ни словом не обмолвился не только о смене правительства, но даже о своем намерении уехать. Лишь выйдя от монарха, Ришельё узнал по секрету от принца де Пуа, что военную свиту нынче же вечером отправляют в Лилль. Спасибо, что сказали. Ночью Людовик XVIII уехал в Бове вместе с герцогом Беррийским и маршалом Мармоном, командовавшим королевской военной свитой, и захватил с собой герцога де Дюраса.

Согласно воспоминаниям Рошешуара, четыре роты военной свиты только в девять вечера были предупреждены, что выступление назначено на одиннадцать, с площади Звезды. Ждали графа д'Артуа, брата короля; тот в свое время поклялся никогда не ездить через бывшую площадь Людовика XV (нынешнюю площадь Согласия), на которой казнили его старшего брата (кратчайший путь от Тюильри до площади Звезды лежал именно через нее), и поехал в обход. Среди четырех тысяч солдат под командованием маршала Мармона никак не удавалось навести порядок. В довершение всего шел нескончаемый дождь. Никто не знал, по какой дороге идти. Одни заблудились, другие увязли в грязи.

Ришельё не собиравшись дожидаться Наполеона в Тюильри в одиночестве и поспешно отправился в путь верхом. Второпях надел вверх ногами пояс, в который были вложены десять тысяч франков — всё его состояние на тот момент, и деньги высыпались из карманчиков в штаны и сапоги. Герцог задержался на несколько часов в Бове, а потом вместе с Мармоном отправился в Ипр через Абвиль, Сен-Поль и Бетюн. «Я уехал в тот же день, что и король, — верхом, без багажа и слуг, — и прибыл в Ипр в той же сорочке, почти не просыхая всю дорогу, проделав семьдесят два лье (288 километров. — *Е. Г.*) за пять с половиной дней на одном коне», — рассказывал после Дюк в письме градоначальнику Одессы.

Герцог Ангулемский с женой находились в Бордо — отмечали годовщину перехода города под власть Бурбонов. Сбежав в Гент, король велел племяннику отправляться в Тулузу, а дочери Людовика XVI — оборонять Бордо! При приближении генерала Клозеля герцогиня Ангулемская обратилась к солдатам с речью, однако те перешли на сторону Бонапарта. Мария Тереза уехала в Англию, где вела переговоры о закупке оружия для Вандеи и взывала о помощи к Испании. Наполеон восторженно воскликнул, что «она — единственный мужчина в семье Бурбонов».

Император даже предположить не мог, что столицу не станут оборонять, и опасался народного восстания, поэтому не пошел ночью прямо на Париж, а остановился в Фонтенбло. Утром над опустевшим дворцом Тюильри (где поспешно бежавший министр финансов «забыл» 50 миллионов франков) уже развевался триколор; в девять вечера Наполеон въехал во двор и сразу занялся формированием правительства. Министром полиции снова стал Фуше.

П. С. Бутягин и другие дипломаты не смогли покинуть Париж за недостатком лошадей, сообщил 19 марта секретарь Александра I Василий Марченко графу Аракчееву. «Ней и Сюшет издали прокламацию, что Бурбоны перестали царствовать и что законный государь явился на престоле. Бонапарт обещал 1-го мая короновать жену свою и сына... уничтожил все награды, королем сделанные, и велел судить эмигрантов, после него возвратившихся...»

Ришельё с Мармоном прибыли в Ипр 26 марта. Командир гарнизона, бывший офицер на российской службе, не хотел никого пускать и обзывал Мармона изменником, но для Ришельё сделал исключение, поскольку на том был русский мундир. Герцог заступился за своего спутника, и кров предоставили обоим. Двор проследовал в Гент, но Ришельё собирался ехать в Вену к Александру. Он предложил Рошешуару, включенному в роту «черных» королевских мушкетеров^[56] и ставшему кавалером ордена Людовика Святого: «Поедьте со мной, дорогой друг. Я примирю вас с императором Александром, мы вернемся в Одессу и больше никогда отсюда не уедем». Тем не менее он не собирался трусливо бежать и готов был сражаться, поскольку «эта кампания политически направлена против Бонапарта, а не против Франции».

Коалиция была торжественно возрождена 25 марта. Четыре державы пообещали выставить против Наполеона по 150 тысяч солдат; командующим союзными войсками был назначен герцог Веллингтон. Ришельё оставался при Александре, но при этом информировал французский двор, находившийся в Генте, об обстановке в Вене, военных приготовлениях союзников и настроениях в умах. Людовик XVIII видел в нем своего «заступника» перед русским императором. Англичанин Чарлз Стюарт Ротсей, аккредитованный при французском дворе, писал 30 марта: «Очень удачно, что герцог де Ришельё был выбран королем, чтобы отправиться в Вену. Его характер и личное знакомство с государями и их министрами, собравшимися в сей момент на конгресс, бесспорно, придадут его представлениям больший вес, чем могло бы иметь любое иное лицо на службе Людовика XVIII». Талейран занервничал, но герцог прекрасно

понимал, насколько ограничены в данный момент его возможности. «Талейран сегодня единственный человек, способный вести дела Короля. Одним своим присутствием он предоставляет гарантию всем, кто причастен к Революции, он знает их всех и Францию гораздо лучше, нежели те, кто окружает Короля. В прошлом году он положительно возвел его на трон. Нужно, чтобы он вернул его туда в нынешнем», — писал Ришельё в «Дневнике моего путешествия в Германию во время Ста дней». Вряд ли он знал о том, каких успехов достиг Талейран за спиной у царя...

В начале апреля Наполеон отправил Александру через Бутягина копию обнаруженного им в Тюильри секретного договора от 3 января о военном союзе Англии, Австрии и Франции против России и Пруссии, присовокупив к этому документу письмо от Гортензии Богарне, супруги голландского короля, пытавшейся отвлечь Александра от поддержки Бурбонов. Но царь разгадал замысел Наполеона, хотя, конечно, сильно разозлился на вероломных союзников. На следующий день он в присутствии фон Штейна предъявил бумагу Меттерниху, отчего канцлер лишился дара речи. Насладившись произведенным эффектом, Александр сжег документ в камине, пообещав больше не вспоминать об этом деле.

Уже в апреле 1815 года русская армия вновь перешла Неман. Большинство прусских войск стояло на правом берегу Эльбы, большая часть австрийской армии была расквартирована в Неаполитанском королевстве, половина английских вооруженных сил была занята в Америке. Не дожидаясь окончания конгресса, Александр покинул Вену; Ришельё вперед него выехал во Франкфурт в начале мая.

Царь не любил Людовика XVIII за спесь и нежелание «сделать ему приятное» — например, произвести его в рыцари ордена Святого Духа^[57], назначить послом в Петербург Коленкура, не говоря уже о даровании разрешения на брак герцога Беррийского. Положение короля в данных обстоятельствах было крайне шатким, к тому же у него имелись конкуренты, например его племянник герцог Орлеанский. Ришельё писал великой княжне Екатерине Павловне (взбалмошной интриганке, если говорить начистоту) о нарастающем влиянии сторонников герцога, прося ее предупредить брата и обещая поговорить с ним на эту тему. Тем временем барон де Венсан, прибывший в Гент, заявлял во всеуслышание, что царь настроен в пользу регентства герцога Орлеанского. 27 апреля королевский совет назначил Ришельё чрезвычайным королевским комиссаром при Александре с полномочиями издавать прокламации, назначать новых национальных гвардейцев и смягчать военные невзгоды. В циркулярном письме от 29 апреля говорилось: «Доверие и власть, коими облакает Вас

Король, почти безграничны. Судите же, до какой степени Е[го] В[еличество] рассчитывает на Вашу преданность и усердие и насколько велики и священны возложенные на Вас обязанности». Мягко говоря, король поступил очень неловко, поскольку, когда о назначении стало известно в Вене, союзники сразу этому воспротивились: Блюхер ни о каких комиссарах и слышать не хотел, Веллингтон считал, что их присутствие более повредит королю, чем пойдет на пользу, а Александр поручил Нессельроде выразить протест. Ришельё тоже был не согласен, поскольку положение королевского комиссара вынудило бы его уйти с российской службы, а он этого не хотел. «Мне всегда казалось, что я могу быть более полезен Королю, не будучи облечен никаким титулом, и признаюсь Вам, что именно поэтому я желал быть в свите императора, — писал он Рошешуару в мае. — Вы меня знаете: не любя ни дворы, ни штабы, я тысячу раз предпочел бы получить командование, пусть самое небольшое».

Талейран, которого Людовик XVIII настойчиво звал к себе в Гент, оставался в Вене до 9 июня, чтобы подписать финальное соглашение: Россия получала большую часть бывшего Великого герцогства Варшавского, преобразованного в королевство Польское^[58]; Пруссия — Западную Померанию (уступленную Швецией), Северную Саксонию и Вестфалию с большей частью Рейнской области; Австрия — Ломбардию и Венето, Иллирию и Далмацию, Тироль и Зальцбург; вместо 350 немецких княжеств было образовано 39 государств в составе Германской конфедерации, а на территории Италии осталось только семь государств; Швеция забрала у Дании Норвегию, предоставив ей широкую автономию, но смирилась с присоединением (1809) Финляндии к России; Испания и Португалия получили обратно своих королей. 17 июня Нессельроде писал Поццо ди Борго из Гейдельберга, что царь уже не считает необходимой смену династии во Франции. В самом деле, сейчас было не до того: русская армия еще не достигла пределов Франции, сразиться с Наполеоном могли только англичане и пруссаки, что и произошло 18 июня в битве при Ватерлоо.

В тот день Наполеон был нездоров, зато маршал Ней развил бурную деятельность. По воспоминаниям очевидцев, он будто искал смерти. Его одежда была разорвана, лицо измазано грязью и кровью, шляпу он потерял; под ним убили пять лошадей. В половине четвертого пополудни Ней возглавил грандиозную атаку на британскую кавалерию, но Наполеон отказался поддержать ее пехотой. Веллингтон, уже отдавший приказ об отступлении, передумал, британские каре восстановились, а тут подоспела прусская конница. Воскликнув: «Смотрите, как умирает маршал

Франции!» — Ней пошел в атаку во главе остатков пехоты; французы понесли огромные потери, но он остался жив... Узнав о разгроме, Мюрат, дожидавшийся приказов в Провансе, бежал на Корсику; королем Неаполя вновь стал Фердинанд.

Побежденный, но не сдавшийся Наполеон планировал реванш, но 20 июня войска Веллингтона и Блюхера вступили на территорию Франции, а два дня спустя император отрекся в пользу сына. Парламент назначил временное правительство из пяти человек во главе с Фуше. 30-го числа союзные армии подошли к Парижу. 8 июля Людовик XVIII вернулся в столицу, а через два дня сформировал новое правительство, возглавленное Талейраном.

Этот высокий пост вовсе не означал непоколебимости позиций непотопляемого министра. Король больше не доверял ему. Двуличие Талейрана в очередной раз проявилось буквально на днях, когда он купил себе дом в Висбадене на случай, если победу одержит Наполеон. 24 июня, когда стало ясно, что Наполеону конец, Талейран явился к Людовику в Монс, и тот язвительно осведомился: «Вы покидаете нас, князь? Воды наверняка пойдут вам на пользу; сообщайте нам о себе». И тем не менее на данном этапе Талейрана действительно было нечем заменить. Более того, он заставил Людовика ввести в правительство Фуше! Когда 1 июля он заговорил об этом в первый раз, король воскликнул: «Никогда!» Однако его решимости хватило лишь на несколько дней. Фуше стал министром полиции, Луи — министром финансов, Гувион-Сен-Сир — военным министром (Рошешуар — начальником его штаба), Жокур — военноморским, Паскье — министром юстиции и внутренних дел. Канцлер Дамбре, претендовавший на пост министра юстиции, злобно заявил: «Это чудное правительство господина Талейрана долго не продержится».

Пятнадцатого июля Наполеон сдался англичанам в надежде отправиться в США, но его выслали на остров Святой Елены вместе с несколькими лицами, добровольно согласившимися его сопровождать. Во Франции началась охота на бонапартистов, некоторых линчевали. Страна вновь была частично оккупирована иноземными войсками и должна была уплатить союзникам контрибуцию, равную своему годовому бюджету.

Человек предполагает...

Вернувшись 13 июля 1815 года в Париж, герцог де Ришельё поселился в предместье Сент-Оноре на правом берегу Сены, в доме 7 по улице Агессо. Оттуда было ближе до Елисейского дворца, где жил Александр I, чем до Тюильри, резиденции Людовика XVIII. Первым делом герцог пошел объясниться с королем по поводу того, что в «Универсальном вестнике» от 10 июля было напечатано официальное известие о его назначении министром двора. Нет уж, нет уж! И почему его не спросили? Почему он узнаёт о таком важном решении из газет, причем находясь в Труа, а не в Париже? Это всё господин де Талейран, ему почему-то очень хочется видеть герцога в правительстве. Еще 27 июня он составил список временного правительства, в которое должны были войти Луи, Жокур, Шатобриан, Фельтр, Беньо, Ришельё и Паскье. 20 июля Ришельё написал письмо Талейрану: «Меня не было во Франции двадцать четыре года. За это продолжительное время я появлялся здесь лишь дважды и ненадолго. Я чужой для людей и для вещей, я понятия не имею, как ведутся дела. Князь, я лучше кого бы то ни было знаю, чего я стою и на что я годен... Добавлю к этому, что я двадцать четыре года состою на службе России и уже двенадцать лет занят учреждением, которым крайне дорожу и не могу покинуть в данный момент». Талейран ответил через неделю (это письмо предварительно было зачитано на совете и одобрено королем): «Вы слишком русский, господин де Ришельё, и недостойны носить имя, которое делает Вам честь». Герцог уехал в Куртей к жене.

Тогдашнее положение главы правительства было незавидным. Посланники стран-союзниц с 12 июля проводили ежедневные совещания в Париже по вопросам, связанным с оккупацией. Префекты, назначенные в тот же день, не обладали реальной властью в своих департаментах и по большей части могли только бессильно наблюдать за грабежом. Оказывавшие сопротивление подвергались насилию или даже депортации в Германию: с 20 августа по 10 сентября такая участь постигла 20 префектов и субпрефектов, а также большое количество мэров, в том числе барона Жюля Паскье, брата министра юстиции, и барона Александра де Талейрана. Численность оккупационных войск уже в июле составляла 1 миллион 226 тысяч человек, они занимали более шестидесяти департаментов из восьмидесяти шести, а в конце сентября подошли новые английские части. Пруссак стояли в Нормандии, Мэне, Анжу и Бретани,

русские — в Иль-де-Франс, Шампани и Лотарингии, англичане, голландцы и бельгийцы — в Тьераше, Артуа и Фландрии, вюртембергцы и баварцы — в Орлеане, Нивернё, Бурбонне и Оверни, австрияки — в Бургундии, Франш-Конте, Дофине, Лионне и частично в Провансе и Лангедоке, куда временами наведывались также пьемонтцы и испанцы. При этом гарнизоны некоторых городов сохраняли верность Бонапарту вплоть до сентября! Австрийцы сумели войти в Лион только 17 июля, русские в Мец — 25-го, пруссаки в Лан — 10 августа, Лонгви в Лотарингии сопротивлялся до 16 сентября, а Ла-Фер в Пикардии — до 5 ноября! Заняв города, оккупанты вершили суд и расправу, завладевали городской казной и списками налогоплательщиков, конфисковывали запасы соли, табака и гербовой бумаги... Историк Р. Андре признаёт, что уже в 1815 году «поведение русских было корректно и разумно». «Надо подчеркнуть, — добавляет он, — что в честь одних русских наблюдается проявление бесспорной симпатии». Отдельные факты притеснения местного населения русской армией были совершены в основном нерегулярными войсками — казаками, калмыками и пр.

Шестого августа союзники предложили Франции откупиться от реквизиций, уплатив 50 миллионов франков за август и сентябрь (согласно подсчетам Каслри, в июле оккупационные расходы во Франции составляли 1,71 миллиона франков в день), но это ничем не кончилось. Создавалось впечатление, что страны-победительницы намеренно затягивают переговоры о мире, чтобы диктовать свои условия с позиции силы. Еще бы — даже Париж был оккупирован: на Елисейских Полях стояли лагерем казаки, в Булонском лесу расположились англичане, а пруссаки проводили военные учения прямо под окнами короля, на площади Каррузель. Только благодаря вмешательству Веллингтона Париж не обложили контрибуцией в 100 миллионов франков, а Блюхер отменил свой приказ разрушить Аустерлицкую колонну на Вандомской площади и колонну у Йенского моста. Все 12 тогдашних округов французской столицы управлялись генералами союзных армий, подчинившимися прусскому фельдмаршалу барону Карлу фон Мюффлингу (1775–1851). Когда в газетах появились некие обидные замечания в его адрес, префект парижской полиции Эли Деказ получил суровый нагоняй.

Людовик XVIII царствовал, но не правил, да и царствовал-то с большой натяжкой. С 23 июля по 14 августа его племянник герцог Ангулемский, вернувшийся из Испании, обосновался на юге Франции, между Тулузой и Бордо, и вел себя как монарх, назначая собственных чиновников и смещая назначенных королем. Монпелье был захвачен от его

имени маркизом де Монкальм-Гозоном, бывшим мужем Армандины (она уже два года как разошлась с ним). Под предлогом борьбы с «недорезанными бонапартистами» население терроризировали вооруженные банды.

И вот в таких условиях 14 и 22 августа состоялись выборы в палату депутатов. (Правом голоса обладали около ста тысяч французов, тогда как всё население страны составляло 28 998 680 жителей^[59] — для кандидатов был установлен довольно высокий имущественный ценз.) Из 395 ее членов только 33 заседали в палате 1814 года, а 17 успели побыть депутатами во время Ста дней. Остальные были новыми людьми — неопытными, пылкими, молодыми (ордонанс от 13 июля 1815 года понизил возраст избираемых и избирателей соответственно с 40 до 24 лет и с 30 до 21 года), откровенными роялистами. Людовик XVIII назвал это собрание Несравненной палатой: он и мечтать не мог о том, чтобы соединить сразу столько сторонников «старой» монархии. Более половины (54 процента) депутатов были дворяне, более десяти процентов — эмигранты. В прошлой жизни они, как правило, были «ником», а теперь намеревались стать если не «всеми», то «кем-то важным». Монкальм-Гозон тоже оказался в их числе...

Французскому королю нужны были сильные союзники. Пруссия горела желанием покончить с былыми унижениями и заставить Францию вернуть аж завоевания Людовика XIV, оттяпав от нее почти всю Фландрию, север Шампани, часть Лотарингии, Эльзас, Франш-Конте и часть Бургундии. Бавария, Вюртемберг и Голландия ее в этом поддерживали. Территориальную целостность Франции (в рамках мирного договора от 30 мая 1814 года) отстаивал только русский император, считая, что иначе европейское равновесие будет нарушено. Людовик XVIII решил загладить свои промахи: сам приехал к Александру I в Елисейский дворец и вручил ему голубую ленту ордена Святого Духа, которую тот рассчитывал получить еще в 1814 году. Франция выражала готовность поддержать Россию в ее восточной политике, в свете второго сербского восстания против Порты. Чтобы укротить неуступчивую Пруссию, Александр устроил военный парад: 11 сентября в окрестностях Шалона 145 тысяч солдат и 500 пушек на протяжении пяти часов дефилировали перед штабом союзников. Австрийцы и пруссаки были впечатлены. Ришельё присутствовал при маневрах в парадном мундире генерал-лейтенанта русской армии.

Он уже принял решение и написал Ланжерону, чтобы тот встречал его в Одессе в ноябре. «Не скрою от Вас, что сделаю это (то есть уедет. — Е.

Г.) с величайшим удовольствием; всё, что я здесь видел, отталкивает меня непреодолимо. Вы представить себе не можете состояния сей несчастной страны, разграбленной и разоренной на десять лет вперед чужими и своими, наперегонки. Похоже, что во Франции не знают, что такое управлять, а ограничиваются лишь выкачиванием из страны людей и денег». 15 сентября вещи были уже собраны, а слуги и лошади отправлены вперед. Отъезд был назначен на конец месяца.

Но именно в этот день Талейран сплавил Фуше послом в Саксонию. Новоизбранные депутаты, съезжавшиеся в Париж на открытие парламента, восприняли это решение одобрительно, однако желали развития событий, то есть ухода самого Талейрана. Между тем Англия представила проект мирного договора, поддержанный Австрией; ознакомившись с ним, Талейран немедленно решил подать в отставку. 19 сентября он сообщил королю об уходе всего правительства. Людовик попытался шутить: «Мои министры ушли в отставку по-английски. Я принял ее так же» — и добавил, по словам Паскье: «Ну что ж, я сделаю, как в Англии: поручу кому-нибудь составить новое правительство». Таким образом, король решил сыграть роль Понтия Пилата, спрятавшись за спину человека, которому была уготована незавидная роль козла отпущения. И этим человеком оказался... Ришельё.

События развивались с удивительной быстротой. Уже 19 сентября Людовик осведомился у Франца I, какого тот мнения по поводу герцога де Ришельё, которого он хочет сделать главой своего кабинета. Австрийский император предпочел не отвечать, зато Меттерних открыто назвал герцога прихвостнем русского царя и продолжал ездить к Талейрану, полагая, что тот в конце концов вернется в правительство — не впервой.

Но герцога, мысленно уже поливавшего цветы на своем одесском хуторе, еще надо было уговорить, поэтому отставку Талейрана пока держали в секрете. Первым «парламентером» к нему послали Жюля де Полиньяка, адъютанта Месье (младшего брата короля, Карла д'Артуа), участвовавшего в заговоре Кадудалья 1804 года и большую часть имперского периода проведенного в тюрьме. Как и следовало ожидать, он получил категорический отказ. За ним последовала череда других посредников: префект полиции Деказ, председатель палаты депутатов Ленэ... Приходил и давний друг граф де Караман; известный писатель и член Французской академии Шатобриан, дважды в день являвшийся тогда к маркизе де Монкальм, тоже присоединил свой голос к хору уговаривавших в надежде получить министерский пост и для себя. Рошешуар рассказывает, что ровесник Ришельё герцог Матье де Монморанси-Лаваль,

присланный Месье, «в буквальном смысле упал перед ним на колени; молитвенно сложив ладони, он умолял его пожертвовать своими наклонностями, убеждениями, самым своим покоем ради спасения своей страны и своего короля: «Представьте, что вы на поле сражения, стали бы вы колебаться, если бы вам казалось необходимым устроить атаку и встать во главе эскадронов, несмотря на возможность погибнуть? Здесь меньше опасности, но победа станет решающей для нашей страны и никому не будет стоить жизни». Наконец Ришельё вызвал к себе Александр, пригласил сесть с ним в карету и отвез в Елисейский дворец. Опять же по словам Рошешуара, именно этот разговор стал решающим. «Я освобожу вас от всех обязательств по отношению ко мне при условии, что вы станете служить королю, как служили мне, — якобы сказал царь. — Станьте узами искреннего союза между нашими странами, я требую этого во имя спасения Франции».

Что можно было на это возразить? 21 сентября Ришельё дал согласие. «Он явился к нам, выйдя от короля, и трудно описать его терзания, — вспоминала его сестра Армандина. — Никогда еще я не видела более несчастного человека. Он был готов кататься по земле, проклиная свое существование, и с ужасом взирал на груз ответственности, нависший над его головой...»

«Нет человека несчастнее меня, — писал герцог несколько дней спустя одной венской знакомой. — Они все сговорились, чтобы сделать из меня великого человека. Они вскоре выйдут из заблуждения, но они губят меня. Все приложили к этому руку, и даже сам Император, хотя и с совершенно отеческой мягкостью, подталкивает меня. Чтобы дела пошли на лад, необходимо вмешательство Провидения, ибо люди здесь бессильны». Аббату Николу он описал свое положение довольно образно: «Жребий брошен, господин аббат, я уступил приказам Короля, советам Императора и гласу народа, который, уж не знаю почему, призвал меня в правительство в самый ужасный момент. Это и заставило меня согласиться. Было бы трусостью покинуть несчастного короля в том ужасном положении, в каком он находится... Прощайте, господин аббат, молитесь за меня Бога. Еще никогда мне так не требовалась его помощь... Провидение ставит человека на вершину горы, а оттуда сталкивает его вниз, и он катится по склону, не в силах остановиться. Лишь бы я не упал вместе с государством на самое дно пропасти!»

Ришельё считал, что неспособен руководить правительством, поскольку, по сути, стал совсем чужим в родной стране и ничего и никого здесь не знает. Он был уверен, что не продержится и шести недель. Но

именно его непричастность к последним событиям делала его идеальной кандидатурой на пост руководителя в глазах общественности, уставшей от предателей и лицемеров, на которых клейма негде ставить. «Было редкой удачей иметь во главе правительства эмигранта — эмигранта старой закалки, уехавшего в 1789-м и вернувшегося в 1814-м, притом человека порядочного, имеющего и сердце, и разум, эмигранта-патриота за рубежом, независимого от двора, презиравшего кастовую и фракционную популярность; непоколебимо бескорыстного, несомненно верного, хорошего администратора, каким только можно стать в варварской стране, скромного в отношении того, чего он не знал, но твердо стоящего на своем во имя законного права и здравого смысла», — писал в мемуарах герцог де Бройль, называвший Ришельё «драгоценной жемчужиной».

«А, герцог де Ришельё! Прекрасный выбор. Это француз, который лучше всего знает Крым!» — воскликнул Талейран, узнав об этом назначении. Называя себя несчастным человеком, герцог еще не знал, какую свинью ему подложил его предшественник. В тот самый роковой день 21 сентября Талейран, который уже не являлся министром иностранных дел, но никому не объявил этого официально, в принципе согласился с условиями мирного договора, предложенными представителями союзных держав. Этот текст был составлен в ультимативной форме: Франция должна предоставить необходимые гарантии своей лояльности; ее территория возвращается в границы по состоянию на 1 января 1790 года (а не 1792-го, согласно мирному договору 1814-го); права на княжество Монако переходят к королю Сардинии; Париж должен уплатить контрибуцию в размере 800 миллионов франков, из которых 200 миллионов пойдут на сооружение линии укреплений, направленной против нее же; в течение семи лет Франция должна будет содержать за свой счет 150 тысяч солдат оккупационных войск в семнадцати крепостях на севере и на востоке... 11 (23) сентября 1815 года Людовик XVIII отправил Александру I письмо, написанное Поццо ди Борго: только российский император может предотвратить «разорение и поругание его страны»; если же он этого не сделает, король готов отречься от трона.

Однако нужно было формировать правительство. Из кого? Ришельё мог опираться лишь на своих друзей и знакомых.

С Эли Деказом он познакомился в декабре 1814 года. Этот молодой человек (ему тогда было 34 года) предложил герцогу свои услуги для улаживания некоторых имущественных споров, поскольку знал кое-кого из новых владельцев бывших поместий Ришельё на юго-западе Франции (по

словам Проспера де Баранта, в те времена служившего генеральным секретарем Министерства внутренних дел, родственники Деказа приобрели некоторые участки герцогства Фронсак). Он был адвокатом и подвизался в суде, знал многих знатных особ при императорском дворе, но в 1814-м примкнул к Бурбонам и сохранил им верность во время Ста дней (плюс в глазах Ришельё). После истории с мнимой попыткой отравления Александра I в июле 1815 года Деказ стал вхож к королю и пользовался его благосклонностью. Но самое главное — Деказ всех знал, умел оказывать услуги и, что немаловажно, просить о них. Процесс образования правительства проходил примерно так: Ришельё советовался с Деказом, встречался со множеством рекомендованных им людей, делал выбор и представлял кандидатуры королю. Тот наводил справки, советовался с братом, выслушивал мнение своего ближнего окружения, в том числе почтмейстера Бенъо и госсекретаря Витроля, и выносил решение. Всё это происходило на фоне интриг, салонных сплетен, заискивания и ходатайств разного рода.

В итоге список министров был составлен к 24 сентября, опубликован на следующий день и дополнен 27-го. Герцог де Ришельё становился главой кабинета и министром иностранных дел, Деказ — министром полиции, граф де Воблан — министром внутренних дел, маркиз де Барбе-Марбуа — министром юстиции, герцог Фельтрский — военным министром, виконт Дюбушаж — военно-морским, а граф де Корветто — министром финансов. Герцог Фельтрский и Дюбушаж входили в парижский круг общения герцога, но, как отмечала маркиза де Монкальм, ни с одним из своих новых коллег Ришельё не успел переговорить более двух раз.

Ришельё и Деказ были самыми молодыми членами правительства (соответственно 49 и 35 лет), Дюбушаж — самым пожилым (66 лет). Маркиз Франсуа де Барбе-Марбуа (1745–1837) при Наполеоне служил директором казначейства, в 1803 году провел переговоры о продаже американцам Луизианы, а с 1807-го стал председателем Счетной палаты. Луи Эммануэль де Корветто, бывший директор банка в Генуе, в 1805 году стал государственным советником, а в 1809-м Наполеон сделал его графом; префект Меца Воблан получил графский титул в 1813 году, а титул герцога Фельтрского был учрежден Наполеоном в 1809 году специально для Анри Жака Гийома Кларка (1765–1818), исполнявшего тогда обязанности военного министра. Вместе с тем во время Ста дней все они сохранили верность Бурбонам.

Казалось бы, это всё опытные, проверенные люди. Однако на поверку

выходило не совсем хорошо. Герцог Фельтрский, зарекомендовавший себя прекрасным организатором, энергичным, безусловно честным и человечным (в 1801 году Александр I наградил его шпагой с алмазами за заботу о русских пленных, отпущенных на родину), в ключевые моменты мог проявить нерешительность и безволие, к тому же в армии его не любили. Не отличался силой характера и Барбе-Марбуа, которого госпожа де Сталь называла «тростником, окрашенным под железо». Воблана же вообще считали, мягко говоря, неумным человеком и фанфароном, и это мнение подтверждает его фраза: «Я люблю трудности, ищу их, они мне нужны, я в них силен». Уж чего-чего, а трудностей было хоть отбавляй...

Самой главной, конечно же, была проблема мирного договора, вернее, ультиматума союзных держав. К 27 сентября они несколько смягчили требования, отказавшись от претензий на форты Жу и Эклюз в горах Юра и Шарлемон в Арденнах, сократили размер контрибуции с 800 до 700 миллионов франков, а срок военной оккупации с семи до пяти лет. Произошло это явно благодаря вмешательству Александра I, которого Ришельё поблагодарит в письме от 17 октября.

(Незадолго до своего отъезда из Парижа, состоявшегося 29 сентября, царь принял Ришельё и якобы вручил ему карту Франции со словами: «Вот Франция, какой они ее сделали, но здесь еще недостает моей подписи». Ламартин в своей «Истории Реставрации» еще более приукрашивает этот эпизод, вкладывая в уста царя, в самом деле склонного к позерству, слова: «Сохраните эту карту, которую я восстановил для вас одного; в будущем она станет свидетельством ваших услуг, моей дружбы к Франции и лучшим доказательством благородства вашего дома».)

Вместе с тем это заступничество способствовало зарождению ложного представления о том, будто премьер-министр Ришельё — марионетка русского царя. В салонах Сен-Жерменского предместья даже распространяли карикатуру, на которой Дюк был изображен с хаттией в одной руке и кнутом в другой. Однако лорд Каслри, поначалу также встревожившийся из-за нескрываемых дружеских связей между Ришельё и Александром, быстро успокоился и заговорил о его «умеренности» и «здравомыслии». Герцог Веллингтон тоже состоял с Дюком в хороших отношениях. Уже 29 сентября Ришельё добился новых уступок: сохранил за Францией города Конде во Фландрии и Живе в Арденнах, предотвратил австрийскую оккупацию Страсбурга, который могли стереть с лица земли, сохранил несколько французских гарнизонов в оккупированной зоне и, наконец, сократил срок оккупации до трех лет. Взамен союзники потребовали повысить контрибуцию до 800 миллионов франков.

После неоднократных встреч Ришельё с Веллингтоном окончательный проект мирного договора был подписан переговорщиками 2 октября. После его подписания Ришельё, «бледный и весь дрожа», вихрем влетел на заседание правительства (об этом рассказывает Паскье). «Я погиб, — промолвил он, — я обесчещен; да, после того, на что я только что дал согласие, мне остается положить голову на плаху; но могли я поступить иначе? Чему Франция сегодня в состоянии противиться и каким бы оказалось ее положение, если бы она не смирилась и не обезоружила путем уступок то, что не может сдержать силою?» Кто мог бы бросить упрек человеку, сумевшему остановить на всем скаку мчавшихся галопом лошадей, когда перед ним неожиданно выросла скала?

Слегка оправившись от переживаний, герцог стал готовиться к великому дню 7 октября — открытию парламента, на котором король должен был произнести тронную речь.

В полдень Людовик XVIII выехал из Тюильри в карете, где вместе с ним сидели также Месье (граф д'Артуа) со своими двумя сыновьями (герцогами Ангулемским и Беррийским), и направился на противоположный берег Сены, в здание Законодательного корпуса (ныне — Бурбонский дворец). Впереди скакали отряд конных гренадеров, отряд королевских мушкетеров и отряд легкой кавалерии. Рядом с дверцей кареты неотлучно находился капитан королевской стражи. У подножия лестницы короля уже час дожидалась делегация из двенадцати пэров и двадцати пяти депутатов во главе с обер-церемониймейстером маркизом де Дрё-Брезе. Тут же были герцог Орлеанский и принц Конде.

Политические режимы во Франции сменяли друг друга с такой быстротой, что искусство за ними не поспевало: над колоннадой дворца еще красовался фронтон работы Антуана Шодэ, установленный в 1807 году и изображающий императора французов Наполеона на коне, явившегося к законодателям со знаменами врагов, поверженных под Аустерлицем. К приезду нового монарха успели убрать только надпись: «Наполеону Великому — Законодательный корпус после Аустерлицкой кампании». Только в 1816 году этот барельеф заменят другим, работы Александра Эвариста Фрагонара, на котором Людовик XVIII дарует французам Конституционную хартию^[60].

Король и принцы прошли в зал заседаний, оформленный в 1796 году Жизором для Совета пятисот: ряды красных кресел поднимались амфитеатром, разделенные семью лестницами, впереди сидели пэры, на верхних рядах — депутаты; места для публики (где яблоку было негде упасть) были отгорожены от зала тридцатью двумя ионическими

колоннами напротив места председателя, ниже которого стояла ораторская трибуна, украшенная белым мраморным барельефом с изображением аллегорий Истории и Репутации. В стене за трибуной были устроены ниши для шести скульптур великих ораторов древности: Брута, Ликурга, Катона, Цицерона, Солона и Демосфена. Статую Наполеона, стоявшую за столом председателя, заменили бюстами Людовика XVI, Людовика XVII и Людовика XVIII, а большие буквы «Н» наскоро замазали. (4 декабря Людовик XVIII подарит статую «узурпатора» прусскому королю Фридриху Вильгельму; сегодня ее можно увидеть во дворце Сан-Суси в Потсдаме.)

При появлении Людовика весь зал вскочил, крича «Да здравствует король!». Монарх расположился на возвышении перед местом председателя; справа от него сели граф д'Артуа, герцог Беррийский и принц Конде, слева — герцоги Ангулемский и Орлеанский. Рядом поместились канцлер, обер-камергер и высшие придворные. У подножия трона сидели министры, четыре маршала, четыре кавалера королевских орденов, шесть государственных советников и шесть рекетмейстеров^[61].

Людовику было уже шестьдесят, его легендарная тучность достигла апогея; страдая от подагры, он передвигался с большим трудом, однако умудрялся при этом сохранять поистине королевское достоинство и импозантность. Как отмечала герцогиня де Бройль, супруга пэра Франции, на устах монарха постоянно витала улыбка, взгляд же его был строг до суровости. Свою речь он произнес звучным голосом, как человек, чувствующий себя господином; продолжалась она не больше четверти часа. После речи началась церемония присяги. Канцлер и министр внутренних дел вызывали по одному пэров и депутатов, которые клялись «хранить верность королю, повиноваться Хартии и законам королевства», а также вести себя достойно.

Не обошлось без инцидентов. Во время принесения присяги несколько депутатов попросили слова, однако Ришельё сухо осадил их: «С незапамятных времен обычаи монархии не позволяют при подобных обстоятельствах брать слово в присутствии короля без его дозволения». Принц Полиньяк и граф де ла Бурдонне-Блоссак добавили к тексту присяги важную оговорку: «За исключением того, что касается католической религии» — это был их выпад против свободы вероисповедания, допускаемой Хартией. Наконец, некоторые депутаты отсутствовали, в частности верховод ультрароялистов граф де Бональд. Но тем всё и ограничилось; канцлер Дамбре объявил, что парламентская сессия 1815 года считается открытой, и король с принцами покинули дворец под рукоплескания присутствующих. Через некоторое время пушечный залп

возвестил о том, что они благополучно вернулись в Тюильри.

Тем временем новый глава кабинета переселился в Министерство иностранных дел — бывший особняк Галифе на улице Бак в Сен-Жерменском предместье, на левом берегу Сены. Герцог явился туда пешком, в сопровождении одного-единственного слуги, который нес баул с одеждой. Это было так необычно, что привратник не хотел его пускать, думая, что это розыгрыш. Практически Дюку приходилось начинать новую деятельность с нуля, как в Одессе: мебель в особняке была обветшавшая, а позже, когда он устраивал званые ужины, столовое серебро приходилось заимствовать в соседнем министерстве. Между тем одесская глава его жизни завершилась окончательно: 7 октября был подписан приказ о назначении Ланжерона одесским градоначальником и генерал-губернатором Новороссии и Бессарабии.

Весь штат Министерства иностранных дел состоял из восьмидесяти человек, включая нескольких секретарей во главе с генеральным секретарем Франсуа Жераром де Рейневалем, происходившим из семьи потомственных дипломатов. Ришельё знал его давно, встречался с ним в 1810 году в Петербурге во французском посольстве, считал его «способным человеком, весьма сведущим в иностранных делах», и доверял ему. Именно Рейневаль составлял проекты трактатов и соглашений, через его руки проходили дипломатические депеши. Кроме того, он был легок в общении, веселого нрава. «Памятью» министерства был Брессон, граф д'Отрив, заведовавший архивом; в свое время с ним часто советовался Наполеон. Лабернадьер, занимавшийся политическими делами, тоже служил императору, но для Ришельё было важно, что это опытный и компетентный человек. В общем, почти все сотрудники сохранили свои посты. Министерство подразделялось на несколько департаментов: Северный (в географическом плане — от Англии до России), Южный (от Турции до Испании), политический (посольства) и торговый (консульства). Его бюджет был довольно скромным: 7,65 миллиона франков (для сравнения: Министерство внутренних дел получало 70 миллионов).

Рошешуар, которого 16 октября назначили военным комендантом Парижа, поселился вместе с дядей и, как и в Одессе, взял на себя распоряжение хозяйством. Обслуживающий персонал сократили до минимума: дворецкий, повар, поваренок, буфетчик, камердинер, трое рассыльных, конюх и кучер — иметь меньше слуг было бы просто неприлично, отмечает маркиза де Монкальм. В особняке проживали только мужчины: герцогиня де Ришельё оставалась в Куртее, сестры герцога жили в том же предместье, но в своем доме. Это было нетипично для Парижа, где

приемами обычно заправляли женщины; но Дюк терпеть не мог интриг, а француженки регулярно становились их орудием.

Первые два месяца ушли на то, чтобы освоиться с новой ролью: герцог наблюдал, собирал информацию, молчал и редко выезжал. «О нем больше и речи нет, — писал депутат Виллель в октябре, — будто его и не существует».

В восемь утра герцог, облачившись в синий редингот, уже работал в своем кабинете: собственноручно писал важные депеши, сидя за небольшим столом, покрытым потертым сукном. Единственным украшением этого «чулана», по словам друга Армана, Матье де Моле, была красивая восточная трубка, стоявшая рядом. Здесь же находилась обезьянка на длинной цепи, которая порой садилась Дюку на плечо. В десять часов круглый стол в гостиной накрывали к обеду, состоявшему из... да-да, бараньих котлеток, куска паштета, сыра и кофе. За стол с герцогом садились пять человек: два его секретаря, Рейневаль и еще двое по выбору — министры, дипломаты или старые друзья вроде Оливье де Верака (его опоры в палате пэров) или Кастельно. В час дня было заседание правительства: по понедельникам и пятницам оно проходило в резиденции Ришельё, а по средам — в Тюильри. В остальные дни герцог проводил остаток утра за работой, запершись у себя. По вторникам, четвергам и воскресеньям он устраивал ужины, а затем принимал гостей до девяти часов. За столом прислуживал камердинер в синем фраке, привезенный из России, которому помогали двое слуг в потертых красных ливреях, при необходимости обращавшиеся за помощью к слугам гостей. Ужин был довольно скудным, однако дипломаты, депутаты, чиновники, придворные стремились попасть на эти трапезы не ради яств, а ради удовольствия общения с хозяином. Как утверждает герцог де Ноайль, «все подпадали, зачастую без своего ведома, под неизбежную власть, которую еще сохраняют красота, честность и справедливость даже над теми, кто в них не верит».

Арман охотно отправлялся ужинать к сестре, маркизе де Монкальм, проживавшей тогда на улице Сен-Доминик, дом 77, а с ноября 1817-го переехавшей в дом 33 по улице Университе. Туда же являлись те, кто хотел увидеть герцога, но не имел возможности явиться непосредственно к нему.

Умная, образованная и любезная Армандина была хозяйкой одного из четырех главных парижских салонов эпохи Реставрации (наряду с салонами герцогини де Дюрас, госпожи де Сталь и госпожи де Бройль), у нее собирались умеренные роялисты. «В тот день, когда мой брат стал министром, все вдруг обнаружили, что я умная женщина», — говорила она

не без лукавства, поскольку давно уже заслужила эту репутацию. Несчастливая в семейной жизни (муж был с ней груб и не любил ее, двое детей умерли в младенчестве) и не отличавшаяся хорошим здоровьем (у нее была больная печень), она редко выезжала и почти не вставала с кушетки в своей гостиной, пряча хрупкое и несовершенно тело под шальями и покрывалами. При этом она обладала прекрасным цветом лица, красивыми глазами, великолепными зубами и желанием нравиться, что почти превращало ее в светскую львицу. К ней ежедневно являлись министры, послы и дипломаты со всей Европы, в том числе Поццо ди Борго. Она умело направляла разговор, не пренебрегая никакими темами и поддерживая его в благожелательном тоне. Кроме того, Армандина вела дневник, занося в него все важные (и не очень) события, произошедшие после того, как ее брат неожиданно-негаданно оказался главой правительства.

Зато ее младшая сестра Симплиция отнюдь не была домоседкой. Ее муж маркиз де Жюмилак с октября 1815 года командовал 16-й дивизией в Лилле, и она была предоставлена сама себе. Маркиза постоянно разъезжала по светским раутам, хотя не обладала не только умом своей сестры или проницательностью брата, но даже привлекательной внешностью: маленькая, нескладная, с лицом, как у мартышки. Впрочем, она первой принималась шутить по поводу своей некрасивости; ее охотно принимали, и без госпожи де Жюмилак не обходился ни один праздник.

Их мать скончалась еще в 1814 году, когда ей было 58 лет. А старая маршалыша де Ришельё доживала свой век в замке Фромонвиль, в 90 километрах от Парижа (она угаснет там 7 декабря 1815-го в возрасте 75 лет и будет похоронена в местной церкви). В истории осталась фраза, которой она в свое время осадил Наполеона, недавно провозглашенного императором: она начиналась словами: «Сир, мой муж говорил Людовику XIV...»

Арман постепенно начинал вживаться в новую роль, хотя она давалась ему ценой невероятных усилий. Мысленно он всё еще был на берегах Черного моря, о чем недвусмысленно говорит его письмо генерал-майору Кобле, отправленное из Парижа 18 (30) октября 1815 года:

«Милостивый государь мой Фома Александрович.

Обязанность, повелевающая посвятить себя службе отечества и природного государя, принудила меня, к величайшему сокрушению, оставить Россию и тот край, который был доселе единственным предметом всех моих трудов и попечений. Управляя десять лет новороссийскими губерниями и проведши двенадцать лет в Одессе, я привык не отличать

моего счастья от счастья обитателей сего края. Берега Черного моря соделались для меня новым дорогим сердцу отечеством, а благорасположение и признательность жителей к слабым моим трудам для их пользы навсегда привязали меня к стране сей.

Насколько сильна сия привязанность, настолько тяжела и разлука. Она была бы для меня несносна, если бы я не утешался надеждою когда-либо увидеть еще любезную сердцу моему Одессу. Между тем воспоминание проведенных в сем городе дней будет для меня приятнейшею мыслию; благоденствие всего края пребудет всегда жарчайшим моим желанием.

При сей горестной разлуке я не должен и не могу забыть, что если добрые мои намерения имели желаемый успех, если в чем-либо споспешествовал я ко благу Одессы и ея жителей, то ни чему иному сим обязан, как усердному и единомудушному содействию почтенных моих сотрудников и граждан города. И потому непременною долгом поставлю принести Вашему превосходительству, равно всем гг. чиновникам военным и гражданским, купечеству и гражданам, пред коими прошу Вас быть изъяснителем чувств моих, истинную и совершенную благодарность, как за то содействие во многих трудных обстоятельствах, так и за искреннее ко мне благорасположение, в котором неоднократно имел случай удостовериться.

Благодарность сия никогда не изгладится из души моей, и я только те минуты жизни почту счастливыми, в которыя буду слышать о благоденствии Одессы.

Приятно и лестно для меня надеяться, что жители сего города, несмотря на разделяющее нас расстояние, сохраняют меня в своей памяти и всегда будут полагать в числе своих, по тому чувству, которое неизменно во мне останется. Впрочем, я несомненно уверен, что Одесса процветет и вознаградит все прошедшие свои потери и несчастья — первым и вернейшим залогом сего служит выбор Всемиловитейшим Государем Императором того почтеннейшаго начальника, на котораго Его Величество соизволил возложить свою доверенность в управлении Новороссийским краем и коего благодетельныя намерения мне известны.

Примите засвидетельствование того истинного почтения и преданности, с коими навсегда пребыть честь имею,

Милостивый Государь, Вашего Превосходительства Покорнейший Слуга

Э. Дюк-де-Ришелье».

Минуй нас пуще всех печалей...

Для герцога де Ришельё начались трудовые будни. 16 октября 1815 года комиссия по вопросам контрибуции с грехом пополам завершила деятельность. Франция должна была выплатить за пять лет 700,5 миллиона франков и на протяжении минимум трех лет содержать оккупационную армию, на что должно было уйти еще 450 миллионов. Кроме того, она согласилась уплатить 386 миллионов в качестве компенсации расходов союзных армий за время их пребывания на французской территории с июля этого года (и это без учета разрушений и разграбления имущества захваченных крепостей еще на 22 миллиона). Контрибуцию предстояло выплачивать каждый квартал траншами по 40 миллионов. Эти деньги распределялись следующим образом: 137,5 миллиона — пограничным государствам: Великому герцогству Нижний Рейн, Пьемонту, Испании; 388 миллионов — четырем великим державам и 175 миллионов — на сооружение линии укреплений по границам Франции. (Кроме того, правительство тайно выплатит 4 миллиона 320 тысяч франков на содержание русской армии «в благодарность за услуги, оказанные Россией в ходе переговоров», и еще 16 миллионов разным переговорщикам, в том числе три миллиона Блюхеру.) Помимо этого, Франция должна была заплатить долги иностранцам, сделанные во время Империи, и компенсировать англичанам ущерб за конфискацию их имущества в 1793 году — эти две статьи расходов требовали по 3,5 миллиона. Где взять такие деньги? Советник Увар^[62] предложил образовать синдикат банкиров, который заменит собой казначейство и займется выплатой контрибуции. Ришельё был в замешательстве. Он плохо разбирался в финансовых вопросах и никогда не ворочал подобными суммами. Решили пока повременить.

Предварительное соглашение по военным вопросам было подписано 22 октября. Договорились, что каждая из четырех союзных держав разместит во Франции тридцатитысячный военный контингент, Бавария — десять тысяч, Дания, Саксония, Ганновер и Вюртемберг — по пять тысяч, итого — 150 тысяч солдат в восемнадцати крепостях под общим командованием Веллингтона. Военная оккупация была в глазах союзников (казна которых тоже была пуста) гарантией исполнения Францией своих финансовых обязательств, а заодно превентивной мерой на случай попыток поколебать установленный порядок. У Франции своей армии не было:

старая, наполеоновская, была распущена ордонансом от 16 июля 1815 года, а новая, королевская, которую должен был организовать маршал Гувион-Сен-Сир, существовала пока лишь на бумаге. Порядок поддерживался только жандармерией и Национальной гвардией, тоже претерпевающей реорганизацию; в Париже она насчитывала 35 тысяч человек.

«Положение явно незавидное, — писал Ришельё Деказу в ноябре. — Возможно, мы наделали глупостей, но и более ловкие, чем мы, оказались бы в затруднении. Больше всего я опасюсь, что будут думать, будто меня поддерживают иностранцы, о чем уже начинают поговаривать. Это было бы самое ужасное».

Помимо нелегких переговоров с представителями оккупантов, герцогу приходилось тратить силы и на отечественных «патриотов», шумевших в палате депутатов и выдвигавших одну инициативу за другой. Ришельё сидел один на скамье министров, в первом ряду напротив трибуны, и очень редко подавал голос. Он сам признавался Поццо ди Борго: «Талантом руководить собраниями я не обладаю вовсе». В России не было парламента, соперничества партий, зажигательных речей; на заседаниях Строительного комитета в Одессе все выступали коротко и по делу. А здесь? Практически сразу сложилась партия правых, лидерами которой были два превосходных оратора: Жозеф де Виллель, некрасивый, с гнусавым голосом и сильным южным акцентом, однако наделенный ясным и логическим умом, способный разложить по полочкам самые сложные вопросы, и Жак де Корбьер, бывший адвокат, злобный, ожесточенный и неистовый. Все вопросы, касающиеся законодательства и парламентской рутины, ультрароялисты предварительно обсуждали, собираясь на частной квартире. Умеренные для тех же целей специально снимали квартиру на улице Сент-Оноре (их противники видели в ней революционный клуб); у них тоже нашлись хорошие ораторы: Руайе-Коллар, граф де Серр, Паскье, придерживавшийся линии правительства.

Задачей номер один считалась «чистка рядов»; преданность королю ставилась выше компетентности в любых вопросах. Воблан назначал новых префектов исключительно по принципу лояльности; герцог Фельтрский учредил следственную комиссию, которая должна была изучить поведение всех офицеров, состоявших на службе во время Ста дней.

Двадцать третьего октября обсуждался проект закона против крамольных возгласов: депутат Гуэн-Муазар потребовал, чтобы оскорбительные фразы в адрес короля и принцев карались отсечением правой руки. Когда же другой его коллега заикнулся об убийствах

протестантов на юге страны, тотчас поднялся страшный гвалт. «Это ложь! Ложь!» — кричали отовсюду. 27 октября граф де Семезон потребовал, чтобы подъем триколора карался смертью.

Между тем под боком у Парижа еще сохранялся островок империи — Венсенский замок, успешно обороняемый двумя сотнями унтер-офицеров во главе с одноногим генералом Пьером Доменилем (1776–1832).

Домениль был тяжело ранен при Ваграме, ему дважды провели ампутацию, после чего он получил прозвище «Деревянная нога». В 1812 году Наполеон назначил его комендантом Венсенского замка, и в 1814–1815 годах, пока Париж неоднократно переходил из рук в руки, храбрый генерал не сдал свою крепость никому. Русским он ответил: «Отдайте мне мою ногу, и я отдам вам замок!» После подписания в Вене мирного договора пруссаки хотели завладеть арсеналами французских крепостей, чтобы возместить свои потери во время наполеоновских завоеваний. В Венсене хранилось более пятидесяти двух тысяч новых ружей, более сотни орудий, несколько тонн пороха, пули, ядра, снаряды, сабли... Карл фон Мюффлинг прислал к Доменилю парламентаров; один из них пригрозил взорвать крепость при отказе сдаться. «Тогда я начну первый, — подхватил непреклонный комендант. — Мы взлетим на воздух вместе». Блюхер посулил ему миллион, если он капитулирует; Домениль устроил вылазку в деревушку Венсен и захватил еще и прусские пушки. В лучших традициях французских приключенческих романов он сумел передать записку военному министру герцогу Фельтрскому, которую одна дама спрятала за подвязкой: генерал просил о подмоге. К нему направили парижского коменданта Рошешуара. Только 15 ноября Домениль согласился передать вверенную ему крепость Бурбонам и вышел оттуда со своим гарнизоном под трехцветным флагом. Его освободили от его обязанностей.

К этому времени депутаты приняли закон о подрывных речах и возгласах (9 ноября): за слова и действия, направленные на свержение правительства или представляющие собой угрозу для жизни короля и его семьи, полагался суд и, возможно, депортация; песни, подрывающие авторитет королевской власти, выкрики «Да здравствует император!» и демонстрация триколора карались тюремным заключением сроком от месяца до пяти лет и штрафом до 20 тысяч франков (зять Ришельё Монкальм-Гозон требовал казнить поднимающих трехцветный флаг).

Тем временем полномочные представители четырех союзных держав при французском короле дважды в неделю, по средам и воскресеньям, собирались в одиннадцать утра у английского посланника, чтобы обсудить положение в стране. Англию представлял Чарлз Стюарт, человек

малопрятный и большой интриган; Ришельё его не любил, и тот платил ему взаимностью. Прусский посланник граф фон Гольц в свое время был послом в Петербурге. Австриец барон фон Винцент хорошо ладил с Ришельё, считая его «честным, порядочным, неспособным поддаться из расчета на предложения, противные тому, что он считает выгодой для Франции», однако его привычка видеть всё в черно-белом цвете несколько раздражала герцога. Наконец, ближе всего Дюку был, конечно же, русский посланник граф Поццо ди Борго, они почти ежедневно виделись у маркизы де Монкальм.

Двадцатого ноября 1815 года был подписан второй Парижский мир, называемый договором Четверного союза. «Его Христианнейшее Величество признал, что в государстве, четверть века разрывавшемся революционными судорогами... мудрость должна соединиться с крепостью, умеренность — с твердостью для свершения счастливых преобразований. Союзные правительства знают, что Его Величество противопоставит всем врагам общественного блага... свою приверженность конституционным законам, принятым под его эгидой...» Ришельё поставил подпись под этим договором с болью в сердце. «Всё кончено, — писал он в тот же день Армандине. — Я был ни жив ни мертв, ставя свое имя под этим роковым трактатом. Я поклялся не делать этого и говорил об этом Королю. Сей несчастный государь заклинал меня со слезами не покидать его. Я более не колебался. Я уверен, что никто бы не добился большего. Франция, изнемогающая под грузом обрушившихся на нее бедствий, настоятельно требовала скорейшего избавления»^[63]. Пять дней спустя он представил трактат палате депутатов, которая тогда бурлила — но совсем по иному поводу.

Ришельё был убежденным сторонником национального примирения, без которого восстановление страны было просто немыслимо. Однако закон об амнистии бонапартистам встретил резкие возражения со стороны парламентариев. 11 ноября граф де ла Бурдонне потребовал «кандалов, палачей и казней». Согласно составленному им законопроекту, амнистия не должна была распространяться на префектов, комендантов и офицеров, заявивших о своей поддержке Бонапарта до 23 марта — дня, когда король выехал из Франции: «Смерть, одна лишь смерть может утешить их сообщников и положить конец их козням». При этом «революционную» гильотину следовало заменить старой доброй виселицей. Одновременно Состен де Ларошфуко потребовал провозгласить 21 января днем национального траура «во искупление смерти Людовика XVI»: каждый год вся страна должна молить Бога о прощении.

В это время решалась судьба одного из самых видных бонапартистов Мишеля Нея. В списке изменников, переметнувшихся к Наполеону во время Ста дней, составленном Фуше, он был единственный маршал и значился под первым номером. Впрочем, по некоторым сведениям, Фуше предоставил Нею два паспорта, чтобы он мог уехать в Швейцарию или США, но тот предпочел остаться во Франции. 19 августа его заключили в тюрьму Консьержери. Поскольку в 1814 году Людовик XVIII сделал его пэром Франции, Ней потребовал суда пэров.

Процесс начался как раз 11 ноября. Ришельё призвал пэров сделать этот суд показательным, о чем горько пожалел. 6 декабря адвокат Дюпен заявил, что в связи с возвращением Пруссии города Саарлуиса, где родился Ней, его подзащитный не может быть судим во Франции. Тогда маршал встал, прервал его и воскликнул: «Я француз и останусь французом!» Через два дня, за полчаса до полуночи, ему вынесли смертный приговор, за который проголосовали в том числе пять маршалов времен Империи; только Даву свидетельствовал в его защиту, а Гувийон-Сен-Сир настаивал на депортации. Друг Ришельё Оливье де Верак тоже голосовал «за»... Приговор был вынесен в отсутствие обвиняемого, которому его огласили в три часа утра.

Привести приговор в исполнение должен был военный комендант генерал де Рошешуар... Тот сообщил приговоренному, что ему разрешены три свидания: с женой, нотариусом и исповедником. Супруга маршала пришла к нему в камеру вместе с их четырьмя детьми — и потеряла сознание, узнав о приговоре. Она отправилась к Людовику XVIII ходатайствовать о помиловании, но тот сказал, что сам-то не возражает, однако это решение могут принять только Веллингтон и герцогиня Ангулемская, дочь Людовика XVI. Веллингтон сначала согласился помиловать осужденного, а потом передумал; герцогиня сухо отказала. От исповеди Ней сначала отказался, однако уступил уговорам одного солдата, прошедшего русскую кампанию и после того ставшего верующим. В половине девятого за ним приехала карета.

«Мало того что я был вынужден присутствовать при его смерти, моим долгом было привести в исполнение постановление суда пэров в отношении несправедливой жертвы нашей политической реакции», — вспоминал Рошешуар. Командовать расстрельным взводом он назначил офицера из Пьемонта, чтобы ни один французский солдат не взял грех на душу. Маршал был в штатском; он не позволил завязать себе глаза и, обращаясь к солдатам, сказал: «Товарищи, стреляйте в меня, только цельтесь точнее!» Грянул залп, и он упал ничком. «Вот великий урок,

показывающий, как надо умирать!» — пишет Рошешуар в мемуарах. По обычаю к телу не подходили с четверть часа. Какой-то англичанин перескочил через него на лошади. Один русский офицер бурно выражал свою радость; Александр I, уважавший Нея, вычеркнул невежу из полковых списков.

«Все принципы якобинства, сдерживаемые десять лет, вылезли наружу, трудненько будет вернуть этот поток в его берега, — писал Дюк. — Одному Богу известно, что станет с этой несчастной страной. Похоже, ему следует продолжать являть примеры Божественного правосудия. Бич иноземного нашествия, гораздо более ужасный по всем статьям, чем в прошлом году, — ничто по сравнению с безнравственностью этого народа и опасностями, которых она заставляет опасаться; никто не избавился ни от преувеличений, ни от своих предрассудков».

Разгул страстей в ультрароялистской палате был зеркальным отражением бушующего Конвента. Мстительность и кровожадность могли привести страну только к окончательной гибели, для Ришельё это было очевидно. Он признавался Ланжерону: «То, что я слышу здесь всякий день, приводит меня в дрожь; люди самого мягкого нрава говорят лишь о казнях, мести, палачах».

Два месяца герцог продолжал упорную и решительную борьбу за амнистию. Он почти ежедневно встречался с членами учрежденной 15 ноября парламентской комиссии, занимавшейся этим вопросом, дважды лично выступал в палате. «Если мне удастся провести эту меру, — писал он Александру I 23 ноября, — льщу себя надеждой, что Франция почти целиком примкнет к Королю. Если же, к несчастью, Собрание, введенное в заблуждение ослепленными страстью людьми, ее отринет, вскоре после того я отправлюсь в Россию, ибо никакая человеческая сила не заставит меня принять систему преследований и мести, из-за которой прольются реки крови и будут погублены Франция и королевская семья».

Его первое выступление в палате состоялось 8 декабря, сразу после казни Нея. Оратором Дюк был неважным: голос не был поставлен, а речь он читал по бумажке, в отличие, например, от Деказа, умевшего импровизировать. Герцог напомнил, что амнистия, право помилования — королевская prerogative. Не случайно Людовик XVIII 24 июля издал ордонанс об амнистии бонапартистам, якобинцам и иже с ними в интересах «своего народа, достоинства его короны и спокойствия Европы». Только 19 человек, включая Нея, были преданы суду, а еще 38 — помещены под стражу; наказанием этих лиц и следует ограничиться. Широкая амнистия составляет самую суть политики союза и примирения: «...После большого

мятежа не будет ни справедливо, ни политично наказать всех, кто в нем участвовал... Настало время, господа, чтобы французы объединились... дабы изжить наши беды». Амнистия необходима для процветания Франции, которого не будет, пока в стране не воцарится мир.

Представленный Ришельё законопроект начал обсуждаться в комитетах. Но тут произошел очередной досадный инцидент: бывший главный почтмейстер Бонапарта Антуан Мари Шаман граф де Лавалетт, обвиненный в измене и после бурного процесса приговоренный к смерти, накануне казни (20 декабря) сбежал из тюрьмы. В палате депутатов поднялся вой. Побег Лавалетту устроили родные: жена и дочь пришли с ним попрощаться, и верная Эмилия обменялась одеждой с мужем, сама осталась в камере, а он ушел. Тем не менее депутаты обвинили в соучастии Деказа и Барбе-Марбуа и требовали расследования. А ведь незадолго до побега Ришельё лично выступил в защиту Лавалетта и просил короля его помиловать! Он еще не знал, что после побега тот какое-то время скрывался в служебной квартире Брессона, заведовавшего архивом Министерства иностранных дел. 27 декабря докладчик комиссии об амнистии Корбьер огласил ее выводы, практически совпадавшие с проектом де ла Бурдонне.

В тот же день особым законом были созданы превотальные суды (по сути — военно-полевые) в каждом департаменте, состоявшие из четверых гражданских чиновников, однако решающее слово имел военный прево. Эти суды рассматривали политические преступления, связанные с насильственными действиями, вроде собраний бунтовщиков или вооруженных мятежей; их приговор обжалованию не подлежал и должен был исполняться в течение суток.

Второго января 1816 года начались прения по закону об амнистии, которые продолжались четыре дня; на трибуне побывали 54 депутата. На заседании 6 января выступил и Ришельё; после того как Корбьер представил практически тот же самый документ (амнистия по категориям), герцог, не привыкший к неповиновению высшей власти, вспылил, покинул зал заседаний и отправился к королю за распоряжениями. Король уступить не пожелал. Палата перешла к голосованию по поправкам. Поправка, предусматривающая репрессии по категориям, была отвергнута с перевесом всего в десять голосов; Поццо ди Борго видел в этом победу Ришельё, однако это был слишком оптимистический взгляд. Кроме того, герцогу пришлось уступить по вопросу об изгнании цареубийц. 9 января закон был принят палатой пэров, а через три дня утвержден королем. Все родственники Бонапарта, а также депутаты, голосовавшие за казнь

Людовика XVI и поддерживавшие «узурпатора» во время Ста дней, должны были отправиться в изгнание.

Ришельё не скрывал от друзей своего разочарования и в течение нескольких дней пытался подать в отставку. (Надо отметить, что просьба об отставке была политическим приемом, которым неоднократно пользовался в свое время кардинал Ришельё как раз для того, чтобы остаться у руля и получить новые доказательства доверия к нему со стороны короля; однако герцог де Ришельё был искренен в желании сбросить с себя это ярмо, ведь ему было куда ехать.) Эта новость распространилась моментально, называли даже имена его возможных преемников — маркиза Шарля Франсуа де Боннэ, бывшего посланника в Копенгагене, сделанного пэром Франции и голосовавшего за казнь Нея, или Шуазеля-Гуфье.

Тем временем 8 января Лавалетт благополучно покинул Париж с помощью троих английских офицеров, нарядивших его в мундир британской армии, и выехал в Монс, а оттуда в Баварию, где прожил несколько лет под покровительством Евгения де Богарне и короля Максимилиана. В 1822 году его помиловали и он вернулся в Париж, а вот его жена Эмилия после этого приключения родила мертвого ребенка и повредила в уме... Лишился рассудка и генерал Траво, приговоренный к смерти, но помилованный королем.

«Если бы Вы знали, какую жизнь я тут веду, то пожалели бы меня, — искал сочувствия Ришельё в письме Ланжерону 28 декабря, в разгар парламентских баталлий. — Работа меня не пугает, но за всякие лишения и страдания должно быть вознаграждение. В Одессе новый поселок, новая плантация, дерево радовали мое сердце и утешали меня за горести, которые я мог испытать. Здесь же ничего взамен, ибо те удовольствия, коими изобилует Париж, его ресурсы в области литературы, науки, искусства — всего этого для меня не существует^[64]... Поэтому, дорогой друг, я чахну, умираю живьем, не сплю и не ем и скоро буду похож на скелет. Ах, зачем я уехал из Одессы! <...> Впрочем, возможно, я туда вернусь, и скорее, чем Вы думаете. И, возможно, я еще смогу заняться благосостоянием этого края, где всё ново, где людям есть куда расширяться, тогда как здесь все настолько тесно прижаты друг к другу, что нечем дышать».

В середине января 1816 года Ришельё получил просьбу об аудиенции от Дезире Клари (1777–1844), супруги шведского принца Карла Юхана (в прошлой жизни — Жана Батиста Бернадота), проживавшей в Париже под именем графини Готландской. Она хотела заступиться за свою сестру Жюли, обреченную на изгнание, поскольку являлась женой Жозефа

Бонапарта.

Судьба Дезире настолько необычна (хотя, возможно, и не казалась таковой в ту невероятную эпоху), что для рассказа о ней стоит сделать небольшое отступление. Она родилась в Марселе в семье богатого шелкового фабриканта и была младшей из девяти детей. В отличие от старшей сестры Жюли (1771–1845), некрасивой, но умной, она была прекрасна, как ангел, однако легкомысленна и непостоянна. Летом 1793 года в Марсель переселилось семейство Бонапарт. На следующий год отец Дезире умер, а ее брата Этьена бросили в тюрьму по подозрению в заискивании перед «тираном Луи Капетом». Дезире с невесткой пошла хлопотать о его освобождении, однако во время томительного ожидания в присутственном месте шестнадцатилетняя девушка задремала, а когда проснулась, то родственницы рядом не было (та уже получила бумагу об освобождении мужа и поспешила в тюрьму), зато ее увидел Жозеф Бонапарт, военно-морской комиссар Марселя, успокоил и проводил домой. Очарованный Дезире, Жозеф стал за ней ухаживать и пообещал жениться, как только она войдет в возраст. Оборона Марселя была поручена его младшему брату Наполеону, недавно ставшему генералом. Познакомившись, в свою очередь, с семьей Клари, он заявил Жозефу: «В хорошей семье один из супругов должен уступать другому. Ты, Жозеф, нерешительного нрава, и Дезире тоже, а я и Жюли знаем, чего хотим. Поэтому тебе лучше жениться на Жюли, а Дезире станет моей женой». Жюли к тому времени успела влюбиться в Жозефа; их свадьба состоялась 1 августа 1794 года.

В июле 1795-го Дезире, невеста Наполеона, поехала вместе с матерью и братом Никола в Геную, куда Жозефа Бонапарта отправили с дипломатическим поручением. Наполеон же в это время познакомился в Париже с Жозефиной де Богарне (1763–1814) и разорвал помолвку с Дезире. 9 марта 1796 года он женился на Жозефине (вдове с двумя детьми, Евгением и Гортензией), которую Дезире прозвала «старухой». Однако она не слишком расстроилась, поскольку от женихов не было отбоя. Жюно получил отказ, Мармон имел больше шансов получить ее руку, однако в июле 1798 года Жозеф представил свояченице Жана Батиста Бернадота.

Это была любовь с первого взгляда. Бернадот был антагонистом Наполеона, выйти за него замуж значило еще и отомстить бывшему жениху. Уже 17 августа 1798 года отпраздновали свадьбу; свидетелями были Жозеф Бонапарт и Жюли, а также его младший брат Люсьен Бонапарт с женой Кристиной. 4 июля 1799 года у пары родился сын Оскар, крестным отцом которого стал Наполеон.

Бернадот не участвовал в перевороте 18 брюмера, однако Наполеон его поощрил. Став императором, он сделал бывшего противника князем Понтекорво и маршалом, и тот храбро сражался при Аустерлице, разбил пруссаков при Галле и Любеке. Проявленное им тогда милосердие к шведским военнопленным не было ими забыто. В сражении при Ваграме саксонский корпус, которым командовал Бернадот, был почти весь перебит, и он вышел из доверия у Наполеона, отправившего его в Париж. Тогда-то ему и предложили выставить свою кандидатуру на выборах нового наследного принца Швеции. К всеобщему удивлению, Генеральные штаты в Оребро выбрали его, и 5 ноября 1810 года бездетный король Карл XIII провозгласил его своим наследником под именем Карл Юхан. Наполеон дал согласие на отъезд Бернадота в надежде получить надежного союзника на севере Европы; шведы же мечтали с помощью Франции вернуть Финляндию, отошедшую к России в 1809 году. Однако Карл Юхан, реально управлявший страной от имени приемного отца, предпочел отказаться от Финляндии ради мира с Россией, порвал с Наполеоном, когда тот занял шведскую Померанию, и сблизился с Александром I.

Дезире с сыном приехала в Стокгольм в январе 1811 года, однако через пять месяцев одна вернулась в Париж: ей было скучно при строгом шведском дворе, да и суровый местный климат пришелся ей не по душе, к тому же она подхватила там какую-то кожную болезнь. С другой стороны, она выведывала намерения французского императора и передавала свои с ним разговоры мужу, который называл ее «своей шпионочкой». Через нее же Наполеон передавал Бернадоту собственные послания. Тот отказался от участия в походе на Россию, примкнул к Шестой коалиции, с победой вернулся в Швецию, да еще и овладел Норвегией в 1814 году; после Стадией Швеция соблюдала нейтралитет.

И вот теперь Дезире, привязанная к старшей сестре и не желавшая расставаться ни с ней, ни с Парижем, взывала о помощи. Любезный герцог де Ришельё написал ей обнадеживающее письмо, сообщив, что король разрешил Жюли остаться во Франции до наступления лета, а затем отправился к просительнице лично — «как раньше было принято у всех министров в отношении светских женщин, а в мое время этот обычай сохранил только господин де Ришельё», напишет в мемуарах графиня де Буань, дочь дипломата маркиза д'Осмона. Просительница, которой тогда не исполнилось и сорока, была очарована обходительным и привлекательным пятидесятилетним мужчиной и пригласила его как-нибудь отужинать с ней. Очень может быть, что она отнесла учтивость министра на счет своей собственной привлекательности, и впоследствии это создало герцогу

множество проблем...

В Париже Ришельё по-прежнему оставался белой вороной. Он, привыкший улаживать дело миром даже с коварными горцами, прибегая к репрессиям лишь в самом крайнем случае, никак не мог согласиться с апологетами «белого террора», желавшими «вернуть всё, как было, в один день», как будто и не было двадцати пяти лет Революции и Империи. В январе 1816 года Дюк писал аббату Николю: «Я не могу ни заставить себя услышать, ни понять язык, на котором со мной говорят, и, возможно, я делаю еще хуже, не бросившись в объятия одной партии, увлекая другую партию на эшафот, о чем меня просят всякий день». Это было хуже прежде всего для него самого: глава правительства не сделался политическим лидером; его политика умеренности не встречала понимания ни у правых (ультрароялистов), ни у левых (либералов). Армандина рассорилась со множеством своих друзей-роялистов из-за убеждений брата, но и она допускала, что Арман, не испытывавший в полной мере гонений со стороны революционеров, не понимает заключенной в них угрозы. «Он опасается неумеренности роялистов, чье безрассудство очевидно, и не распознаёт коварства, совершенно чуждого его душе». Тяжелее всего для герцога было не находить понимания среди людей своего сословия, среди которых он вращался. «Здесь нет никого, кому я мог бы открыть мое сердце, и от этого я еще более несчастен», — жаловался он Николю.

Более того, король, уважавший главу правительства как человека и считавший необходимым как министра, не любил его: Людовику было не по себе от искренности и «неожиданной резкости» Ришельё. Герцог не был царедворцем; он привык общаться с государем, чтобы решать с ним деловые вопросы, а не выражать сочувствие по поводу приступов подагры или легкого недомогания. В письмах, разумеется, он неизменно справлялся об августейшем здоровье и уверял в своем полнейшем почтении, однако в разговорах ему не доставало той гибкости и психологической проницательности, которой славился его знаменитый предок.

Брат короля (и первый претендент на трон после смерти бездетного Людовика), некогда уговаривавший Ришельё принять на себя руководство правительством, теперь открыто выражал недовольство некоторыми министрами: 24 декабря герцогу пришлось объясняться с Месье по поводу Барбе-Марбуа (тот настаивал на несменяемости судей во избежание «чистки» среди них), а 15 января — по поводу Деказа, якобы интриговавшего против графа де Воблана, ультрароялиста и протеже Месье. Эти разговоры ни к чему не привели: граф д'Артуа остался убежден, что Ришельё, хотя и настоящий «джентльмен», стоит на неверном

пути; герцог же находил, что Месье ведет себя как партийный лидер, а не как наследник престола.

Сочувствие к королю, который разрывался на части между своими родственниками и министрами, оттенялось раздражением из-за того, что монарху не доставало твердости. «Два-три «Я так хочу», произнесенные во весь голос, особенно внутри дворца, — и все дела пошли бы сами собой», — уверял он французского посла в Лондоне маркиза д'Осмона в письме от 15 апреля. (Кстати, любители исторических сопоставлений могли бы вспомнить и о том, как решительно Людовик XIII пресекал заговоры, в которых участвовал его брат, и как оберегал своего министра Ришельё от происков клеветников Месье. Правда, Дюк чаще приводил в пример Генриха IV, считая его образцовым королем.) Зато Ришельё удалось сблизить Людовика XVIII с племянником, герцогом Ангулемским, организовав последнему поездку по южным провинциям с посещением Бордо, с октября 1815 года по январь 1816-го.

Иное дело Эли Деказ. Молодостью, привлекательной внешностью, энергичностью, легкомысленной болтливостью и оптимизмом он очень нравился королю, которому хотелось слушать о приятных и необременительных вещах, а не о бюджете, выборах и амнистии, о которых твердил ему Ришельё. Кроме того, Деказ любил интриги, а должность министра полиции использовал для того, чтобы всеми доступными способами собирать информацию: его агенты следили за нужными людьми, снимали копии с писем, контролировали некоторые газеты. Каждый вечер Деказ являлся к королю с целым ворохом сведений, так что у Людовика складывалось впечатление, что он в курсе всех дел и на все вопросы знает ответ. Со временем король проникся к молодому парвеню отеческой любовью и даже называл сыном в письмах, которые писал ему каждый день.

На первых порах Ришельё и Деказ прекрасно дополняли друг друга: один был образцом высокой нравственности, другой ловко вел дела; один мужественно шел навстречу опасности, другой умел выпутываться из затруднений. Идеалист и прагматик, пессимист и оптимист. Деказ служил посредником между Ришельё и королем: подготавливал почву для принятия важных решений и смягчал удары.

В феврале 1816 года Воблан представил на рассмотрение палаты законопроект о выборах, в марте Корветто выступил с проектом бюджета. Депутаты рассматривали экономические вопросы через призму политики. Так, они встретили в штыки предложение устранить дефицит, появившийся в период Ста дней, продав 400 тысяч гектаров леса, принадлежащих

государству, поскольку этот лес был национализированным церковным имуществом. Разве можно отдавать церковное имущество в уплату долга узурпатора! Но если казна пуста, как платить контрибуцию? Поццо ди Борго организовал коллективный демарш посланников союзных держав, выдвинув вперед Веллингтона, который написал королю и переговорил с Месье. Однако демарш не удался, раздражение депутатов еще больше возросло, а тревога Ришельё усилилась. «У нас теперь кризис, который приведет к падению нынешнего кабинета; я полагаю, что всё решится через две-три недели», — писал он в марте в Одессу. Однако в апреле в вопросе о бюджете удалось найти компромисс, а 29-го числа обе палаты были распущены на каникулы.

К тому времени конфликт в самом правительстве уже достиг апогея: Ришельё готов был своими руками придушить министра внутренних дел Воблана. В самом деле, представленный им закон о выборах, состряпанный наспех и совершенно невыполнимый, только поставил кабинет в неловкое положение; но самое главное — Воблан даже не счел нужным предупредить своего шефа об этой инициативе! Отчитывался он перед Месье и всячески перед ним выслуживался. Глава правительства и министр почитали друг друга ни на что не годными глупцами, но в конечном итоге Деказ уладил дело: 9 мая 1816 года Воблана отправили в отставку.

Его преемником стал председатель палаты депутатов Жозеф Анри Иоахим Ленэ (1767–1835), уроженец Бордо и почти ровесник Дюка. Негоциант, ставший адвокатом, он входил в Законодательный корпус при Наполеоне, однако занимал в нем независимую позицию. Во время Ста дней Ленэ бежал в Англию вместе с герцогиней Ангулемской; вернувшийся в Тюильри Наполеон заявил, что прощает всех, кроме двух своих заклятых врагов — Линша и Ленэ. (Жан Батист Линш был мэром Бордо и в 1814 году сдал город англичанам, за что Людовик XVIII сделал его пэром Франции.) Преданный королю и верный принципам Хартии, Ленэ был сдержанным, непроницаемым, однако обладал тонким пониманием многих вещей и подвижным умом, умел хорошо говорить с трибуны, а главное — был нацелен на успех. Правда, он любил заставлять себя упрашивать, и Ришельё не сразу удалось его уговорить. Пришлось пустить в ход «тяжелую артиллерию»: король написал Ленэ письмо: «Повелеваю Вам — больше того, прошу Вас — принять пост министра внутренних дел». (Правда, перед тем как подписать ордонанс о назначении Ленэ министром внутренних дел, Людовик размышлял целых девять дней.) У Ришельё гора с плеч свалилась: Ленэ был единственным человеком, которого он не мог заподозрить в двуличии или каких-то задних мыслях.

Наконец-то нашелся кто-то, кому он мог довериться и с открытой душой просить совета. Впрочем, близости между ними быть не могло — мешали сословные различия (Ленэ был сыном креола с Сан-Доминго). Кроме того, нерешительность одного усиливала тревогу другого.

Вслед за Вобланом «попросили на выход» и Барбе-Марбуа (он что-то не поделил с Деказом), которого временно заменили старым канцлером Дамбре, намереваясь позже предложить должность министра юстиции Паскье. Барбе-Марбуа вновь возглавил Счетную палату.

Люди гибнут за металл

Европейское равновесие было весьма шатким. Сложился двухполярный мир: морская держава Англия против континентальной державы России. Они разнились всем: формой правления, экономическими интересами и политическими взглядами на Европу и место в ней Германии, в особенности Пруссии. Нидерланды находились под влиянием Англии, Польша стала вассалом России, Австрия, исторический союзник России, господствовала над Италией, что беспокоило Англию... Но пока потенциальные конфликты, способные взойти на этой почве, оставались в зародыше из-за отсутствия за столом третьего крупного европейского игрока — Франции.

Враждебность к ней всех остальных европейских стран на данном этапе была общим знаменателем их внешней политики. И такая ситуация причиняла Ришельё душевную боль. Он назначал послами людей, которых хорошо знал и которые говорили бы за границей его голосом: в Петербурге находился граф де Ноайль, в феврале 1816 года в Лондон выехал маркиз д'Осмон, в мае в Берлин — маркиз де Боннэ, в июле в Вену — граф де Караман. Это всё были люди «из раньшего времени», не нуждавшиеся в представлении. Внешняя политика Франции отныне зиждилась на «двух китах»: сдержанности и осторожности. Ришельё многого ожидал от России, однако был настороже; он стремился изолировать Пруссию, сблизившись с Австрией, которая внушала ему меньше опасений, чем Англия, поскольку Франции предстояло восстановить свои позиции не только на суше, но и на море.

Английский оккупационный корпус стоял в департаменте Нор-Па-де-Кале; с декабря 1815 года по май 1816-го в Министерство иностранных дел поступали тревожные сведения о поведении англичан (новости проходили через двойной фильтр префектов и министерств внутренних дел и юстиции). Британские офицеры хвалили Наполеона и позволяли себе оскорбительные высказывания в адрес короля, устраивали военные маневры и охотились на только что засеянных полях; солдаты нападали на дилижансы, занимались контрабандой, делали фальшивые деньги, не гнушались кражами и разбоем, не говоря уже о пьянстве. Судить их могли только собственные военные суды. 29 мая один английский солдат убил кабатчика, отказавшегося снабдить его водкой в девять часов вечера. Его судили и приговорили к нескольким дням гауптвахты. При этом англичане

считались благовоспитанными по сравнению с пруссаками и прочими немцами!

Зато русские, стоявшие от Валансьена до Авена (от «Волосеня» до «Овина», как произносили эти названия солдаты), «были приветливо горды с жителями и старались задабривать их ласками и деньгами», пишет Ф. Ф. Вигель. В этом (опять же по словам Вигеля) они следовали примеру своего начальника — генерала графа М. С. Воронцова, ставка которого была в Мобёже. Но и у них возникали конфликты с таможенниками (Воронцов писал дежурному генералу Главного штаба А. А. Закревскому, что казакам невозможно объяснить, почему провезти табак через границу — преступление). Однажды таможенник убил казака, а члены Авенского трибунала, обещавшие предать его суду, помогли ему бежать. После этого Воронцов объявил, что будет «вопреки конвенции почитать себя на военной ноге»: «...каждого виновного против нас француза буду судить нашими законами и подвергать по оным наказанию, хотя бы привелось и расстрелять». Париж ответил отказом на требование Воронцова судить организаторов побега убийцы казака. Вскоре неподалеку от таможни был убит русский артиллерист. Тогда Воронцов велел арестовать всю таможенную команду во главе с офицером, продержал их под стражей 36 часов, а на прощание заметил, что «ежели бы между ими в сем случае нашел убийцу, то тут же на площади по суду оный был бы расстрелян». С тех пор, докладывал граф царю, «трибуналы, по крайней мере, сколько до судей касалось, показывали нам не только беспристрастие, но даже усердие и ревность».

В свою очередь русские солдаты подвергались наказаниям за «смертоубийство, разбой, кражу, неповиновение и грубость к начальству», так что воровство практически исчезло. При этом Воронцов строго-настрого запретил офицерам пороть нижних чинов «для острастки» за чужие проступки, поскольку солдаты, «привыкая к возможности наказания, легко привыкают и к возможности преступления». (Кстати, у англичан телесные наказания применялись чаще.) В составе русского оккупационного корпуса числился и И. А. Стемповский, приехавший из Одессы в Вену вместе с Дюком и участвовавший в походе 1815 года. Правда, он был оставлен в Париже, где занимался в основном изучением трудов выдающихся археологов, но регулярно получал повышения по службе: в 1816 году его произвели из поручиков в штабс-капитаны, затем в капитаны и в сентябре 1818-го в полковники с переводом в 43-й егерский полк.

Конфликты с иностранными военными, конечно же, отравляли жизнь,

но самое главное — оккупация обходилась Франции в 150 миллионов франков в год. Уже в апреле 1816 года Ришельё робко намекнул Александру, что неплохо бы вывести войска к концу года. О том же говорили и его послы в четырех европейских столицах. По отдельности все как будто соглашались; в конце июля царь объявил через Поццо ди Борго, что не возражает против сокращения оккупационной армии на треть, то есть на вывод пятидесяти тысяч человек (на такое Ришельё не смел даже надеяться), но при одном условии: пусть приказ отдаст Веллингтон, он же главнокомандующий. Веллингтон же, собиравшийся возвращаться в Англию, сказал: посмотрим, каковы будут результаты грядущей парламентской сессии, от ваших депутатов можно ждать чего угодно. Дюку они и сами порядком надоели, а теперь у него появился весомый аргумент в пользу роспуска Несравненной палаты. К тому же Александр подталкивал его к этому шагу еще с апреля, а в июле по Парижу ходила шутка: «Говорят, что король прихворнул. — Заболеешь тут, если угодил в палату на целых пять лет».

Рассматривались три варианта: обновить палату на пятую часть, полностью сменить ее состав или отозвать ордонанс от 13 июля 1815 года, поскольку тот противоречит Хартии, согласно которой возраст депутатов должен быть не моложе сорока лет, а их количество составлять 258 человек. Ришельё склонялся к последнему варианту: таким способом можно было бы одним махом избавиться от 136 депутатов — от большинства оппозиции.

Эта палата была в его глазах «гнездом безумия и брожения», скопищем предвзятых, некомпетентных и корыстных людей. Роялисты, входившие в комиссию по бюджету (в том числе Монкальм-Гозон, ярый противник своего бывшего шурина), не имели ни малейшего представления о финансовых вопросах, а в Риоме королевский суд оправдал зачинщиков беспорядков в Ниме, которые тяжело ранили генерала Анри Жака Лагарда, личного друга Ришельё (Лагард служил Наполеону и во время Ста дней был ранен в грудь, прикрывая отступление корпуса Груши через Намюр).

Дюк был неспособен понять алчность ультраправых, а те не могли понять его. «Он думал, что мы безумны, — пишет в мемуарах Вилл ель. — Разоренный Республикой, возвратившийся во Францию после длительного изгнания, не сумев вернуть ничего из огромных владений своей семьи, проходя, как любой другой, мимо своего разрушенного замка и проданного особняка, не добившись даже возвращения картин и книжных собраний, на которые он указал как на принадлежащие ему, из музеев и прочих общественных мест, он не понимал, что столь естественное чувство боли,

какое должны были испытывать жертвы подобных несчастий, могло породить... жажду мести... более способную навлечь новые беды, чем вознаградить за уже перенесенные».

Бескорыстие и самоотречение герцога в самом деле было трудно понять, поэтому молва приписывала ему миллионные доходы в виде ренты, тогда как на самом деле в августе 1816 года Ришельё отказался от переговоров с владельцами его бывшего имущества, не желая использовать служебное положение. Он признался Деказу, что на нем еще висит и 40 тысяч ливров долга: «Я придаю большое значение возможности сказать, что у меня ничего нет, но что я уплатил все долги моей семье до последнего су».

В первый раз вопрос о роспуске палаты депутатов был поставлен 6 августа на заседании правительства в присутствии короля. Король думал, взвешивал, колебался и решился только 27-го: палата будет распущена 5 сентября. Это решение держалось в секрете до последнего часа: Деказ сообщил о нем вождям партии «умеренных» 3 сентября, а Ришельё ничего не сказал даже Армандине, у которой провел следующий вечер. Высочайший ордонанс о возвращении к положениям Хартии, касающимся выборов депутатов, был опубликован в «Универсальном вестнике» 7 сентября и произвел эффект разорвавшейся бомбы. Вечером того же дня Ришельё был в Опере; ему устроили овацию. Впрочем, герцог писал маркизу д'Осмону: «Салоны в ярости, меня считают ни на что не годным». Кстати, в салонах распространялась политическая карикатура со стихами из басни Лафонтена «Лягушка, пожелавшая сравняться с быком»: в левой части был изображен на постаменте кардинал Ришельё, из-за которого выглядит памятник Людовику XIII, а справа к нему приближается вставший на ходули, но всё равно не дотягивающийся до его уровня герцог де Ришельё, с заносчивым видом произносящий: «Вот и я». Лягушка, как известно, до размеров быка раздуться так и не смогла, «с натуги лопнула и — околела».

О славном предке главы правительства в те времена вспоминали неоднократно. Королевский ордонанс от февраля 1816 года повелевал украсить мост Людовика XVI (нынешний мост Согласия, ведущий к Бурбонскому дворцу) статуями аббата Сугерия, советника Людовика VII, которого тот назвал «отцом Отечества»; Сюлли, министра финансов Генриха IV; кардинала Ришельё и Кольбера, главного министра Людовика XIV. Для короля также изготовили голубой фарфоровый сервиз с золотой каймой и изображением великого кардинала, который тот собирался подарить его потомку — вероятно, с намеком. В 1816 году Антуан Жей опубликовал «Историю правления кардинала де Ришельё», в которой стремился показать превосходство пращура Армана (к которому тот относился исключительно как к историческому лицу, а не как к

родственнику).

Однако не мешало бы вспомнить и о том, что при жизни кардинала-герцога ненавидели все, от верхов до низов, и что на него неоднократно готовились покушения. Просто оба Ришельё умели настоять на своем, если чувствовали свою правоту. 9 сентября Дюк объяснял маркизу де Караману: «Зло слишком глубоко укоренилось, эгоизм и своекорыстие слишком широко распространены, чтобы можно было льститься полнейшей реставрацией; нация слишком стара и слишком изношена, но если бы ее отдали палате — такой, какой та была, — она бы умерла, я в этом ничуть не сомневаюсь. Теперь, войдя в рамки Хартии, новая палата вольна беспокоить, прогонять министров, но по меньшей мере она не опрокинет государство».

Уже 7 сентября Ришельё написал Веллингтону — сообщил о принятых им мерах и прямо заявил: если на открытии палаты нового созыва, намеченном на 4 ноября, король сможет объявить о сокращении оккупационной армии, это существенно облегчит ему задачу. Однако Веллингтон считал, что сокращать контингент преждевременно, опасаясь, как бы не подняли голову левые. Вот те раз! Дюк снова заговорил о своей отставке.

Ришельё ни в коей мере не желал, чтобы роспуск Несравненной палаты был расценен как победа какой-либо партии, поэтому разгневался, узнав, что Деказ велел конфисковать 18 сентября брошюру Шатобриана «Монархия согласно Хартии»: в предисловии, написанном в последний момент, виконт яростно клеймил министров и будущую палату депутатов — «кровавую дочь Конвента». Ни в коем случае нельзя было создавать новых мучеников. Ришельё, пытаясь загладить эту неловкость, просил Деказа воздержаться от выпадов в адрес Шатобриана, а короля, отнявшего у виконта 24 тысячи франков пенсии, получаемой им в качестве государственного министра (почетный титул бывших политиков), — сохранить за ним как пэром 15 тысяч франков, «чтобы ему не пришлось просить милостыню». (В начале следующего года Шатобриан попытается вновь войти в милость и отправит к Ришельё парламентаром герцогиню де Дюрас. Герцог был шокирован: он не одобрял подобных методов, широко распространенных во французском высшем свете, и мог бы сказать о себе вместе с Чацким: «Я езжу к женщинам, да только не за этим».)

Привыкнув в Новороссии к разъездам, предпочитая всё видеть своими глазами, герцог отправился в конце сентября в Руан «на разведку» и слал оттуда Деказу письмо за письмом, проповедуя умеренность: «Я бы хотел, чтобы мы старались потушить пожар, а не подбрасывать в него горючие

материалы». В результате двухступенчатых выборов, состоявшихся 25 сентября и 4 октября 1816 года, была сформирована новая палата, в которой первую скрипку играли умеренные роялисты: их было 139 против 92 крайних, 20 республиканцев и 10 левых либералов. Группка депутатов (Руайе-Коллар, Жордан, Беньо, Гизо) была прозвана «доктринерами» — они хотели примирить монархию с республикой, а королевскую власть со свободой.

Главной теперь становилась финансовая проблема: расходы будущего года оценивались в миллиард франков, тогда как поступлений ожидалось всего 700 миллионов. В октябре Ришельё добился трехмесячной отсрочки по выплатам репараций, пока не будет решен вопрос о банковском займе.

Единственной его надеждой по части вывода войск оставался русский император, и 15 октября Ришельё написал письмо Каподистрии: «Если народ будет видеть в Короле только сборщика дани для чужеземцев, оружие, которым пользуются, чтобы передать страну в откуп союзным державам, доверие не установится и мы не станем снова Францией». Но Александру не удалось убедить Веллингтона, а перечить «железному герцогу» никто не хотел.

Ришельё делал всё возможное, чтобы смягчить главнокомандующего (20 января 1817 года маркиза де Монкальм устроила у себя большой раут в его честь) и сгладить его сторонников друг с другом. Суть его позиции выражена в небольшой записке Деказу, наспех набросанной в ноябре: «Это дело решенное, но прежде всего я не желаю иноземной поддержки. Лучше умереть от рук французов, чем жить благодаря иноземному покровительству». У Франции должен быть собственный голос.

В январе 1817 года было окончательно покончено с работорговлей (это обязательство Париж взял на себя еще в 1814-м), но Ришельё отказал англичанам в праве инспектировать французские суда, чтобы убедиться в отсутствии на них рабов. Он воспрепятствовал созданию морской лиги для борьбы с берберийскими пиратами в Средиземном море (лигу, разумеется, возглавила бы Англия) и одновременно добился французского посредничества в споре между Испанией и Португалией о южноамериканских колониях (Англия слишком активно им интересовалась). В 1817 году Франция вернула себе Сенегал и Гвинею, ранее захваченные англичанами, а годом позже — Гваделупу и Мартинику. Чтобы заставить Португалию отдать Французскую Гвиану, занятую в 1809 году, Ришельё пригрозил военно-морской экспедицией, и 21 ноября 1817-го португальцы оставили Кайенну.

Действуя максимально тонко, герцог старался уменьшить австрийское

влияние на Неаполь (Иоахим Мюрат был расстрелян австрийцами в октябре 1815 года, королем снова стал Фердинанд IV) и сохранить Турин в зоне влияния Франции. Племянника короля, герцога Беррийского, женили на Марии Каролине Бурбон-Сицилийской (1798–1870) — внучке Марии Каролины Австрийской, которую Ришельё не так давно принимал в Одессе. Будущие супруги впервые увидели друг друга 15 июня 1816 года в Фонтенбло, куда невеста, на 20 лет моложе жениха, приехала из Неаполя (там заключили брак заочно, по доверенности, как было принято в королевских семьях); два дня спустя их торжественно обвенчали в соборе Парижской Богоматери.

Но для обретения самостоятельности нужно было вернуть финансовую независимость, расплатившись по счетам. В январе 1817 года в Лондоне и Париже велись долгие переговоры с европейскими банкирами. В феврале, марте и июле лондонский банкир Александр Бэринг на выгодных условиях разместил в Англии, Голландии, Германии пятипроцентные французские ценные бумаги на 26 миллионов франков. Они принесут французскому правительству 315 миллионов франков, и Ришельё скажет: «В Европе шесть великих держав: Англия, Франция, Россия, Австрия, Пруссия и братья Бэринги». Теперь держатели этих бумаг могли оказать давление на правительства своих стран, чтобы те смягчили требования к Парижу. Кстати, Веллингтон был близок к Бэрингам... «То, чего не смог сделать Бонапарт в расцвете славы, свершил честный человек под грузом неслыханных бедствий; там, где хитрость потерпела неудачу, оказалось достаточно слова чести герцога де Ришельё», — писал в феврале Матье де Моле.

Между тем честного человека осаждали кредиторы; так, в апреле семейство Монмор потребовало через суд выплатить ему 57 650 франков в качестве дохода от придворной должности, проданной... в 1723 году родственнику жены герцога де Ришельё, деда Армана!

Простым французам тоже приходилось несладко. Весна 1816 года выдалась дождливой, весна 1817-го — засушливой, в итоге — неурожай и резкий рост цен на хлеб и муку (цена буханки доходила до суммы дневного жалованья рабочего). Во всех крупных городах увеличилось количество нищих, в Бордо, например, их было около одиннадцати тысяч. В июне 1817 года по всей Франции начались крестьянские бунты: грабили хлебные склады, рынки. Чаще всего эти выступления подавляли войска. В Лионе бунтовщики призывали Наполеона II и размахивали трехцветным флагом; ультрароялисты предотвратили «бонапартистский переворот», приговорив к смерти 28 человек и депортировав 34. В общей сложности за участие в

беспорядках было осуждено около двух тысяч человек, но правительство некоторых амнистировало.

Ришельё вновь пригодился одесский опыт: во всех департаментах были созданы благотворительные конторы, поддерживалась свободная торговля зерном. Герцог лично проследил за закупкой большого количества хлеба в Северной Америке и на юге России для снабжения армии и Парижа. С осени 1816 года по весну 1817-го из Одессы в Марсель было доставлено 42 тысячи тонн зерна. Одновременно герцог получил еще один аргумент для убеждения союзных держав вывести свои войска: Франция не выдержит оккупации ни физически, ни морально, того и гляди разразится новая гражданская война...

Те согласились уйти, если с ними расплатятся по всем долгам, — и в марте выставили счет: 1 миллиард 600 миллионов франков! Посчитали всё: цену поставок провианта; долги по выплатам жалования солдатам, в силу мирных трактатов превратившимся в иностранных подданных; оплату пребывания раненых в лазаретах, почтовые расходы... Герцог Ангальтский даже затребовал невыплаченное жалование наемникам, которых его предок предоставил Генриху IV больше двух веков назад! У Ришельё волосы на голове дыбом встали; казалось, последний луч надежды угас. Однако он не смирился и немедленно призвал через послов пересмотреть список долговых обязательств. Российский представитель Нессельроде охотно согласился, но австрийский и прусский, Меттерних и Гарденберг, стояли на своем: 200 миллионов Австрии и 150 миллионов Пруссии. Терпению Ришельё пришел конец: 10 сентября он согласился заплатить 200 миллионов по частным долгам — и ни франком больше. «Если король захочет предоставить большую сумму, пусть подписывает другой министр, но только не я». 200 миллионов — предельная сумма, когда, «щупая нам пульс, еще можно вытягивать из нас кровь, не уморив», написал он Караману. Снова переговоры... По предложению Александра I этот вопрос передали на усмотрение Веллингтона. Пересчет долгов шел с февраля по март 1818 года, Ришельё целый месяц тратил на это по шесть-семь часов в день. Итог: вместо первоначально определенного 1 миллиарда 600 миллионов уплатить надо будет 240 миллионов 800 тысяч франков. Соответствующая конвенция была подписана 23 апреля.

Но где взять эти деньги? Ришельё, уже здорово поднаторевший в финансовых вопросах, решил вновь прибегнуть к займу, разместив на сей раз хотя бы часть ценных бумаг на французском рынке. Неожиданный успех: банковские конторы брали штурмом. А гарантии выплаты военной контрибуции в очередной раз предоставил лондонский банк. 25 мая

посланники союзных держав оповестили все правительства Европы о созыве конференции в Ахене в сентябре 1818 года для обсуждения вопроса о выводе оккупационных войск с территории Франции.

В мае же Александр 1, наконец, посетил юг России и увидел плоды трудов Дюка. В письме с комплиментами царь не упоминает о преемнике Ришельё на посту генерал-губернатора графе Ланжероне^[65], который к тому времени тоже успел многое сделать. В частности, указ о предоставлении Одессе статуса порто-франко был подписан 16 апреля 1817 года; менее чем два года спустя, писал впоследствии сам граф, «старые дома, которыми любовались во времена господина де Ришельё, затмили более четырехсот прекрасных особняков, возникших почти по волшебству». Полковник Потье — один из четверых инженеров, предоставленных в распоряжение императора Александра Наполеоном после Тильзитского мира, — проложил Приморский бульвар.

Годом ранее Одесскому лицу (второму в России после Царскосельского), устав которого был высочайше утвержден 2 мая 1817 года, было присвоено имя Ришельё. Известие об открытии лица 17 января 1818 года вызвало у Дюка слезы радости. Он тотчас написал благодарственное письмо жителям Одессы (частные пожертвования на лицей составили 300 тысяч рублей в 1815 году, а из городской казны на те же цели выделялось 18 тысяч ежегодно) и передал лицей в дар свою библиотеку и 13 тысяч франков. Позднее Ришельё жертвует этому учебному заведению свое генерал-губернаторское денежное содержание, которое русское правительство продолжало выплачивать, когда он уже находился во Франции.

Бывший генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии получил орден Святого Андрея Первозванного при «милостивом рескрипте»: «Давно уже я сердечно желал дать Вам доказательства моей благодарности. Минута, когда я мог лично убедиться в обширных размерах заслуг, оказанных Вами областям, некогда вверенным Вашим попечениям, показалась мне самым удобным к тому поводом, несмотря на положение, занимаемое Вами ныне, благодаря доверию Вашего государя и Вашего отечества».

Ахен

Кардиналу Ришельё неоднократно приходилось распутывать заговоры сторонников брата короля, желавших заменить Людовика XIII Гастоном I, а заодно «разобраться» с главным королевским министром. Его потомку в июле 1818 года перед самым отъездом в Ахен на международную конференцию пришлось спешно расследовать «заговор у воды»^[66]: заговорщики, по большей части королевские гвардейцы, собирались на террасе у пруда перед дворцом Тюильри и готовили возведение на трон Карла X вместо Людовика XVIII. В их планы также входило создание нового правительства в составе генерала де Канюэля (военный министр), генерала Доннадё (командующий Парижским военным округом), барона де Витроля (министр внутренних дел), виконта де Шатобриана (министр иностранных дел) и господина де ла Бурдонне (министр полиции) — сплошь ультрароялистов. Впрочем, в отличие от заговоров XVII века, имевших драматические последствия, этот был раскрыт еще до того, как его участники приступили к активным действиям. Верный себе, Ришельё старался унять Деказа, требовавшего для них сурового наказания.

Интересно, что годом ранее, в июне 1817-го, в Лионе быстренько подавили «заговор» бывших наполеоновских офицеров; более ста человек были осуждены превотальным судом. Подавлением заговора занимался генерал де Канюэль, которого префект полиции Лиона господин де Сенвиль, человек Деказа, на дух не переносил. Теперь же участники «заговора у воды» якобы намеревались, если Людовик XVIII откажется отречься от престола, разжечь мятеж в Вандее, а самому монарху уготовили участь Павла I. Но вандейскими «подстрекателями» оказались полицейские шпионы! Король, который души не чаял в Деказе, сделал его графом и пэром Франции. Очень может быть, что министр полиции чересчур усердствовал, стараясь доказать свою необходимость и предотвращая несуществующие опасности.

Лондонская «Таймс» уже 27 июня 1818 года сообщила о раскрытии заговора ультрароялистов, желавших любой ценой предотвратить вывод войск с территории Франции. «Морнинг кроникл» добавляла, что заговорщики, желавшие заменить французского короля его братом, намеревались осуществить свои замыслы с помощью королевских и швейцарских гвардейцев, преданных Месье; что это была бы революция, подобная перевороту в Аранхуэсе^[67], стоявшему трона Карлу IV, и что

несколько человек уже арестовано. Между тем аресты начались только 2 июля!

В этот день «Таймс» подробно изложила план заговорщиков: 24 июня, по завершении правительственного совещания в королевской резиденции Сен-Клу, отряд гренадеров Огюста де Ла-рош-жаклена должен был арестовать министров и препроводить их в Венсенский замок. Около трех тысяч гвардейцев, вандейцев и волонтеров собрались бы на площади Каррузель перед дворцом Тюильри и по сигналу отправились арестовывать государственных чиновников согласно списку... По большому счету правительству не мешало бы разобраться, кто поставляет английским журналистам конфиденциальную информацию «из надежных источников». Впоследствии оказалось, что этим источником была «частная переписка» Деказа со своими подручными Мир-белем, Ленге, Лагардом и Даши, которую воспроизводили «Таймс», «Сан», «Курьер» и «Морнинг кроникл»; напечатать подобное во французских газетах было невозможно.

Участие в заговоре Месье так и не было подтверждено. Генерала Канюэля арестовали только 23 июля, генерала Доннадьё — 2 сентября. Наконец 3 ноября все арестованные были отпущены на свободу, поскольку королевский суд не нашел в их действиях состава преступления.

По поводу Ларошжаклена (трижды раненного в Бородинском сражении, а при Реставрации дослужившегося от подполковника до бригадного генерала) Ришельё писал: «Я считаю, что мы довольно суровы к тем, кто действительно является нашими врагами, но на протяжении двадцати пяти лет были защитниками трона и монархии, и слишком снисходительны к тем, кто, в частности во время последней [парламентской] сессии, выступал с отнюдь не монархическими доктринами... Наше несчастье в том, что мы вынуждены карать почти исключительно тех людей, что наиболее преданы делу монархии».

Следствием заговора стал ордонанс от 2 августа 1818 года, согласно которому гвардейские офицеры, автоматически получавшие через четыре года службы повышение в чине, должны были покинуть гвардию и перейти в армию. Этот ордонанс король подписал под воздействием маршала Гувииона-Сен-Сира, ярого борца с привилегиями гвардии.

Королевская гвардия была создана в 1815 году вместо прежних элитных подразделений, составлявших военную свиту короля; она состояла из двух кавалерийских и двух пехотных дивизий и насчитывала 21 тысячу человек (бывших солдат Конде, повстанцев из Вандеи и эмигрантов), получавших гораздо более высокие жалованье и пенсию, чем армейцы. Ришельё считал это нормальным, поскольку в его глазах гвардия была

единственной опорой трона во времена, когда французская армия находилась в процессе реорганизации — из ее рядов были уволены более двадцати тысяч офицеров. Расхождение во взглядах между главой правительства и военным министром неизбежно должно было привести к уходу одного из них. Однако Ришельё лично отстаивал в палате пэров закон о рекрутском наборе, предложенный Гувиион-Сен-Сиром и принятый 10 марта 1818 года, который возрождал принцип, существовавший во время Революции и отмененный Хартией. В армии теперь должны были служить добровольцы и рекруты, отобранные по жребию; впрочем, от службы можно было откупиться, найдя себе замену. Дворяне больше не становились офицерами автоматически, повышение в чине зависело от выслуги лет. Такая система просуществовала до 1872 года.

Королевская гвардия с первых же дней вызвала к себе ненависть со стороны армейцев — ветеранов Наполеоновских войн, и король, опасаясь беспорядков, 1 января 1816 года упразднил свою «красную свиту»^[68]. «Правительство опасалось явить армии зрелище этих блестящих рот, увековечивших иные трофеи, чем ее собственные; легко было предугадать, что, гордясь своими победами, она не признает братства по оружию, зародившегося не на полях Маренго и Аустерлица», — писал молодой офицер Нарцисс Ахилл де Сальванди в «Последнем «прости» красной свите от черного мушкетера», сокрушаясь: «Стараниями одного министра, наследника великих людей и имени Ришельё, который создал часть красной свиты, эта самая красная свита, победно прошедшая через дни былой славы и недавние бедствия Франции, уходит в небытие». В утешение король наградил его крестом ордена Почетного легиона, а Ришельё сделал в 1818 году докладчиком в Государственном совете.

Угодить всем было невозможно; правительство вновь превратилось в скопище интриганов, где все подсиживали друг друга — «за исключением господина де Ришельё, который никому не доверял и никого не обманывал», пишет Моле. Качество, впрочем, сомнительное в глазах недоброхотов, к которым принадлежал и бывший московский градоначальник Ф. В. Ростопчин, с 1817 года обосновавшийся в Париже и быстро сделавшийся местной знаменитостью (бывало, что в театре все взгляды были устремлены не на сцену, а на его ложу). 20 августа в одном из писем М. С. Воронцову Ростопчин высказался о Дюке, которого называл «восковым» премьером: «Он делает незначительные и неуместные заявления, похожие на увещевания епископов. Ему ли не знать, что француз глух к доводам истины и рассудка и для достижения повиновения его надо бить».

«Не уважая и не любя французов, известный их враг в 1812 году, [Ростопчин] жил безопасно между ними, забавлялся их легкомыслием, прислушивался к народным толкам, всё замечал, всё записывал и со стороны собирал сведения, — подчеркивает Вигель в своих «Записках». — Совсем несхожий с Ростопчиным, другой недовольный, взбешенный Чичагов, сотовариществовал ему в его увеселениях». Можно себе представить, как «тепло» оба старых знакомя герцога к нему относились.

В июле Ришельё вновь неоднократно заявлял о своем желании подать в отставку, а 8 сентября официально уведомил об этом короля. Кто его заменит? Поццо ди Борго. Но это была неподходящая кандидатура: мало того что он еще более близок к русскому двору, чем сам Ришельё, так еще и постоянно плетет интриги и не скрывает своих амбиций. Ленэ заявил, что он в таком случае тоже уйдет; Деказ ничего не сказал, но втайне мечтал о Министерстве внутренних дел.

Первая жена Деказа умерла, и 11 августа 1818 года он женился на Вильгельмине Эгидии де Бопуаль де Сент-Олер (1802–1873), дочери графа де Сент-Олера, члена Несравненной палаты, и внучке принцессы Вильгельмины Генриетты Нассау-Саарбрюккен, родной сестры герцогини Анны Каролины фон Шлезвиг-Гольштейн, которая доживала свой век, прикованная к креслу в родовом замке Глюксбург. Именно герцогиня, покровительствовавшая внучатой племяннице, настояла на ее браке с Деказом и попросила короля Дании Фредерика VI наделить его титулом герцога Глюксбургского, что и было сделано еще 14 июня. Понятно, что всё это льстило самолюбию Деказа и распаляло его тщеславие, поэтому он не обращал внимания на увещевания Ришельё, который не советовал ему связываться с этой семьей, упрекая в дружбе с «доктринерами»; кроме того, роялисты открыто обвиняли Сент-Олера в измене королю в Тулузе в бытность префектом департамента Верхняя Гаронна. Впрочем, несмотря на эти разногласия, герцог не отказал министру полиции в своей поддержке; будучи в Ахене, он даже затронул в разговоре с прусским посланником какой-то имущественный вопрос, связанный с наследством молодой супруги Деказа...

В общем, к моменту отъезда Ришельё в Ахен ни о какой слаженно действующей администрации говорить не приходилось, министры были предоставлены самим себе, а глава правительства твердо решил, что, принеся эту последнюю «жертву» на алтарь родины, вернет себе свободу. «...Достичь нашей цели, то есть освобождения нашей территории и нашего возвращения в европейскую семью. После этого мы заговорим по-иному», — писал он в Лондон маркизу д'Осмону 10 августа.

Меттерних настаивал, чтобы встреча в Ахене была простой конференцией, а не конгрессом. Вопреки желанию Ришельё, который хотел воспользоваться случаем и обсудить все спорные вопросы, от испанских колоний в Южной Америке до работорговли, на повестку дня вынесли только исполнение трактата от 20 ноября 1815 года, поэтому участвовали лишь пять стран-подписантов: Австрия, Пруссия, Россия, Англия и Франция.

Ахен, старинный немецкий городок с населением всего 20 тысяч жителей, расположен в четырех-пяти километрах от современной границы Германии с Бельгией и Нидерландами. До 1531 года здесь короновались императоры Священной Римской империи, а затем Ахен уступил это право Франкфурту. Религиозные войны и сильный пожар 1656 года привели город в упадок. В 1793 году Ахен был занят французами и по Люневильскому мирному договору (1801) перешел к Франции. В 1815 году его отдали Пруссии. Он уже не раз становился ареной важных дипломатических событий: в 1668 году здесь был проведен первый Ахенский конгресс, положивший конец Деволюционной войне, а второй конгресс, 1748 года, завершил Войну за австрийское наследство.

По дороге герцог остановился на несколько дней в Спа, намереваясь, в частности, переговорить в приватной обстановке с лордом Каслри. Каковы же были его удивление и замешательство, когда в этот курортный городок неожиданно явилась Дезире Клари-Бернадот, ставшая в феврале 1818 года королевой Швеции Дезидерией! Причиной ее появления была вовсе не политика и не забота о своем здоровье — бывшая сердцеедка влюбилась в Ришельё! В планы Дюка вовсе не входило ссориться с Карлом XIV Юханом. Между тем доверенный человек Бернадота в письмах королю уже выражал тревогу по поводу упорного нежелания его супруги возвращаться в Швецию. Еще международного скандала не хватало!

Ришельё приехал в Ахен 27 сентября и поселился на улице Святого Петра. Вместе с ним были Рейневаль (Отрив остался в Париже руководить работой Министерства иностранных дел), глава Северного департамента Буржо, который должен был вести протоколы заседаний, и еще пятеро служащих. Еще несколько членов французской делегации появлялись лишь на время; например, герцог Ангулемский приехал 9 ноября всего на день.

Ришельё возлагал на конгресс большие надежды, но знал, что ему придется нелегко. С конца мая по Европе ходила записка, составленная бароном де Витролем по просьбе Месье, в которой говорилось, что с уходом иностранных войск во Франции может вспыхнуть новая революция. Меттерних всеми силами старался сохранить Четверной союз,

не допуская в него Францию. Каслри был того же мнения. Поэтому Ришельё настоял на немедленной встрече с царем. Но и эта встреча, произошедшая 29 сентября, его расстроила: Александр опасался «катастрофы», считая, что Франция «еще больна», передал герцог в письме королю. Ришельё пытался уверить своего бывшего государя, что необходимости в «новом крестовом походе, как в 1815 году», не возникнет; однако его идеи показались царю «глупыми», о чем последний и сообщил в тот же день Меттерниху. Оказалось, что герцогу не на кого опереться; а тут еще Чарлз Стюарт с бароном фон Винцентом устроили так, что Поццо ди Борго задержался в Париже (он приедет только 7 октября).

Вечером 29 сентября полномочные представители четырех держав, собравшись у князя фон Гарденберга, сообщили Ришельё о своем решении вывести оккупационную армию, а 2 октября вручили ему соответствующее заявление. Однако прежде следовало решить финансовые вопросы... На это ушло несколько дней. Наибольшую неуступчивость, как всегда, проявили пруссаки. «Эта дискуссия, признаюсь, ведется в манере детей Израилевых», — раздраженно писал Ришельё Людовику XVIII 5 октября. Но в итоге он добился, чтобы Франции скостили 15 миллионов из 700, которые она должна была уплатить в виде контрибуции, а репарации сократили с 280 до 265 миллионов.

Однако после этого члены коалиции заговорили о пересмотре законов о выборах^[69] и о рекрутском наборе. Ришельё не пошел ни на какие уступки, особенно по второму пункту: закон Гувийон-Сен-Сира позволял увеличить численность постоянной французской армии со 150 тысяч до 240 тысяч солдат (в конце 1817-го французские вооруженные силы насчитывали 116 736 человек, включая 21 тысячу королевских гвардейцев). Тогда союзники предложили перегруппировать оккупационные войска, разместив их вдоль границы с Нидерландами, чтобы усилить линию обороны, созданную в 1815 году. На сей раз возражения высказал Александр I. 9 октября конвенция об освобождении была, наконец, подписана всеми пятью странами-участницами, а вывод войск назначен на 30 ноября. «Франция Вас благословляет, а Европа рукоплещет успеху, достигнутому благодаря Вашей мудрости», — писал в тот же день Ришельё королю, приписывая ему свои заслуги. Людовик ответил: «Министру я бы сказал, что доволен. Другам я говорю, что счастлив». Герцог принимал поздравления, и только Талейран съязвил, назвав своего соперника «князем эвакуации». Но Ришельё предостерегал всех от головокружения от успехов: переговоры еще не закончены.

Удерживая Францию на вторых ролях, да еще и в положении

постоянного источника угрозы, Англия, Австрия и Пруссия лишили бы Россию важного союзника. Бывшего генерал-губернатора Новороссии по-прежнему считали клеветом Александра. Глава французского правительства требовал для своей страны «тех же прав, тех же обязанностей, тех же рисков» и отказался обсуждать вопрос об испанских колониях, пока статус его страны не будет определен должным образом. Однако свою позицию он не мог изложить официально: на совещания союзников его не допускали; оставались частные беседы с Веллингтоном и Александром — напрямую или через посредство Поццо ди Борго и Каподистрии. (Между прочим, во время этих встреч Ришельё никогда не упускал случая поговорить с царем о новых проектах Ланжерона, которые он внимательно изучал, внося свои поправки: строительство нового здания лица на берегу моря возле Карантина, торговля в условиях порто-франко, сооружение нового лазарета и акведука, мощение одесских улиц крымским песчаником... Александр выделит на эти цели два миллиона рублей.) Его аргументы действовали — тон выступлений царя сильно изменился. Он заговорил об общем союзе всех держав, подписавших итоговое решение Венского конгресса. 19 октября был подписан первый протокол о согласии, и четырехсторонние совещания стали проводиться реже.

Ахен не шел ни в какое сравнение с блестящей Веной — здесь царила зеленая тоска. Причинами тому были и скупость прусского короля, и жесткие меры безопасности, принятые полицией, и скудость возможностей самого городка. Развлечения сводились к прогулкам по окрестностям, редким балам, игре в карты у леди Каслри и концертам камерной музыки, которые вскоре всем надоели до чертиков. Знаменитая певица Каталини выступила несколько раз; играли «Вертера» в присутствии самого Гёте; в салонах, в том числе у мадемуазель Ленорман^[70], собиралось избранное общество интеллектуалов. «Мы задыхаемся от скрипок, виолончелей и певцов со всей Европы, — жаловался Эдуард Мунье в частном письме от 19 октября. — Сюда съехалась докучливая малышня, кругом только дети десяти, восьми лет и еще менее, коими нужно восхищаться. Не знаю, когда всё это кончится».

Принц-регент Великобритании (будущий Георг IV) заказал знаменитому живописцу Томасу Лоуренсу (1769–1830) портреты государей и главных министров, присутствовавших на конгрессе. Александр I и Франц I лично явились в его мастерскую в городской ратуше. Меттерних тоже не заставил себя упрашивать и остался доволен портретом. Равным образом Ришельё нашел время позировать Лоуренсу. Именно тогда и был создан один из редких его портретов — в стиле «романтизм», свойственном

автору: лицо повернуто в профиль на три четверти, чтобы подчеркнуть аристократически утонченные линии — нос с небольшой горбинкой и изящными ноздрями, красиво очерченные губы, поседевшие кудри в художественном беспорядке, взгляд устремлен вдаль... Но при этом Дюк явно видит цель, и в его позе (левой рукой со свитком бумаг он облокотился на опору, правая опущена и немного вытянута вперед) чувствуются решительность, порывистость, целеустремленность. Одет он просто и в то же время изысканно: кипенно-белый галстук подчеркивает осанку, остальной наряд скрыт темной шубой (Арман не пожелал, чтобы его, подобно Меттерниху, изобразили в парадном мундире и при всех регалиях). Но главное, что отличает его от всех других моделей Лоуренса, — неизбывная печаль во взгляде темно-карих глаз, под изломом густых бровей...

Впервые в салонах толклись журналисты, в том числе мистер Перри, владелец «Морнинг кроникл», и банкиры: Бэринг из Лондона, Париш из Вены, Бетман из Франкфурта и два «вульгарных и невежественных еврея» (по словам члена прусской делегации Фридриха фон Гентца) — Карл и Соломон Ротшильды. Впрочем, журналистов еще не привечали, а, наоборот, старались держать на расстоянии. «Все знали, что должно было произойти на конгрессе; никто не знает, что там происходит», — писал в октябре один сотрудник «Минервы», либерального французского ежедневника, первый номер которого вышел в свет 1 апреля 1818 года. Оставались сплетни и злословие. Газета «Сан» писала 22 октября, ссылаясь всё на ту же пресловутую «частную переписку»: «Надо признать... что он (Ришельё. — Е. Г.) выказывает мало способностей к деталям занимаемой им должности; он вовсе не обладает тем аналитическим и исследовательским умом, какой подобает премьер-министру. Он вынужден поручать детали своим секретарям; но когда глава полагается на своих подчиненных, дела редко ведутся хорошо».

Но пусть даже газетчик прав — зато герцог сосредоточился на главном. Чтобы окончательно привлечь Александра I на свою сторону, Ришельё тщательно подготовил его поездку в Париж 28 октября. Вечером король принял императора в Тюильри, и оба остались весьма довольны друг другом. Вернувшись в Ахен 31 октября, Александр заявил о своем желании ввести Францию в компанию великих держав на равноправной основе. 1 ноября четыре державы попросили «Его Христианнейшее Величество отныне присовокуплять свои советы и усилия к советам и усилиям других дворов».

Девятого ноября король, ознакомившийся с проектом конвенции,

который ему переслал Ришельё, ответил своему премьер-министру: «Ничего менять не нужно. Если там и встречаются некоторые несовершенства, я могу положиться на вас, чтобы всё поправить. Никогда еще пословица *mitte sapientum et nihil dicas*^[71] не подтверждалась лучшим образом. Вы свершили две великие вещи менее чем за месяц». К письму прилагались голубая лента ордена Святого Духа и «небольшие подарки для поддержания дружбы». Веллингтон получил «сувенир» в виде бриллиантов. (В целом Ришельё потратил в 1818 году на дипломатические презенты 215 тысяч франков. В письме от 11 ноября Деказ советовал Ришельё: «Только ловкостью можно управлять людьми. Нужно предупреждать страсти... даже пестовать их...»)

Парижане высыпали на улицы и праздновали победу; в ложах театра варьете незнакомые люди обнимались и целовались; популярность приобрела песенка со словами «Ах, разопьем вино по-свойски!». Пэр Франции герцог де Ларошфуко устроил праздник в Лианкуре, на котором исполнялась песня «Священный союз народов» на стихи П. Ж. Беранже (ее полный текст был напечатан в «Минерве») с такими словами:

*Egaux par la vaillance,
Français, Anglais, Belge, Russe ou Germain,
Peuples, formez une sainte alliance,
Et donnez-vous la main.*

*(Доблестью все вы равны от природы,
Русский и немец, британец, француз.
Будьте ж дружны и сплотитесь, народы,
В новый священный союз!^[72])*

Пятнадцатого ноября представители всех пяти европейских дворов подписали протокол и декларацию, заложившие основы нового союза, который должен был предоставить Европе «надежный залог ее будущего спокойствия». Однако в тот же день по инициативе Каслри был тайно возобновлен военный союз против Франции, а Александр I предложил создать военный комитет, который продумал бы порядок возможного вооруженного вторжения во Францию в случае беспорядков. Ришельё об этом догадывался. «Четверной союз затаился, но не умер, и если Франция оступится или взбунтуется, один из сих четырех, бывший самой могущественной нашей опорой, станет, без сомнения, самым

ожесточенным врагом», — писал он Деказу 12 ноября.

Причиной для беспокойства союзников были выборы в палату депутатов, ознаменовавшиеся победой «независимых» — Лафайета, Манюэля, Констана и еще полутора десятков депутатов, которые желали вернуться к идеалам революции 1789 года. (Эти либеральные постулаты были с блеском изложены в книге Жермены де Сталь «Размышления о французской революции», вышедшей уже после смерти писательницы, символически случившейся 14 июля 1817 года. Ее идеалом была конституционная монархия. Автор обличала и неограниченную монархию, и безудержное якобинство, и ничем не уравновешенный бонапартизм. Весь тираж в 60 тысяч экземпляров разошелся в 1818 году за несколько дней.)

«Не нужно быть особо проницательным, — писал Ришельё Деказу 29 октября, — чтобы вычислить момент, когда большинство подчинится этой фракции и у правительства не останется для борьбы с нею иного пути, кроме государственных переворотов — пути опасного и ненадежного». Но и на «доктринеров» опереться было нельзя: «Это, без сомнения, очень умные люди, но их принципы, неприменимые на практике, могут только разрушать и никогда ни для чего не послужат основанием». Соответственно, нужно проявить выдержку и не сдаваться, тем более что враги не прячутся. Надо усилить гвардию, не менять существующих законов, за исключением закона о выборах, и ввести цензуру, поскольку газеты отравляют умы. «Свобода печати убьет все наши современные правительства, поскольку все наши нынешние затруднения, а также грядущие, еще большие, не происходят ни от чего иного, — сказано в письме тому же адресату от 12 ноября. — Англия со своими глубокими корнями выносит ее с трудом, а уж конституции, выстроенные на ровном месте, подобно карточным домикам, не смогут долго ей противиться».

Что же касается выборов, то, считал Ришельё, нынешнее обновление палаты на пятую часть каждый год несовместимо с существованием устойчивого большинства; лучше уж переизбирать сразу всю палату каждые пять лет. Косвенные выборы лучше прямых, поскольку коллегия выборщиков умерит пыл буржуа, поддерживающих «независимых». Необходимые изменения в избирательное законодательство было решено внести уже осенью, и герцог очень рассчитывал на поддержку своего родственника кардинала де Боссе, члена Французской академии, вокруг которого сложился кружок умеренных роялистов в палате пэров. В их число входил и маркиз де Верак; Арман часто с ним советовался по многим вопросам.

В глазах Европы единственной и лучшей гарантией внутреннего мира

во Франции оставался сам премьер-министр. «Слово герцога де Ришельё стоит трактата», — считал Веллингтон. Сам Дюк полагал, что внушил союзникам доверие исключительно тем, что говорил с ними честно и прямо, к чему в Европе не привыкли. Он скромно занижал свою роль и писал Деказу, что ничего особенного не совершил, разве что выкурил несколько трубок с императором Александром у Каподистрии, а остальное сделали эти двое. Между тем два месяца в Ахене совершенно его измучили, он мечтал об отдыхе: «Несмотря на ленты, которыми меня увивают (Ришельё был награжден прусским орденом Черного орла, орденом Бельгийского льва и Большим крестом королевского венгерского ордена Святого Стефана. — Е. Г.), и табакерки, которыми меня нагружают, я охотно отдал бы всё это за возможность поехать в Гурзуф»^[73]. Да и согражданам, которые сейчас ему рукоплещут, он не доверял. «Могу поспорить, что через полгода я окажусь для них ни на что не годен», — писал он Отриву незадолго до своего отъезда из Ахена. Ришельё и его правительство служили главной мишенью для нападок газеты «Консерватор», в редакции которой состояли Шатобриан и Виллель; ее тираж в ноябре взлетел с трех тысяч до восьми тысяч экземпляров.

В Париж герцог вернулся вечером 28 ноября никем не замеченный.

В правительстве наступил раскол: Ришельё, Ленэ и граф де Моле, назначенный 12 сентября 1817 года министром морского флота и колоний, тяготели к правым; Деказ и Гувион-Сен-Сир — к левым; Паскье пытался их примирить. Но Ришельё не ладил с Гувионом, Ленэ — с Деказом; кстати, и отношения между Ришельё и Деказом сделались натянутыми, как и у короля с Месье; министр финансов Корветто был прикован к постели лихорадкой, в то время как котировки на бирже катились вниз.

Несколько дней герцог вел долгие разговоры наедине с Деказом, Моле и Ленэ; 4 декабря он впервые приоткрыл свои планы на заседании правительства, попросив всех оставаться на своих постах, кроме Гувион-Сен-Сира, которому лучше уйти. Но Деказу его должность надоела, военно-морским министром он быть не желал, а должность министра двора, на которую он претендовал, король отдал Паскье; тот, в свою очередь, передал Министерство юстиции Ленэ, которому пришлось передать Деказу Министерство внутренних дел. Однако в последний момент Ленэ вдруг заговорил о своей отставке. Корветто его опередил, уйдя в отставку 7 декабря, и Министерство финансов доверили Руа, докладчику по бюджету в палате депутатов, превосходно управлявшему собственным огромным состоянием.

Моле в своих мемуарах рассказывает о лихорадочной обстановке тех

дней, которые быстрой сменой ситуаций и запутанностью интриг напоминали бы классический французский водевиль, если бы на кону не стояла судьба государства. «Администрации больше не было, правительство пребывало в растерянности, тревога в министерствах парализовала всё, а Деказ, вместо того чтобы скрывать от общественности все эти неприятности, оповещал ее о них через своих агентов. Я больше не смел нигде показаться, настолько мы превратились в предмет всеобщих насмешек из-за мнимой невозможности решить — уйти или остаться». Ришельё и Деказ теперь виделись только на заседаниях правительства и обвиняли друг друга в бесчестных происках. В палате депутатов тоже был раздраз.

Водевильности происходящему добавляла влюбленность шведской королевы, которая старалась попасться Ришельё на глаза везде, где он бывал, беспрестанно спрашивая о его здоровье и часами дожидаясь его в карете у ворот дома на улице Бак. Она даже посылала самой себе букеты будто бы от герцога, с его карточкой. Доходило до настоящих анекдотов: однажды она подслала в министерство художника, чтобы тот украдкой набросал портрет ее возлюбленного, а он ошибся и изобразил Рейневалея, красотой вовсе не отличавшегося...

Наконец наступила развязка: вечером 21 декабря Ришельё, Моле и Ленэ подали королю прошения об отставке, Деказ и Паскье последовали их примеру. На следующий день Людовик позвал всех к себе. Он сидел в кресле, расплывшись, как квашня, и положив ногу на подставку: мучила подагра. Ришельё — с измочаленными нервами, с синяками под глазами — поставил вопрос ребром: или Деказ, или он. Глаза Людовика увлажнились. Это был не король, а просто старый больной человек, у которого отбирают любимого сына. «Вы знаете, что я его люблю, вы не можете этого не знать, и вам известно, чего мне будет стоить с ним расстаться, но это всё лучше, чем потерять вас», — произнес он со слезами в голосе. Ришельё был растроган и удручен; ему были понятны страдания монарха, но он и сам был измотан. Он еще раз повторил, что чувствует себя не подходящим для роли главы правительства, и для верности подтвердил это письменно на следующий день: «Моя миссия окончилась в тот момент, когда великие дела с иностранцами были завершены. Внутренние дела и руководство палатами мне совершенно чужды, я не обладаю ни навыками, ни способностями к этому. <...> Чтобы оказанные мною услуги не сделались бесполезны, нужно восстановить в правительстве единство мнений, коего больше нет. Вашему Величеству известно, что я люблю и уважаю господина Деказа. Эти чувства будут неизменными...» Однако герцог

подчеркивал, что если Деказ останется в правительстве, то будет подвергаться беспочвенным нападкам со стороны одной из политических партий и тяготеть к другой, доктрина которой представляет еще большую угрозу для государства, и тем самым сделается препятствием для успешной работы кабинета. Отправьте его послом в Неаполь или Петербург...

Это уже не водевиль, а драма Корнеля: борьба между чувствами и долгом. «Ваши двери закрыты для меня, и у меня есть все основания опасаться, что и Ваше сердце передо мною захлопнется», — писал Деказ Ришельё 12 декабря. «Обнадежьтесь, мое сердце никогда не будет для Вас закрыто. Несколько жалких расхождений в политических воззрениях не способны порвать тесные узы уважения и дружбы. Но существуют вынужденные положения. Свет разделил нас помимо воли, лучше уступить силе обстоятельств. Вот что заставило меня принять решение. Я думаю, что уплатил свой долг королю и стране», — отвечал Ришельё 22 декабря. «Я покидаю короля, Вы могли не сомневаться в моем согласии. Можно пойти на любые жертвы, если они необходимы», — поспешил написать Деказ.

На следующий день Деказ явился к королю и выразил согласие уехать к родне в Либурн. А как же его жена, она ведь на четвертом месяце беременности? Мыслимо ли ехать так далеко зимой? По окончании заседания правительства Людовик велел Ришельё задержаться. Герцог настаивал на отъезде королевского фаворита в Россию, иначе правительство развалится. Заливаясь слезами, король отдал своему сердечному другу «жестокий приказ» и сообщил Ришельё, что согласен на всё.

В канун Рождества Ришельё, Паскье, Ленэ и Руа занялись составлением совершенно нового правительства из правоцентристов и правых. Теперь это уже была комедия абсурда: чем больше они говорили, тем меньше понимали друг друга. Через два дня Ришельё осознал, что толку из этого не выйдет, подал королю прошение о полной отставке и, получив его письменное согласие, упал в обморок с письмом в руке. Опамятовавшись, он сам просил Деказа (через Ленэ) войти в правительство, которое возглавит Жан Жозеф Дессоль (1767–1828) — бывший наполеоновский генерал, перешедший на сторону Бурбонов. (Дессоль пробудет на этом посту с 28 декабря 1818 года до ноября 1819-го и покинет его, заслужив прозвище «министр честный человек».) Дюк отдавал ему должное.

Нервное расстройство приковало Ришельё к постели на несколько дней. Тем временем новость о его отставке широко обсуждалась в обществе. «Он уходит в момент величайшего торжества, какого только

может добиться государственный деятель», — великодушно писала «Минерва». Прочие были иного мнения, а Гизо открыто радовался уходу герцога, иначе «доктринеры», возможно, «никогда не заняли бы место, которое полагается им по праву».

Несмотря на пошатнувшееся здоровье, Ришельё испытал облегчение: он наконец-то вырвался на свободу. «Я не в ссоре с новыми министрами, я не глава оппозиции, и, чтобы избежать интриг, будоражащих страну, я уезжаю в южные провинции, где врачи приказывают мне жить до конца зимы. Это единственный способ не сойти помимо своей воли со стези умеренности и беспристрастности — единственной подходящей моему характеру», — писал он 4 января маркизу де Боннэ для передачи Фридриху Вильгельму. И успокаивал Александра I по поводу нового правительства: «Оно состоит из людей, без сомнения, достойных и благонамеренных». «Ваши преемники могут быть лучшими людьми на свете, но это не Вы, дражайший герцог», — возражал ему Нессельроде. В письме царя содержалась та же мысль, но выраженная не столь четко.

По просьбе Дюка король издал ордонанс о наследовании титулов герцога де Ришельё и пэра Франции старшим сыном его сестры Симплиции Оде де Жюмилаком. Поскольку Арману предстояло освободить служебную квартиру, а своего угла у него не было (обе его сестры теперь жили в одном доме — особняке Конак на улице Университе — и постоянно грызлись между собой), Людовик XVIII через Деказа предложил ему должность главного ловчего вместо должности первого камергера: обязанностей никаких, зато 50 тысяч франков в год. Придворный интендант подыскал ему жилище в бывшем особняке Жубера де Вильмаре на Вандомской площади, где тогда жил маркиз де Ламезонфор, друг Ришельё.

Маркизу де Лалли-Толлендалю из палаты пэров и Бенжамену Делессеру из палаты депутатов этого показалось мало, и они потребовали для «освободителя национальной территории» достойной награды. Деказ был сначала удивлен, счел эту инициативу «неловкой», но потом сам принялся ее проталкивать. Ришельё, старавшийся, наоборот, чтобы его как можно скорее забыли, вежливо отказался: «Мне достаточно уважения моей страны, милости Короля и голоса собственной совести». Но было поздно: Дессоль превратил эту просьбу в законопроект о выделении из числа поместий, входящих в гражданский лист^[74], майоратного имения, приносящего доход в 50 тысяч франков, и закреплении его за бывшим министром Ришельё, пэром Франции, с правом передачи племянникам вместе с этим титулом. 11 января 1819 года законопроект был представлен на рассмотрение палаты депутатов. Естественно, прения проходили бурно.

В итоге закон о предоставлении Ришельё «пожизненной пенсии» приняли с перевесом в 29 голосов. Понятно, что главное заинтересованное лицо вовсе не обрадовалось, а, наоборот, рассердилось. Арман писал Оливье де Вераку, что простая устная благодарность, принятая под аплодисменты, доставила бы ему гораздо больше радости, чем «все деньги на свете», выданные со скрипом. Кстати, деньги эти, вопреки ожиданиям, он безвозмездно передал богадельням в Бордо.

Не дожидаясь окончания этого дела, он еще 4 января уехал из Парижа вместе со своим верным адъютантом Стемповским.

Последний круг

Тур, Бордо, Тулуза, Марсель, Тулон — таков был маршрут. Как только исчезли причины для нервного расстройства, самочувствие Ришельё сразу улучшилось. «Я совершенно здоров, — писал он Рошешуару 15 января. — Пью, ем, много сплю и, кстати, ничего другого не делаю». Не надо никуда мчаться, можно делать, что хочешь и когда хочешь — это ли не счастье? «За последние тридцать шесть лет я впервые путешествую ради собственного удовольствия», — писал он 2 февраля Оливье де Вераку, признаваясь, что чувствует себя, точно «школьник, сбежавший из коллежа».

Во всех городах, через которые герцог проезжал, он встречал восторженный прием со стороны населения; в Бордо местные власти особенно расстарались. «Неплохо для министра в отставке», — шутливо отмечал Ришельё в письме кардиналу де Боссе 21 января. «Прием почти слишком хорош для смещенного министра, — писал он маркизе де Монкальм. — В монархии желательно, чтобы все предпочтения отдавались действующим министрам. Свидетельства привязанности и уважения, выказываемые господину де Шуазелю во время его опалы, были предвестниками Революции».

Однако Бордо — особый случай. Члены семейства Ришельё не были здесь чужими людьми. Вспоминая свое пребывание в Бордо в пору юности, Арман не мог не отметить произошедших перемен: улицы стали шире и украсились магазинами и кафе; в кварталах, примыкающих к береговой линии, было разбито много садов и парков. Но он не преминул посетить обветшавшую городскую больницу, где больные лежали по двое-трое на одной кровати. (Строительство новой больницы — на деньги герцога — начнется только в 1825 году, на месте одного из садов.) Кроме того, поборника свободной торговли встревожил застой в этой области, который он приписал нехватке наличных денег во Франции — как, впрочем, и во всей Европе. Герцог три дня разъезжал верхом по Ландам — равнине между Атлантическим океаном и Пиренеями — и посоветовал посадить там сосны, чтобы не выветривался песок в дюнах, проложить дороги и каналы, оборудовать порт в Аркашоне.

Префект Жиронды Камиль де Турнон не преминул упомянуть о визите герцога в своих мемуарах: «Он был высок, элегантен, с благородной осанкой, но держался совершенно естественно. В его открытых, простых,

изящных манерах было нечто бесцеремонное, говорящее о прямоте. У него красивое лицо с правильными чертами, орлиный, но соразмерный нос, прекрасные глаза. На голове выются многочисленные седеющие волосы. Он из тех людей, увидев которых, невозможно позабыть, и которые нравятся с первого взгляда... Его разговор был солидным, основательным, указывавшим на незаурядную образованность и такую же опытность в знании вещей и людей. Он не изрекал ничего блестящего, но все его слова были здоровыми, суждения справедливыми, а главное, пронизанными любовью к благу. Наконец, хотя ничто не указывало в нем высшего человека, всё говорило о благородстве характера и об уме, парящем высоко над толпой».

Популярность герцога беспокоила Деказа, который тайком следил за ним через своих агентов. Один из них, Эймар, писал шефу из Марселя: «Пребывание герцога в Марселе не произвело сенсации, которой можно было ожидать на основании всего, что о нем говорили по прибытии. Он мало говорил о политике».

В самом деле, Ришельё уделял основное внимание образованию и в разговорах развивал свои мысли о школах взаимного обучения (Белл-Ланкастерской системе). Школы, где старшие ученики учили младших тому, что усвоили сами, и где впервые стали применять доски (для экономии бумаги) и наглядные пособия, распространились в Англии начиная с 1795 года (хотя много раньше подобные заведения существовали в Париже для обучения чтению, письму и счету бедных детей и сирот), а с 1815 года начали развиваться в Швейцарии и Франции. Однако эти школы столкнулись с острой нехваткой учителей-новаторов и противодействием церковных властей. Кроме того, герцог выражал обеспокоенность по поводу растущего налогового бремени и удивлялся, что новый министр финансов барон Луи ничего не предпринял для сокращения налогов, хотя Ришельё просил его об этом перед отъездом. «Эти господа либералы имперской школы никогда по-настоящему не заботились об облегчении жизни налогоплательщиков... раз народ платит, совершенно не нужно облегчать ему жизнь».

В Лангедоке Дюк проехал вдоль искусственного канала, построенного при Людовике XIV и с тех пор не очищавшегося, в Ницце посокрушался, что строительство горной дороги вдоль моря (Корниш), начатое при Бонапарте, так и не было закончено. «Правда, великие политики наших дней не придают значения таким пустякам, — писал он Вераку 15 апреля. — Первым делом — принципы и их последствия, а уж потом — торговля, промышленность, сельское хозяйство, если до них дойдет черед».

Политикой Ришельё, конечно же, интересовался и ежедневно читал газеты и письма из Парижа, внимательно следил за дебатами в парламенте по закону о печати (в мае — июне), однако публичных заявлений не делал и только в письмах друзьям мог посетовать на бессистемные действия нового правительства.

У него появилась новая забота: в Марсель примчалась королева Дезире — якобы навестить дядю. А он-то уже думал, что избавился от ее преследований! «Не ожидал я под старость лет вскружить голову юной особе, которой уже за сорок», — писал он Армандине, добавляя, что «нет ничего более нелепого и неприятного, тем более что об этом известно в Париже». Теперь ему приходилось скрывать свой маршрут, выбирать окольные пути, останавливаться на самых невзрачных постоялых дворах — и всё равно проклятая карета непременно появлялась там вслед за его почтовым экипажем. Просто кошмар какой-то! Из Тулона герцог бежал за границу, в Геную; там, наконец, королева отстала.

Успокоившись, Ришельё продолжил путешествие по Италии: Флоренция, Венеция, Милан... «Европа кажется мне такой маленькой, а способы сообщения столь быстрыми, что я не понимаю, почему бы не доставить себе удовольствие разъезжать по ней, особенно когда в разных местах живут люди, которыми дорожишь из былой привязанности, — писал он Вераку 4 июня. — Нужно иметь центральную точку, чтобы свить там гнездо (и для меня это будет Париж), а уж оттуда лететь — хоть на север, хоть на юг. Именно это я и намереваюсь сделать». Но в Цюрихе супруга Карла Юхана вновь «села ему на хвост». «Сегодня утром я нашел на постоялом дворе букет. Неужели приехала моя чокнутая королева? — делился Арман опасениями с Леоном де Рошешуаром 25 сентября из Спа, где намеревался принимать целебные воды. — Она преследует меня своей неразумной любовью. Я поскорее сбегу».

Весьма вероятно, что сердце самого герцога тогда было несвободно, однако как настоящий рыцарь он всячески скрывал свои чувства, чтобы не скомпрометировать доверившуюся ему женщину. Ее имя упоминается только в письмах ближайшим друзьям. 17 сентября Арман отослал Рошешуару из Спа «шкатулочку» для передачи маркизе де Гург, которую в единственной сохранившейся собственноручной записке, адресованной ей, называл «своей дорогой Генриеттой». Скорее всего, познакомились они еще в Вене, когда герцог был в эмиграции. Это была привлекательная и умная женщина (только сочетание двух этих качеств было способно пленить Ришельё); Моле даже приписывает ей определенное политическое влияние и утверждает, что именно она в 1817 году подтолкнула герцога в

лагерь правых.

Тем временем в сентябре состоялись выборы в палату депутатов, ознаменовавшиеся яркой победой «независимых», которые получили 35 депутатских мандатов из 55, увеличив таким образом свою фракцию на 25 человек (правые потеряли 10 мест, сторонники правительства —15). Просто невероятно: в палату избрали бывшего члена Конвента Анри Грегуара^[75], подавшего мысль о суде над Людовиком XVI после бегства того в Варенн!

Ришельё был потрясен. Каждое новое имя, опубликованное в «Универсальном вестнике», было для него как «удар кинжалом»; он горько жалел о том, что способствовал принятию закона о выборах 1817 года. «Есть о чем проливать кровавые слезы, и уж конечно, чересчур претенциозен был бы человек, который после подобной ошибки посмел бы еще заниматься государственными делами, — записал он в дневнике 21 сентября. — Я и только я виновен в этой ошибке, которая стала преступлением из-за ужасных последствий, поскольку многие люди голосовали за сей роковой закон только из доверия, и это доверие было ко мне». Нет-нет, никогда больше он не вернется в большую политику, это было бы величайшей глупостью с его стороны!

Вместе с тем он практически в то же время (14 сентября) писал кардиналу де Боссе: «Какие люди должны возглавить народы, чтобы вести их через эту бурю, и кого мы видим вокруг?.. Повсюду безнадежная посредственность вкупе с несравненной претенциозностью. <...> Еще более удивляет и шокирует самодовольство наших мелких великих людей, которые ни о чем не подозревают, уверенные в себе, изрекают истину в последней инстанции по самым сложным вопросам, в самых трудных делах. Нужно признать, что сей недостаток, разумеется, присущий нашему веку, в особенности свойствен нашей стране. <...> Я непременно хочу избавиться от него, поскольку я не могу и не хочу отречься от своей страны, а нужно принимать ее с ее хорошими и дурными качествами».

Как часто бывало, Дюк находил душевное отдохновение в мыслях об Одессе. «Сообщите мне подробности об Одессе, — писал он тогда же, в сентябре, своему постоянному корреспонденту Сикару. — Расскажите мне о лице, о стране, о ее населении, о развитии культуры, поселений, о казаках, о Черном море, о положении крымских татар и ногайцев...» В октябре Стемповский уехал в Россию, где вскоре был определен в 36-й егерский полк. А путь герцога лежал обратно в Париж через Франкфурт, Дюссельдорф, Амстердам, Брюссель и Лилль.

В Гааге личному секретарю герцога барону Триган-Латуру под

величайшим секретом вручили длинное письмо Деказа, датированное 7 ноября, к которому прилагалась короткая, но весьма любезная записка короля. Дессоль, Луи и Гувийон-Сен-Сир подали в отставку, Деказ считал, что Ришельё — единственный человек, способный остановить нынешнее брожение, не впадая в реакцию, и поэтому умолял его встать во главе большого правительства, состоящего из умеренных представителей «доктринеров» и конституционалистов, а также роялистов, и осуществить целый ряд политических мер, в том числе изменить закон о выборах и укрепить армию. «На коленях заклинаю Вас, во имя стольких интересов, которые Вам так дороги: если Вы не можете решиться уступить мольбам короля и всех нас, подождите, не отвергайте нас, не повидавшись. Приезжайте. Услышьте нас. Выслушаем друг друга».

Ришельё ответил сразу (в Париж его письмо было доставлено 16 ноября): «Положа руку на сердце, прислушиваясь только к голосу моей совести и говоря с Королем, как если бы я говорил с Богом, я считаю своим долгом ему сказать, что ни в коем случае не хочу и не могу вернуться на пост, который я оставил, или любой похожий. Я рассматриваю это решение как абсолютный долг и предпочту утратить благорасположение Короля, нежели не оправдать его доверие, вновь возложив на себя обязанности, которые не считаю себя в состоянии исполнять».

В итоге 19 ноября кабинет возглавил сам Деказ, сформировавший правительство правого центра: графа де Серра (автора законов о свободе прессы 1819 года, который теперь убедился, что был неправ, и был готов закручивать гайки) он назначил министром юстиции, Паскье — министром иностранных дел, генерала де Латур-Мобура — военным министром, Руа — министром финансов. Программа была проста: изменить закон о выборах.

Однако граф де Серр, который должен был представить обеим палатам парламента новое избирательное законодательство, тяжело заболел и лечился на юге. Ришельё, вернувшийся в Париж 2 декабря, следил за ходом событий с интересом, но без иллюзий. Исправлять ошибки гораздо сложнее, чем делать... Король, казалось, смирился с его решением удалиться от большой политики, попросив лишь о последней услуге: 29 января 1820 года скончался английский король Георг III, и Людовик поручил герцогу де Ришельё представлять его на коронации Георга IV.

Арман уже готовился ехать в Лондон, планируя провести часть лета в Одессе и в Крыму, но тут, как уже не раз бывало в его жизни, произошло непредвиденное. Накануне отъезда, 13 февраля, около полуночи, к нему прибежал посланный от Деказа с ошеломляющей новостью: герцог

Беррийский смертельно ранен!

В тот вечер герцог с женой были в Опере на улице Ришельё. Со времени своего возвращения во Францию принц жил как простой человек, политикой не занимался, охраны не имел. В антракте он, без плаща и шляпы, проводил супругу к ее карете и собирался вернуться в театр, как вдруг на него налетел какой-то человек и вонзил ему в грудь острый предмет. Сначала герцог подумал, что его просто ударили кулаком, машинально схватился рукой за место удара — и... «Ах, это кинжал! Я убит!» Мария Каролина закричала... На самом деле «кинжал» оказался шилом длиной 25 сантиметров. Убийцу тотчас схватила полиция и увела на допрос; выяснилось, что это рабочий-седельщик Луи Пьер Лувель.

Узнав страшную новость, Ришельё помчался к Опере (от его дома на Вандомской площади до нее было меньше километра); ни о какой поездке в Англию теперь, конечно, не могло быть и речи. Несчастный скончался на рассвете, в половине седьмого 14 февраля; он всё время находился в сознании и то жаловался, что смерть так долго не приходит, то просил пощадить человека, нанесшего ему роковой удар.

В это время его убийца хладнокровно объяснил следователям, что действовал в одиночку, согласно своим убеждениям, и что лично против герцога Беррийского он ничего не имеет, а его целью было «уничтожить корень» Бурбонов. В самом деле, только герцог еще мог подарить французскому престолу наследника: у его старшего брата герцога Ангулемского, которому уже перевалило за пятьдесят, детей не было (он страдал импотенцией), а Мария Каролина уже родила мужу несколько детей, из которых, правда, выжила только дочь. В тот момент она опять была беременна, но убийца не мог об этом знать. Лувель, родившийся в 1783 году, был патриотом (он научился читать по Декларации прав человека и гражданина) и ярым бонапартистом (он даже последовал за императором на Эльбу), а Бурбонов считал изменниками, поскольку они допустили иностранную оккупацию.

Утром в стране был объявлен траур; толпы людей приходили проститься с убиенным герцогом, которого было решено похоронить в королевской усыпальнице Сен-Дени. Деказ предложил представить в парламент два исключительных закона: об ограничении личных прав и свобод и о газетной цензуре. Однако хорохорился он только на публике, а в личной переписке прорывалось отчаяние. «Нас всех убили», — написал он 15 февраля графу де Серру, всё еще пребывавшему в Ницце.

В самом деле: 14 февраля роялистская оппозиция в палате депутатов бушевала, один из ультраправых потребовал обвинить Деказа в соучастии в

убийстве герцога Беррийского. Правая газета «Драпо блан» («Белое знамя») прямо называла его убийцей, Шатобриан в «Консерваторе» подозревал его в диктатуре, приведшей к преступлению. Деказу впору было опасаться за свою жизнь — по салонам Сен-Жерменского предместья гуляла зловещая фраза: «Раз нашелся негодяй, заколовший герцога Беррийского, неужели же не отыщется честный человек, чтобы убить господина Деказа?» Витроль, входивший в ближний круг графа д'Артуа, отца убитого, подбивал нескольких телохранителей на свершение этой мести.

Никто не хотел верить, что убийца действовал в одиночку; Лувеля считали орудием заговора, сложившегося из-за либерального попустительства Деказа. Роялисты требовали роспуска палаты депутатов, изгнания герцога Орлеанского (воплощавшего собой умеренную оппозицию и не отвергавшего Революцию целиком) и создания откровенно роялистского правительства. На Людовика XVIII наседали семья его брата, в категоричной форме требуя прогнать его фаворита, первого министра; при этом герцогиня Ангулемская напирала на то, что если Деказ уедет, то не станет «еще одной жертвой». Однако Людовик ответил им столь решительным отказом, что его, «наверное, было слышно на площади Каррузель». Более того, он отказал своему любимцу в просьбе об отставке, заявив: «Они нападают не на вашу систему, дражайший сын, а на мою».

Но всем было ясно, что Деказу главой правительства не быть, а кабинет его превратился в труп. Ришельё предусмотрительно заперся на все замки и не велел никого принимать. 16 февраля Деказ написал королю, умоляя его лично просить герцога вернуться в правительство. Не желая получить очередной отказ, король ограничился письмом, уполномочивавшим самого Деказа провести разговор на эту тему. На следующий день тот отправился к бывшему шефу, и герцог согласился его принять, но отказал наотрез: он не доверяет Месье, а сейчас всё решает именно брат короля! Пьеса, впервые исполненная в сентябре 1815 года, была сыграна заново и почти в том же актерском составе. Весь день 18 февраля в особняк на Вандомской площади приезжал один посланец за другим: Ленэ, Виллель, Жюль де Полиньяк от лица Месье, Оливье де Верак...

Как часто бывало, чрезмерное нервное напряжение свалило герцога; он принимал посетителей, лежа в постели; то же самое случилось с Деказом. Финал-апофеоз: к одру Ришельё явился сам граф д'Артуа. Его требования были просты: Деказ должен уйти, а герцог — занять его место и сформировать правительство из кого пожелает: «Будьте уверены, что я

всем буду доволен, всё одобрю и всё поддержу». Встав на колени (!), Месье умолял Ришельё спасти его семью и оградить то, что от нее осталось, от «ножа убийц».

Если верить мемуарам Паскье, ссылающегося на рассказ самого Дюка и воспоминания госпожи де Буань, встреча происходила так:

— Послушайте, Ришельё, это джентльменское соглашение, — сказал Месье. — Если у меня появятся возражения по поводу того, что вы станете делать, обещаю, что приду откровенно объясниться с вами наедине, но при этом буду честно и неукоснительно поддерживать все шаги вашего правительства. Я клянусь в этом над окровавленным телом моего сына, даю вам слово чести, слово дворянина.

На этих словах граф д'Артуа протянул герцогу руку, которую тот почтительно поцеловал и, глубоко растроганный, сказал: «Я согласен, монсеньор».

Адвокат Шарль де Ремюза, чья мать была хозяйкой либерального салона, назвал поступок Ришельё «глупостью французского дворянина».

Людовик XVIII сделал Деказа герцогом и назначил посланником в Лондон, пока же тот неохотно удалился в Жиронду — против своей воли, но по настоянию своего преемника. Король был безутешен; в своем кабинете в Тюильри он повесил портрет Деказа вместо портрета Франциска I, раскрыл атлас почтовых дорог на странице, где была дорога в Бордо, назначил паролем для входа в свой кабинет «Шартр» (там останавливался по пути его «дражайший сын»), а отзывом — «Эли».

Ришельё же занялся формированием правительства, твердо решив не повторять прошлых ошибок. Никаких временных мер, пока не придумаем чего-нибудь получше. «Необходимо, чтобы верили, что я здесь надолго», — писал он 3 марта Деказу, заявлявшему во всеуслышание, что новое правительство — временное. (И правые, и левые центристы думали, что Ришельё не продержится и трех месяцев; госпожа де Бройль записала в дневнике, что это хилое правительство опрокинется от сквозняка, однако «все стараются не дышать, опасаясь, что обломится последняя половица».)

«Вы призваны королем стать посредником между крайними страстями и порождаемыми ими партиями, — писал Дюку Александр I, стараясь его подбодрить. — Да пребудут с Вами наилучшие пожелания союзников Его Христианнейшего Величества и мои на оной исполненной трудов стезе».

На сей раз Ришельё был назначен председателем правительства без портфеля. Иными словами, не имея никаких конкретных обязанностей, он мог проявлять активность во всех областях, от дипломатии до реорганизации армии. Теперь он уже не был новичком в мире французской

политики и назначал на министерские посты тех людей, в которых был уверен. Кроме того, он решил искать опору в парламенте, где должны быть представлены все партии и отстаиваться все интересы. Для улучшения взаимодействия между законодательным и исполнительным органами Ришельё привлек в свою «команду» выдающихся ораторов, например графа де Серра (ставшего министром юстиции), который два года был председателем палаты депутатов, умел сохранять лицо во время самых ожесточенных дебатов, а также произносить длинные речи, которые выслушивались в благоговейном молчании. Паскье, возглавивший дипломатическое ведомство, говорил легко и непринужденно, ему не было равных в унятии спорщиков и в умении замять неудобный вопрос.

Но поскольку основным членам правительства, участвовавшим в нескончаемых парламентских прениях, было некогда заниматься делами, им требовались компетентные помощники. Ришельё назначил Мунье, Порталиса и Рейневаля соответственно товарищами (заместителями) министров внутренних дел, юстиции и иностранных дел, Сен-Крика — директором таможни, Англеса — префектом парижской полиции.

«Он добросовестно искал человека, подходящего к месту, а не место, подходящее человеку, которому он благоволил, — объясняет госпожа де Буань. — Вот почему у него было много сторонников, но мало прихлебателей».

За советами Дюк чаще всего обращался к Эдуарду Мунье (1783–1843), вместе с которым «сводил дебет с кредитом» в Ахене в октябре 1818 года. Теневой глава Министерства внутренних дел (официально его возглавлял престарелый Жозеф Жером Симеон, еще один хороший оратор), он сделался, по сути, фаворитом главы правительства — и главной мишенью сатирических стрел, выпускаемых роялистами. Но именно через него Ришельё пристально следил за внутренней обстановкой во Франции: подготовкой к выборам, назначением префектов, представлением законопроектов в парламент и т. д.

Похороны герцога Беррийского в Сен-Дени состоялись 14 марта в присутствии всей королевской семьи и при огромном стечении народа — в собор набилось больше четырех тысяч человек. На следующий день палата депутатов большинством в 19 голосов приняла закон о газетной цензуре, а 30 марта большинством в 27 голосов — закон о временной отмене личных свобод. Таким образом, правительство одержало убедительную победу в «войне трибун», поскольку ни правые, ни левые не обладали в палате большинством и важен был каждый голос.

Однако это была лишь прелюдия к главному политическому ходу —

новому закону о выборах, который должен был положить конец «либерализации». 17 апреля граф Симеон представил депутатам законопроект, существенно отличавшийся от текста, представленного Деказом 15 февраля. Распределение выборщиков, ежегодно платящих минимум 300 франков налогов^[76], по окружным коллегиям, имеющим право избрать напрямую 258 депутатов из числа уже обладающих депутатским мандатом, было сохранено. Однако теперь четверть выборщиков из окружных коллегий, платящие самые высокие налоги, составляли департаментскую коллегию, которая избирала еще 172 новых депутата. Таким образом, самые богатые могли голосовать дважды. Ришельё полагал, что правые согласятся на такую двухступенчатую систему. Зато от полного переизбрания палаты, предложенного Деказом, отказались, оставив ежегодное обновление состава на пятую часть. Осторожность подсказывала, что пока необходимо воздержаться от радикальных мер, хотя Ришельё полагал, что в конечном счете полное переизбрание станет неизбежностью.

Непрямые выборы, при которых преимущество получают самые богатые избиратели, по большей части помещики! В палате поднялась буря. «Выразить Вам не могу, до какой степени я был поражен этим зрелищем, подобного которому не видали со времен прекрасных дней Конвента», — писал Ришельё, присутствовавший на заседании, графу де Серру, застрявшему в Ницце.

Между тем еще в начале месяца Ришельё сообщили о существовании плана мятежа, разработанного лидерами ультралибералов Лафайетом, Аржансоном и Манюэлем. Они намеревались действовать через ассоциацию «в пользу жертв произвола», отставных офицеров, проживавших в провинции, и парижских студентов-юристов. Герцог немедленно усилил парижскую жандармерию, которая должна была поддерживать порядок наряду с королевской гвардией. В провинцию же он отправил герцога Ангулемского, чтобы успокоить взбудораженные умы. Тот покинул столицу 27 апреля, посетил Дижон, Лион, Гренобль, Безансон, Страсбург и Мец и вернулся 5 июня.

Тем временем обстановка накалялась. Дебаты по законопроекту о выборах начались 15 мая. 26 мая Лафайет заговорил с трибуны о «суверенном правосудии» народа. Через два дня палата приняла (с перевесом в один голос!) поправку Камиля Жордана, согласно которой каждая окружная коллегия напрямую избирает одного депутата; тяжелобольной депутат-либерал Шовелен велел принести себя в зал заседаний на носилках, чтобы участвовать в голосовании, его

приветствовали криками «Да здравствует Хартия!». На ступеньках крыльца Бурбонского дворца дежурили группки сторонников различных партий, приветствовавшие или освистывавшие прибывавших депутатов. Однако после бурных дискуссий поправка была отвергнута 1 июня большинством в десять голосов. Произошло это потому, что граф де Серр, наконец-то приехавший в Париж, произнес с трибуны пламенную речь, а герцог де Ришельё и Мунье «обработали» нескольких депутатов (злые языки говорили, что купили, однако это совершенно не в характере Дюка). Эти кулуарные уговоры, по его признанию, были «самым тягостным и утомительным делом», однако того стоили. Граф де Серр сказал явившимся его поздравлять: «Мы только что выиграли для Бурбонов передышку в десять лет!»

Но успокаиваться было рано. Толпы политизированной молодежи — студенты, молодые литераторы, наставляемые Бенжаменом Констаном, приказчики, подзадориваемые Жаком Лафитом (банкиром, депутатом-либералом и последовательным противником правительственных мер), — теперь стояли уже вдоль набережных, на мосту и даже на площади Людовика XV (площади Согласия); среди них сновали полицейские в штатском, которых можно было узнать по трости и белой ленте на шляпе. Ришельё велел их отозвать, но было поздно: 3 июня возникла потасовка, окончившаяся гибелью студента-юриста. На следующий день префект полиции запретил всяческие демонстрации вблизи резиденции парламента — тщетно. В последующие два дня конная жандармерия и отряды гвардейцев-драгун раз за разом прогоняли с площади Людовика XV студентов, число которых достигало пяти-шести тысяч.

Седьмого июня Лувель, убийца герцога Беррийского, был гильотинирован на Гревской площади, но это напоминание никого не образумило. Через два дня демонстрации выплеснулись на бульвары; теперь в них участвовали уже не одни лишь студенты, а еще и рабочие, поденщики из предместий Сен-Дени и Сен-Мартен. После троекратного призыва разойтись драгуны поскакали на толпу. Один человек погиб, множество было ранено, с полсотни арестовано. К счастью, после задержания нескольких агентов Лафайета и Аржансона, подстрекавших к мятежу, беспорядки улеглись. (Почти месяц спустя, 13 июля, Ришельё писал об этом Сикару как о «событиях, оставшихся без последствий» и доказавших, что «народ не желает революции, а войска готовы исполнять свой долг».)

Всё это время дебаты в парламенте не прекращались. Наконец 12 июня закон был принят 154 голосами против 95. Через две недели его утвердил

король, и 22 июля парламентская сессия завершилась.

На какое-то время герцог мог перевести дух — но ненадолго. Международная обстановка в то время тоже была напряженной. В январе вспыхнуло восстание в Испании, и король Фердинанд VII был вынужден подчиниться якобинской конституции 1812 года. В марте Ришельё и Паскье отправили в Мадрид маркиза де Латур-Дюпена для посредничества между Бурбонами и повстанцами, однако Англия быстро добилась отмены французской дипломатической миссии. Эти события придали размах движениям карбонариев и франкмасонов в Неаполитанском королевстве; весной там сложился заговор офицеров с целью установления конституционной монархии. А от Италии до Франции рукой подать...

В середине августа в Эпинале был арестован драгунский подполковник в отставке Огюстен Жозеф Карон по обвинению в подготовке военного мятежа на манер испанского; 19-го числа волна арестов офицеров и унтер-офицеров прокатилась по четырем легионам, расквартированным в Париже, а также королевской гвардии, было схвачено 138 человек, некоторым удалось бежать. В «Универсальном вестнике» напечатали сообщение о раскрытии заговора с целью свержения монархии и провозглашения правителем «одного из членов семейства Бонапарт» (сына Наполеона).

К счастью, 29 сентября вдова герцога Беррийского Мария Каролина произвела на свет младенца мужского пола, которому Людовик XVIII присвоил титул герцога Бордоского в честь первого города, перешедшего на сторону Бурбонов в 1814 году (при крещении, которое состоится 1 мая 1821 года, мальчик будет наречен Генрихом). Род Бурбонов не пресекся, младенца величали «дитя чуда». Ришельё искренне радовался этому событию, но вместе с тем не мог не испытывать тревоги: рождение мальчика ослабляло позиции его дяди герцога Ангулемского, союзника Дюка, и придавало больше веса Месье в его отношениях с королем. В день благодарственного молебна по случаю чудесного рождения Ришельё прогуливался по своему саду вместе с Поццо ди Борго. Заслышав звон колоколов, Поццо сказал: «Это поминальный звон по династии», — и собеседник с ним согласился...

Все эти тревоги привели к тому, что герцог заподозрил политический контекст в непрекращающихся преследованиях влюбленной в него шведской королевы. Ее величество не оставляла попыток увидеться с ним: являлась в Тюильри, меняя платья несколько раз на дню, чтобы близорукий Ришельё не сразу ее узнал, могла нагрянуть в дом к другу герцога Матье де Моле и даже в Куртей к его жене! В конце концов Арман решил, что Дезире

Клари просто шпионит за ним по поручению своего мужа.

Покончив с парламентскими баталиями, он теперь мог полностью посвятить себя тому, что считал первостепенным, — экономике и армии, хотя, разумеется, и раньше не упускал их из виду.

Герцог де Ришельё не переставал быть офицером; своему зятю Жюмилаку, командовавшему дивизией в Пикардии^[77], он советовал почаще устраивать смотры и обедать вместе с офицерами, «поскольку только за столом и можно как следует познакомиться». Он ладил с новым военным министром, генералом Латур-Мобуром, человеком прямым и честным. Дюк взялся полностью изменить систему легионов, набираемых по департаментам, установленную при прежнем министре Гувийон-Сен-Сире. Региональные различия в диалектах, обычаях, уровне образования были слишком велики, чтобы из таких легионов можно было слепить единую национальную армию. Ордонансом от 23 октября 1820 года 94 легиона преобразовали в 80 полков, попутно (в результате сокращения определенного количества должностей и перевода офицеров из одного полка в другой) удалось убрать из армии бонапартистов, осуществив пресловутую чистку рядов без всяких потрясений. Реорганизация продолжалась до конца 1821 года.

Касательно же экономики, одиннадцатимесячное путешествие показало Дюку, что следует предпринять в первую очередь. Для оживления торговли и улучшения снабжения городов началось строительство трех больших каналов на средства крупных частных компаний, а также десятка мостов на разных реках вкупе с оборудованием нескольких портов. В самом деле, население потихоньку богатело, безработицы практически не существовало, и трон Людовика XVIII больше не шатался.

Ришельё решил этим воспользоваться, чтобы провести реформу двора, который, по сути, был барьером между королем и его подданными. Идея герцога заключалась в том, чтобы открыть доступ к придворным должностям не только дворянству, но и верхушке буржуазии, сделать двор «частью нации». Дюк никогда не чувствовал себя вольготно в обществе царедворцев, вечно плетущих интриги, и опасался их пагубного влияния на короля. Он предложил создать 32 должности камергеров и неограниченное число почетных дворян, которые могли бы получать приказы непосредственно от короля (это польстило бы их самолюбию), а заодно отменить должности, ставшие ненужными. Однако король воспринял это как покушение на свои prerogatives и удовлетворил просьбу герцога только наполовину: из сотни новых назначений, состоявшихся с ноября 1820 года по декабрь 1821-го, только два десятка касались недворян —

бывших имперских чиновников или крупных финансистов. Одним из новоиспеченных камергеров стал Леон де Рошешуар, другим — маркиз де Гург, муж «дорогой Генриетты»...

В ноябре же состоялись довыборы в парламент по новой системе. Не послушав совета Паскье, Ришельё не стал распускать палату депутатов и переизбирать ее целиком. Либералы потерпели поражение: у них теперь было только 35 мест из 430, остальные поделили между собой правоцентристы и правые.

Ришельё был удивлен и даже встревожен, поскольку в парламент вернулись 75 бывших депутатов Несравненной палаты, без которых он вполне обошелся бы. Хуже того, Месье принялся насаждать на него, чтобы заменить двух министров своими людьми — депутатами Виллелю и Корбьером. У Ришельё не было никаких причин снимать проверенных людей с ключевых постов; в начале декабря, еще до открытия парламентской сессии, он предложил Корбьеру руководство образовательным ведомством, а Виллелю — департаментом косвенных налогов при Министерстве финансов, однако это не устроило никого, включая министра финансов Руа. Тогда Дюк перешел к «плану Б»: Виллель и Корбьер войдут в правительство как министры без портфеля. Они снова отказались, а Шатобриан, только что назначенный полномочным послом в Берлине (Ришельё очень хотелось сплавить его подальше), пригрозил не поехать туда, если требования его друзей не будут удовлетворены. Наконец вечером 20 декабря был достигнут компромисс: Виллель, Корбьер и Ленэ станут министрами без портфеля и Корбьер получит в придачу департамент просвещения, от которого отказался Ленэ.

Небольшая передышка в связи с рождественскими праздниками — и новые проблемы: 27 января 1821 года возле покоев короля в Тюильри обнаружили небольшой бочонок с порохом. Двое заговорщиков основали тайное общество карбонариев с целью свержения Бурбонов. Впрочем, карбонарии действовали не только в Париже: одна попытка их выступления, под руководством генерала Бертона, провалилась в Сомюре, другая — в Ла-Рошели, где были арестованы четыре сержанта, сдавшие всю организацию.

«Нельзя ожидать от полиции, обезоруженной всеми конституционными законами, тех же результатов, как от полиции имперского правительства, имевшей в своем распоряжении все ресурсы абсолютной и военной власти, не говоря уж о деньгах, — писал Ришельё 6 марта графу Нессельроде по поводу злосчастного бочонка. — Однако и тогда бывали и адские машины, и заговоры всякого рода, от Жоржа и Моро

до Мале, которых не смогли ни предвидеть, ни раскрыть^[78]. <...> Впрочем, — успокаивал он адресата, — покушение 27 января могло иметь целью лишь посеять тревогу и страх, ибо жизнь короля и любого члена королевской семьи не подвергалась ни малейшей опасности при этом взрыве».

Гражданский мир в стране напоминал тонкую корочку льда на реке: малейшее неосторожное движение — и можно провалиться и утонуть. Вот в Париж вернулся Деказ, поскольку его жена была при смерти, и все, включая Нессельроде, забеспокоились. Дюк устало объяснял последнему, что если бы Деказу не предоставили отпуск, он попросил бы отставки и вышло бы то же самое, к тому же надолго он не задержится, уедет на юг. Впрочем, приезд бывшего министра встревожил и его самого: «Я не думаю, что его пребывание здесь может иметь нежелательные последствия для короля, но не скрываю от себя, что оно способно посеять смуту в депутатском большинстве и что некоторые члены этого большинства не выдержат и наделают глупостей. Нам стоит большого труда заставлять всех этих господ работать вместе». Малейшее происшествие могло пустить все труды насмарку. И герцог вновь заговорил о том, как опостылела ему жизнь среди интриг и подсиживаний, подрывающих его здоровье: «Я продержусь, сколько смогу, но когда это станет невозможно физически, придется положить этому конец». Кстати, и любимая сестра с начала года постоянно болела; Арман передавал от нее приветы знакомым, извиняясь за то, что Армандина не в силах написать им сама.

Отдохновение от забот и треволнений Дюк находил в переписке с одесскими друзьями (хотя и там было немало поводов для беспокойства; например, герцог был шокирован известием об участии одесских греков в еврейских погромах, о которых написали немецкие газеты, и переживал из-за Ланжерона, которому не удалось взять с наскока чиновничью крепость), а также в разговорах о своей прежней жизни с теми, кто приехал в Париж вслед за ним. Среди этих людей был Габриэль де Кастельно, которого Людовик XVIII официально сделал маркизом. Ришельё подыскал ему должность: ведение исторических и политических памятных записок в архиве департамента иностранных дел. Но по большей части Кастельно работал над своей историей Новороссии, потратив на нее десять лет своей жизни. Этот труд был посвящен Александру I, который еще в 1812 году наградил автора орденом Святой Анны 2-й степени. В полном, трехтомном виде это сочинение вышло в свет в Париже в 1820 году под названием «Опыт древней и современной истории Новороссии. Статистика провинций, ее составляющих. Основание Одессы, ее успехи, ее настоящее

положение; подробное описание ее торговли. Путешествие в Крым. С картами, видами, планами и т. д.». Именно эта книга послужила Байрону источником информации для нескольких глав поэмы «Дон Жуан», в которых преломляются несколько эпизодов из жизни Ришельё.

«Вечерами воспоминаний» Дюк не ограничивался, его позиция, как всегда, была деятельной: он исходатайствовал разрешение для государственного советника Х. Х. Стевена, заведовавшего ботаническим садом в Никите, совершить путешествие во Францию и Италию для сбора новых образцов растений, сам прислал в Крым семена из королевского сада, добился возобновления импорта в Одессу французских тканей, содержал за свой счет 20 учеников лицея, носившего его имя, а в июле 1821 года даже выписал из Симферополя четырех овец для своего поместья в окрестностях Эврё...

В прежних владениях Дюка тоже не забывали. И. М. Муравьев-Апостол, совершивший в 1820 году «путешествие в Тавриду», отметил, что «татары произносят имя Ришельё с умилением» и «пропадают по нем». Муравьев утешил старосту татарской деревни уверением, что Дюк теперь первый человек в своем отечестве после короля и что, может быть, он еще вернется в «приемное» отечество. По его мнению, герцог был среди татар тем же, кем «Лас-Казас^[79] между дикими американцами». В «замке Ришельё» по-прежнему останавливались именитые путешественники. 19 августа 1820 года на рейде Гурзуфа остановился бриг «Мингрелия», и шлюпка доставила на берег семью генерала Н. Н. Раевского, героя Бородина и Битвы народов, и путешествовавшего вместе с ними А. С. Пушкина...

Зато в своем «природном» отечестве Дюк не пользовался всеобщей любовью. 11 апреля 1821 года один из ультраправых депутатов, Доннадьё, на заседании тайного комитета палаты предложил обратиться к королю с просьбой сформировать другое правительство, «поскольку нынешнее — бездарное и антифранцузское». Герцогу по-прежнему кололи глаза его прошлой службой России, хотя он вовсе не был проводником интересов царя и даже отдалился от него, с тех пор как Александр I поддержал Меттерниха в неаполитанском вопросе^[80], тогда как в интересах Франции, как их понимал Ришельё, было создание ряда братских монархий, способных уравновесить влияние Англии и противопоставить свой союз крупным абсолютистским державам.

Ришельё прекрасно понимал, что причиной беспорядков на Апеннинах был в большей степени национальный вопрос, чем политический:

повстанцы не столько стремились к конституции, сколько желали избавиться от австрийского засилья, поэтому вернуть трон неаполитанскому королю с помощью австрийских штыков — не лучший способ восстановить порядок: эффект, скорее всего, будет обратный. Развивая эту мысль в письме Александру, герцог писал: «Надеюсь, что Вы сумеете убедить Австрию смириться с существованием в Неаполе нескольких учреждений, без коих царствование сей семьи мне кажется невозможным». Но император не прислушался к его советам, как ранее, в 1811 году, не внял его призывам заключить мир с Константинополем. Десятки писем Александру, Каподистрии, Поццо ди Борго, в которых герцог объясняет, настаивает, умоляет, действия не возымели. В итоге вторжение австрийской армии в Италию вызвало восстание в Пьемонте. Даже в Испании «кастильская гордость» восстала против угроз со стороны Священного союза, революционное движение усилилось. Однако Александр... предложил Франции сыграть в Испании ту же роль, что Австрия сыграла в Италии! Неужели у него настолько короткая память? «Я убежден, что подобная попытка имела бы для дома Бурбонов те же последствия, что и испанская война для Буонапарте, с той лишь разницей, что в данном случае всё произойдет быстрее, — отрезал Ришельё в письме к Поццо ди Борго от 30 марта. — Я смотрел бы как на изменника своей совести и своему долгу на того, кто ее посоветует и осуществит».

Более того, когда Александр в июле 1821 года попросил герцога поддержать начавшееся 25 марта антитурецкое восстание православных греков (ни одна из европейских стран, сочувствуя грекам, не пришла им на помощь, поскольку этого не сделал Священный союз, одержимый страстью к порядку), тот ограничился отправкой в регион нескольких военных кораблей: «Наш флаг будет появляться везде и придет на помощь всем обиженным и угнетенным».

Интересно, что за подробной информацией по данному вопросу Дюк обратился к Сикару. «Я Вам очень обязан за точность, с коей Вы держите меня в курсе дел сих бедных греков, которые, мне кажется, выбрали самый неудачный момент, чтобы сбросить иго, — писал он 6 (18) мая. — Я сильно опасаюсь великих бед, ибо революции и контрреволюции в сих странах, как и в наших, не замешены на розовой водичке... Во всяком случае, я предвижу череду избиений и опустошений, которым трудно положить конец». Но Франция в то время не могла ввязываться в войну. «Мы искренне переживаем за греков, — разъяснял он Сикару 19 июля (1 августа). — Мы здесь по-прежнему весьма покойны, собираемся построить много мостов, много каналов. На наших глазах создаются общества

взаимного страхования, сберегательные кассы и множество учреждений, доказывающих, что дух ассоциации делает быстрые успехи. Повсюду промышленность копошится, шевелится, фабрики находятся в состоянии беспримерного процветания, и признаюсь Вам, что не сумею хорошенько объяснить сему причину... Несмотря на огромное бремя, довлевшее над нами, мы первыми на континенте уменьшили земельный налог, причем почти на 50 миллионов; Вы понимаете, что нам следует беречь это благосостояние как зеницу ока и не рисковать им. Прежде чем вмешиваться в чужие дела, нужно залечить раны, причиненные нашей же глупостью, и нам это удастся в несколько лет, лишь бы нам достало благоразумия и был бы мир...»

Нужно «поставить Францию в более почетное положение, нежели плестись в хвосте Австрии, России и Пруссии», наставлял он Карамана в ноябре 1820 года: «Нам нужно уважение снаружи, чтобы быть сильными внутри». Меттерниху, который в апреле 1821 — го намекнул на желательность отставки Паскье — чересчур большого конституционалиста, герцог резко ответил, что всегда выслушает и с благодарностью примет дружеский совет, но не потерпит диктатуры. 9 мая того же года он писал Каподистрии: «Мне кажется, что в последнее время всем слишком нравится считать нас логовом зла, которое опустошает мир и делает нас ответственными за все беспорядки, потрясающие прочие страны... Извольте проявить к нам немного доверия, а главное — выразить его, ибо через это наша сила удвоится. Не следует слепо верить всем этим интриганам, всегда готовым предоставить записки и вступить в переписку с государями и их министрами, чтобы осмеять страну и изобразить ее стоящей на краю гибели».

Тем временем человек, из-за которого Франция и превратилась в «логово зла», в муках умирал на острове Святой Елены. Наполеон всегда думал, что умрет от рака желудка, как его отец, и вот теперь испытывал жуткие боли в животе. Врачи подозревали язву. Он попросил поставить напротив своей постели бюст его сына и неотрывно смотрел на него в минуты, когда боль отпускала. Смерть оборвала его мучения 5 мая 1821 года. На следующий день губернатор острова сэр Хадсон Лоу со своим штабом явился засвидетельствовать кончину «генерала Бонапарта». «Что ж, господа, — заявил он своей свите, — это был величайший враг Англии и мой тоже, но я ему всё прощаю. По смерти столь великого человека надлежит испытывать лишь большое горе и глубокие сожаления».

Французы, которых этот великий человек натравил друг на друга, еще не были готовы всё простить и забыть. Чтобы никто не раздувал угли в

угасшем костре, герцог де Ришельё решил залить его дождем благодеяний — компенсировать утраты людям, обобранным во времена Империи, а также бывшим владельцам национализированного имущества.

Эмигрантов, у которых отняли состояние, в основном дворян, насчитывались десятки тысяч; людей, пожертвовавших свое имущество Империи (в основном бывших солдат и унтер-офицеров), — три с половиной тысячи. После ожесточенной дискуссии палата депутатов всё-таки приняла 28 мая 1821 года закон, по которому последние получали пожизненную пенсию максимум в тысячу франков. Разумеется, роялисты были возмущены: платить революционерам, убийцам Людовика XVI и герцога Энгиенского, тогда как верные слуги короля, пострадавшие во время Террора, так ничего и не получили! Но чтобы заплатить сейчас еще и им, потребуется целый миллиард, а где его взять? В результате Ришельё (кстати, сам принадлежавший к пострадавшим) решил отложить этот вопрос до лучших времен, когда Франция сделается богаче, а общественность — спокойнее.

Как уже не раз бывало, трата нервов сказалась на его здоровье. «Мне также кажется, что я старею и настолько теряю силы, что ездить верхом для меня утомительно, а не приятно», — писал он Армандине в мае.

Тем не менее в его письмах друзьям больше нет жалоб и сетований на судьбу, как раньше. Впервые со дня своего возвращения во власть он с уверенностью смотрел в будущее. Даже уход из правительства Виллеля и Корбьера 27 июля не смог ее поколебать: герцог остался с Виллелем в хороших отношениях и продолжал держать его в курсе всех дел. «Я рад слышать со всех сторон, что Ваши внутренние дела идут столь хорошо, — оптимистично писал Дюку старый друг Виктор Кочубей 3(15) ноября 1821 года из Петербурга. — За границей только и говорят, что о благополучии Франции, о гигантском развитии ее промышленности, а главное, о процветающем состоянии ее финансов. Вы, должно быть, счастливы тем, что находитесь во главе администрации и способствуете столь поразительным результатам».

Очередные довыборы в парламент (1 и 10 октября) опять принесли победу правым (54 избранных депутата были роялисты, 20 — центристы и 14 — либералы). Ришельё они не любили, но понимали, что не смогут без него обойтись — настолько высока его репутация и бесспорен его авторитет во всей Европе. Однако в палате депутатов нашлось несколько десятков экстремистов, придерживавшихся принципа «чем хуже, тем лучше». Согласно протоколу, палата должна была выступить с обращением к королю. Специальный комитет представил текст этого обращения, в

котором была фраза: «Мы рады, сир, Вашим неизменно дружественным отношениям с иноземными державами, справедливо полагая, что столь драгоценный мир не был куплен ценою жертв, несовместимых с честью нации и достоинством короны». Двусмысленная фраза явно была составлена с намерением оскорбить правительство. Чтобы это стало понятно всем, Доннадьё попросил слова для разъяснений, а когда ему выступить не дали, опубликовал свою непроизнесенную речь в виде памфлета против «министра-чужеземца», который не был с королем во время его изгнания в Англии и подписал трактат от 20 ноября 1815 года. Через три дня после принятия этого обращения (29 ноября) министр иностранных дел Паскье сам принес Ришельё прошение об отставке. Однако глава правительства не собирался уступать: «Если уж погибнуть, то не из-за какой-то фразы в приветственном адресе».

Однако короля эта фраза сильно задела, поскольку он принял ее на свой счет. Теперь он уже не считал, что Ришельё так уж необходим для ведения государственных дел, Виллель вполне справится. «Нужный человек никогда не бывает приятным», — справедливо заметил Паскье. Людовик тоже устал. Силы человеческие не безграничны, а ум может ослабнуть. Еще в июле король воспринимал предложение посоветоваться с братом как покушение на свою власть, а теперь ему было всё равно, он даже задремывал во время заседаний правительства с его участием. К тому же голос разума был заглушен голосом сердца: в последние месяцы престарелый король оказывал подчеркнутые знаки внимания 37-летней Зое Талон, графине дю Кайла, которой подарил замок Сент-Уэн, драгоценности и фарфор. Обаятельная и ласковая графиня (как говорили, хранительница страшной тайны, что побег в Варенн был подстроен графом Прованским с целью скомпрометировать брата-короля) стала проводником идей роялистов. Король называл ее своей дочерью, каждую среду проводил с ней целый вечер, а в остальные дни писал ей письма, одно за другим. Теперь он искал только покоя, однако графиня, направляемая Месье, не отставала от Людовика, пока тот не подчинялся ее воле.

Таким образом, на первый план теперь выходил граф д'Артуа, который уже давно забыл, как стоял на коленях перед нынешним главой правительства. 11 декабря наивный в своем благородстве Ришельё решил напомнить принцу о его «слове дворянина» и услышал в ответ: «Ах, дорогой герцог, вы восприняли звуки слишком буквально, да и обстоятельства тогда были совсем другие!» Ришельё посмотрел ему прямо в глаза, а потом молча повернулся и вышел, так сильно хлопнув дверью, что вся челядь вздрогнула.

Это было еще не всё: вечером 12 декабря король трижды посылал за герцогом, поскольку пообещал госпоже дю Кайла принять его отставку до отхода ко сну! Утром 13-го Ришельё вручил ему свое прошение. На следующий день Виллель, которому Людовик поручил сформировать новое правительство, тщетно просил герцога возглавить дипломатическое ведомство. Более того, место главы правительства осталось незанятым: Виллель, ставший министром финансов, приберегал его для Ришельё, но тот так и не согласился. Да и разве можно было ожидать чего-то другого, если 15-го числа, увидев его в Париже, король встревоженно спросил: «Как, вы еще не отбыли в деревню?»

Герцог уехал в Куртей, где его навестили несколько друзей, в том числе аббат Николь, вернувшийся из Одессы. Однако он больше не чувствовал себя школьником на каникулах: его «отчислили». Конечно, гордость Дюка была уязвлена, но его было еще рано сбрасывать со счетов: в начале года Ришельё вернулся в Париж и 3 января присутствовал на дебатах в палате пэров вместе с Деказом, которого Виллель отозвал из Лондона. Обсуждали проект закона о преступлениях, совершённых путем печати, гораздо более строгий, чем тот, который был представлен 3 декабря 1821 года графом де Серром. Герцог взял слово и выступил с критикой нескольких пунктов законопроекта, который считал слишком сложным и жестким.

Несколько дней спустя состоялась пышная свадьба Леона де Рошешуара, камергера и командора ордена Почетного легиона, с Элизабет Уврар, дочерью банкира Габриэля Уврара, в свое время подавшего идею государственного займа. После Ахенского конгресса Ришельё вернул Уврару конфискованное у него имущество и аннулировал его долг перед казной; теперь он обладал огромным состоянием. Разумеется, Арман был на свадьбе племянника, но там присутствовали также Людовик XVIII, граф д'Артуа и герцог Орлеанский.

Романист Этьен Леон де Ламот-Лангон, автор вымышленных мемуаров некой «великосветской дамы» об эпохе Реставрации, приводит разговор своей героини с Людовиком XVIII по поводу этого брака: «Мое дворянство, конечно же, не вступает в идейный союз с либералами, но их деньги для него хороши, а их хорошенькие женщины ему награда. — Сир, вы меня успокоили: Рошешуары вступают в союз не с врагом вашей династии, а с другом вашего кошелька».

В этой книге, изданной в 1830 году, король настроен к Ришельё благожелательно. На самом деле в тот момент Дюк подвергался травле со стороны правых газет, единодушно приветствовавших «счастливую

министерскую революцию в декабре». При дворе герцога принимали крайне холодно. Герцогиня Ангулемская за ужином обычно собственноручно угощала своих гостей сливками из недавно приобретенного имения Вильнёв; однажды вечером она нарочито передавала блюда сидевшим справа и слева от Ришельё, обходя его, так что это выглядело уже просто оскорбительно. Герцог обиделся и разозлился на нее — и досадовал на себя, что придает столько значения таким пустякам.

Дюк с радостью уехал бы в Одессу, но пока не мог этого сделать, опять же из политических соображений. 10 (22) января он писал Сикару: «Декламации с трибуны вкупе с интригами при дворе в конце концов принудили меня покинуть администрацию, которая, надо признать, привела Францию в состояние благополучия, коего она не знала последние сорок лет. Я сделал это с большим сожалением, и на сей раз свобода не доставляет мне никакого удовольствия. Мы были на благой дороге, предстояло многое свершить, было приятно и лестно соединить с сими делами свое имя. Теперь же я начинаю смиряться и проникаться очарованием независимости. Вам должно быть понятно, что в таком положении мои взоры естественным образом устремляются к Одессе. Я намерен посетить Вас будущим летом; я не могу сделать этого ранее, потому что не преминут сказать, будто я еду продавать России тайны Франции, точно так же, как обвиняли меня в продаже ей французских интересов, ибо Вы должны знать, что пока в России нас винят за то, что мы слишком привержены Англии, здесь я обвинялся людьми, ставшими моими врагами, в измене Франции на пользу России. Поэтому мне нужно остаться несколько месяцев в Париже, прежде чем помыслить о каком-либо путешествии, но к весне я намерен поехать в Вену, а оттуда пробраться на берега Черного моря. Мне кажется, что ваша война, если она состоится, не станет помехой для этого плана; впрочем, я еще не уверен, что она начнется этим летом. Я вижу, что у вас ее мало желают и, как во всей остальной Европе, хотели бы избежать любой ценой... Наверняка прольются реки крови; но знаете ли Вы способ избежать кровопролития при таком положении вещей? Греки и турки уже не могут жить на одной земле и перережут друг друга до единого, каков бы ни был результат ссоры между Портой и Россией...» (Греческая война за независимость закончится в 1832 году Константинопольским мирным договором, от которого ведет отсчет история современной Греции.)

Финансовое положение герцога по-прежнему оставляло желать лучшего; он наконец-то расплатился со всеми кредиторами его отца и деда,

но ему самому осталось всего 30 тысяч франков от некогда огромного наследства плюс 13 тысяч франков ренты да кое-что по мелочи в Вене и Одессе. Здоровье его ухудшилось настолько, что в письмах сестре он называл себя «слабым, как цыпленок». А тут еще один из слуг в особняке на Вандомской площади обокрал его и сбежал, да и «чокнутая королева» никак не успокаивалась... 8 мая Ришельё ужинал у Паскье и вел долгий разговор с доктором Балли о сходстве симптомов испанской желтой лихорадки и чумы. На следующий день он уехал с адъютантом-швейцарцем Меффрейди в Куртей — «к одиночеству», которое теперь ценил всё больше и больше.

Утром 16-го числа Ришельё почувствовал недомогание и решил вернуться в Париж. Но едва он отправился в путь, как жар усилился. На почтовой станции в Дрё напротив его экипажа остановилась карета шведской королевы; Дезире увидела герцога и была настолько поражена переменой в его лице, что подозвала к себе Меффрейди и посоветовала немедленно сделать больному кровопускание. В Париж прибыли около четырех часов пополудни, герцога отнесли в его покои. К несчастью, врач Бурдуа, который обычно лечил Ришельё и хорошо знал о его нервных припадках, тогда сам был болен. Позвали Лерминье, главного врача больницы Шарите, который диагностировал обычную лихорадку. Около шести к герцогу заглянул аббат Николь, отправлявшийся на занятия, и нашел его настолько переменившимся, что немедленно послал сразу за несколькими врачами, а потом, видя, что друг слабеет на глазах, — за аббатом Фетрие, кюре церкви Успения Богородицы, который соборовал умирающего. В час ночи 17 мая 1822 года^[81] герцог скончался. Причиной смерти врачи называли кровоизлияние в мозг. Ему было 55 лет и восемь месяцев.

ЭПИЛОГ

Неожиданная смерть герцога де Ришельё как громом поразила его ближайших друзей. Генерал де Рошешуар был «сломлен» и «уничтожен», выходя из дома дяди. «Господин маркиз, я заперся у себя и полностью предался своему горю, когда Ваша записка привела меня в чувство, поскольку я обрел друга, разделяющего со мной положение, в котором я оказался, — писал Габриэль де Кастельно Оливье де Вераку. — Но сколь ужасен был для меня этот удар! Едва мне сообщили о его состоянии, я поднялся по лестнице, мне говорят: он умер. Я, казалось, потерял голову. В тот момент я клял на чем свет стоит ленивых слуг, которые меня не известили. Я вышел, точно помешанный. Ко мне подошел господин Брессон, начальник подразделения нашего министерства... Не припомню ни единого слова из того, что я ему сказал. Вернувшись к себе, я велел запереть двери. Я не могу, как и Вы, поверить в это несчастье! Вечное несчастье; никто так и не понял, что мы сейчас потеряли. Мы с Вами вечно будем отдавать ему должное, но другие!»

Отпевание состоялось 20 мая в церкви Мадлен в присутствии тысячи человек, однако ни двор, ни принцы не удосужились явиться. Король и его брат даже словно бы испытали облегчение. Только герцог Ангулемский признался: «Я очень жалею о нем. Он не любил нас, но он любил Францию. Его жизнь была находкой, его смерть — утрата». Что же касается ближайшего окружения Месье, то они даже утверждали, что кончина Ришельё — «второе благодеяние Провидения после рождения герцога Бордоского»!

Тело покойного несколько дней было выставлено в церкви Успения Богородицы на улице Сент-Оноре. Всё это время там почти неотлучно находилась убитая горем шведская королева. (Она вернется в Швецию только 13 июня 1823 года, за шесть дней до свадьбы единственного сына, и муж простит ей неверность.) Затем бранные останки погребли в беломраморном саркофаге в часовне Сорбонны. Из-за сердца Армана чуть не передрались его сестры и безутешная вдова, которая в конечном итоге заполучила его и благоговейно хранила в замке Куртей до самой своей смерти в 1830 году.

Этьен Дени Паскье написал некролог, однако новые министры запретили печатать его в «Универсальном вестнике». Кардинал де Боссе сочинил прекрасную речь, которая была зачитана 8 июня в палате пэров, но

опубликовали ее с купюрами. Однако горе людей, далеких от политики, было неподдельным. Восьмидесятилетний историк и филолог Бон Жозеф Дасье, избранный во Французскую академию на освободившееся после смерти Дюка место, упомянул о нем в своей вступительной речи 22 ноября 1822 года; то же сделал Абель Франсуа Вильмен, произносивший ответное слово. В том же году было основано Азиатское общество, объединившее ученых-востоковедов, и в его издании («Азиатском журнале») были напечатаны «Записки о трудах г-на герцога де Ришельё по управлению Южной Россией», составленные И. А. Стемповским, жившим тогда в Одессе и занимавшимся своей любимой археологией. Паскье наверстал упущенное, воздав хвалу герцогу в своих мемуарах, где сравнивал Дюка с деревом, прочно стоящим на середине склона и предотвращающим оползень: «С ним Франция лишилась одного из самых благородных своих сыновей; большой ум, возвышенный и надежный характер; никогда и никто еще не проявил столь высокого бескорыстия и деликатности чувств. Отечество потеряло в нем преданного слугу, который во времена тяжелейших кризисов мог послужить ему своим неоспоримым авторитетом, основанным на уважении всех порядочных людей внутри страны и вне ее».

Известие о смерти Армана долетело до Одессы практически одновременно с приездом нового градоначальника генерал-майора графа А. Д. Гурьева, героя Отечественной войны и Заграничных походов (он пробудет на этом посту с 3 июня 1822 года по 15 мая 1825-го). Состоялось траурное заседание городского комитета, на котором с прочувствованной речью выступил граф А. Ф. Ланжерон^[82]: «Новая Россия, в особенности же город Одесса, толико возвеличенный монаршими щедротами, распространенный, украшенный и обогащенный, конечно с умилением произносит имя своего благотворителя, имя Дюка-де-Ришелье, лучшими годами жизни своей пожертвовавшего для благоденствия страны сей, и воспоминание о нем в крае, им облагодетельствованном, конечно, не ограничится пределом его существования. Сердца признательные и начальство внимательное к той твердой основе, на коей поставил он Одессу своим отеческим управлением, дадут неоспоримо священный обет соорудить Дюку-де-Ришелье памятник, достойный сего редкого друга человечества».

В июне же маркиза де Монкальм уведомила о кончине своего брата императора Александра. «Именно Вашему Величеству он обязан единственными счастливыми годами своей жизни, именно во втором отечестве его сердце искало воспоминания о счастье, именно к Вам, сир,

устремлялась его прекрасная и чистая душа, когда он желал обрести отношения симпатии и нежности, не умалявшие глубокого уважения и восхищения, внушаемые Вашим Императорским Величеством», — писала Армандина. Александр I уже знал о случившемся и выразил соболезнования французскому послу в Петербурге графу де ла Феронне: «Я оплакиваю герцога Ришельё как единственного друга, говорившего мне истину. Он был образцом чести и правдивости. Заслуги его увековечивают благодарность всех честных русских людей. Я сожалею о короле, который ни в ком другом не найдет столь бескорыстной преданности; я сожалею о Франции, где его не умели оценить, несмотря на то, что он оказал и призван был оказать своему отечеству в будущем столь великие услуги».

Только 9 июня 1822 года согласно высочайшему повелению Дюк был исключен из списков русской армии как умерший:

**«Список генерал-лейтенантов по старшинству
1818–1835 гг.**

По кавалерии и по армии.

Емануэль Осипович Дюк-де-Ришельё.

По кавалерии.

Министр иностранных] дел во Франции.

В настоящих чинах.

799 июня 20.

[Примечание.]

Умер. Высочайшее повеление 9-го июня 1822»^[83].

Ответ Армандине Александр отправил 1 июля из Царского Села: «Когда я получил Ваше письмо, сударыня, я уже знал о несчастье, которое оно возвещало, и мои сожаления соединились со скорбью Франции и Европы по выдающемуся человеку, утрату коего Вы оплакиваете. Я был его другом, давно знал его прекрасную душу и с удовольствием перенесу на его племянников часть моих чувств к нему, доказательства коих всегда ему предоставлял. Они наверняка их оправдают, и я желаю, чтобы они достойно приняли наследство из истинной славы, завещанное им герцогом де Ришельё».

В июле маркиза де Монкальм отправилась в Лондон и попросила Томаса Лоуренса сделать копию с портрета своего брата, написанного в 1818 году в Ахене (оригинальный портрет ныне находится в Виндзорском замке). За работой живописца наблюдал Шатобриан и счел портрет «очень похожим». Мастер, однако, внес кое-какие изменения: взгляд Армана уже

не печален, а мудро-спокоен, с почти юного лица стерто выражение скрытой боли, зато из-под отворота шубы выглядывает голубая орденская лента. Получив картину, Армандина тотчас заказала несколько уменьшенных ее копий для близких родственников. Самую оригинальную копию изготовил Виктор Юбер, изобразив герцога де Ришельё в мундире генерал-лейтенанта русской армии с лентой ордена Святого Андрея Первозванного, при всех орденах, положившим левую руку на эфес шпаги; Рошешуар принес этот портрет в дар Одессе в ноябре 1823 года. А копия кисти самого Лоуренса была выставлена на Парижском салоне 1824 года.

Тот год стал началом конца для династии Бурбонов. Людовик XVIII скончался 16 сентября и был похоронен в Сен-Дени — последним из французских монархов. Его брат взошел на трон под именем Карла X, но был свергнут в июле 1830 года. Сменивший его герцог Орлеанский — «король всех французов» Луи Филипп — тоже лишился трона в результате переворота: в 1848 году монархия вновь сменилась республикой и к власти пришел президент Луи Наполеон Бонапарт, который четыре года спустя провозгласил себя императором Наполеоном III.

Генерал де Рошешуар, будучи зятем одного из самых богатых людей Франции, провел жизнь в достатке, выкупил замок Рошешуар, а после смерти своего дяди Антуана Шапеля в феврале 1826 года — замок Жюмилак. В 1855 году император французов назначил генерала, успевшего поучаствовать в Алжирской кампании 1830 года, мэром Жюмилака. Там он и скончался тремя годами позже в возрасте семидесяти лет, оставив после себя четверых детей, «Воспоминания о Революции и Империи» и записки о своей жизни в Одессе.

Симплиция де Жюмилак упокоилась в 1840 году, через восемь лет после Армандины. Детям маркизы остались только титулы. Оде де Жюмилак (1804–1879), ставший после смерти дяди Армана герцогом де Ришельё и пэром Франции, окончил военное училище Сен-Сир, поступил в чине лейтенанта в гусарский полк и принял участие в военной кампании в Северной Африке, а выйдя в отставку, поступил на дипломатическую службу. Затем он уехал с археологом Леоном де Лабором в турецкую Смирну. По отзывам современников, это был настоящий денди, но человек небольшого ума. Он так и не женился и не оставил потомства, так что герцогский титул перешел к детям его младшего брата Армана де Жюмилака (1808–1862), человека вполне заурядного, в молодости служившего по военной части.

В 1832 году наследники Дюка продали лежавший в руинах фамильный замок Ришельё, а новый владелец за три года разобрал его на

стройматериалы; уцелевшие картины и скульптуры разошлись по собраниям музеев Тура и Орлеана, а также частным коллекциям. К счастью, в 1877 году богатейший парижский банкир Мишель Гейне (1819–1904), уроженец Бордо, родственник великого поэта Генриха Гейне и тесть 7-го герцога де Ришельё Мари Оде Ришара Армана Шапель де Жюмилака (1847–1880), выкупил замок Ришельё, поселился там вместе с дочерью и зятем и занялся его реставрацией. Резиденцией им служил «Малый замок» в неоклассическом стиле, выстроенный в 1852 году предыдущим владельцем поместья господином Лорансом. Гейне привел в порядок парк и восстановил главное здание конюшен во втором дворе, оранжерею и винный склад. Его похоронили в семейном склепе Ришельё. В 1930 году последний герцог Ришельё — Мари Оде Жан Арман Шапель де Жюмилак (1875–1952) — подарил поместье Парижскому университету.

Если замок в Пуату был дорог Дюку только как память о предках, то «замок Ришельё» в Гурзуфе манил его к себе всю жизнь, но, увы, почти не видел своего хозяина. После смерти Ришельё им владели И. А. Стемповский (1822–1824), М. С. Воронцов (1824–1835), И. И. Фундуклей (1835–1881) и П. И. Губонин с сыном (1881–1917); все они способствовали его украшению и поддержанию в хорошем состоянии. С 1989 года в особняке находится музей А. С. Пушкина, проведенного в нем в 1820 году три недели...

Герцог де Ришельё не оставил мемуаров — только дневники. Его родные желали издать его жизнеописание и с этой целью обратились к ближайшим друзьям, прося их как можно скорее изложить на бумаге свои воспоминания, чтобы те не исчезли бесследно и потомки получили бы представление о том, каким был Дюк в реальной жизни. 1(13) января 1825 года граф Ланжерон написал в Одессе свои записки о первых годах жизни герцога и его военной службе вплоть до назначения одесским градоначальником. Они были дополнены воспоминаниями вдовы, описавшей, в частности, недолгое пребывание Армана в Париже во времена Консульства. Два года спустя Шарль Сикар, «коммерции советник и кавалер нескольких орденов», прислал свои записки об одиннадцати годах жизни герцога де Ришельё в Одессе, которые были переданы родственникам через Поццо ди Борго. Одесский период отражен также в записках Рошешуара и Сен-При. Воспоминания оставил и граф Ленэ, описавший два периода, когда герцог возглавлял французское правительство. Отрывки из этих документов, а также часть переписки герцога и выдержки из его дневника были опубликованы в 1886 году в сборнике Императорского Русского исторического общества.

Еще раньше, в 1849-м, в Одессе увидела свет «Биография герцога де Ришельё», написанная И. Г. Михневичем. В 1897 году, в период «сердечного согласия» (Антанты), в Париже вышла объемистая биография «Герцог де Ришельё в России и во Франции», написанная Леоном де Круза-Крете, а в журнале «Русская старина» была напечатана статья П. М. Майкова «Герцог Ришельё в России».

В 1932 году последний представитель рода Ришельё решил расстаться с семейными архивами и передал их библиотеке Сорбонны. Набралось 40 коробок: личная и служебная переписка Дюка, его записи, рапорты и докладные. Эти документы позволили изучить деятельность Ришельё во время Реставрации. Как выразился один из французских историков, «в галерее государственных деятелей он занимает особое место: он был министром, который никогда не лгал».

Во время Второй мировой войны, через несколько месяцев после гитлеровской оккупации Франции, в Лионе, который находился тогда в «свободной зоне», вышла книга Ж. Фук-Дюпарка с красноречивым названием «Третий Ришельё, освободитель территории», посвященная внешней политике герцога в 1815–1822 годах. А потом во Франции о нем словно забыли — вплоть до появления серьезного труда Эммануэля де Варескьеля в 1990 году. В России же Дюка хорошо помнили, но, разумеется, благодаря его бесценному вкладу в развитие Одессы, о последнем же этапе его жизни упоминали в нескольких словах.

В свое время Мишель Кармона, автор биографии кардинала Ришельё (1983), порадовался, что ныне больше никто не носит этого имени: оно раздавило бы своим весом человека незначительного. «Последнего из Ришельё», каким считают Армана Эммануэля во Франции, отнюдь нельзя назвать человеком незначительным, и славное имя он с честью пронес через свою бурную и нелегкую жизнь, заслужив почетное место в истории.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЮКА ДЕ РИШЕЛЬЁ ^[84]

1766, 25 сентября — в Париже в семье Луи Антуана Софи герцога де Фронсака и Аделаиды Габриэль д'Отфор родился Арман Эммануэль Софи Септимани де Виньеро дю Плесси, граф де Шинон.

1767, 14 февраля — смерть матери.

1773 — смерть крёстной, графини Эгмонт-Пиньятели.

1774 — поступил в коллеж дю Плесси.

1776, 20 апреля — женитьба отца на Марии Антуанетте де Галифе.

1780, февраль — женитьба деда, герцога де Ришельё, на Жанне Катрин Жозефе де Лаво.

1781, октябрь — зачислен в драгунский полк королевы третьим подпоручиком.

1782, 4 мая — обвенчался с Аделаидой Розалией де Рошешуар.

Ноябрь — отправился в образовательный тур по Франции и Европе.

1784, декабрь — возвратился в Париж.

1788, 8 августа — после смерти деда получил титул герцога де Фронсака.

1789, 1 марта — поступил секунд-майором в гусарский полк Эстергази.

5 октября — пытался предупредить короля и организовать сопротивление во время марша женщин на Версаль.

1790, сентябрь — октябрь — присутствовал во Франкфурте на коронации Леопольда II, императора Священной Римской империи германской нации, откуда проследовал в Вену.

12 ноября — выехал из Вены к устью Дуная.

11 (22 декабря) — участвовал в штурме Измаила.

1791, 14 февраля — после смерти отца стал 5-м герцогом де Ришельё.

21 марта — награжден орденом Святого Георгия Победоносца 4-й степени и золотой шпагой за храбрость.

Выехал из Франции в Россию через Вену.

1792, 23 февраля (5 марта) — зачислен в Тобольский пехотный полк в чине полковника.

16 июня — декретом Парижской коммуны причислен к эмигрантам с национализацией имущества.

14 сентября — гибель друга, Шарля де Линя.

Разработал план переселения корпуса Конде в Россию.

1793, май — 1794, осень — служил волонтером в австрийской армии.

1795, 16(27) июля — зачислен в Орденский кирасирский полк в чине полковника.

1797, 17 (28) сентября — зачислен в лейб-гвардии Кирасирский полк в чине генерал-майора.

1798 — награжден орденом Святой Анны 2-й степени.

1799, 20 июня (1 июля) — произведен в генерал-лейтенанты и командоры ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

Подавал в отставку.

1801 — вновь зачислен в русскую армию; временно вычеркнут из списков французских эмигрантов.

1802, 2 января — приехал в Париж в тщетной надежде вернуть себе утраченное имущество.

Лето — находился в Вене.

Сентябрь — возвратился в Петербург.

2 ноября — окончательно вычеркнут из списков эмигрантов.

Назначен градоначальником Одессы.

1803, март — прибыл в Одессу.

1804 — награжден орденом Святого Владимира 2-й степени за труды по развитию и украшению города.

1805, 9 (21) марта — назначен генерал-губернатором Новороссии и Бессарабии.

Июль — основал в Одессе Благородный институт.

Сделал приехавшего в Одессу Леона де Рошешуара своим адъютантом.

1806, ноябрь — участвовал в походе на Бессарабию, занял Паланку, Аккерман и Килию.

1807, январь — из-за серьезной болезни возвратился в Одессу, передав командование сухопутными войсками адмиралу Траверсе.

Февраль — по приглашению молдавских бояр совершил поездку в Яссы.

27 февраля (11 марта) — награжден орденом Святого Александра Невского.

Апрель — гостил в Тульчине у графини Потоцкой.

7 (19) апреля — вернулся к командованию сухопутными войсками.

29 апреля (11 мая) — участвовал во взятии Анапы.

9 (21) мая — гибель племянника Эрнеста д'Омона во время штурма Ахалкалаки.

1808 — совершил инспекционную поездку по трем новороссийским губерниям.

Купил в Гурзуфе участок земли под дачу.

1809, сентябрь — едва избежал похищения горцами.

Организовал кампанию по оспопрививанию.

1810, 10(22) февраля — открытие в Одессе городского театра.

Потерпел неудачу с эмбарго на вывоз хлеба в Константинополь.

1811, лето — осень — пребывание М. А. Нарышкиной с дочерью Софьей в Одессе и в Крыму.

1812, 12 (24) июня — начало войны с Наполеоном.

23 июня (5 июля) — получил царский приказ усилить Дунайскую армию Чичагова и выехать к Тормасову.

Август — начало эпидемии чумы в Одессе.

22 ноября (4 декабря) — ввел всеобщий карантин.

1813, февраль — окончание эпидемии в Одессе; приезд А. Б. Куракина.

2 (14) ноября—18(30) декабря — пребывание в Одессе королевы Неаполя Марии Каролины Австрийской.

11 (23) декабря — смерть О. И. Россета.

1814, 29 января (10 февраля) — гибель в бою племянника, Луи де Рошешуара.

3 мая — оставление Леоном де Рошешуаром, назначенным комендантом Парижа, российской службы.

26 сентября (8 октября) — отправился в Вену по вызову императора Александра I.

24 октября — прибыл на Венский конгресс.

13 декабря — кончина Шарля Жозефа де Линя.

Конец декабря — возвратился в Париж.

Смерть мачехи.

1815, март — бежал из Парижа во время Ста дней; находился при Александре I в Вене и Франкфурте.

24 сентября — официально назначен министром иностранных дел и главой французского правительства.

8 декабря — впервые выступил в палате депутатов по вопросу об амнистии.

Награжден крестом французского ордена Людовика Святого.

1816, январь — пытался подать в отставку. Впервые встретился с

Дезире Клари-Бернадот.

5 сентября — роспуск Несравненной палаты.

1817, май — утвержден устав одесского лицея, которому присвоено имя Ришельё.

Произведен в кавалеры ордена Почетного легиона.

1818, 1 (13) июня — награжден высшим российским орденом Святого Андрея Первозванного.

27 сентября — 15 ноября — конгресс в Ахене.

Ноябрь — награжден высшим французским орденом Святого Духа, прусским орденом Черного орла, орденом Бельгийского льва, Большим крестом королевского венгерского ордена Святого Стефана.

27 декабря — получил отставку. Королевский ордонанс о наследовании герцогского титула после смерти Ришельё его племянником Оде де Жюмилаком.

1819, 4 января — 2 декабря — совершил поездку по Франции и Европе.

1820, 18 февраля — дал согласие возглавить правительство.

Произведен в офицеры ордена Почетного легиона.

1821, 13 декабря — окончательно ушел в отставку.

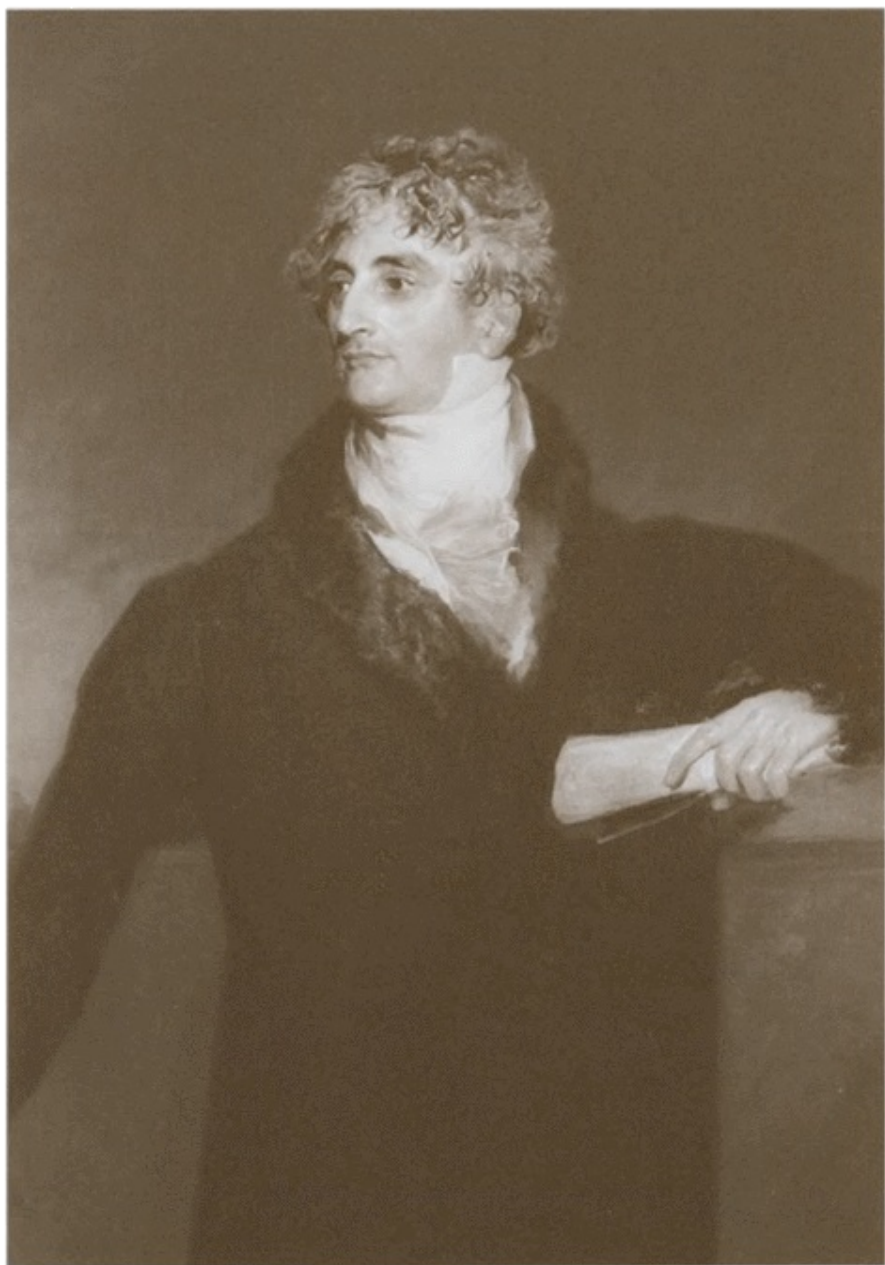
Произведен в командоры ордена Почетного легиона.

1822, 3 января — выступил на дебатах в палате пэров.

Январь — свадьба Леона де Рошешуара.

Ночь с 16 на 17 мая — умер в Париже.

иллюстрации

T. A. Dewar & Pembrey

Кардинал Арман Жан дю Плесси де Ришельё, двоюродный прапрапрадед Дюка.

Ф. де Шампень. Около 1640 г.

Герб кардинала-герцога де Ришельё

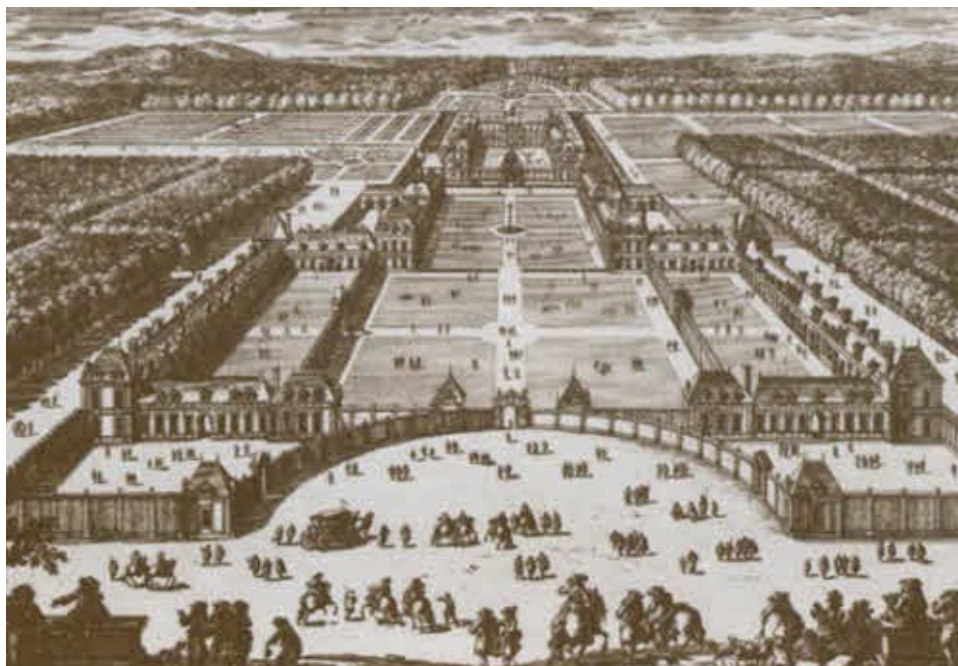

Замок Ришельё. Гравюра XVII в.

Маршал Франции Луи Франсуа Арман де Виньеро дю Плесси, герцог де Ришельё, дед Дюка.

О. Кудер. 1835 г.

Замок и город Ришельё.

Гравюра А. Переля. Вторая половина XVII в.

Тетка и крестная графиня Жанна Софи Эгмонт-Пиньятелли.

А. Рослин. 1763 г.

«Чай по-английски у принца Конти». Третья справа на переднем плане — графиня Эгмонт-Пиньятели.

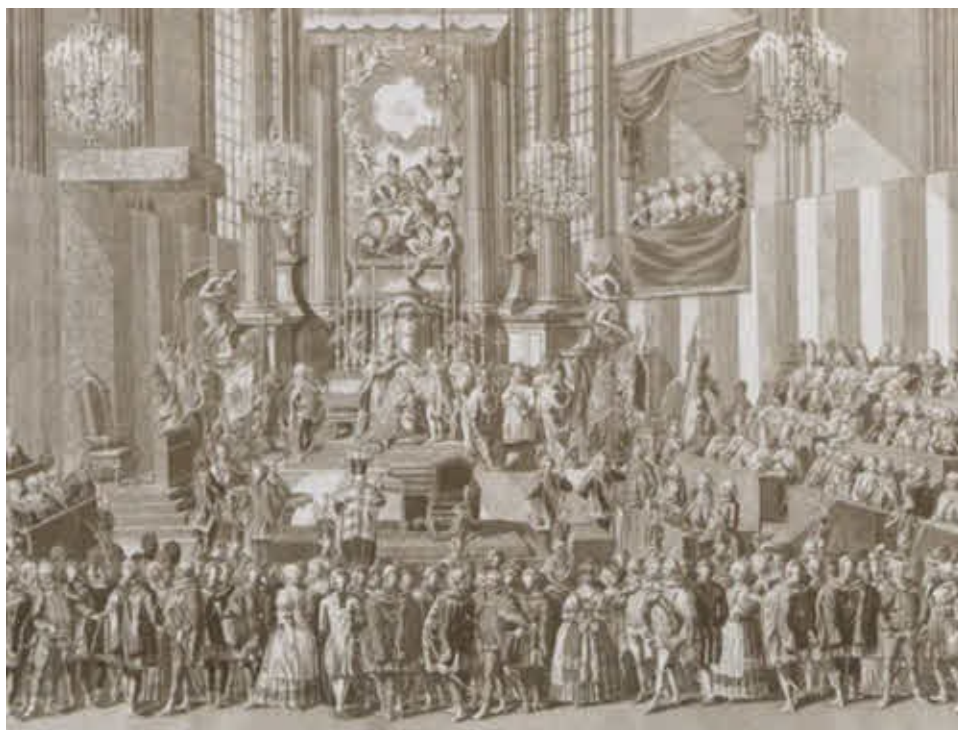
М. Оливье. 1764 г.

Принц Шарль Жозеф де Линь

Графиня Тереза Кинская. Э. Виже-Лебрен. 1793 г.

Коронация императора Священной Римской империи Леопольда II в 1790 году.

Гравюра по рисунку К. Шютца. 1790 г.

Светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический.

И. Лампи-старший. Около 1791 г.

Князь Александр Васильевич Суворов-Рымникский.

Й. Кройцингер. 1799 г.

Штурм Измаила в 1790 году.

Гравюра А. Коцебу. 1850-е гг.

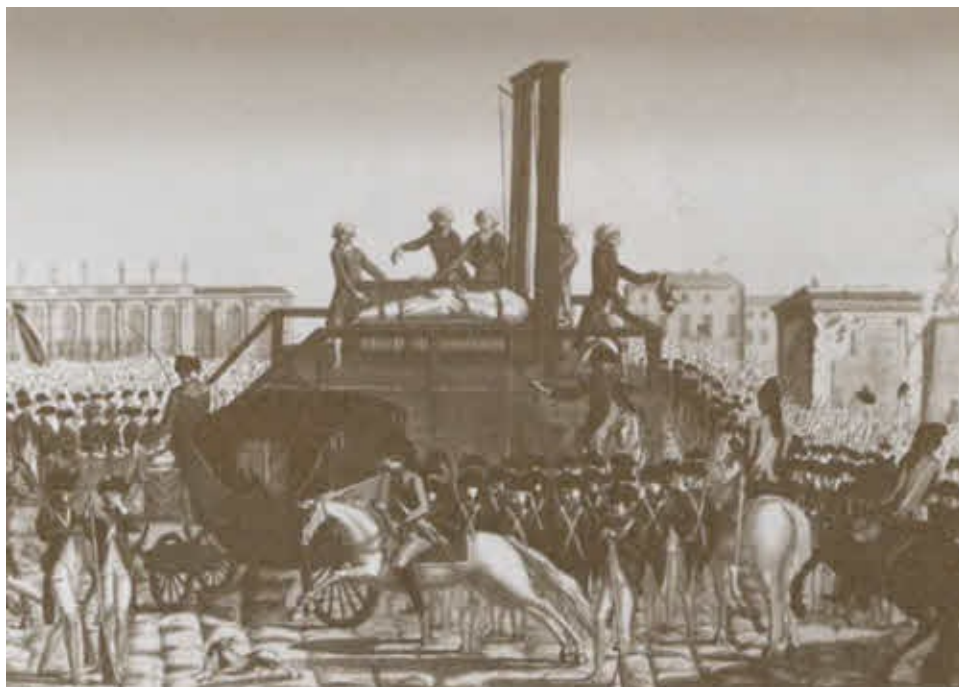

Поход женщин и Национальной гвардии на Версаль 5–6 октября 1789 года

«Современный Дон Кихот» (принц Конде) отправляется на защиту Мельницы злоупотреблений.

Карикатура 1791 г.

Казнь Людовика XVI 21 января 1793 года.

Гравюра конца XVIII в.

Императрица Екатерина II.

И. Лампи-старший. 1792 г.

Светлейший князь Платон Александрович Zubов.

И. Лампи-старший. 1796 г.

Строевые учения русской армии в Гатчине при Павле I.

Г. Шварц. 1847 г.

Граф Виктор Павлович Кочубей.

Ф. Жерар. 1809 г.

Граф Алексей Кириллович Разумовский.

Л. Гуттенбрунн. 1801 г.

Поселение Гаджибей в 1794 году.

Г. Ладыженский. 1899 г.

Одесские сподвижники Дюка — граф Александр Федорович Ланжерон и Фома Александрович Кобле.

К. Рейхель. 1819 г.

Вид Одессы со стороны порта.

Гравюра середины XIX в.

Черноморский казак.

Гравюра Е. Корнеева из альбома «Les peuples de la Russie». Париж, 1812–1813 гг.

Наказной атаман Черноморского казачьего войска Федор Яковлевич Бурсак

Дом Бурсака в Екатеринодаре (ныне Краснодар)

*Встреча Наполеона Бонапарта, Александра I и Фридриха Вильгельма III 24 июня 1807 года
посередине Немана. Гравюра Л. Счьавонетти*

*Фельдмаршал князь Карл Филипп Шварценберг сообщает Александру I, Францу I и Фридриху
Вильгельму III о победе союзников в Битве народов под Лейпцигом 19 октября 1813 года. И.
Крафт. 1839 г.*

Дюк Эммануил Осипович де Ришельё. В. Юбер

София Константиновна Потоцкая. 1785 г.

Дворец Потоцких в Тульчине

Неаполитанская королева Мария Каролина.

И. Тишбейн

Вид Одессы со стороны малой пристани.

Литография Ф. Гросса. 1850-е гг.

Гурзуф. Справа внизу — дом Ришельё.

Литография К. Рабуса. 1822

Гурзуфский «замок» Ришельё.

Литография А. Бигатти. 1836 г.

Мария Антоновна Нарышкина гостила у Ришельё в Одессе и Крыму в 1811 году.

И. Грасси. 1807 г.

Британский министр иностранных дел маркиз Роберт Стюарт Каслри.

Т. Лоуренс. 1809–1810 гг.

Российский дипломат Шарль Андре (Карл Осипович) Поццоди Борго.

Д. Доу. 1823–1825 гг.

Венский конгресс.

Гравюра Ж. Годфруа по оригиналу Ж. Изабе. 1891 г.

Министр иностранных дел Франции Шарль Морис де Талейран.

П. Прудон. 1817 г. Фрагмент

Министр иностранных дел Австрии Клеменс Венцель фон Меттерних.

Т. Лоуренс. 1815 г. Фрагмент

«Танцующий конгресс». Французская карикатура

Париж 19 марта 1815 года. Наполеоновские маршалы клянутся в верности королю Людовику XVIII.

Гравюра Ф. Кампа. 1815 г.

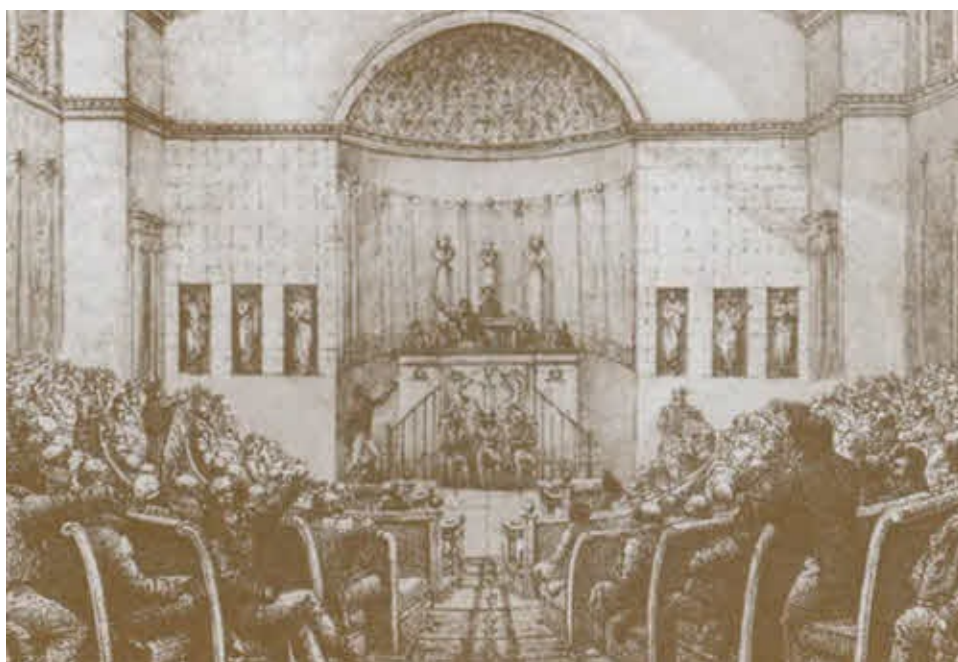
Париж 20 марта 1815 года.

«Да здравствует император! Долой Бурбонов!»

Гравюра Ф. Кампа. 1815 г.

Министры правительства Ришельё Жозеф Ленэ и Эли Деказ

Несравненная палата французского парламента.

Гравюра XIX в.

Побег графа Антуана де Лавалетта из тюрьмы Консьержери 20 декабря 1815 года.

Барельеф гробницы Лавалетта. Около 1834 г.

Казнь маршала Нея 7 декабря 1815 года.

Ж. Жером. 1867 г.

Герцог Артур Уэсли Веллингтон.

Т. Лоуренс. 1815 г.

Дезире Клари, королева Швеции Дезидерия.

Ф. Вестин. 1822 г.

Наполеон на острове Святой Елены.

Ф. Сандман. 1820 г.

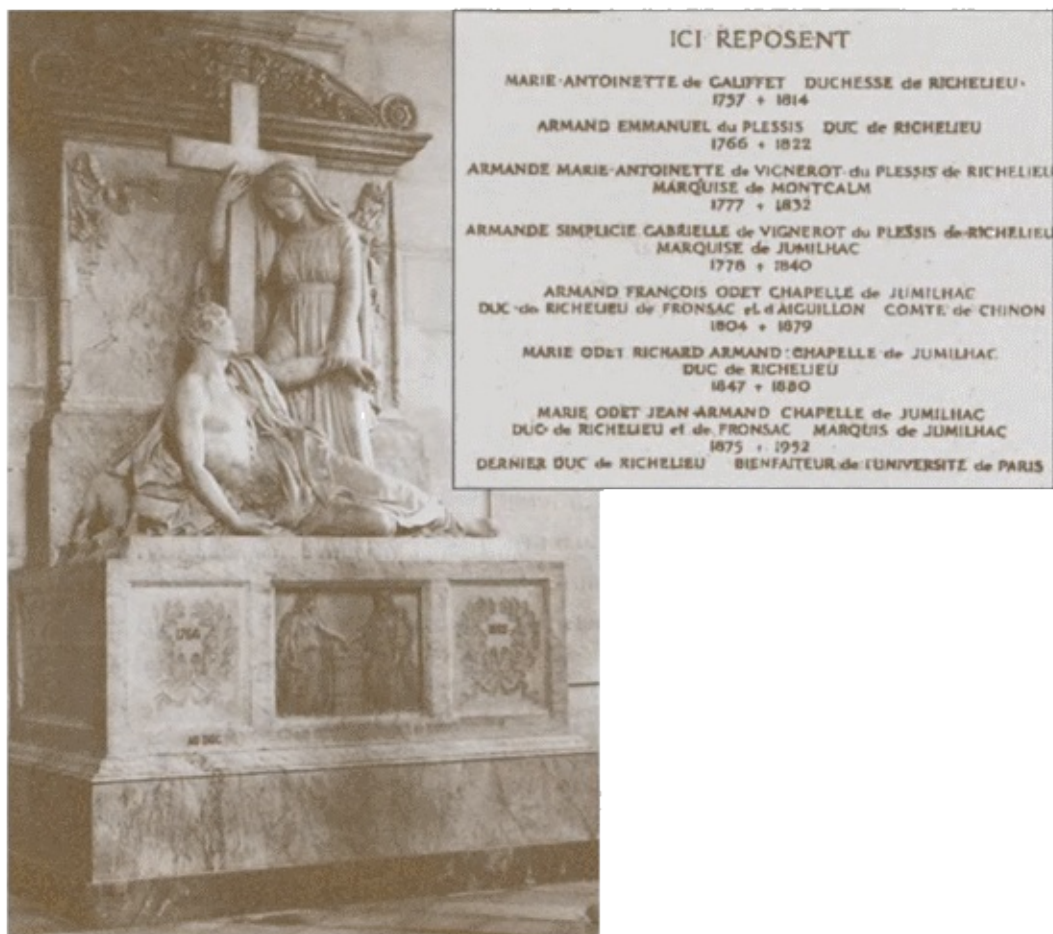
Убийство герцога Беррийского.

Карикатура 1820 г.

Король Людовик XVIII в окружении семьи.

А. Тома. Не ранее 1823 г.

Надгробие Ришельё.

Фото М. Бойко

Дюк и его родные покоятся в церкви Святой Урсулы в Сорбонне.

Фото М. Бойко

Вид Приморского бульвара в Одессе с памятником Дюку.

Гравюра К. Боссоли. 1830-е гг.

Ришельевская улица в Одессе. Слева — дом В. Я. Поджио, в котором Дюк останавливался по приезде в город.

Дореволюционная открытка

Памятник Дюку де Ришельё скульптора И. П. Мартоса, открытый в 1928 году, до сих пор является «визитной карточкой» Одессы

БИБЛИОГРАФИЯ

Бутенко В. А. Венский конгресс // Отечественная война и русское общество (1812–1912): В 7 т. Т. 7. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1911.

Вигель Ф. Ф. Записки / Под ред. С. Я. Штрайха. М.: Захаров, 2000.

Герцог Арманд-Эммануил Ришелье: Документы и бумаги о его жизни и деятельности // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 54. СПб., 1886.

Глаголева Е. В. Повседневная жизнь королевских мушкетеров. М.: Молодая гвардия, 2008.

Головина В. Н. Мемуары. М.: Астрель, 2005.

Губарь О. И. Автографы Одессы. Одесса: ПЛАСКЕ, 2012.

Губарь О. И. Первые кладбища Одессы. Одесса: ПЛАСКЕ, 2012.

Губарь О. И. Ришельевская, № 4 (Дерибасовская, № 12): дом Поджио-Кирико-Новикова // Дерибасовская-Ришельевская: Альманах. № 43. Одесса: ПЛАСКЕ, 2010.

Давыдов М. А. Воронцов во Франции // Давыдов М. А. Оппозиция его величества. М.: Зебра Е, 2005.

Деревянко Б. Ф. Одесский театр оперы и балета. Одесса: Маяк, 1984.

Дерибас А. М. Старая Одесса: забытые страницы / Сост. О. Ф. Ботушанская, О. Н. Вовчок, Т. В. Щурова. Киев: МИСТЕЦТВО, 2004.

Ивченко Л. Л. Михаил Кутузов. М.: Молодая гвардия, 2015.

Игнатов В. Г. История государственного управления России. Ростов-н/Д.: Феникс, 2002.

«К повышению... достоин»: Документы РГВИА о службе герцога А. Э. де Ришелье в русской армии // Исторический архив. 2010. № 6.

Курукин И. В. Фаворит в России XVIII века: человек и механизм // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 9. М.: Собрание; Наука, 2014.

Лопатин В. С. Александр Суворов. М.: Молодая гвардия, 2015.

Майков П. М. Герцог Ришелье в России // Русская старина. 1897. Т. 91. № 6.

Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб.: Типография при особой канцелярии МВД, 1823.

Петрушевский А. Генералиссимус князь Суворов. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1884.

Писарькова Л. Ф. Чиновник на службе в конце XVII — середине XIX века // Отечественные записки. 2004. № 2(17).

Письма герцога Армана Эммануила де Ришелье Самуилу Христиановичу Контениусу. 1803–1814 гг. / Ред. — сост. О. В. Коновалова. Одесса: ТЭС, 1999.

Полевщикова Е. В. Французы в учебных заведениях Одессы. 1803–1822 гг. И Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. М.: ИВИ РАН, 2011.

Попов А. Н. Сношения России с европейскими державами перед войной 1812 г. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1876.

Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, 1730–1823: В 2 т. Одесса: Городская типография, 1836–1838.

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989.

Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. Ч. 2. СПб.: Имп. типография, 1805.

Третьяк А. И. Юная Одесса и Северное Причерноморье в воспоминаниях графа Рошешуара. Одесса: Optimum, 2014.

Фонвизин М. А. Записки Михаила Александровича Фонвизина // Русская старина. 1884. Т. 42.

Храповицкий А. В., Грибовский А. М., Дама Р. Екатерина II: Искусство управлять. М.: Фонд Сергея Дубова, 2008.

Шильдер Н. К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1897–1898.

Castelnau G. de. Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie. Vol. 3. Paris: Chez Rey et Gravier, 1820.

Le duc de Richelieu: Correspondance et documents. 1766–1822 Publiés par M. Polovtsoff, Président de la Société Impériale d'Histoire de Russie / Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 54. СПб., 1886.

Lamothe-Langon E.-L. de. Mémoires d'une dame de qualité sur Louis XVIII, sa cour et son règne. Vol. 4. Paris: Marne et Delaunay-Vallée, 1830.

Lubis F.-P. Histoire de la Restauration. Vol. 4. 1814–1830. Paris: Parent-Desbarres, 1840.

Montet A. de. Dictionnaire biographique des Genevois et des Vaudois, qui se sont distingués dans leur pays ou à l'étranger par leurs talents, leurs actions, leurs oeuvres... Vol. 2. Lausanne: G. Bridel, 1877–1878.

Pingaud L. Le duc de Richelieu en Russie U Le Correspondant. 1882. N° 127.

Rambaud A. Le duc de Richelieu en Russie et en France U Revue des Deux

Mondes. 1887. Vol. 84.

Saint-Priest A. G. comte de. La Nouvelle Russie et le duc de Richelieu H
Etudes diplomatiques et littéraires. Vol. 2. Paris: Amyot, 1850.

Waresquiel E. de. Le duc de Richelieu 1766–1822. Un sentimental en
politique. Paris: Perrin, 2009.

Waresquiel E. de, Yvert B. Histoire de la Restauration, 1814–1830,
Naissance de la France moderne. Paris: Perrin, 2002.

INFO

Г 52

Глаголева Е. В.

Дюк де Ришельё / Екатерина Глаголева. — М.: Молодая гвардия, 2016. — 298[6] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1573).

ISBN 978-5-235-03885-1

УДК 94(47:44)(092)"17/18"

ББК 63.3(4Фра)5

знак информационной продукции 16+

Глаголева Екатерина Владимировна
ДЮК ДЕ РИШЕЛЬЁ

Редактор *Е. А Никулина*
Художественный редактор *И. И. Суслов*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректоры *Т. И. Маляренко, Г. В. Платова*

Сдано в набор 21.12.2015. Подписано в печать 08.02.2016.
Формат 84х 108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 15,96+1,68 вкл. Тираж 2500 экз.
Заказ № 1603920.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Суцевская ул., 21. Internet: <http://gyardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

О. Ковалик «ГАЛИНА УЛАНОВА»
А. Ливергант «ГЕНРИ МИЛЛЕР»
А. Шартон «ДЕБЮССИ»
Е. Матонин «ЯКОВ БЛЮМКИН»
В. Шубинский «АЗЕФ»
И. Суриков «САПФО»
З. Прилепин «НЕПОХОЖИЕ ПОЭТЫ»
Д. Олейников «АВРААМ ЛИНКОЛЬН»
Н. Долгополов «ЛЕГЕНДАРНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ»
В. Устинов «РИЧАРД III»
Г. Чернявский, Л. Дубова «ЭЙЗЕНХАУЭР»
Р Кузнецова «КУРЧАТОВ»

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ: МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

Б. Мейер-Стабли «ОДРИ ХЕПБЁРН»

И. Фаликов «БОРИС РЫЖИЙ»

М. Лебуше «БАХ»

Г. Субботина «МАРСЕЛЬ ПРУСТ»

И. Левина, Д. Володихин «ПЕТР И ФЕВРОНИЯ»

В. Емельянов «ГИЛЬГАМЕШ»

М. Бондаренко «МЕЦЕНАТ»

В. Десятерик «ИВАН СЫТИН»

Р. Труссон «ЖАН-ЖАК РУССО»

М. Кушников «ОЛЬГА ЧЕХОВА»

notes

Примечания

В прижизненных документах и в первые годы после смерти герцога его фамилию писали по-русски «Ришелье», с «е» на конце. В Сборнике Императорского Русского исторического общества за 1886 год написание изменено на «Ришельё». В данной книге используется второе написание, более соответствующее французской фонетической традиции. Исключение сделано для цитируемых исторических документов и для производных названий (Ришельевская улица, Ришельевский лицей).

Аронович переплетал книги из домашних библиотек Гурьева, Ланжерона и профессоров Ришельевского лицея (см.: *Губарь О.* Очерки ранней истории евреев Одессы. Одесса: В МВ, 2013).

Алкивиад (450–404 до н. э.) — древнегреческий стратег, полководец и флотоводец; обладая красивой внешностью, в юности вел беспорядочную жизнь, состоявшую из кутежей и оргий.

В некоторых источниках XIX века указывается, что Арман Эммануэль родился в Бордо, однако современными исследованиями это не подтверждается.

У этой картины есть несколько названий, самое употребительное — «Чай по-английски у принца Конти». «По-английски» — значит без слуг.

Революция во Франции спровоцировала восстание в Брабанте. Пруссия, угрожая Австрии войной, потребовала немедленно заключить мир с Османской империей на условиях статус-кво и передать Речи Посполитой часть Галиции, чтобы та уступила Пруссии Гданьск и Торунь. Однако Берлину пришлось отказаться от своих планов из-за отсутствия поддержки со стороны Великобритании и Нидерландов. В обмен на обязательство Австрии «приложить усилия» к восстановлению мира с Турцией Пруссия обязалась содействовать восстановлению австрийского господства в Брабанте и Льеже.

Лансон — одно-или двухмачтовое парусно-гребное промысловое или каботажное судно.

Перевод Т. Г. Гнедич.

После взятия Измаила Суворов назначил Кутузова комендантом крепости.

В документах встречаются различные даты поступления герцога де Ришельё в Тобольский пехотный полк и производства его в полковники. В послужном списке штаб-офицеров Тобольского пехотного полка от 22 апреля 1792 года значится, что он был произведен в полковники 23 февраля этого года, а время поступления в полк не указано. В послужных списках штаб-офицеров Тобольского пехотного полка от 21 июня и 23 августа имеется запись, что он был произведен в полковники и поступил в полк 23 февраля того же года. В приложенной к рапорту о состоянии людей и лошадей в Тобольском пехотном полку от 22 апреля 1792 года ведомости о числящихся на 21 июня в полку сверх комплекта офицерах и в списке офицеров полка от 1 мая 1795 года значится, что он был причислен к полку полковником 22 марта 1792 года. В списке генерал-майоров по старшинству за 1797–1800 годы указано, что герцог де Ришельё был произведен в полковники 23 февраля 1792 года.

РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 971. Л. 117 об.-118.

Égalité — равенство (фр.).

Во время революции Шуазеля-Гуфье назначили послом в Лондон, однако он не уехал из Константинополя и год держал оборону в здании посольства, несмотря на приезд своего преемника. Его имущество на родине было конфисковано, а секретные службы перехватили его переписку с графом Прованским. Поскольку Шуазель выступал посредником при заключении мира между Россией и Портой, он рассчитывал на милостивый прием в Петербурге. К тому же он был членом Французской академии и прославился трудом «Живописное путешествие по Греции».

Эти отчеты не сохранились: оригиналы сгорели во время пожара в Одессе в 1812 году, а копии, чтобы не попали в руки австрийцам, были уничтожены.

Первый раздел состоялся в 1773 году. 23 января 1793 года Россия и Пруссия подписали конвенцию о втором разделе, которая была утверждена на Гродненском сейме. Россия получила белорусские земли по линии Динабург — Пинск — Збруч, восточную часть Полесья, Подолье и Волынь (250 тысяч квадратных километров и четыре миллиона жителей). Власть Пруссии распространялась на Гданьск (Данциг), Торунь (Торн), Великую Польшу, Куявию и Мазовию, за исключением Мазовецкого воеводства.

Здесь и далее цитируемая частная и деловая переписка Ришельё с русскими корреспондентами переведена с французского.

Почему он «Осипов сын», для нас загадка: отца Армана звали не Жозеф, а Луи Антуан Софи.

Позже в этом здании открылось кафе Веллони, а с 1800 по 1839 год там помещались самые престижные меблированные комнаты в столице — Гранд-отель Ришельё. Потом особняк был разрушен, сохранился только Ганноверский павильон, восстановленный в 1930 году.

В России тогда использовался юлианский календарь, в Европе — григорианский. В письмах русским друзьям и в должностных записках Ришельё ставил только одну дату — по юлианскому календарю, в письмах из России французским родственникам и друзьям, находившимся за границей, — две: по юлианскому и, в скобках, по григорианскому календарям.

В 1808 году, рекомендуя эту пару своей мачехе герцогине де Ришельё, Арман напишет: «...у него (Кочубея. — *Е. Г.*) очень любезная, нежная и добрая жена, которую я знаю с детства. Утверждали даже, что мы с нею сильно похожи, да будет сказано без хвастовства».

Лагарп был членом Директории Гельветической республики, провозглашенной в 1798 году на территории современной Швейцарии.

Павел награбил Ришельё орденами Святой Анны 2-й степени (1798) и возвел в командоры Мальтийского ордена (1799).

РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2108. Л. 2 об.-3.

В придворных кругах уже давно вызревала мысль о том, чтобы похитить императора и заставить его отречься в пользу цесаревича Александра. Сообщником Панина был де Рибас, который уговорил примкнуть к заговору генерал-губернатора Санкт-Петербурга генерала Н. С. Свечина. Однако де Рибас умер 2 декабря 1800 года, терзаясь угрызениями совести и отрекшись от этих планов. Ришельё тоже не одобрял цареубийства и много позже, в 1814 году, когда участник заговора Л. Л. Беннигсен был проездом в Одессе, не захотел его видеть.

Duc — герцог (*фр.*).

Павел подарил Шуазелю земли в Литве и назначил в 1797 году главным директором Императорских библиотек, а затем президентом Императорской академии художеств. В начале 1800-го графа отстранили от службы и выслали в его литовское имение. Александр I просил Наполеона через А. Коленкура вычеркнуть Шуазеля-Гуфье из списка эмигрантов и вернуть ему всё имущество. Его старший сын Октав остался в России.

Амадис Гальский, герой одноименного романа Гарсия Родригеса де Монтальво, изданного в 1508 году в Сарагосе, странствует по Германии, оказывает важную услугу богемскому королю и с почетом вступает в Константинополь, одолев чудовище, в которое вселился дьявол. Именно Амадис послужил образцом для Дон Кихота.

Циклы полотен «Четыре стихии» Клода Дерюэ из кабинета королевы и «Восемь евангелистов и восемь Отцов Церкви» Мартена Фремине, изначально предназначавшиеся для Фонтенбло, попали в музей Орлеана. Картины Перуджино, три «Вакханалии» Никола Пуссена и две скульптуры Микеланджело — «Восставший раб» и «Умирающий раб» — достались Лувру. Туда же попала мраморная мозаичная столешница парадного стола, одно время украшавшего салон перед «галереей королевских сражений». В Туре сохранилось восемь из двадцати картин, посвященных царствованию Людовика XIII, находившихся в этой галерее.

Арман по мере возможности посылал подарки мачехе и сестрам, однако, как утверждают, оставил без ответа просьбы о вспомоществовании маршальши де Ришельё, которая после недолгого пребывания в эмиграции купила замок де Фромонвиль под Парижем.

В 1795 году денежной единицей Французской республики стал франк, заменив собой ливр из расчета $1 \text{ франк} = 1 \text{ ливр } 3 \text{ денье}$. Денье — $1/240$ ливра, так что франк и ливр практически равноценны.

В письме послу Франции в России генералу Эдувилю от 6 апреля 1803 года Талейран разрешил Ришельё временно остаться на российской службе при условии, что он объявит себя французом и даст согласие вернуться на родину по первому зову.

Указ Правительствующему сенату от 27 января 1803 года.

В тени дома (*ut.*).

Среди учеников были представители разных конфессий. Оставаясь католиком, Ришельё тем не менее посещал и православные храмы.

Цит. по: *Третьяк А. Граф Рошешуар // Дерибасовская-Ришельевская: Одесский альманах. Кн. 30. Одесса: Печатный дом, 2007.*

РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 1. Л. 37 об.-38.

Ришельё писал название местечка как *Oursouf* (Урзуф), вероятно, разделяя мнение, что оно происходит от лат. *Ursus* (фр. *ours*) — медведь, тем более что рядом находится Аюдаг — Медведь-гора.

В феврале 1810 года Александр I прислал Ришельё орденский знак с бриллиантами.

Павел Дмитриевич Цицианов (1754–1806) — русский генерал из рода грузинских князей Цицишвили. 11 сентября 1802 года был назначен главнокомандующим в присоединенной (1801) Восточной Грузии. В начале 1806 года осадил Баку и добился от Хусейн-Кули-хана обещания передать крепость русским. 8 февраля должна была состояться церемония сдачи. Когда Хусейн-Кули вручал ему ключи от города, один из приближённых хана внезапными пистолетными выстрелами убил Цицианова и одного из двух его сопровождающих. Голову Цицианова Хусейн-Кули отослал персидскому шаху. Потеряв командира, небольшое русское войско вынуждено было отступить.

...его величество. — «Какое величество? — Короля Одессы» (*ит.*).

Александр Станиславович Потоцкий (1798–1868) — старший сын Софии Константиновны от второго брака, любимец матери, получил в наследство Умань и парк. Участвовал в Польском восстании (1830–1831), после его поражения эмигрировал в Италию. Всё его имущество было конфисковано, в том числе Софиевка, которая была переименована в «Царицын Сад» и подарена императором Николаем I своей супруге.

В 1769–1786 годах ассигнационный рубль практически равнялся серебряному, в 1795–1807 годах колебался в пределах 65–80 серебряных копеек, а в 1811-м не достигал 26 копеек серебром.

В дальнейшем в театре играла труппа крепостных актеров и музыкантов князя А. А. Шаховского, силами которой была, в частности, поставлена популярная тогда опера М. М. Соколовского на либретто А. О. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват». Первое представление этой оперы в Одессе состоялось в 1804 году; актерам помогали солдаты.

Казимир Альфонс Гибш фон Гросталь — генеральный консул Дании в Константинополе.

Жюст Флоримон де Датур-Мобур — французский поверенный в делах в Константинополе.

Имеется в виду Арман Огюстен Луи де Коленкур, герцог Виченц-ский (1808), тогдашний посол Франции в Петербурге.

Записки Анастасии Дмитриевны Ризо // Из прошлого Одессы:
Сборник статей / Сост. Л. М. де-Рибасом. Одесса, 1894.

В России чеканились дукаты по образцу голландских, в частности, во время Русско-турецкой войны, для выплаты жалованья военным, чтобы избежать потерь при обмене денег. В Австрийской империи продолжали чеканить флорины, хотя основной монетой Священной Римской империи германской нации был талер. Военные расходы австрийского правительства вызвали инфляцию и обесценивание флорина. Если в 1799 году надбавка при обмене банкнот на звонкую монету составляла восемь процентов, то в 1809-м — 196 процентов. В 1811 году за 100 флоринов серебром давали 833 флорина ассигнациями.

«Позавчера он сидел в этом вольтеровском кресле». — «Прикажете скорее вынести эту мебель. Опируя бубон, он поранился и сегодня утром умер от чумы; это большая потеря, только бы не было у нас еще более чувствительных; я рекомендую вам в качестве врача Карузо, он очень искусный грек» (фр.).

На самом деле в состоявшемся 8–9 сентября сражении под Можайском в авангарде И. Мюрата было ранено три французских генерала. Зато в предшествующем Бородинском сражении Великая армия потеряла 49 генералов, 37 полковников и 28 тысяч прочих чинов (6547 убитых и 21 453 раненых). Когда инспектор смотров Антуан Денье доложил эти цифры маршалу Бертье, тот приказал хранить их в секрете, поскольку они слишком отличались от официальных данных, опубликованных Наполеоном.

У Ришельё опять неверные сведения: в сражении при Полоцке, состоявшемся 17–18 августа, маршал Никола Шарль Удино (1767–1847) был не убит, а тяжело ранен и вынужден сдать командование Лорану де Гувьон Сен-Сиру. Едва поправившись, он вернулся в строй и снова был ранен при переправе через Березину. Всего за свою военную карьеру он получил 34 раны — пулевые и сабельные, однако прожил долгую жизнь.

В сражении при Кёнигсварте Ланжерон со своим корпусом отбил у неприятеля пять орудий и взял в плен четверых французских генералов и 1200 нижних чинов.

Вы видите, мадам, что мои маленькие ученики делают мне честь (*фр.*).

«Он очень умен, проницателен, вкрадчив, со всеми вежлив, даже слегка иезуитствует. У него все качества, нужные для придворного представительства и надувательства публики. Он одинаково блистал бы и при дворе Людовика XV, и в Якобинском клубе», — отзывался о Штакельберге Ф. В. Ростопчин (Русский архив. 1878. Вып. 1–4. С. 296).

Это утверждение, впрочем, следует отнести к разряду комплиментов. Мид был очень предан лорду Каслри и одним из первых пришел выразить соболезнования его вдове, когда тот покончил с собой в августе 1822 года; именно Мид добился, чтобы Каслри похоронили в Вестминстерском аббатстве. С другой стороны, Шатобриан распускал слухи, что Ричард Мид, сделавший успешную дипломатическую карьеру, был сыном герцога де Ришельё; леди Элиотт считала их нелепыми.

Королевские мушкетеры, входившие в военную свиту монарха, составляли две роты и назывались «белыми» и «черными» по масти своих коней; подразделение было восстановлено 6 июля 1814 года.

Орден был основан Генрихом III в 1578 году. Туда принимали только самых знатных особ. Кавалеров ордена было всего 100 человек, они носили крест с изображением голубя (символа Святого Духа) в центре и королевскими лилиями по углам на голубой муаровой ленте через плечо.

Двадцатого ноября 1815 года, узнав об этом, Ян Потоцкий, бывший резидент Одессы, застрелился в своем имении Уладовка под Винницей.

См.: Revue britannique. T. 12. Série IV. Paris, 1837. P. 198.

В последний раз фронтон переделали после Июльской революции 1830 года: Жан Пьер Корто изобразил на нем Францию, стоящую перед троном вместе с Силой и Справедливостью и призывающую элиту творить законы.

Рекетмейстер (*maitre des requetes*) — статс-секретарь, на заседаниях Королевского совета под председательством канцлера докладывавший о прошениях и жалобах, поданных частными лицами на высочайшее имя.

Габриэль Жюльен Уврар (1770–1846) — крупнейший французский финансист. Малограмотный выходец из рабочей среды уже в 19 лет проявил себя гением спекуляции. В период Директории он обогатился на колониальной торговле и военных поставках, контролировал три торговых дома и банк. Наполеон неоднократно сажал его в тюрьму — по подозрению в финансовых махинациях и за долги, а также за тайные переговоры о мире с Англией, которые тот вел при поддержке Луи Бонапарта и Жозефа Фуше для поддержания своей морской торговли. Казначейство выставило ему счет на 141 миллион золотых франков. Во время похода Наполеона в Россию Уврар получил подряд на поставку обуви для армии, однако присланные им сапоги оказались с картонными подошвами и не из кожи.

По достигнутому военному соглашению все иностранные войска сверх оккупационных контингентов должны были покинуть Францию в течение двадцати дней после подписания мирного договора. На практике этот процесс займет гораздо больше времени. Пруссакки уходить не торопились. 15 декабря французский король попросит герцога Веллингтона вывести, наконец, чужестранные войска из Парижа. Последние английские солдаты покинут французскую столицу только в конце января 1816 года.

Впервые в истории несколько членов Французской академии были оттуда изгнаны и заменены назначенными королем. В память о кардинале Ришельё, стоявшем у истоков Академии, его правнук занял 32-е кресло вместо Антуана Венсана Арно (1766–1834) — поэта, баснописца и драматурга, в 1814 году примкнувшего к Бурбонам, но исполнявшего обязанности министра просвещения во время Ста дней. Ордонанс о его изгнании из страны был подписан 21 марта 1816 года; на следующий год Академия в знак симпатии объявила подписку на произведения Арно, издававшиеся в Бельгии. 3 марта 1818-го Ришельё обратился к королю с просьбой вернуть писателя на родину. В следующем году это возвращение состоялось, а еще через десять лет Арно был вновь избран в Академию. В 1816 году Ришельё будет избран «вольным общником» Академии изящных искусств и 22 апреля произнесет речь на ее первом заседании.

Если верить А. Н. де Рибасу, у современников сложилось следующее мнение об Александре Федоровиче: «храбрый генерал, добрый правдивый человек, но рассеянный, большой балагур и вовсе не администратор».

Виктор Гюго упоминает о нем в романе «Отверженные».

В марте 1808 года в Аранхуэсе, загородной резиденции испанской королевской семьи, наследный принц Фердинанд, опираясь на поддержку военных, заставил отречься от трона своего отца Карла IV и арестовал дон-Годоя, фаворита своей матери Марии Луизы Пармской, который фактически определял политику Испании. Король и королева обратились за помощью к Мюрату, а Фердинанд VII — к Наполеону. В итоге французский император отстранил от власти всех Бурбонов и посадил на испанский трон своего брата Жозефа Бонапарта, которому, впрочем, пришлось завоевывать престол, потопив в крови народное восстание.

Исторически по цвету мундиров лейб-гвардия короля — его личная охрана — называлась «синей свитой», а гвардия и мушкетерские роты — «красной свитой».

«Закон Ленэ» от 5 февраля 1817 года вводил прямые выборы и предусматривал ежегодное обновление палаты депутатов на пятую часть, что открывало путь в парламент либеральной буржуазии. Согласно «закону Ленэ», в каждом департаменте должна быть лишь одна коллегия выборщиков, состоящая из всех избирателей данного департамента, которые голосуют в главном городе. Если количество избирателей превышало 600 человек, коллегия делили на секции. Таким образом, первичные собрания выборщиков проводились уже не по округам, где на них могли оказывать давление местные аристократы и духовенство, а в крупных городах, где они подпадали под влияние префектов. Кроме того, поездка на выборы, длившиеся несколько дней, доставляла определенные неудобства помещикам, обычно голосовавшим за роялистов, тогда как у городской буржуазии, голосовавшей за либералов, таких проблем не возникало.

Мари Анна Ленорман (1772–1843) — известная французская гадалка и прорицательница, якобы предсказавшая казнь Людовика XVI, падение Наполеона и Реставрацию Бурбонов. Ее услугами пользовалась, в частности, Жозефина Бонапарт. Во время конгресса Ленорман приехала в Ахен, где ее удостоили своим посещением Александр I и другие государи. В 1819 году она опубликует книгу «Сивилла на Ахенском конгрессе» с изложением идей, не согласовавшихся с новой политикой европейских правительств, что навлечет на нее обвинения в шпионаже.

Отправь мудреца и ничего не говори (*лат.*).

Перевод В. Дмитриева. В оригинале народы перечисляются следующим образом: француз, англичанин, бельгиец, русский, германец (по решению Венского конгресса Бельгия находилась в составе Нидерландов).

Герцог оставался владельцем своего «замка», хотя и не жил в нем, и содержал там полный штат прислуги. Более того, он как радушный хозяин разрешал всем путешественникам из высшего общества останавливаться в его доме (правда, зимой тот пустовал и не отапливался). В 1816 году там гостил младший брат Александра I великий князь Николай Павлович, впервые посетивший Южный берег Крыма. Конечно, отсутствие хозяйского глаза не преминуло сказаться. «На Южном берегу был всего один дом, и тот в развалинах, недостроенный, принадлежащий дюку Ришельё, и одна избушка генерала Бороздина», — говорится в «Дорожных письмах» С. А. Юрьевича.

Цивильный лист — часть государственного бюджета, предоставляемая в личное распоряжение монарха в случае, когда его личные расходы отделены от государственных. Во Франции появился в 1790 году в подражание Великобритании и состоял из двух частей: ежегодных выплат, назначаемых государством на покрытие расходов короля (особая статья государственного бюджета), и движимого и недвижимого имущества, в основном королевских резиденций.

До революции аббат Грегуар (1750–1831) вел большую просветительскую работу среди крестьян своего прихода. Избранный в Учредительное собрание, он настаивал на отмене дворянских привилегий, ратовал за эмансипацию евреев, дарование гражданских прав в колониях свободнорожденным неграм и мулатам и постепенную отмену рабства. В Конвенте он отстаивал право народа судить короля как своего первого слугу, но тогда же внес предложение об отмене смертной казни. За казнь Людовика XVI он не голосовал. По его инициативе были учреждены Консерватория искусств и ремесел и Национальный институт. При Бонапарте Грегуар был одним из пяти сенаторов, возражавших против провозглашения империи. После Реставрации он опубликовал работу «О французской конституции 1814 года», в которой указывал на недостатки Хартии. Его избрание депутатом от Гренобля в 1819 году стало возможным из-за демарша ультрароялистов, отказавшихся поддержать правительственного кандидата в знак протеста против закона о выборах. Кандидатуру Грегуара поддерживали комитет либеральной партии и газета «Цензор». Шатобриан писал в «Консерваторе»: «Зло — в законе, который коронует не кандидата-цареубийцу, а мнение сего кандидата, в законе, с помощью которого можно изыскать 512 выборщиков, решивших послать к Людовику XVIII судью Людовика XVI». Стендаль же, голосовавший за Грегуара, называл его «самым честным человеком во Франции». Тем не менее его избрание вызвало шок, центристы сомкнулись с правыми. Новая парламентская сессия открылась 29 сентября; с 6 декабря дебаты шли только о том, как исключить из палаты Грегуара. Либералы тщетно пытались уговорить его уйти добровольно. В конце концов за его исключение проголосовали почти единогласно — против был подан всего один голос.

Право голоса получали те, кто платил не менее 300 франков прямых налогов — земельного, на движимое имущество, на экономическую деятельность, на двери и окна (первые три были введены Законодательным собранием, последний — Директорией в 1798 году, им облагались владельцы недвижимости, а уплачиваемая сумма зависела от количества и размера окон и дверей; он будет отменен только в 1926 году).

Участие в Наполеоновских войнах никак не сказалось на карьере Жюмилака: 16 марта 1815 года Людовик XVIII в память о его былых заслугах отдал под его командование 16-ю дивизию в департаменте Нор, а позже военный министр Гувион-Сен-Сир назначил его главным инспектором кавалерии. Своим поведением во время оккупации маркиз снискал всеобщее уважение и получил военные награды Саксонии и Дании. 20 марта 1820 года он стал офицером ордена Почетного легиона, а 18 мая — его командором.

Имеются в виду покушение на Наполеона с помощью «адской машины» в 1800 году, заговор Жоржа Кадудалья и Моро в 1804-м, попытка захвата власти генералом Клодом Франсуа Мале в октябре 1812-го, когда Наполеон находился в России.

Бартоломей де Лас-Казас (1474–1566) — испанский миссионер и защитник индейцев. Провел в Вест-Индии около сорока лет в качестве священника и за это время не менее шести раз переплыл Атлантику, чтобы ходатайствовать перед правительством Карла V об облегчении участи индейцев.

В октябре 1820 года австрийский министр иностранных дел созвал конференцию Священного союза в Троппау, на которой военное вторжение в Неаполь было признано законным (Ришельё не мог там присутствовать из-за дел, а Караман наделал много оплошностей); в январе 1821-го неаполитанского короля официально пригласили на конференцию в Любляне, где было принято решение о вооруженном выступлении против революционеров, провозгласивших конституцию в Королевстве обеих Сицилий. В марте конституционалисты были разбиты, и австрийцы вступили в Неаполь. Фердинанд IV отменил конституцию, начались репрессии. Впоследствии ультралибералы корили Ришельё за оставление итальянских революционеров на произвол судьбы, а ультрароялисты — за неучастие в подавлении восстания.

Поскольку смерть наступила в середине ночи, часто указывается дата 4 (16) мая.

Ланжерон навлек на себя немилость императора своим проектом отмены Табели о рангах, поданным в 1818 году, и два года спустя был вынужден оставить должность одесского градоначальника, а в мае 1823-го в должности новороссийского генерал-губернатора его сменил граф М. С. Воронцов.

РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 6. Л. 33 об.-34.

Датировка событий, происходивших в России, дается по юлианскому и григорианскому календарям, а за ее пределами — по григорианскому.